

Куив Макдоннелл

Человек с одним из многих лиц

Глава первая

— Ты помнишь Алана из Клэра, одного из кузенов твоего отца?

— А должен?

— Конечно! Две собаки, один глаз, ни разу не был женат... Он приезжал к нам пару раз, когда ты был маленьким.

— Ну да...

— Умер! Скончался от инфаркта, упокой, Господи, его душу. Я прочитала в газете на прошлой неделе.

Прежде Пол не замечал, до чего холодны руки пожилых. Но когда хрупкие пальцы его потрогали, словно желая убедиться в том, что он действительно существует, он не смог не обратить на это внимания. Честно говоря, теперь ему было трудно думать о чем-то еще.

— Сердечный приступ случился, когда он принимал ванну, — продолжила она. — Думаю, дело в этих модных солях для ванн. Кто знает, чего они туда подсыпают...

Пол кивнул, выразив малую толику согласия, необходимого ей, чтобы не застрять в той мысленной колее, в которой бродило ее сознание.

Но разве не трупы должны холодеть? В детстве Барри Доддс рассказал ему, что однажды на поминках уронил на себя тело своей бабушки, и это было все равно что оказаться погребенным под дюжиной замороженных индеек. Между прочим, он еще говорил Полу, что трогать женскую грудь — это как щупать жареную курицу. Очевидно, парень был одержим домашней птицей...

— Такой молодой... Ему ведь было всего...

Маргарет умолкла и стала смотреть в потолок, пытаясь сложить сумму, для которой у нее явно не доставало цифр.

Интересно, дети действительно очень теплые? Возможно, мы начинаем жить в виде крошечного инферно из кипящей энергии и со временем остываем до температуры трупа?

Размышления Пола о детях были чисто умозрительными. Несмотря на двадцать восемь прожитых лет, ему еще не доводилось держать их в руках.

Уже в который раз пластинку в голове Маргарет заело.

— Я беседовала с женщиной из Данбойна, что лежит в соседней палате. Она сказала, что Дублином теперь управляют Триады.

— Неужели?

— Об этом писали в «Геральд», — доверительно сообщила Маргарет. — В наше время от китайцев проходу нет! Я вообще не понимаю, что происходит. Ты бы не выходил из дома по вечерам.

— Я слышал, многие из них носят мечи.

— Серьезно?!

— Ага. Они обожают рубить головы и всякое такое...

Он уже собрался проиллюстрировать свои слова пантомимой, как вдруг за спиной раздалось многозначительное покашливание. И ведь что характерно: сорок пять минут кивания и вежливых хмыканий, но как только речь зашла об обезглавливании — сестра Бриджит тут как тут. Она стояла у дверного косяка, скрестив руки, и смотрела на него осуждающим взглядом.

— Как у вас дела? — спросила она, войдя в палату.

— Великолепно, — ответил Пол. — Болтаем без умолку.

— Это мой Гарет, — сказала Маргарет, указав на Пола.

— Знаю, Маргарет. Мы с ним встретились, когда он заходил в больницу.

Маленькое морщинистое лицо Маргарет озарилось гордостью.

— Он адвокат, — просияла она. — Летает по всей Европе. На прошлой неделе ездил в командировку в Брюссель.

— Подумать только!

Маргарет машинально наклонилась вперед, чтобы Бриджит смогла взбить ее подушки.

— Как здорово, что он нашел время навестить бабушку, — сказала Бриджит.

— Маму, — поправил Пол.

— Да, он мой...

Старуха вдруг замолчала и недоуменно уставилась на Пола, пытаясь разглядеть его сквозь туман старости и угасающих воспоминаний. Полу показалось, что он услышал тошнотворный скрип, словно под ним затрещал лед, готовый вот-вот лопнуть.

Закончив поправлять подушки, Бриджит хлопнула в ладоши. Резкий звук отвлек Маргарет, и на ее губы вернулась улыбка. Пол слегка расслабился.

— В следующий раз, — сказала Бриджит, — пусть приходит днем, и тогда вы вместе прогуляетесь на свежем воздухе — если, конечно, физиотерапевт будет не против.

Она выразительно посмотрела на Пола, явно ожидая, что он пропустит слова мимо ушей и не клюнет на приманку.

— Да, это было бы здорово, — сказал он, улыбнувшись Бриджит со своего места у кровати.

Пышная грудь медицинской сестры идеально сочеталась с сердитым выражением лица. Честно говоря, она была вполне недурна собой: на пару лет старше Пола, коротко подстриженные каштановые волосы, сносная фигура. Конечно, у нее был не «тот лик, что тысячи судов гнал в дальний путь»[1], но в очереди за продуктами она, безусловно, привлекла бы к себе внимание.

Бриджит говорила с довольно сильным сельским акцентом, но Пол, как типичный дублинец, ни за что бы не догадался, в какой местности она росла. Кроме того, ее тело излучало характерную «фермерскую силу». Нет, она не была ни толстой, ни мускулистой, скорее жесткой, что как бы намекало на способность завалить корову, если вдруг возникнет такая необходимость.

— Но сейчас довольно сыро, — робко возразила Маргарет.

Пол взглянул на Маргарет и еще раз поймал ее лучезарную улыбку.

— Да, мам, — сказал он, возвысив голос, чтобы она его расслышала. — Очень важно, чтобы ты продолжила заниматься физиотерапией, и тогда мы точно поставим тебя на ноги. А там, глядишь, и по ночным клубам пройдемся.

— О, Гарет, ты невыносим, — усмехнулась Маргарет. — Вы бы не спускали с него глаз, сестра.

— Наверное, придется...

Пол попрощался и легонько чмокнул Маргарет в лоб. Снова это холодное липкое ощущение. Против воли он вспомнил, как нюхал утром ветчину, чтобы определить ее свежесть. Кажется, несколько ближайших дней ему придется завтракать одними тостами с сыром.

Выйдя в коридор, он принялся нащупывать в кармане мобильник, как вдруг его ударили по затылку свернутым в трубочку журналом «Вуменс уикли». Не настолько сильно, чтобы причинить боль, но и на заигрывание удар не походил.

— Это еще за что? — спросил он.

— А ты догадайся.

— Спокойно! Старики обожают слегка пощекотать себе нервы.

— Легко сказать. Тебе же не приходится их успокаивать, когда они вдруг решают, что китаянка, выносящая медотходы, приторговывает наркотиками.

— А ты уверена, что она этого не делает?

— Поверь мне, я у нее спрашивала.

— Что ж, — сказал Пол, взглянув на телефонные часы. — Прошло три часа семь минут, так что не могла бы ты расписаться в моем листе и...

Бриджит неловко переступила с ноги на ногу.

— Я хочу, чтобы ты нанес еще один визит...

— Три часа семь минут, — повторил Пол так, будто Бриджит его не расслышала. — Плюс два часа пятьдесят восемь минут визитов, которые я сделал в понедельник. Итого шесть часов пять минут. Лишних пять минут, которые вы уже получили с меня бесплатно.

Бриджит бросила на него смущенный взгляд. Пол увидел, как борется в ней вопрос, который она хотела задать, с просьбой об одолжении, в котором она нуждалась. Наконец просьба победила, и Бриджит слегка смягчила тон. Кажется, вежливость ей давалась нелегко.

— Пожалуйста, всего одно посещение. Там, наверху, в отдельной палате лежит старик...

— Был бы рад помочь, — солгал он, — но мне нужно успеть на автобус.

Про автобус он сказал правду. «Форд-Кортина» двоюродной бабушки Фиделмы, переживший Берлинскую стену, «Конкорд» и Нельсона Манделу, четыре недели назад внезапно испустил дух на скоростной трассе М50, и у него не нашлось свободных денег, чтобы вернуть его в строй. Мало того, пришлось потратить весь доход за прошлый месяц и половину заначки лишь на то, чтобы убрать сломанную машину с дороги.

— Ты так и живешь на Северной круговой? — спросила Бриджит.

— Ага.

Она сделала паузу, явно взвешивая все в уме.

— Одно посещение, и я подброшу тебя до дома. Моя смена заканчивается через час. Договорились?

Ну, это лучше, чем морозить задницу на автобусной остановке, плюс останется 3,30 евро на пополнение заначки.

— Ну хорошо, — ответил он. — Но только без этого всякого. А то я знаю вас, медсестер.

Бриджит закатила глаза.

— Постараюсь держать себя в руках.

Он вопросительно помахал сигаретами. Она скорчила одно из своих бесконечных неодобрительных выражений, но потом кивнула, приглашая следовать за собой.

Бриджит с размаху открыла пожарную дверь, и Пол прошел мимо нее на холодный ноябрьский воздух. Было достаточно свежо, чтобы захотелось надеть пальто, оставленное в комнате для персонала, но не настолько, чтобы тащиться за ним в такую даль. Он удивился, когда она вышла следом и встала рядом с ним, обхватив себя руками и переступая с ноги на ногу.

— Твою ж мать... — вздохнула она.

— Тебе не кажется странным, что не так давно в больницах разрешалось курить?

— Ага, — вздохнула Бриджит. — Добрые старые времена, когда люди просто умирали.

Вытягивая предпоследнюю сигарету, он заметил взгляд Бриджит, задержавшийся на пачке. Тогда он протянул пачку ей.

— Здесь последняя.

— Не переживай, у меня их полно.

Формально это было правдой. Полгода назад он приобрел двадцать пять пачек по двадцать сигарет у Подрига за восемьдесят евро и приучил себя выкуривать по одной сигарете в день. Он уже подумывал бросить окончательно, но в этом случае она победит. А он пока не был к этому готов. Тем не менее три евро тридцать центов, сэкономленные на автобусе, за вычетом шестнадцати центов за одолженную сестре Конрой сигарету всё еще позволяли ему выгадать 3,14 евро на сделке.

Бриджит прикурила сигарету, обхватив ладонями его зажигалку.

— Благодарю.

Они одновременно затянулись и взглянули на свои тени, вытянувшиеся по ухоженным лужайкам хосписа под безжизненным светом люминесцентных ламп.

— Можно задать вопрос? — спросила Бриджит.

Он слегка напрягся, зная, что последует дальше.

— Ну почему люди всегда так говорят? Во-первых, ты уже спросила, а во-вторых, никто никогда не принимал «нет» в качестве ответа.

— Эй, не надо так бурно реагировать. Я просто поддерживаю разговор.

Она стряхнула пепел в водосток и еще крепче обхватила себя руками. Оба сделали по очередной затяжке, молчаливо согласившись с тем, что он повел себя как мудака.

За чугунной оградой на противоположной стороне улицы Пол заметил лису. В свете уличных фонарей она то появлялась, то исчезала на тротуаре.

Наконец он нарушил молчание:

— У меня специфическое лицо.

— Что? — не поняла Бриджит.

— Ты же это хотела спросить? Как мне удастся делать то, что я делаю?

— Да, но...

— А теперь, — перебил он, — ты скажешь, что хотела спросить не только об этом.

— Ты еще и мысли читать умеешь?

Повернувшись, Пол посмотрел ей в глаза.

— Окей. Я тебя слушаю.

— Ну да, Шерлок, ты совершенно прав. Это то, что мне хотелось узнать. Но ты не можешь обладать «специфическим лицом» — оно у каждого свое. И в твоём нет ничего особенного. Без обид.

— Ты всерьез считаешь, что, сказав «без обид», ты волшебным образом делаешь свои слова безобидными?

Впрочем, она права. В его лице не только не было ничего особенного, но даже наоборот — оно было совершенно типичным. Рост около ста восьмидесяти сантиметров[2], голубые глаза, каштановые волосы. Он был абсолютно заурядным человеком — в этом все и дело. Средний во всем, с самыми распространенными чертами лица. У него не было ни единой приметы, которую можно было бы назвать «особой». Каждая черточка его физиономии являла собой непревзойденный шедевр заурядности, эстетическое воплощение незапоминающейся посредственности. Но вместе они складывались в оркестр, способный воспроизвести лицевую музыку богов.

— При этом, — продолжила она, — Маргарет думает, что ты ее внук...

— Сын, — поправил Пол.

— Точно. Старый Донал, лежащий дальше по коридору, считает тебя молодым парнем его соседки. А миссис Джеймсон решила, что ты...

— Я не уверен, — перебил Пол, — но мне показалось, что она принимает меня за дворецкого.

— Честно говоря, она со всеми обращается как с прислугой. На прошлой неделе допытывалась у меня, хранится ли ее судно отдельно от остальных. Эта женщина всерьез считает, что ее дерьмо не воняет.

Пол улыбнулся. Миссис Джеймсон в самом деле проявляла великосветские замашки.

— Я хотела спросить, — сказала Бриджит, — зачем ты притворяешься тем, кем на самом деле не являешься?

Пол пожал плечами.

— Наверное, так проще, — он нисколько не лукавил: пусть это и не вся правда, но он ответил честно. — Пациенты, к которым приглашает меня больница, уже старые, с мерцающим сознанием. Ты видела, на что это похоже, когда люди навещают родственников, страдающих деменцией или чем-то таким?

— Это нелегко, — кивнула Бриджит. — Им приходится беседовать с родным человеком, который их не узнает. Душераздирающее зрелище. Со временем визиты к таким пациентам становятся все реже, поскольку от них одно расстройство.

— Именно. Старики помнят достаточно, чтобы заключить, кто перед ними. Поэтому, когда я вхожу и говорю «привет»...

— Ты просто притворяешься кем угодно?

— Нет. Я просто соглашаюсь с тем, что они решают для себя сами.

— Но ты же другой человек.

— Знаю, но это не так уж сложно. Как поживает тот-то и тот-то? Неплохо. А эта — как-ее-там-с-радикулитом — еще жива? Вполне. Большую часть времени они с удовольствием говорят о своем, просто радуясь самой возможности поболтать. Если хочешь знать святую правду, у большинства людей всегда есть что сказать, но не так много того, что им хочется услышать.

Конечно, официально администрация больницы не одобряла такую деятельность, но вынужденно закрывала на нее глаза. Это, конечно, печально, но ощущение того, что одной ногой они еще стоят в прошлой жизни, делало пациентов счастливее, а значит (как иногда цинично думал Пол), и более управляемыми. К тому же для больницы его услуги ничего не стоили, а значит, были несопоставимо дешевле наркотиков.

Пол снова затянулся сигаретой, наслаждаясь ее контрафактным вкусом. Выдохнув и посмотрев через лужайку, он увидел, как лиса внимательно наблюдает за ним, вытягивая недоеденный сэндвич из урны возле газетных киосков. Лиса не походила на запуганное животное, готовое в любой момент дать стрекача. Это была дублинская лиса, чей взгляд как бы говорил: «Еда теперь моя. Попробуй ее отнять».

— Итак, — сказала Бриджит, — как ты докатился до того, что стал бабушкиным шептуном?

В последнее время его часто обзывали обидными прозвищами за его занятие. Но это, без сомнения, было самым милым.

— Несколько лет назад одна женщина... которая обо мне заботилась... — Полу не хотелось вдаваться в подробности, — ...серьезно заболела и попала в больницу Святой Екатерины. Она оказалась в одной из тех палат, ну... из которых есть лишь один выход.

Бриджит кивнула.

— Я довольно часто навещал ее, и однажды одна из соседок по палате — женщина в поздней стадии Альцгеймера — приняла меня за своего брата, уехавшего в Америку. Было понятно, что он уже никогда не вернется, но она хотела ему что-то рассказать. И тогда я...

— Прodelал свой трюк, — перебила Бриджит.

— Это не трюк!

Вздвогнув от внезапного гнева Пола, Бриджит умиротворяюще подняла руки.

— Извини.

— Меня попросили помочь, и я помог.

— А потом твоя слава распространилась по всей стране и...

— Типа того.

На самом деле ничего подобного, но ему не хотелось сейчас об этом говорить. На нем лежало обязательство шесть часов в неделю заниматься благотворительностью, поэтому дежурная медсестра по его просьбе сделала несколько нужных звонков. В конце концов, посещение пациентов — это работа в помещении и без подъема тяжестей.

Пол взглянул на Бриджит. Ее глаза, обращенные к затянутому тучами небу, явно перебирали целый список пунктов. Сестра была из тех, кто любит задавать дополнительные вопросы.

— А зачем ты отмечаешься в регистрационных листах? — спросила Бриджит. — Ты на условно-досрочном или приговорен к общественным работам? Что-то в этом роде?

— Нет, — ответил он, слегка пожившись от собственного голоса, в котором прорезались оборонительные нотки. — Меня даже ни разу не арестовывали, — солгал он. — Я просто люблю заниматься благотворительностью.

— И с каких это пор благотворители требуют расписываться в листах, подтверждающих, что они посещают больницу шесть часов в неделю?

Вместо ответа Пол бросил окурок в решетку водостока и вытащил из заднего кармана телефон.

— Нам лучше поторопиться, если ты хочешь, чтобы я навелит того старика.

— Да, конечно, — ответила Бриджит, слегка смущенная тем, что переступила черту.

Бросив сигарету, она затушила ее ногой, одновременно убрав волосы за ухо.

Пол посмотрел через дорогу. Лиса внимательно обнюхала добытый ею сэндвич, но вместо того чтобы съесть, подняла лапу и обдала его мочой. Животная экспертиза показала, что питаться этим нельзя.

Глава вторая

— Ты вообще меня слушаешь?

— Конечно.

Честно говоря, Пол не слушал.

Поначалу он пытался вникнуть в суть просьбы, но потом начал размышлять о дезинфекции. Почему в больницах так сильно воняет? Даже от медперсонала разит этой дрянью. По заплаканным людям в коридоре невозможно понять — то ли их дедушка отбросил коньки, то ли от мерзких паров у них просто слезятся глаза.

Бриджит остановилась перед одной из отдельных палат так резко, что пластиковые подошвы скрипнули по кафельному полу.

— Значит... — Пол небрежно указал на дверь. — Она здесь?

— Он! — ответила Бриджит. — Здесь он.

— Я знаю. Я имел в виду палату. Палаты женского рода, как всем известно.

— Вот жопа.

— Тоже женского. А твоя, должен заметить...

— Заткнись, — перебила она. — Итак, повторяю для тех, кто не слушал: этот джентльмен поступил к нам три недели назад, и с тех пор никто его ни разу не посетил.

— А он кого-то ждет? Родственников? Друзей?

— Без понятия, но он три-четыре раза в день спрашивает, не приходил ли кто к нему.

— Понятно, — ответил Пол. — Напомни, как его зовут?

Бриджит закатила глаза.

— Мартин Браун. Большую часть времени проводит под кайфом, но иногда очухивается. Характер у него далеко не мармелад. Вчера довел до истерики одну из наших практиканток.

— Здорово! — ответил Пол. — Звучит потрясающе.

Бриджит положила руку ему на плечо и понизила голос:

— Слушай, он, конечно, невыносим как заноза в заднице, но это ненадолго. Он насквозь изъеден раком. Насколько мне известно, он три года игнорировал все рекомендации и схемы лечения и теперь вернулся из Америки, чтобы умереть. Он совсем один — пытается примириться с неизбежным. Так что... ну, ты понимаешь...

Пол глубоко вдохнул, ощутив во рту привкус антисептика, и выдохнул.

— Ладно. Давай уже начинать...

Бриджит постучала в дверь и тут же ее открыла. Войдя внутрь, Пол услышал судорожный вдох из кислородной маски, после чего раздался низкий скрипучий голос:

— Ёб твою мать, это называется... — вдох. — ...стучаться? А если бы я дро...

— Я бы успокоила его ложкой. Нас учили этому на курсах медсестер.

— Ебучая п...

Пол расслышал еще несколько возмущенных вдохов.

— Ну-ну, мистер Браун, — сказала Бриджит, — давайте не будем тратить кислород, доказывая, что рыцарей больше не существует. К вам посетитель.

Пол медленно вошел в палату. Здесь было все, чему полагалось быть в современной больничной палате — чистой, аккуратной и бездушной. В дальнем углу напротив кровати стоял телевизор, беззвучно демонстрировавший повтор ситкома, который никого не заинтересовал даже при первом показе. Единственным подобием украшения в палате являлась картина с изображением Девы Марии, висевшая на противоположной от двери стене. Ее губы были поджаты, а голова наклонена, словно она испытывала искреннее беспокойство. Иисус, возможно, и умер за наши грехи, но только его мать готова выслушивать все наши оправдания.

Несмотря на тусклое освещение, Пол сразу понял, что болезненная фигура, полулежавшая на кровати, недолго протянет в этом мире. Для этого даже не требовалось быть доктором. Старик выглядел как бывший здоровяк, из которого выпустили весь воздух. Бледная рыхлая плоть обвисла так, словно на скелет надели костюм из кожи на несколько размеров больше. Куча проводов и трубок соединяла старика со множеством аппаратов вокруг кровати, созданных облегчать боль и продлевать страдания. Сколько ему лет, понять было сложно. Он достиг того этапа, когда время измеряется не числом отмеченных дней рождения, а днями или даже часами, оставшимися до конца. Худая рука старика поднесла к лицу кислородную маску. Он впился взглядом в

Пола и сделал неглубокий вдох. Во всем мире не нашлось бы достаточно антисептика, чтобы изгнать из этой палаты запах близкой смерти.

Бриджит взяла поднос с нетронутой едой, стоявший на столике возле кровати.

— Проваливай, — сипло прошептал Браун.

Пол уже готов был развернуться на каблуках, когда вдруг понял, что последнее замечание адресовалось не ему.

Бриджит перевела взгляд с одного лица на другое.

— Ладно, мальчики, оставляю вас наедине. Уверена, вам есть о чем поболтать.

Она сложила столик и аккуратно поставила его возле кровати, прежде чем направиться с подносом к двери. Выходя из палаты, Бриджит стрельнула в Пола взглядом: «Развлекайся».

Пол подождал, пока закроется дверь. Залитая дождем автобусная остановка вдруг показалась ему не таким уж плохим местом для вечернего времяпрепровождения. От вида этого человека возникал нестерпимый зуд под кожей. Он повидал немало людей, близких к смерти, но этот случай не походил ни на один из прочих. Сейчас все было по-другому. Он не понимал, в чем дело, — просто чувствовал, что здесь что-то не так.

Довольно долго они смотрели друг на друга. Пол хотел дать Брауну время решить... решить за них обоих, кем является Пол... Интересно, он когда-нибудь заговорит? А вдруг он уже умер? Такое вообще бывает, чтобы кто-то умер, не шелохнувшись, с распахнутыми на сердитой посмертной маске глазами? Неужели жизнь настолько бинарна, что можно просто молча щелкнуть выключателем?..

Браун судорожно вздохнул и снова поднес к лицу кислородную маску. Нет, пока еще живой...

Пол вынужденно заговорил первым.

— Ну, как себя чувствуешь?..

— Я знал, что ты придешь, — перебил старик с такой обреченной простотой, словно Пол олицетворял собой неминуемый счет на оплату налогов.

— Просто захотелось узнать, как у тебя дела.

— Какое, блядь, одолжение!

Он махнул свободной рукой в направлении стула у кровати. В сиплом хрипящем голосе Брауна было трудно выделить акцент, но в нем определенно слышался выговор уроженца Дублина, который долго жил по ту сторону Атлантики.

Пол подошел и сел, даже не пытаясь дотронуться до Брауна. У него сложилось впечатление, что этот человек не из тех, кому нравится держаться за руки.

— Тебя нормально кормят? — рискнул спросить Пол.

— Ты веришь в рай?

Ну, ясно. Такой, значит, предстоит разговор... Пол не любил эту тему, но по крайней мере она была ему знакома. Он взглянул на висевшую на стене Марию, на ее спокойный наклон головы, словно вопрошавший: «Ну, что ты на это ответишь?»

Пол выбрал универсальный сценарий, одинаково подходящий как для богобоязненных, так и для атеистов:

— Лично я считаю, что есть какая-то загробная жизнь, где мы вновь увидимся со старыми друзьями и...

— Прекрати мне угрожать! — перебил вдруг Браун, впившись в него взглядом.

— Нет, я...

Краткий миг, когда Полу казалось, что он взял разговор в свои руки, улетучился без следа.

— Если есть рай, то должен существовать и ад... — судорожный вдох. — Я знаю, что меня ждет. Пара метров под скалой...

По телу Брауна пробежала дрожь. Слегка дернувшись, он захрипел прямо в маску. Пол собирался уже позвать медсестру, когда легкая перемена в выражении лица Брауна остановила слова, рвавшиеся из горла. Старый рехнувшийся ублюдок хохотал. Правда, довольно быстро смех перешел в приступ мучительного кашля. Сдвинув правой рукой маску чуть в сторону, Браун промокнул рот носовым платком. Пол заметил на платке свежее пятно крови. Быстро отведя взгляд, Пол посмотрел в большие карие глаза Девы Марии. Откуда люди знают, что они были именно карими? В каждой больничной палате, в которой он бывал, на стене обязательно висело изображение Богоматери, и у каждой были именно такие большие щенячьи карие глаза. Упоминаются ли они вообще в Библии? Наверное, сразу после того места, в котором говорится, что Иисус был белым чуваком — как это ни парадоксально для человека, родившегося на Ближнем Востоке.

Причина, по которой Пол так пылко поддерживал зрительный контакт с Матерью нашего Безупречного Всего, заключалась в том, что он боялся крови — как человеческой вообще, так и своей в частности. Обычно это не создавало проблем. Удивительно, как долго можно находиться в современном медицинском учреждении и ни разу не увидеть кровь. Это как масло в автомобиле, созданном на пике технического прогресса: мы видим его лишь тогда, когда с машиной случается что-то действительно плохое.

Промокнув губы платком, Браун провел им по лицу, словно отогнав невидимую муху, и раздраженно посмотрел на Пола. Затем еще раз помахал платком — с чуть большей настойчивостью. Смутившись, Пол понял, что старик пытается указать на стакан с водой, стоявший на прикроватной тумбочке. Взяв стакан, он поднес его к лицу Брауна.

Когда приступ утих, Браун оторвал губы от соломинки, и Пол осторожно поставил стакан обратно. Старик наблюдал за ним оценивающе, слегка наклонив голову.

— Ты в самом деле его копия. А еще в тебе есть что-то от дяди...

Пол не нашелся, что ответить, — главным образом потому, что слова Брауна прозвучали отнюдь не как комплимент.

Браун уставился в потолок отрешенным взглядом, и между ним и Полом повисло неловкое молчание. С изумлением Пол увидел, как по морщинистому, изнуренному болезнью лицу старика скатилась одинокая слезинка.

— Клянусь богом, я не знал... что он... никогда не знал...

Две секунды спустя голос Брауна сделался почти дружелюбным:

— Когда я видел тебя в последний раз, ты был совсем крошкой. — Браун отвернулся, опустив глаза. И без того слабый голос сделался еще тише: — Я не разговаривал со своей дочуркой тридцать лет...

Браун посмотрел на телевизор в углу. Его не интересовала передача, он просто искал, на чем сосредоточиться.

— А ты бы хотел? — рискнул спросить Пол.

Тот взгляд, который бросил на него Браун, не оставлял сомнений, что Пол сболтнул что-то лишнее.

— Она не хочет иметь со мной ничего общего... И она... ничего не знает... — он тяжело вдохнул из маски. — Оставьте ее в покое.

Втянув в себя побольше драгоценного газа, старик загадочно посмотрел на Пола. Печаль, вызов, гнев — лицо Брауна отразило целый коктейль из эмоций, смысла которого Пол не понял. Было ясно лишь одно: продолжать разговор в прежнем духе больше не получится.

— Знаешь, когда доходишь до конца... — Браун помедлил, — ...уже не видишь никаких сюрпризов. Наоборот, блядь, вокруг сплошная предопределенность. Ты же сын Герри, черт возьми. И ты сделаешь все возможное, чтобы стать таким же, осознаешь ты это или нет. Даже если я скажу тебе, что ничего не рассказывал, — ты же не поверишь. Ты же ею воспользуешься... ведь это то, в чем мы мастера. — Он снова пристально посмотрел на Пола, и его голос понизился до шепота: — Ты... очень похож на своего дядю.

Так, пора заканчивать. Кем бы ни считал этот Браун Пола, но явно не тем, кого ему приятно видеть.

— Слушайте, наверное, произошла досадная ошибка, и я, пожалуй...

Пол встал, намереваясь выйти, как вдруг рука Брауна с удивительной быстротой схватила его за запястье.

— Нет... прошу, — голос старика стал слезливым. — Ради старого друга твоего отца...

Пол нерешительно посмотрел на дверь. Может, измученной душе старика требуется успокоительное, чтобы отдохнуть от того, что ее терзает? На определенном этапе жизни он явно был неприятным человеком, но все это осталось в глубоком прошлом. Теперь здесь лежит печальная пустая оболочка, раздавленная тяжестью собственной совести...

Браун опять закашлялся. Он снова поднес к губам левую руку с платком и умоляюще посмотрел на стакан с водой. Пол взял его и сел на краешек кровати.

Пока Пол протягивал воду, старик опустил левую руку и сунул ее под одеяло.

— Спасибо.

Браун взял соломинку в рот и стал медленно пить. Пол уловил краем глаза движение руки старика под простынями, но ему вовсе не хотелось увидеть еще раз этот окровавленный носовой платок. Поэтому он отвел взгляд и посмотрел в глаза Брауну. И лишь только он заглянул в них, как тут же понял, что происходит что-то очень неладное.

Правой рукой Браун резко схватил Пола за горло. Стакан выскользнул из ладони, отскочил от кровати и разбился о кафельный пол. Пальцы Пола инстинктивно вцепились в руку Брауна в попытке оторвать ее от горла. Глаза старика сделались дикими, он оказался невероятно, отчаянно сильным. Сосредоточившись на борьбе, Пол едва заметил мелькнувшую на краю поля зрения левую руку Брауна. Движимый первобытным инстинктом самосохранения, Пол в последний миг извернулся всем телом, отчего рука старика промахнулась мимо его головы, угодив в правое плечо. Пол почувствовал резкую боль, сменившуюся смутным ощущением влаги, растекающейся по руке.

Охваченный смятением и паникой, Пол не мог понять, что происходит. Он попытался встать и оттолкнуть от себя нападавшего, как вдруг левая нога оскользнулась на мокром полу, и он упал. Браун ослабил хватку на горле Пола, но схватил его за воротник рубашки. Падающий Пол утянул старика за собой, и тот рухнул на него сверху. Вслед за этим с грохотом повалились медицинские аппараты, не справившиеся с гравитацией и яростью безумца.

Благословенное ослабление тисков Брауна на горле Пола оказалось недолгим. Тело старика, возможно, было не более чем кожей и костями, но когда оно навалилось сверху, его веса хватило, чтобы выбить воздух из легких Пола.

На мгновение воцарилось странное спокойствие, пока оба мужчины пытались отдышаться. Они мучительно раскрывали рты, как две выброшенные на берег рыбы. Пол слышал неприятный хрип в собственном горле. Щелкающее ощущение сопровождало каждый судорожный вдох.

Браун пришел в себя первым. Он развернулся всем телом, словно в некоем диком варианте игры «Твистер», и приблизил свое лицо к лицу Пола. Окровавленный рот старика ощерился, глаза засветились злобным огнем. Пола обдало гнилым дыханием — словно то, что сжирало Брауна изнутри, намеревалось выплеснуться и поглотить их обоих. Пол лежал, не двигаясь. Его разум будто отключился и решил переждать, пока реальность не придет в норму.

— Вы... все... у меня... отняли...

Дыхание обдувало лицо Пола, как зловонный ветер.

Затем Браун подался назад.

Руки Пола остались придавленными. Он задергался, пытаясь высвободиться, когда Браун поднял над головой левую кисть, в которой что-то блеснуло. Рука старика резко опустилась вниз.

Но на полпути она дернулась, и то, что было в ней зажато, вылетело и заскользило по полу. Обернувшись, разъяренный Браун увидел удерживавшую его трубку капельницы. Взыв в животном отчаянии, старик дернул трубку на себя. От усилия он снова повалился на Пола, и они опять оказались лицом к лицу.

Браун издал хриплый безумный смешок, тут же сменившийся рвотным кашлем. Что-то влажное и горячее брызнуло на лицо Пола. Теперь он видел над собой лишь оскаленную пасть, между неровными, пожелтевшими, замогильными зубами которой сочилась кровь.

Потом дверь резко отворилась, раздались крики и топот.

Руки невидимых ангелов подхватили Брауна и потащили прочь. Последнее, что увидел Пол, было мертвенное лицо старика, отодвинувшееся назад. Повернув голову, он заметил, как рубашка на его плече окрашивается в красный цвет, и... потерял сознание.

Дело в том, что он боялся крови — как человеческой вообще, так и своей в частности.

Глава третья

— На самом деле вам удивительно повезло!

Доктор улыбнулся Полу той теплой обезоруживающей улыбкой, которая была бы уместной в большинстве других случаев. Но сейчас Пол с трудом сдержался, чтобы не ударить его по лицу.

— Да ладно! А вот мне показалось, что меня ударили ножом в плечо. Неужели я ошибся?

Пол решил ограничиться сарказмом. Ему вполне хватило одной жестокой стычки, чтобы затеять следующую. Кроме того, доктор производил впечатление искреннего человека, хоть и немного странноватого. Пол, конечно, всякого ожидал от дежурного хирурга в столь поздний час, но профессиональный энтузиазм, исходивший от медика, действовал ему на нервы.

Особенно после того, как Пол узнал, что теперь у него семь швов на правом плече. Чтобы рука заживала, ее плотно забинтовали и надежно зафиксировали на перевязи.

Насколько понял Пол, его доставили на скорой из хосписа Святой Килды в отделение неотложной помощи при больнице Святой Екатерины. Судя по туману в голове, где-то на полпути ему, вероятно, дали сильное обезболивающее.

Двадцатисемилетний доктор Синха был родом из Индии. У себя на родине он получил полную лицензию на медицинскую деятельность, став третьим по успеваемости студентом в своей учебной группе. Тогда же он с честью сдал ирландские клинические экзамены и решил переехать сюда насовсем, поскольку решил, что в Ирландии живут очень дружелюбные люди. Английским языком после международной школы он владел лучше, чем кто-либо другой в этом здании.

Причина, по которой Пол все это знал, заключалась в том, что ему пришлось трижды выслушать терпеливые объяснения доктора Синхи пьяному мужу женщины со сломанной ногой, лежавшей в дальнем конце палаты.

Муженек — судя по всему, адвокат — потратил немало времени на попытки найти выход из сложившейся ситуации. Кажется, у них был запланирован лыжный отпуск, «никак не вязавшийся» со сломанной ногой его жены. С безграничным терпением, заменяющим индусам святость, доктор Синха полностью вошел в положение мужа и согласился, что в данном случае не помешает второе экспертное мнение. Теперь муженек сидел у постели жены в ожидании «настоящего доктора» и, вероятно, надеялся, что им окажется какой-нибудь его одноклассник — чтобы после обмена «тайными рукопожатиями» тот понизил диагноз до «легких синяков».

Наблюдая, как ловко доктор Синха общается с этим порождением Сатаны, Пол, естественно, проникся к Синхе симпатией. Однако оценка, которую добрый доктор дал по поводу его диагноза, качнула чашу весов в противоположную сторону.

— Да, повезло! — повторил доктор Синха. — Видите ли, задняя часть плеча — это действительно прекрасное место для удара ножом. Но если нож обойдет сухожилия вращательной манжеты, что я с удовольствием отмечаю в вашем случае, то вероятность необратимого повреждения весьма невелика.

— О... хорошо.

— Очень-очень хорошо. Но если бы сюда попала пуля, это было бы весьма прискорбно. В этой области проходит большая артерия и важные нервы, контролирующие руку, не говоря уже о суставе, который не восстановит ни один хирург. Такие новости были бы очень плохими.

— Рад слышать, — ответил Пол. — Может, дадите совет, в какую часть тела лучше всего получать пулю? Чисто ради интереса...

Он еще не понял, что доктор Синха совершенно не воспринимал сарказм.

— Глютеус максимус, очевидно. Ягодичная мышца. Выстрел, колотая рана — если будет выбор, каждый раз подставляйте задницу.

Очевидно, доктору доводилось участвовать в очень вежливых перестрелках.

— Когда я говорю «задница», то имею в виду ягодицы, а не...

— Супер, — перебил Пол. — Кажется, я понял.

Лицо Синхи вытянулось, и Пол вдруг почувствовал себя виноватым, словно только что уронил на пол жизнерадостного щенка.

— Простите, — сказал доктор Синха без прежнего энтузиазма. — У меня есть склонность чрезмерно возбуждаться при обсуждении медицинских вопросов. Это приводит к неподобающему поведению у постели больного.

— Ну, я бы так не сказал...

— А другие говорят, — возразил доктор Синха. — Я цитировал отзыв, полученный мною в конце испытательного срока. Наверное, я слишком люблю свою работу, — добавил он обиженно.

Пол еще раз взглянул в сторону надоедливого муженька.

— Подождите немного. Уверен, скоро все образуется.

— На самом деле я хотел спросить у вас кое-что еще, — доктор Синха открепил медицинскую карту Пола от его кровати. — Я немного запутался. Здесь сказано, что ваш противник... — он сделал паузу, отыскивая нужное место в карте, — кашлял кровью вам в лицо?

— Хм... Да.

Желудок Пола скрутило при воспоминании о безумном, похожем на посмертную маску лице Брауна, смотревшем на него сверху.

— Он был ранен?

— Нет! — Пола даже слегка обидел вопрос. — Я не... — пробормотал он. — Я просто защищался.

— Хорошо, я понимаю.

По выражению лица доктора Синхи было ясно, что ничего он не понимал.

— Кажется, у него терминальная стадия рака легких, — припомнил Пол.

— И он ударил вас ножом в плечо?

— Да.

— Но почему он...

Теперь доктор Синха стал раздражать Пола по-настоящему.

— Спросите у него сами!

— Оу... кей, — протянул Синха. — Просто здесь сказано, что он... умер.

— О...

— Здесь сказано, что у него случился обширный инфаркт.

Пол не знал, как отнестись к услышанному. Честно говоря, он вообще не хотел об этом думать. Он еще недостаточно попереживал о себе, чтобы как-то реагировать на эту новую для него информацию.

Доктор Синха смотрел на него странным взглядом беспризорной лани, склонив голову набок, словно Дева Мария. Должно быть, он воспринимал это как возможность потренировать врачебный этикет.

— Наверное, он умер после...

— Да, потому что «до» и «во время» он определенно был жив!

— Вы хорошо его знали?

— Нет, — ответил Пол. — Я его вообще не знал.

Лицо доктора Синхи просветлело.

— О, тогда все не так уж плохо, да?

— В смысле?

— Я хочу сказать, что лучше, если вас пытался убить незнакомец, а не тот, кого вы хорошо знаете.

— Наверное...

Какая интересная точка зрения...

— Кстати, есть еще одна хорошая новость: из хосписа Святой Килды прислали копию последнего анализа крови мистера Брауна и, насколько можно судить, он не носил в себе ничего заразного. Ни СПИДа, ни гепатита, ни эболы, ни...

— Восхитительно!

— Так что вы в полном порядке...

— Если забыть про колотую рану.

— Ну да, ха-ха... Простите, — он даже «ха-ха» произнес бесящим Пола тоном, — только что мы с вами получили довольно тяжелую информацию, а теперь смотри-ка — мы шутим! Это очень-очень хорошо. — Доктор снова улыбнулся Полу. — И это подводит нас к следующему вопросу, который мы должны обсудить. Похоже, возникла проблема с контактными данными, которые вы оставили медсестре во время госпитализации.

— Неужели?

— Такое постоянно случается. Люди находятся в стрессе и...

— Меня ударили ножом.

— Вас ударили ножом. Мы позвонили по номеру, который вы продиктовали, и, судя по всему, нам ответил китайский ресторан под названием «Восточный Дворец» с едой навынос.

— Там не только еда навынос. Недавно они расширились, и теперь у них имеется прекрасная обеденная зона с уютной атмосферой.

Миссис Ву наверняка этим гордилась, поскольку уже три месяца подряд отвечала на телефонные звонки одной и той же фразой: «Здравствуйте! “Восточный Дворец” теперь включает в себя обеденную зону с уютной атмосферой!» Вряд ли она понимала, что такое «атмосфера», но кто-то наверняка подсказал ей, что так чертовски проще продавать.

— Я уже знаю, — кивнул доктор Синха. — Значит, у вас имеется родственник, работающий в «Восточном Дворце»?

— Ну, не совсем родственник... — вернее, совсем не родственник. — Скажем так: Микки.

— Окей. Микки... А фамилия?

Пол боялся этого вопроса. Ну в самом деле, кто знает фамилию своего постоянного доставщика еды? Конечно, иногда Микки угощался его сигаретами или пугающе дешевым восточноевропейским пивом по ленивым вторникам. Однажды он даже остался досматривать DVD с «Роксаной», но вопрос о фамилии показался Полу слишком личным. А еще Микки сказал, что его ужасно раздражает, когда его принимают за китайца, потому что он не китаец. К сожалению, Пол забыл, откуда он родом, так что происхождение Микки стало еще одной запретной темой.

— Просто Микки.

— Значит, у вас нет родственников, которым мы могли бы о вас сообщить?

— Нет. Ни одного.

Доктор Синха явно ощутил неловкость.

— Что ж, как человек из очень большой семьи, могу сказать, что я вам завидую. Половина моей зарплаты уходит на поздравительные открытки.

— Должно быть, это тяжело.

— Не то слово! — Доктор Синха явно увлекся новой темой. — Семь братьев и сестер, двадцать шесть племянников и племянниц — и это только те, которых я видел. Бац — еще один ребенок. Бац-бац — двойня! Они не умеют останавливаться.

— Ничего себе...

— Значит, я просто напишу здесь: «семьи у пациента нет»?

— Ага.

— А как насчет партнера?

— Нету.

— Окей. Хорошо. Значит, вы совершенно одиноки? — спросил доктор Синха. — Ну, не считая этого Микки?

— Да.

— Превосходно.

— Вы определенно убедили меня, что это так.

Доктор Синха пролистал страницы в блокноте.

— Что ж, думаю, на этом все. Если, конечно, у вас нет ко мне вопросов...

— Нет, — ответил Пол.

Громкий требовательный кашель муженька эхом разнесся по палате. Его «настоящий доктор с другим мнением» так и не появился.

— Абсолютно никаких вопросов? — спросил доктор Синха с некоторой мольбой в глазах.

Пол почувствовал себя обязанным спросить хоть что-нибудь.

— Когда меня отсюда выпишут?

Он вдруг осознал, что действительно хочет знать ответ на этот вопрос. Кажется, Пол начал испытывать сильную неприязнь к больницам.

— Завтра мы осмотрим вас еще раз, и если все будет в порядке, то вы покинете больницу через пару дней, — доктор Синха помедлил. — Но... вы хотите поговорить с Гарди[3]...

Слово «гарди» он сказал осторожно, «гар-ди» — как человек, не вполне уверенный в его правильном произношении[4].

— Вообще-то не очень, — ответил Пол.

Ну какой в этом смысл? Да, его ударили ножом, но человек, который это сделал, уже не доступен для полиции — по крайней мере, без применения спиритической доски.

Доктор Синха смутился.

— Простите. Возможно, я что-то напутал. Английский — мой второй язык. Гарди хотят поговорить с вами.

Пол ощутил легкую тошноту. Переживания по поводу ножевого ранения отвлекли его от общей картины. Он вошел в палату, и через пять минут пациент умер — после физического столкновения, в ходе которого вышеупомянутый мертвец ощутил острое желание ударить Пола ножом. Понятно, со стороны это выглядело очень странно. В самом деле, чем больше Пол думал об этой ситуации, тем сложнее ему становилось разглядеть в ней хоть что-то позитивное. Любые проблемы с полицией станут прямым нарушением второго условия. Она очень ясно дала это понять.

Бросив взгляд из палаты, Пол заметил мелькнувшую в конце коридора куртку со светоотражающими вставками.

— Там полицейский? — спросил он.

— Да, — ответил доктор Синха. — И между прочим, я, как и весь персонал, очень доволен его присутствием. Чуть раньше он любезно помог нам успокоить человека, принявшего слишком много метамфетамина.

Пол провел пальцами по волосам, задержав руку на затылке, как делал всегда, когда испытывал стресс.

— Господи, это очень-очень-очень плохо.

Доктор Синха ободряюще похлопал Пола по руке.

— Не волнуйтесь, мистер Малкроун. Я уверен, что все будет нормально.

— Ага, — ответил Пол. — Ведь до этого все шло именно так...

Глава четвертая

Пол точно знал, где его нет.

В настоящий момент его не было в офисе адвокатской конторы «Гриви и Ко», хотя сам Шейн Гриви сидел напротив за столом и читал большую книгу в кожаном переплете. Гриви, как всегда, выглядел лет на сорок. Он был лысоват, худоват, с вечно дежурной, но далеко не счастливой улыбкой. Он скалился так, как скалятся работники «на минималке» в рекламных поролоновых костюмах, исполняющие волю вышестоящего начальства. Вообще-то, если подумать, это была не адвокатская контора «Гриви и Ко». Пол отметил, что подсознание каким-то образом облагородило обстановку, наполнив офис мебелью из красного дерева с мягкой кожей, и даже поставило в угол внушительные напольные часы. В реальности контора представляла собой пару убогих комнатенок в Филсборо[5] — прямо над магазином диванов, недавно закрывшимся после трехлетней распродажи.

Этот сон был одним из двух, которые Пол всегда помнил, и оба этих сна повторялись часто. Правда, конкретно этот ему нравился больше. Конечно, странно было осознавать, что он спит, причем с полным ощущением, что все это происходит на самом деле. Но понимание не означало, что он мог проснуться. Казалось, у него не было иного выбора, кроме как сидеть здесь почти каждую ночь и видеть это снова и снова.

Гриви оторвал взгляд от книги в кожаном переплете и многозначительно кашлянул, явно недовольный тем, что ему не уделили должного внимания. Книга была еще одним подкинутым подсознанием предметом. Настоящее завещание Фиделмы состояло лишь из нескольких стандартных листов формата А4.

Гриви продолжил чтение:

— «...мою собственность любой природы и вида, где бы она ни находилась, включая дом в Ричмонд-Гарденс, мои накопительные счета и пакеты акций я завещаю Донекольскому ослиному заповеднику».

В этот момент осел, сидевший за правым плечом Гриви, как обычно, зловеще зарычал. Пол не знал, умеют ли настоящие ослы рычать, но будь он проклят, если станет проверять свои кошмары на правдоподобие!

— «Тем не менее до того, как вышеуказанное дарение вступит в силу, я предусматриваю следующее материальное обеспечение для моего внучатого племянника Пола Малкроуна...»

Пол, как всегда, посмотрел на свою двоюродную бабушку Фиделму, сидевшую верхом на осле. Что бы ни говорил или делал Пол, она только молчала. На ее лице было одно и то же неодобрительное выражение: «Откуда так воняет?» В реальной жизни она ни разу не говорила с ним напрямую. Впервые Пол увидел ее в шестилетнем возрасте, когда тревожно вертелся позади матери, занятый невероятно важным поручением — присматривать за большим синим чемоданом. Фиделма вначале спорила с его мамой, а потом хлопнула перед ними дверью. Пол ничего не понял. Он стал жаловаться и хныкать от холода, пока не заплакала уже мать...

В следующий раз (и он же последний) Пол встретился с Фиделмой через неделю после того, как ему исполнилось двенадцать лет. День рождения состоялся накануне похорон мамы, поэтому никто о нем не вспомнил. На стене комнаты, в которую его привели, было нарисовано большое дерево. Пол смотрел на него, пока Фиделма читала проповедь о распутном поведении «юнцов» двум сконфуженным и оттого мрачневшим на глазах социальным работникам. А потом она вышла, проигнорировав, как обычно, Пола. Открыв дверь, мужчина из социальной службы выкрикнул вслед Фиделме грубое слово, и после этого Пол больше его не встречал.

— «...Он получит в пользование мой дом в Ричмонд-Гарденс, а также ежемесячное пособие в размере пятисот евро. Подчеркиваю, что это временная мера на период поиска им подходящей работы, что, безусловно, является проблемой, учитывая плачевный старт его жизни».

Вот они, четыре слова, определившие дальнейшую судьбу: «плачевный старт его жизни». Эти четыре слова так взбесили Пола, что он решил сломать ей

систему. Вместо того чтобы искать работу, он будет вечно жить на пятьсот евро в месяц. И пошла она на хуй! Вместе со своими ослами.

— «...Обеспечение будет предоставлено при соблюдении следующих условий. Первое: он не должен получать никакой другой материальной помощи ни от государства, ни от благотворительных организаций, ни из любого другого источника. Второе: обеспечение будет немедленно отменено, если у него возникнут какие-либо проблемы с полицией».

В этот момент заулюлюкал и запрыгал на стуле еще один обитатель сна, вдруг возникший за правым плечом Гриви. Это был Мартин Браун — по-прежнему в больничной одежде и с кровью, капающей из открытого воющего рта. По неизвестной Полу причине он стучал пальцами по старой печатной машинке, словно делая некие заметки. Его присутствие стало новым и довольно неприятным дополнением. Пол старался не отводить взгляда от осла, поскольку даже во сне от вида крови у него сводило живот. Недовольный тем, что его игнорируют, Браун вскочил со стула и обежал вокруг стола, сторбившись, как шимпанзе. Он исчез из поля зрения, но костлявые руки обхватили шею Пола. Пол стал отрывать руки от себя, но старик был невероятно силен. Гриви продолжил чтение:

— «...Третье: чтобы развить свои моральные качества, он должен не менее шести часов в неделю заниматься благотворительностью, документально удостоверяя в этом мистера Гриви».

Пол закричал, ощутив вонзившиеся в его правое плечо зубы Брауна. Он стал дергаться, пытаясь высвободиться, а Гриви меж тем продолжал бубнить. Руки Брауна принялись стаскивать его со стула. Пол посмотрел на вечно недовольное лицо Фиделмы.

Чья-то рука легко затрясла его за левое плечо, и он услышал другой голос — более мягкий и далекий.

— Пол? Пол? С тобой все в порядке?

Пол оглянулся и увидел над собой Бриджит Конрой, глядевшую на него с обеспокоенным выражением лица. Это тоже было нечто новенькое.

А потом давление костлявых рук усилилось, и он закричал.

Задыхающийся Пол вздрогнул и проснулся, немедленно увидев над собой участливое лицо Бриджит.

Флуоресцентный свет и запах антисептика. Накрахмаленные простыни, слишком туго натянутые и стеснявшие тело. Он понял, где находится. В больнице. Пол опустил голову на подушку, слушая в ушах стук собственного сердца. Теперь, когда ответ на вопрос «Где?» получен, за ним последовали вопросы «Кто?», «Когда?» и в особенности «Почему?». Пол несколько раз глубоко вдохнул.

— Как себя чувствуешь? — спросила Бриджит.

Придя в себя, Пол вдруг вспомнил, какое чувство должен испытывать к Бриджит, а именно — чувство негодования.

— Супер. Спасибо, что спросила, — ответил он.

— Я очень извиняюсь... — произнесла она.

— За что? За то, что меня чуть не зарезали? Да ладно, не бери в голову. У меня все равно не было других планов на вечер. К тому же мне дали кучу бесплатных наркотиков, так что я еще и в плюсе.

Она попыталась заговорить, но он не закончил. Пол прокручивал этот разговор в голове несколько раз, так что ему было что сказать. Включив внутренний суфлер с заготовленными репликами, он решительно продолжил:

— А может... ты хочешь извиниться, что пришлось брать дополнительные анализы, чтобы узнать, не содержала ли кровь, которой кашляли мне в лицо, какую-нибудь заразу? Или за то, что теперь я стал подозреваемым в убийстве? — голос Пола стал повышаться вместе с растущим внутри негодованием. — За что именно ты собралась просить прощения?

— Ну... за это все... — голос Бриджит дрогнул, глаза стали наполняться слезами.

— Не смей! — перебил он, укоризненно вытянув палец.

— Что?

— Даже не думай об этом, черт тебя дер!

— О чем?

В голосе Бриджит послышалась легкая нотка раздражения. Она прижала костяшки пальцев к уголку глаза.

— Ты поняла, — ответил Пол. — Не вздумай плакать! Я имею полное право на злость. Не смей его меня лишать!

Бриджит покивала в знак согласия.

— И не поддакивай. И не изображай понимание. Из-за тебя я мог умереть! Так что стой, где стоишь, не плачь и терпи трепку языком, которую ты, черт возьми, заслужила!

Он никогда в жизни не произносил ничего подобного. И теперь, когда нелепая фраза сорвалась с губ Пола, маленький внутренний редактор, сидевший в глубине его мозга, оторвался от газеты и усмехнулся. Откуда, черт возьми, это взялось?

Бриджит, вытиравшая слезу уголком салфетки с левого глаза, приподняла правую бровь, словно в легком удивлении от странного выбора слов. Почему-то он разозлился еще больше.

— И не смей... НЕ СМЕЙ смеяться над моими словами!

Бриджит энергично помотала головой, стараясь подавить непрошеную нервную улыбку.

— Прекрати! Прекрати немедленно!

Теперь голос Пола стал почти умоляющим. Он чувствовал, что разговор все дальше и дальше отклоняется от намеченного им курса.

С губ Бриджит сорвался смешок. Она зажала рот левой рукой и приподняла правую в извиняющемся жесте.

— Не будь такой инфантильной!

Бриджит закивала, зажмурив глаза. Из уголков ее глаз потекли слезы совсем другого рода.

Глубоко вдохнув через нос, Бриджит убрала руку ото рта.

— Прости, прости... — сказала она. — Сегодня была долгая ночь, и я... Окей, все, я успокоилась. Можешь продолжать.

Она выдохнула, размяла шею и поболтала руками, словно расслабив тело для прыжка в длину.

— Ну ладно... — сказал Пол. — На чем я остановился?

— Ты хотел наказать меня языком.

Она рухнула в кресло позади себя и уткнулась лицом в матрас у его ног, когда ее тело охватили судороги неконтролируемого смеха.

— Не...

Да и черт с ней! Невольно Пол рассмеялся тоже. Бриджит посмотрела на него, и когда глаза их встретились, смех усилился многократно. Вся серьезность ситуации вылилась в волну истерики, понятной лишь тому, кого затянуло в ее водоворот. Бриджит пробрало настолько, что она уже хваталась за грудь, не в силах дышать.

Занавеска у изножья кровати сдвинулась в сторону, и в бокс просунулась голова доктора Синхи. На губах его бродила та неуверенная улыбка, с какой люди, слишком поздно присоединившиеся к веселью других, пытаются понять, что происходит.

— Все в порядке, мистер Малкроун? — спросил он.

— Да, спасибо, доктор, — проговорил Пол сквозь смех. — Это сестра Конрой... Из-за нее меня чуть не зарезали.

Бриджит, будучи не в силах вымолвить ни слова, весело помахала Синхе рукой.

Сбитый с толку коллективным безумием доктор переводил взгляд с одной на другого.

— Окей... ладно. Рад, что вам полегчало, — сказал он. — Но не могли бы вы немножечко потише? Вы мешаете другим пациентам.

Пол поднял обе руки, извиняясь. Внезапная боль в правом плече помогла осушить неконтролируемый прилив смеха до тоненького ручейка.

Бриджит тем временем прижала ладони к лицу, превратив хохот в свистящее прерывистое дыхание.

— Отлично, спасибо, — сказал доктор Синха, затем слегка покачал головой и исчез, не забыв задернуть за собой занавеску.

Наконец оба успокоились, и глаза Пола встретились с глазами Бриджит.

— Мне действительно очень жаль. Прости, — сказала она.

— За что?

— За все, — она помедлила. — Особенно за удар ножом.

— Прекрасно. Что ж, я уже думаю о разных способах, которыми ты можешь загладить передо мной вину. Предлагаю для начала подвезти меня домой, как ты обещала.

Глава пятая

Пол крепко зажмурился и стал молиться. Он никогда не отличался религиозностью, но бывают в жизни минуты, способные из любого сделать верующего.

Пол смутно сознавал, что Бриджит рассказывает ему о произошедшем в хосписе — с момента более чем недружелюбного прощания с мистером Брауном и до того, как он застал ее возле своей больничной койки. По-видимому, смерть пациента от сердечного приступа в разгар покушения на убийство вызывает настоящее бумажное цунами. Однако у Пола не получалось сосредоточиться на ее повествовании, поскольку он был всецело поглощен мыслями о собственной жизни. В частности, о том, что стиль вождения Бриджит почти наверняка приведет его к преждевременной кончине.

— ...А потом Добсон, старая гримза...

Позади них истерически взвизгнул автомобильный клаксон.

— Задолбали! — воскликнула Бриджит. — Водители в Дублине только и делают, что сигналият.

Это было уже слишком.

— Ничего подобного, — возразил Пол, — если только ты не ведешь машину как маньячка.

Бриджит повернулась и бросила на него негодующий взгляд.

— Он выскочил из ниоткуда!

— У него было преимущество! — Пол яростно замахал левой, неперевязанной рукой. — Видишь вон те огни? Так вот, зеленые и красные... особенно красные... очень важны! В тех местах, откуда ты родом, ничего не знают о светофорах?

— На светофоре горел желтый! — возмутилась Бриджит, посмотрев на него испепеляющим взглядом. — И кстати, водить я училась в Дублине, умник сраный!

Раздался еще один гудок.

— Этот гудел не мне.

— Ну конечно, — ответил Пол, — но давай все-таки держаться левой стороны дороги[6].

Его реплика лишь подлила масла в огонь негодования, который, казалось, постоянно кипел в сестре Конрой.

— Это — типично мужское шовинистическое отношение к женщинам-водителям! Как это характерно...

— Да что ты! — саркастически перебил Пол. — В мире полно прекрасных женщин-водителей, но ни одна из них... не сидит в этой машине!

Наступало уныло-мрачное утро пятницы, которое особенно хорошо удается Дублину. Небо цвета мокрой газеты непрерывно сочилося влагой, превращая все вокруг в серую копию себя. На лица проходивших мимо мелких служащих были надеты стоические маски людей, упорно шагавших к «обетованной земле» выходных. Шел тот мелкий мгlistый дождик, при котором даже наличие зонта не гарантирует прибытия в сухом виде — при условии, конечно, если вас не собьет по дороге безумный водитель...

— Кстати, за нами должен был ехать полицейский, если вдруг ты забыла, — напомнил Пол.

Бриджит была не в восторге от того, что Пол настоял на выписке из больницы, но по-настоящему трагично эту новость воспринял юный гард[7] Данахер, которому поручили «охранять» Пола. Озадаченный Пол пытался выяснить, от кого именно его понадобилось «охранять», учитывая, что единственный человек, выказавший серьезное намерение причинить ему вред, уже умер (правда, в тот момент Пол еще не знал, как водит Бриджит, иначе бы считал по-другому). Кто-то однажды сказал, что старость приходит, когда полицейские начинают казаться молодыми, но, по мнению Пола, гард Данахер выглядел молодо в глазах кого угодно. Он был похож на подростка, стащившего форму у отца, чтобы поиграть в переодевание, но от которого исходил устойчивый запах «Клерасила» и ужаса. Пол решил, что Данахер был

из тех, кто все детство мечтал приобрести властный вид, а потом разочаровался, узнав, что авторитет не прилагается к форме автоматически.

Полицейский захотел выяснить, не попадал ли Пол когда-нибудь под арест, после чего Бриджит пустилась в разглагольствования о «Законах Миранды»[8]. Слушая ее, Пол стал подозревать, что знания о полиции она почерпнула в основном из американских сериалов. Но офицера Данахера, судя по всему, чрезвычайно напугал разговор с представителем общественности, обладавшим не столько глубокими юридическими познаниями, сколько женской грудью. Бедняга не знал, куда девать глаза, поскольку взгляд неизменно возвращался к одному и тому же. Сжалившись, Пол написал полицейскому свой адрес, пояснив, что если ему так хочется, то он может последовать за ними и начать «охранять» Пола по месту жительства. Офицер Данахер благодарно кивнул и пошел звонить маме, чтобы узнать, как у нее дела.

Бриджит полностью развернулась на сиденье (вероятно, включив в голове автопилот, которым ее машина явно не обладала) и посмотрела назад.

— Я не вижу патрульной машины.

Пол решил, что офицер Данахер, должно быть, остановился, чтобы разобраться с одной из трех автомобильных аварий, которые наверняка произошли по вине Бриджит после того, как они отъехали от больницы. Что характерно, доктор Синха нисколько не огорчился выписке Пола, подписавшего официальный отказ от медицинской помощи. Бриджит принесла пальто, брошенное в комнате для персонала хосписа Святой Килды, но пиджак и рубашку Пол надевать не стал, чтобы не испачкать одежду кровью. Вместо этого доктор Синха вручил ему кем-то оставленную (наверное, после благотворительного забега) и прочно забытую футболку. Пол внимательно смотрел на Синху, но так и не смог уловить ни малейшего намека на сарказм в глазах доктора, когда тот протягивал ему желтую футболку с гордым лозунгом «Я победил рак».

Бриджит лихо завернула за угол на третьей передаче, и случайный пешеход едва не пополнил собой статистику несчастных случаев. После очередной серии гудков, пары красноречивых жестов и откровенного наплевательства на идею одностороннего движения они добрались наконец до района Ричмонд-Гарденс, в котором располагался дом Пола.

Лет пять назад Ричмонд-Гарденс с окрестностями считался перспективным для проживания местом, чей потенциал должен был раскрыться в будущем. Но потом он ударился о стену, отделявшую рабочие гетто от рая для среднего класса, и рухнул обратно на землю. Деликатесная лавка вновь превратилась в магазин готовой еды, а «винный бутик» — в алкомаркет, торгующий дешевым «шмурдяком».

Сама улица представляла собой тупик, застроенный односпальными таунхаусами, которые соседствовали (с той стороны, где жил Пол) с Королевским каналом. Снаружи дома выглядели ужасно тесными — в основном потому, что таковыми и являлись. И над всем этим доминировал «Кроук Парк»[9]. Национальный стадион возвышался над горизонтом, словно футуристический инопланетный корабль, приземлившийся в самой гуще стандартных домиков, построенных в начале двадцатого века.

Отстегнув ремень безопасности, Бриджит потянулась к заднему сиденью за сумочкой.

— Видишь? Никаких проблем. Стоило ли так переж...

Внезапно она осеклась, заметив, что дома позади Пола медленно двигаются. И только потом вспомнила про ручной тормоз. Пол не стал ничего говорить, поскольку добавить уже было нечего.

Бриджит обошла машину кругом, так как дверь с пассажирской стороны оказалась немного «хитрой» — под этим словом подразумевалось, что ее трудно открывать из-за ударного повреждения кузова. После того как дверь распахнулась со страдальческим визгом злополучного металла, Бриджит помогла Полу выбраться наружу. Он немного опасался, что шум привлечет ненужное внимание, поскольку жившая по соседству миссис Кори категорически не одобряла присутствие его дрянной машины возле дома и никогда не стеснялась делиться своими чувствами. К счастью, предательская шторка так и не дернулась. Возможно, мисс Кори уже отправилась жаловаться в Управу, чем неоднократно угрожала Полу.

Когда-то он подумывал завести собаку, но единственным «садином» возле таких домов могла быть мощеная площадка размером два на два с половиной метра, а Пол считал, что собак не следует держать в пространстве меньшем, чем камера осужденного убийцы. Хорошо, что хотя бы задняя часть дома выходила на канал, служивший защитным рвом против местных сорванцов с воровскими наклонностями. И так как собаку Пол не завел, в придомовом палисадничке ныне царствовал огромный колючий куст — зеленый и с листьями. Пол никогда не считал себя страстным садоводом. Примерно раз в год — если появлялась реальная угроза наткнуться глазом на шип — он начинал бороться с кустом. Борьба сводилась к отсечению пары веток разделочным ножом, и в следующие полмесяца куст выглядел хмуро, но аккуратно. В этом году Пол немного опоздал, и разросшийся куст опять доминировал в садике, заслонив собою все. Вот почему Пол не сразу заметил гостя...

— Ну разве не сладкая парочка!

Пол узнал бы этот голос, даже не видя его хозяина. На крыльце сидел и лучезарно улыбался сам Банни Макгэрри.

Глава шестая

Сердце Пола замерло при звуках насмешливой коркской[10] песенки, донесшейся из-за ограды. Не то чтобы это было неожиданностью. Банни приходил постоянно. Пол лишь надеялся подремать несколько часов, прежде чем он заявится вновь.

Банни Макгэрри сидел на ступеньках крыльца, растянувшись по ним всем своим крупным телом, и с удовольствием копался в пакете с круассанами. В другой руке он держал пластиковый нож и пару крошечных контейнеров с мягким маслом. Мятый костюм был щедро обсыпан коричневыми крошками, на плечах лежала черная дубленка из овчины, защищающая от утреннего холода. Ключка для хёрлинга[11], с которой он никогда не расставался, стояла возле ограды.

— А вот и юный Поли — собственной персоной!

В голосе Банни всегда сквозили жизнерадостно-насмешливые нотки — словно он постоянно шутил, но лишь понятным ему одному образом. Красное лицо его было того насыщенного свекольного оттенка, какой бывает только на заднице у бабуина — то ли от пристрастия Банни к выпивке, то ли от постоянно бурлящего внутри него гнева, то ли от того и другого сразу.

У Банни были черные как смоль глаза-бусинки, которые никогда не смотрели в одном направлении, поскольку левый сильно косил. В целом создавалось обескураживающее впечатление, будто один глаз всегда стоит на страже, пока второй шарит вокруг с самыми гнусными намерениями. Банни использовал эту особенность на полную катушку. Некоторые хвастались, что могли заставить Банни Макгэрри отвести взгляд, но Полу в это не верилось. Возраст Банни невозможно было определить. Все то время, что знал его Пол, он выглядел совершенно одинаково. Сейчас ему, по идее, должно быть около пятидесяти, но это если мерить в человеческих годах. А Банни плохо вписывался в человеческие мерки. Больше всего он походил на статую с острова Пасхи, научившуюся усмехаться.

— Здравствуй, Банни, — произнес Пол, чувствуя, как утекают последние силы.
— Вижу, ты решил устроить пикничок.

— Эх, Поли, свежие круассаны из пекарни — это же лучшая часть утра... — Банни поднес один из рогаликов к носу и театрально вдохнул аромат. — Охеренно! — бросив круассан обратно в пакет, он стал подниматься. — Французы, конечно, те еще пиздюки, но выпекать булки они умеют.

— Не думал, что ты встаешь в такую рань, — заметил Пол.

— Ох, Поли, — рассмеялся Банни. — Я ведь никогда не сплю. Тебе ли этого не знать...

Поднявшись на ноги, он двинулся вперед и занял обычное для себя положение. У него была неприятная привычка подходить слишком близко к людям во время разговора. Проще говоря, он буквально залезал в чужое личное пространство. При росте около ста девяноста сантиметров он явно обладал избыточным весом. Было трудно судить, каково соотношение жира и мышц в его теле, но боже вас упаси выяснять это на практике — главным образом оттого, что Банни не только умел драться грязно, но и получал от этого процесса невыразимое удовольствие.

Пол хорошо помнил случай из своего детства, когда Гэри Кирни, бывший боксер, схлестнулся с Банни возле паба Фелана. Пол в тот момент играл с пацанами в футбол неподалеку. Так вот, Гэри Кирни тогда сожительствовал с матерью Алана Мерфи, одноклассника Пола. Через несколько месяцев после

того, как к ним заселился Кирни, Алан стал регулярно падать с лестницы, несмотря на то что жили они в квартире на первом этаже. Заскочив к ним, Банни долго беседовал с мамой Алана о возникшей ситуации, и Кирни это совершенно не понравилось. Тогда Банни предложил уладить дело «по-джентльменски». Кирни не мог поверить своему счастью. Но в тот момент, когда он только начал снимать пальто, Банни его атаковал. Нападение вышло столь неожиданным, что Кирни ни разу не сумел ударить в ответ. Когда все закончилось, Банни протянул Алану плотно набитый мешок с мелочью, который держал в руке, и велел сходить с друзьями в магазин за сладостями. Потом Кирни съехал, и Алан перестал падать с лестницы. А сам Кирни после этого заикался до конца жизни.

Банни заметил крошки от круассанов на своем костюме и поднял глаза к небу.

— Ты только посмотри, какой я неряха! Вынужден извиниться, я не ожидал встретить особу женского пола.

Он похлопал себя по торсу, сунул в рот одну из самых больших крошек и вежливо поклонился, протянув Бриджит руку ладонью вверх.

— Миледи!

Бриджит не шелохнулась. Немного помолчав, Банни бросил на Пола многозначительный взгляд.

— Поли, малыш, не будь таким невежливым. Познакомь меня с юной дамой.

Полу, как всегда, хотелось отодвинуться от Банни подальше, но весь его жизненный опыт подсказывал, что путь наименьшего сопротивления — самый верный.

— Банни, это Бриджит Конрой.

Он видел, как Бриджит переводит взгляд с одного на другого в попытке понять, друг Банни или враг. Поколебавшись, она робко протянула руку. Банни схватил ее и яростно потряс.

— Банни Макгэрри к вашим услугам.

Бриджит успела отдернуть руку, прежде чем Банни ее облобызал. Затем Банни выпрямился — причем сделал это так плавно, что случайный наблюдатель мог и не заметить начала движения.

— Приятно познакомиться, — ответила Бриджит.

— Оу, сельская девушка? Из Слайго, если не ошибаюсь?

— Вообще-то из Литрима.

— Похер. Литрим — это точно такая же забытая богом жопа. За последние десять лет оттуда не вышло ни одного приличного игрока в хёрлинг. Не удивлен, что ты свалила оттуда, дорогуша. Если в жизни ваши парни такие же мозгоебы, как в хёрлинге, то они бы тебя до смерти уже достали.

Изумленная Бриджит несколько раз открыла и закрыла рот. Банни умел производить впечатление на людей.

— Иди, если хочешь, милая, — сказал Банни. — Нам с Поли нужно о многом поговорить.

— Спасибо, но я, пожалуй, останусь, — твердо ответила Бриджит.

Банни бросил на нее мимолетный взгляд.

— Ха, на девушку из Литрима где сядешь, там и слезешь. Ну, что скажешь, Поли? Как твои дела?

— Супер, Банни. А как дела у твоей команды по хёрлингу? Слышал, вас опять дисквалифицировали?

Как глупо... Он осознал это быстрее, чем успел договорить, но сегодня Банни раздражал его больше обычного.

Банни слегка поднял брови, как бы намекая, что он все понял и вернет должок позже.

— А я слышал, ты содержательно провел пару последних дней. Убил, например, человека...

— Никого он не убивал! — возмутилась Бриджит. — И вообще, какое вам до него дело?

— Я очень близкий старый друг...

В этот момент из-за угла вынырнула полицейская машина и с визгом остановилась.

Банни мельком взглянул в ее сторону.

— Господи, Поли! Надеюсь, у тебя нет неприятностей с законом?

Офицер Данахер неловко выбрался из машины. Увидев Пола, он явно обрадовался. Очевидно, перспектива писать объяснительную, как искалеченный подозреваемый сумел уйти у него из-под носа, его пугала.

— Доброе утро, офицер Данахер, — сказал Пол. — А мы все гадали, куда вы запропастились.

— Ага... Извините, я... — Данахер осекся, уловив по языку тел напряжение, повисшее между собеседниками. — Все в порядке?

— Все просто чудесно, — ответил Банни. — Мы тут болтаем, как старые добрые друзья.

— Вообще-то, — произнесла Бриджит с неуместным торжеством, — этот джентльмен над нами издевается.

— О боже, в самом деле? — ответил Банни с притворной невинностью. — Приношу свои глубочайшие извинения.

— Не будете ли вы так любезны, сэр...

— Для тебя, сынок, я не сэр, а детектив уголовной полиции Макгэрри.

Данахер словно наткнулся на невидимое препятствие. Но рот его, кажется, опережал мозг, поскольку с искренним удивлением он договорил:

— ...показать ваши документы.

Банни рассвирепел.

— Мои документы через минуту окажутся в твоей жопе, сынок! Ты что, из Гласневина?[12]

Потрясенный Данахер молча кивнул.

— Передавай привет сержанту О'Брайену. Скажи, что Банни Макгэрри советует ему держать своих молокососов в узде.

Данахер шагнул назад, затем вперед и застыл на месте — будто кролик, застигнутый светом фар.

— Свали на хер, — мягко произнес Банни. — Будь хорошим мальчиком.

Красный, как помидор, Данахер развернулся и побрел к машине.

— А я думал, тебя все знают, Банни, — сказал Пол.

— Ну что тут скажешь? Подготовка кадров уже не та... — он взглянул на свои ногти, словно пытаясь отвлечься от неприятной темы. — Ну хватит обо мне, поговорим о тебе. Убийство — большой шаг вперед, не так ли, Поли?

— Это было не убийство, — вмешалась Бриджит.

— В самом деле, красавица?

Отвечая Бриджит, Банни не отводил взгляд от Пола.

— Может, тебе в самом деле лучше уйти, Бриджит? — предложил Пол.

Впрочем, с таким же успехом можно было попытаться удержать цунами.

— Это была самооборона, — упрямо продолжила Бриджит.

— Да ладно! — усмехнулся Банни. — А я слышал другое. Он вошел в палату, и через пять минут смертельно больной пациент стал от него отбиваться.

— Все было не так, — возразила Бриджит.

— Откуда ты знаешь, дорогая?

— Что ж, «дорогой», я знаю потому...

Мир замедлился до тошнотворной дрожи. Пол обреченно наблюдал, как тяжелый поезд накатывается на него со всей неизбежной инерцией.

— ...что была с ним! — договорила Бриджит с отчаянным вызовом.

Пол не видел глаз Бриджит, но мог представить ее праведный гнев... который слегка померк, когда она увидела, как оживился Банни.

— Ты была с ним? — переспросил он.

— Да, — ответила она как можно увереннее. — Я медсестра хосписа Святой Килды.

— Значит, ты впустила его в палату жертвы и...

— Да... Нет... Не совсем так...

Наконец Банни оторвал взгляд от Пола и посмотрел прямо на Бриджит.

— Понятно. Юная подружка Поли... Что ж, это многое объясняет.

— Нет, я... — пробормотала она. — Я не... Вы неправильно поняли!

— Неужели? — спросил Банни. — Выходит, ты одна из этих «ангелов смерти»? Так? Он помогал тебе держать подушку?

— Нет!.. — Бриджит в отчаянии топнула ногой. — Вы ведете себя как...

— Ну хватит, — вмешался Пол, — ты отлично развлекся, Банни. Но теперь мне надо отдохнуть...

Банни улыбнулся.

— Даже не сомневаюсь. Уверен, она не дает тебе скучать. Был рад повидаться, Поли. Думаю, скоро увидимся.

Он подхватил свою клюшку и отступил на шаг, отглядев Пола с ног до головы.

— Отличная, кстати, футболка.

Банни сунул коричневый бумажный пакет с остатками круассанов в стиб локтя перевязанной руки Пола и отдал честь. Затем подмигнул Бриджит и зашагал по тротуару, небрежно покачивая хёрлом[13]. Проходя мимо патрульной машины убитого горем офицера Данахера, он дважды постучал по капоту и помахал ему рукой.

— Да как он смеет? — заговорила Бриджит. — Он не может...

— Он может делать все, что захочет, — перебил Пол, не сдерживая гнева.

— Это полицейский беспредел!

— Это Банни Макгэрри! — отгрызнулся он. — Черт возьми, ты ничего в этом не смыслишь, но никак не можешь замолчать, да?

Бриджит возмущенно отступила на шаг.

— Что ты хочешь этим сказать?

Бросив коричневый пакет на землю, Пол стал копать здоровой рукой в карманах пальто, нащупывая ключ.

— Неважно. Спасибо, что подвезла.

— Ну-ка, погоди...

Но он не стал «годить». Одним плавным движением Пол вошел внутрь дома и захлопнул за собой дверь. Даже не взглянув на портрет, висевший над каминной полкой, он почувствовал на себе осуждающий взгляд двоюродной бабушки Фиделмы.

А затем он услышал, как хлопнула калитка.

Глава седьмая

— А почему здесь нет зеркала? — поинтересовалась Бриджит.

Детективу-инспектору Джимми Стюарту исполнилось 59 лет 11 месяцев 3 недели и 2 дня. В те далекие времена, когда он только начинал службу в полиции, носить имя, совпадающее с именем кинозвезды Золотого века Голливуда [14], считалось забавным. По этому поводу старики постоянно отпускали шутки — не очень смешные, но позволяющие убивать время и хоть чем-то развлекаться на дежурстве. А еще они показывали пародии — разумеется, плохие, но обычно хватало имени и чудного голоса, чтобы все догадывались, о ком идет речь. Впрочем, он ни на кого не держал обиду. Все эти старики теперь «висели» на большой деревянной доске в конце коридора — той самой, на которой через пять дней появится и его имя, нравится ему это или нет. Что ж, единственный способ избежать этой участи — умереть от бандитской пули к следующему понедельнику. И тогда он украсит собой доску мраморную, висевшую на почетном месте в вестибюле.

— Вам требуется зеркало, сестра Конрой? — спросил детектив Уилсон. — Хм... по мне, вы выглядите превосходно.

Стюарт покачал головой, не поднимая глаз. Уилсон был идиотом наихудшего сорта: с высшим образованием. Необходимость нянчиться с ним стала одним из унижений, которым его подвергли за последние полгода после того, как его функционал «был свернут». Почти каждый гард выслуживает свой тридцатник, оформляет пенсию и бежит отсюда со всех ног. Но только не Стюарт: он

упрямо цеплялся до последнего. Начальство уже не знало, что с ним делать. Но хуже всего было то, что он служил бы и дальше, если бы ему позволили. Служба стала для него всем. Он с ней совершенно сроднился. Любой, кто не уходил в отставку по достижении выслуги лет, обычно занимал место среди руководящего состава. Карьера же Стюарта, и без того не особо стремительная, намертво застыла на должности детектива-инспектора. Никто, конечно, ему этого не говорил, но неистребимый протяжный выговор уроженца Фингласа [15] сыграл с ним дурную шутку. Старшие офицеры не должны разговаривать с таким же дублинским акцентом, как те ребятки, которых они «закрывают». Впрочем, Стюарту было все равно. Он прекрасно понимал, откуда он, как и любой, имеющий уши. Просто он был ищейкой до мозга костей. Если бы он продвинулся вверх по пищевой цепочке, то пришлось бы целыми днями просиживать штаны на совещаниях и пытаться мыслить «нестереотипно». К черту все это! Он любил свою работу, даже если она не отвечала ему взаимностью. И вот теперь его время подходило к концу. С некоторых пор единственный шанс поучаствовать в приличном расследовании убийства мог представиться только в том случае, если он сорвется и забьет Уилсона до смерти бутылкой шампанского – той самой, что ему подарили по случаю грядущего выхода на пенсию. Кстати, это говорило о довольно слабых детективных способностях коллег. Джимми Стюарт выпивал лишь раз в жизни. И ему это занятие не понравилось.

— Давайте уточним, — продолжил Уилсон. — Когда я сказал, что вы прекрасно выглядите, то не имел в виду сексуальный контекст.

Стюарт стал перечитывать свои записи, во второй раз убеждаясь, что охватил абсолютно все. Он позволил напряжению, которое только что создал Уилсон, невозбранно висеть в воздухе, пока не дошел до конца страницы.

— Она имеет в виду двустороннее зеркало — как в полицейских сериалах, — Стюарт поднял глаза и улыбнулся сестре Конрой. — Боюсь, у нас такого пока нет.

— О.

На лице Бриджит мелькнуло разочарование.

— Итак, — продолжил Стюарт, — если вы хотите ударить детектива Уилсона по голове, то я сделаю вид, будто ничего не заметил, и никому об этом не расскажу.

Он перевернул лист и продолжил чтение.

Стюарт пребывал в раздражении.

Это было перманентное раздражение, вызванное самим фактом того, что он уходит в отставку. У него не имелось никаких хобби. Рыбалка наскучила до слез, от рукоделия выступала крапивница. Гольф, конечно, мог стать прекрасной заменой прогулкам на свежем воздухе, но он, к сожалению, не любил прогулки. Единственным видом спорта, который ему нравился, был американский футбол — из-за того, что в девяностые годы он служил ночным дежурным сержантом, и других развлечений тогда не было. Это занятие занимало воскресные вечера в течение пяти месяцев года. Даже в самые

спокойные недели, когда шесть с половиной дней он ни хрена не делал, Стюарт ждал эти вечера с нетерпением.

А еще он испытывал особое раздражение всякий раз, когда видел перед собой большое блестящее лицо рыжеволосого Уилсона, слышал его плаксивый говор или, что хуже, слушал, как небрежно он упоминает свою степень по криминологии, полученную в сраном Тринити-колледже[16]. Стюарт должен был ввести его в курс дела, вручить, так сказать, бразды, но Уилсона, судя по всему, больше интересовали ниточки – вроде тех, за которые дергают, когда хотят, чтобы инфантильному внуку бывшего министра финансов вручили значок детектива. Уже три недели они с Уилсоном работали вместе. За это время Стюарт девять раз процитировал Дэнни Гловера из «Смертельного оружия», но парнишка его ни разу не понял! Видимо, Стюарт в самом деле «слишком стар для этого дерьма».

Все вышеперечисленное являлось источником его ежедневного раздражения, но не сегодняшнего, достигшего наивысшей точки. И причиной ему стала Бриджит.

За тридцать шесть лет супружества многострадальная миссис Стюарт уговорила мужа-трудоголика съездить в отпуск за границу ровно дважды. Инспектору Джимми Стюарту не нравилась заграница. Он не любил ни море, ни солнце, ни иностранцев. Не то чтобы он был расистом, просто иностранцы норовили говорить на своих языках, а Стюарт испытывал патологическую неприязнь полицейского ко всему, что он не понимал. Во время второго заграничного отпуска они поехали на Крит. Ему эта затея категорически не нравилась, но он постарался не подавать виду. Как-никак, эта женщина родила и вырастила четырех его детей, всех из которых он любил и трое из которых ему нравились. Раз уж он сдался, раз принял такое решение, то будет справедливым позволить ей насладиться отпуском, не начиная вести себя как вечно недовольный хрен! Но во второй же вечер он внезапно осознал, что ему грозит пищевое отравление. Еда, которую они ели, была вполне вкусна и не вызвала подозрений. Тем не менее Стюарт молча сходил на ресепшен и попросил дополнительный рулон туалетной бумаги. В течение нескольких последующих дней он терпеливо ждал и даже вел себя достаточно деликатно, чтобы не повторять «Я же тебе говорил!» даже в тех нередких случаях, когда туалет требовался сразу обоим.

Теперь жена ездила в автобусные туры по Европе с бридж-клубом. В ее отсутствие собака питалась замороженными обедами, с любовью приготовленными для мужа многострадальной миссис Стюарт, а сам он с аппетитом уплетал фастфуд, который ему строго-настрого запрещалось есть. Брак, думал Стюарт, – это компромисс. Компромисс и ложь. Правильная ложь.

Дело в том, что детектив-инспектор Джимми Стюарт обладал сверхъестественным чутьем на всякое неприятное дерьмо. А одного взгляда на сияющее лицо сестры Конрой вполне хватало, чтобы захотелось сходить за дополнительным рулоном бумаги.

Она явилась сама, желая дать показания о том, что произошло накануне вечером в хосписе Святой Килды. Безобразие, конечно, но смерть еще безобразнее. Это как раз не вызвало особого беспокойства. Сегодня утром Стюарт первым побывал на месте происшествия, и версия, изложенная сестрой Конрой, вполне совпала с уликами. Судя по всему, этот бедный поганец Браун был на волосок как от жизни, так и от здравомыслия и не держался крепко ни

на том, ни на другом. Он ударил ножом в плечо какого-то посетителя, занимавшегося благотворительностью, и сердце старика остановилось во время схватки. К счастью, все ценные вещи пациентов запирались при оформлении, так что возможность грабежа отсутствовала. Вопрос, откуда у Брауна взялся складной нож, был довольно неудобным, и кому-то придется на него ответить. Но, с другой стороны, кому придет в голову обыскивать умирающего старика на предмет спрятанного оружия?

Сестра Конрой выразилась предельно ясно: Малкроун зашел к Брауну только потому, что оказывал ей услугу. Люди постоянно оказывают друг другу услуги. «Услуга за услугу» – такова ирландская традиция. Единственная причина, по которой Стюарт сидел ныне возле пустого места, носившего имя «детектив Уилсон», заключалась в том, что кто-то когда-то оказал услугу старому собутыльнику, запульнув его внука вверх по служебной лестнице. То, что Стюарт вообще оказался в комнате для допросов, стало результатом еще одной услуги. Это убийство-неубийство не было тем, чем обычно занимается Национальное бюро уголовных расследований, но о нем попросил лично старший инспектор Дрейк, поскольку шеф, без сомнения, оказывал услугу кому-то еще. Он осторожно поговорил со Стюартом по телефону: пациенты, нападающие на случайных идиотов, могут поставить хоспис в неловкое положение – и так далее, и тому подобное. И нельзя ли разобраться с этим делом «деликатно», тем более что пациент, о котором идет речь, хоть и ирландец по национальности, но имел американский паспорт. Другими словами, «пожалуйста, Джимми, ты не мог бы придержать Уилсона за руку, чтобы он не проебал все дело? И ради всего святого – сделай так, чтобы ничего не просочилось в газеты. Услуга за услугу».

Кое-что в сестре Конрой особенно бесило Стюарта. Большинство людей, дающих показания, обычно либо психуют, либо злятся, либо всего лишь нервничают от того, что оказались в полиции. Конрой вела себя совершенно иначе. Она была в восторге. Нет, не как «психопат, получающий удовольствие от смерти» – если, конечно, Стюарта окончательно не покинуло детективное чутье. Просто она излучала такой энтузиазм, какой бывает только у свидетелей, нашедших Бога, а не мертвое тело. Судя по всему, она была искренне рада помочь полиции в расследовании, и это, по многолетнему опыту Стюарта, было крайне необычно. А детектив-инспектор Джимми Стюарт терпеть не мог необычное. Прежде чем успеваешь что-то сообразить, необычное становится странным, и после интенсивной работы, танцев с бубном и выстраивания затейливой цепочки доказательств странное превращается в сложное. А больше всего на свете Джимми ненавидел сложности – на уровне глубоких инстинктов. Впрочем, понимая, что его подозрения не имеют смысла, он не стал делиться ими с юным криминологом. И все же подозрения могли оказаться небеспочвенными. Так что в данную минуту детектив-инспектор Стюарт расставлял все точки над «И» и рисовал перекладки над «П», ожидая появления «Ц», «Д», «Е» и «З».

Бриджит, со своей стороны, боролась с довольно сильным разочарованием. Все эти шотландские детективные романы, содержавшие в себе больше мертвых тел, чем в Шотландии живет шотландцев, внушили ей немалую надежду на систему уголовного правосудия. Конечно, ей было жаль, что Браун умер, но на самом деле его смерть стала лишь ускорением и без того неизбежного процесса. А еще она испытывала вину за то, что Пола ранили ножом – хотя и значительно меньше с тех пор, как он хлопнул перед ней дверью. Тем не менее она стала почти свидетельницей смерти в процессе попытки убийства – разве это не захватывающая тема для разговора? Что ж, видимо, нет. Старик целый час

старательно писал, пока его рыжий напарник нес какую-то околесицу, придавая происходящему ощущение неудачного свидания вслепую. Внезапно ей в голову пришла мысль.

— А разве вы не должны записывать? — спросила она.

— Должен. Я записываю.

— Но...

Стюарт посмотрел на нее еще раз. Он вдруг понял, что Бриджит напоминает ему младшую дочь, и отложил ручку в сторону.

— Большинство допросов фиксируется на пленку, но поскольку вы пришли сделать простое заявление, то записывать разговор не требуется, — пояснил он.

— А какая разница? — спросила она.

— Вы свидетельница, а не подозреваемая, — ответил Стюарт. — Или вы хотите сделать шокирующее признание?

— Нет, спасибо.

— Всегда пожалуйста, — Стюарт вернулся к своим записям. — Кроме того, единственная комната с работающим магнитофоном — номер три, но там сломалось отопление. А я слишком стар, чтобы волочь туда обогреватель.

Бриджит многозначительно посмотрела на Уилсона.

Последовав за ее взглядом, Стюарт издал короткий невеселый смешок.

— У него какая-то «ология». Ему не рекомендуется поднимать тяжести.

Уилсон скривился.

— Логично, — сказала Бриджит. — Просто я... ну... ожидала нечто большее, чем простые расспросы. Игру в хорошего и плохого копов или что-то в этом роде...

— Это чрезвычайно устаревший метод, — ответил знаток криминологии.

— Так точно, — кивнул Стюарт. — Хороший и плохой копы сегодня в отгуле, так что работать приходится мне.

Глаза Бриджит загорелись.

— Вы сейчас...

— Что?

— Вы только что процитировали Вика Мэки?

Стюарт подавил усмешку.

— Не исключено.

— Кого? — не понял Уилсон.

— Главного героя сериала «Щит»[17], — пояснила Бриджит.

— Не смотрел такого, — ответил Уилсон.

— Он у нас большой поклонник скандинавских криминальных драм, — пояснил Стюарт.

— Они великолепны, — добавил Уилсон.

— Ага, — сказала Бриджит. — Если вас не парит смотреть, как люди целый час с тоской таращатся на фьорды вместо того, чтобы расследовать преступления.

Стюарт усмехнулся. Несмотря ни на что, Бриджит начинала ему нравиться.

Раздался резкий стук, затем дверь приоткрылась, и дежурный сержант Мойра Кларк просунула в щель голову.

— Можно вас на пару слов, детектив-инспектор Стюарт?

Стюарт встал и направился к двери.

— Сейчас вернусь, — сказал он сестре Конрой, затем кивнул в сторону Уилсона. — Если он попыбует выкинуть что-нибудь в «сексуальном контексте», кричите.

— А если попробую я? — спросила Бриджит.

— О, — улыбнулся Стюарт. — Хотите, чтобы вас как можно раньше признали невменяемой? Умно.

Уилсон покраснел, а Бриджит попыталась скрыть улыбку за нервным кашлем.

Стюарт вышел к Кларк в коридор и закрыл за собой дверь комнаты для допросов.

— Ты не поверишь, что Уилсон только что...

Слова застыли у него в горле, как только он увидел выражение лица Мойры.

— Насчет вашего трупа...

Через несколько минут Стюарт вернулся в комнату для допросов номер два, сел на свое место, взял ручку и посмотрел на Бриджит.

— Мисс Конрой, вы когда-нибудь слышали о джентльмене по имени Джеки «Ящер» Макнейр?

Лицо Бриджит засияло, и сердце Стюарта упало окончательно.

— Тот парень из дела «Рапунцель»? Знаменитый подручный печально известных Фэллонов и...

Увидев выражение лица детектива-инспектора Стюарта, Бриджит умолкла.

Стюарт отложил ручку в сторону, закрыл глаза и потер переносицу большим и указательным пальцами левой руки.

Как все сложно.

Не поднимая глаз, он проговорил:

— Уилсон, сделай доброе дело — сходи за обогревателем.

Глава восьмая

Фиделма О'Брайан

1935–2010

Смиренный ангел Божий вернулся к Нему

Пол посмотрел на могилу. Она всегда была такой... неприятно ухоженной. Он гадал, не заплатила ли она кому-нибудь, чтобы за ней присматривали. Это предположение ему нравилось больше, чем мысль о том, что у старой склочницы с вечно недовольным лицом могли существовать друзья. У основания надгробия лежал венок из пурпурных цветов с немного подвявшими по краям бутонами. Может, где-то живет флорист, которому платят ежемесячную стипендию, как Полу? Он очень на это надеялся. Пол приветствовал бы все, что отняло бы деньги у этих ненавистных ослов.

Каким бы уставшим Пол ни чувствовал себя после больницы, лечь спать он не мог. Следовало придерживаться расписания. Сегодня пятница, и то, что его чуть не зарезал выживший из ума полутруп, ничего не меняет. Даже наоборот: соблюдение графика становится еще более важным делом.

Каждую пятницу он в обязательном порядке посещал адвокатскую контору «Гриви и Ко», где оставлял заполненные регистрационные листы, а по дороге заезжал на кладбище, хоть это и было не совсем по пути. Пол не обсуждал с адвокатом этот вопрос напрямую, но у него сложилось устойчивое впечатление, что мистеру Гриви достанется некоторая доля наследства Фиделмы после того, как его окончательно разделят. Игра Пола с системой выводила адвоката из себя. Гриви даже нанял частного детектива, чтобы

убедиться в том, что Пол не нарушает условий завещания. Даррен преследовал Пола две недели, пока они не подружились. Пол принес детективу стакан чая, а Даррен, в свою очередь, подвез его до продуктового магазина. Жаль, что расследование быстро закончилось, — Пол скучал по хорошей компании.

За последние семь лет, четыре месяца и две недели отношение Гриви к Полу поменялось сначала от сочувственного к неприязненному, потом к открыто-враждебному, пока не достигло текущего состояния почти полнейшего бойкота.

— Эта стипендия, мистер Малкроун, предусматривалась как временная мера. Ваша двоюродная бабушка Фиделма не хотела бы, чтобы вы жили так постоянно.

Но ведь в этом и смысл! Как говорится, жизнь — это лучшая месть. Для Пола уж точно. При этом он понимал, что затеял игру в гляделки, в которой ни за что не хотел моргнуть первым, с мертвой женщиной.

Пол огляделся. Единственными живыми существами, которых он увидел, оказались одинокий старик в дальнем конце кладбища и нелепый пудель, таявавший у него за спиной. Даже издали было видно, что они не очень друг другу подходят. На мгновение Пол задумался, не была ли собака любимицей покойной жены? В любом случае пудель среди мертвых казался не очень уместным стусюком энергии. Возможно, его просто тревожит близость всех этих костей?

Пол вновь повернулся к надгробию.

— «Смирный ангел»? — прочитал он. — Ты сама выбрала эту надпись, старая дура... От иронии ты была так же далека, как от сострадания.

Было время, когда Пол сам себе удивлялся — зачем он это делает? Зачем каждую неделю посещает могилу Фиделмы? Но сейчас он знает совершенно точно: чтобы наполнять себя гневом. Гнев поддерживал его, когда приходилось ходить по дому в трех свитерах, чтобы экономить на отоплении; или питаться просроченной едой почти каждый вечер; или шесть часов в неделю посещать полумертвых, чтобы доказать свою правоту одной давно скончавшейся ведьме. Джон Лайдон[18] был прав: гнев — это энергия. Пол не нуждался в одобрении и не нуждался в людях. Все, что ему было нужно, — это гнев.

Он стал читать свою еженедельную особую молитву:

— Ты могла помочь маме, но не помогла. Ты могла помочь мне, но не помогла. Ты решила, что будешь управлять моей жизнью из могилы? А вот хуй тебе!

Раньше он плевал на могилу после произнесения последних слов, но потом перестал. Ему показалось, что это действие только подтверждало то, что о нем думала сама Фиделма. «Выродок беспутной шалавы» — так она назвала его во время их второй и последней встречи. Он обсуждал этот случай с психиатром, к которому его направили. Психиатр, носивший ирокез, делавший его похожим на тощего белого Мистера Ти[19], объяснил Полу, что тот страдает острой боязнью одиночества. А потом Служба здравоохранения перевела мозгоправа в Лимерик. В отличие от своей двоюродной бабки, Пол не понаслышке знал, что такое ирония.

Пол развернулся на каблуках и пошел прочь — навстречу пронизывающему ноябрьскому ветру, но миновав два участка, остановился и вернулся назад.

— Ох, извини. Чуть не забыл, — сунув руку в карман, Пол вытащил два листка. — Глянь сюда, старая чокнутая сука: шесть часов и пять минут благотворительности — серьезное улучшение моих моральных устоев. Увидимся через неделю.

Он сунул листочки обратно в карман, потом нагнулся, взял венок и ушел.

Джанет Малкроун

1968–1998

Пол смотрел на пустое пространство под именем. Он экономил и копил в течение двух лет, чтобы приобрести для нее настоящий надгробный камень. Но когда дело дошло до установки, он не смог придумать надпись. Задача казалась слишком большой, слишком сложной, слишком непреодолимой. Как можно заключить целую жизнь в несколько слов?

Могилы на этом конце кладбища пребывали в заметно худшем состоянии. Но ухоженная могила матери выделялась на фоне остальных — в разной степени заросших сорняками. Прошлым летом он провел здесь целый день и прочистил весь ряд. Она бы точно это оценила. Надо бы повторить, когда заживет плечо.

— Привет, мам, я в порядке. Не обращай внимания на повязку, это просто... э-э... Трудно объяснить. Я вроде во что-то вляпался, но я разберусь. Со всем справлюсь. Я решил помочь медсестре, о которой упоминал пару недель назад, но ситуация стала немного... острой. Но со мной все в порядке. Во всяком случае лучше, чем с тем вторым парнем...

Пол стал думать, что сказать дальше. Он прекрасно сознавал, как глупо пытаться не расстроить мертвую женщину, но все же не мог заставить себя перейти к подробностям. Перед ним вновь мелькнуло улыбающееся лицо матери. По крайней мере он надеялся, что это именно она, поскольку у него не осталось ни единой ее фотографии. Он изо всех сил старался удержать ее в памяти, но ему казалось, что другие лица, другие улыбки и другие глаза проникают и загрязняют его воспоминания. Будучи подростком, он пытался научиться рисовать, но ни разу даже не приблизился к тому образу, который помнил. Заметив, что память стала напоминать рисунки, а не наоборот, он бросил это занятие. С тех пор каждую неделю он стоял здесь и пытался освежить постепенно тускнеющую картину.

Он больше не плакал, но не в том смысле, что ему стало легче. Это не было похоже на исцеление. Скорее на смерть. Второй из двух повторяющихся снов был чистым кошмаром. Пол просыпался в своей постели, и все вокруг выглядело совершенно обычным, пока он не скидывал с себя одеяло и не видел собственные пальцы ног, которые оказывались цвета серого гранита. Он пытался сдвинуть их с места, но не мог. А потом он моргал, и после пальцев

точно такими же становились сами ноги. Протянув руку, он трогал их, и они были гладкими, как мрамор, и холодными, как лед. Отдернув руку, он замечал, что и кисть стала каменной. Окаменение постепенно распространялось по всему телу. Сон всегда заканчивался одинаково: ему отчаянно хотелось крикнуть, но не получалось вдохнуть. А потом он просыпался весь в поту.

Пол наклонился и осторожно положил пурпурный венок у основания надгробия.

— Увидимся на следующей неделе, мам.

Глава девятая

— К чему так нервничать?

Детектив-инспектор Джимми Стюарт, чье настроение было окончательно испорчено, поднялся на священную крышу, чтобы насладиться столь необходимыми ему тишиной и покоем. Ну и сигаретой, которую он «стрельнул» у дежурного сержанта Мойры Кларк. «Священной» крышу прозвали курильщики Национального бюро уголовных расследований, поскольку на ней можно было незаметно перекурить, насладившись видом как на автостоянку Главного управления полиции, так и на пару вольеров Дублинского зоопарка по соседству. По всеобщему мнению, вид многое потерял после того, как из одного из вольеров убрали жирафов, но по-прежнему значительно превосходил то, что можно было лицезреть из официально разрешенного места для курения. Поскольку «зона для курения» располагалась с подветренной стороны от мусорных баков и в прямой видимости из окна кабинета комиссара, посещали ее только безнадежно тупые или фатально нечестливые сотрудники.

Прохладный воздух навевал мысли о скором снегопаде. Уилсон увязался за Стюартом на крышу, явно недооценивая, насколько искреннюю и тяжелую неприязнь питает к нему детектив-инспектор. Единственное, что могло сейчас развеселить Стюарта, — это зрелище того, как Уилсон ныряет вниз головой на красивые парковочные места. Впрочем, он с удовольствием прыгнул бы следом, ибо за завтраком многострадальная миссис Стюарт сообщила, что записалась вместе с мужем на уроки гончарного мастерства.

— Ты серьезно никогда не слышал о «Рапунцель»? — спросил детектив-инспектор Стюарт.

— О сказке?

— Какая, бл... — Стюарт почувствовал, как у него задергалось веко. — Это уголовное дело! Причем одно из известнейших в криминальной истории Ирландии.

Уилсон посмотрел на него бессмысленным взглядом, живо напомнившим Стюарту, каково это — быть отцом детей-подростков.

Стюарт тяжело вздохнул, прежде чем заговорить нарочито покровительственным тоном.

— Это случилось в 1985 году, когда Боно[20] увлекся Иисусом, Боб Гелдоф[21] — Африкой, а статуи Девы Марии двигались так часто, что было непросто застать их на месте[22]. И вот в самый разгар этого безобразия разразилась говнобуря, имя которой — «Рапунцель»!

— Честно говоря, я в то время еще даже не родился.

— Ты не родился и до Второй мировой войны, но «Гитлер» тебе о чем-то говорит? Чем ты занимался на занятиях по криминологии? Бесконечно пересматривал «Молчание ягнят»?

— Я ни разу не видел этого фильма.

— Да что за... Как ты вообще... Это же абсолютная классика! Ты что, вылупился из яйца шесть недель назад?

После этой фразы между ними повисло ледяное молчание, и ни один не хотел смотреть на другого. На разделявший их выступ присел голубь, но, поозиравшись, быстро смекнул, что оставаться здесь небезопасно.

Стюарт запульнул окурок за край карниза, о чем тут же пожалел. В «бычке» оставалось еще на ползатяжки, а другой сигареты у него не было, и купить он их не мог. Если многострадальная миссис Стюарт узнает, что он снова курит, то рак станет далеко не главной опасностью, угрожающей его жизни.

— Так вы собираетесь вводить меня в курс дела? — осторожно спросил Уилсон.

Стюарт задумался. Нравится ему это или нет, но их занесло в самую гущу событий, и Уилсону было бы неплохо знать хотя бы азы, чтобы понимать, в какой момент затыкаться. Впрочем, по мнению Стюарта, такой момент длился практически всегда.

— Ладно, детишки, усаживайтесь поудобнее — настало время сказки.

Стюарт поплотнее закутался в пальто, заодно обратив внимание, что Уилсон забыл прихватить свое. Если он будет тянуть с рассказом достаточно долго, то зимний холод окажет огромную услугу правоохранительным органам.

— Самое главное, что следует помнить о преступниках, — это то, что в большинстве случаев они не особо умны. В 1970-х годах ИРА[23] нуждалась в деньгах, чтобы финансировать свои бла-бла-бла, поэтому они грабили банки и почтовые отделения. Обычные порядочные преступники видели это и брали с них дурной пример, так что в скором времени любой debil, способный проделать две дыры в бабе на чайнике, начинал воображать себя Джоном Диллинджером[24].

— Кем?

Стюарт закатил глаза и не стал отвечать на вопрос.

— Банков грабилось столько, что приходилось организовывать отдельные очереди для снятия средств под дулом пистолета. Но постепенно охрана налаживалась, у нас появились вооруженные группы быстрого реагирования и наблюдения. Несколько гурьеров[25] были показательно застрелены, и вся эта история с грабежами банков повторила путь прог-рока[26].

Вопрос о прог-роке явно вертелся у Уилсона на языке, но в конце концов он его отверг. Может, для него еще не все потеряно?

— Вокруг катились восьмидесятые — с характерными наплечниками и синти-попом[27], и у ИРА появилась новая забава — похищения людей. В те дни ты был никем, если террористы из «Шин Фейн»[28] не пытались тебя похитить. Догадайся, к чему это привело?

— Им стали подражать.

— Именно! Вскоре каждый начинающий бандит запасся веревкой и клейкой лентой, а многие полицейские в свободное время стали подрабатывать на охране богатых и знаменитых. В основном, конечно, богатых — красть знаменитых довольно глупо. Люди заметят, если пропадет Крис де Бург[29] — на улицы выйдут толпы.

— Пропадет кто?

— В данном случае ты почти ничего не потерял, — заметил Стюарт. — Так или иначе, но следует целая серия громких похищений. Одни срываем мы, в других похитители лажают сами, третьи приводят к ужасному исходу, но в большинстве случаев просто-напросто выплачиваются деньги. А потом появляется Сара-Джейн Крюгер, урожденная Крэнстон, прекрасная невеста некоего Дэниела Крюгера. Она единственная дочь и свет очей папочки Крэнстона, герцога Беркширского или что-то в этом роде — кузена и приятеля по охоте Ее Королевского Высочества Лиззи Виндзор собственной персоной. Дэниел — наследник состояния Крюгеров, семейства, купающегося в деньгах благодаря «честному» владению золотиносной жилой в Южной Африке, но и испытывающего недостаток репутации по той же самой причине. Это было в те времена, когда старый Нельсон Мандела — упокой, Господи, его душу — еще принимал посетителей на тюремных шахматных чемпионатах.

Уилсон понимающе кивнул. Вероятно, он видел какие-то фильмы.

— Ходили слухи, что бракосочетание Крюгера и Крэнстон не стало особо романтическим событием. Крэнстоны в то время сидели на мели и остро нуждались в грязных деньгах Крюгера, чтобы продолжить жить, как королевская семья, которой они почти являлись. Взамен юный Дэни Крюгер получил обещание, что после того, как старый тесть вознесется наконец в небесный гольф-клуб для самых избранных, он станет лордом и наследником всех титулов.

— Мило...

— Вдобавок ему досталась настоящая диснеевская принцесса — вполне приятной наружности.

— Очень мило.

Уилсон сделал попытку многозначительно пошевелить бровью, которую Стюарт совершенно проигнорировал.

— Ага, учитывая, что он... как бы это выразиться...

Стюарт провел рукой по левой стороне лица.

— Слепой?

— Ну нет... как это... Помнишь Эндрю Ллойда Уэббера?[30]

Стюарт пощелкал пальцами в попытке вспомнить слова, которые никак не приходили на ум.

Уилсон сморщил лицо в замешательстве.

— Он похож на Эндрю Ллойда Уэббера?

— Да нет же! Я про другое... Как в мюзикле знаменитом... только если скажешь «Кошки», я скину тебя с крыши.

— «Призрак оперы?»

— Да! — Стюарт облегченно развел руками. — Спасибо. Крюгер похож на того парня, помнишь? У которого обезображено пол-лица...

— А что с ним случилось?

Стюарт задумался над вопросом.

— Знаешь, я не помню. Кажется, он такой с детства — несчастный случай или вроде того...

— Вот тебе и богатые, — заметил Уилсон. — Они до завтрака могут придумать больше способов подгадить своим детям, чем другие за всю жизнь.

— Твоего отца это тоже касается?

В этот раз Уилсон проигнорировал вопрос.

— Значит, невинную невесту того парня похитили?

— Ага, — ответил Стюарт, — прямо из огромного загородного поместья где-то на юге, пока ее муженек с друзьями охотились, истребляя половину местной фауны.

— И что дальше?

— Весь ад вырвался наружу, вот что. Похитители потребовали три миллиона в необработанных алмазах.

Уилсон присвистнул.

— Условия выполнили. Крюгер мог это устроить — хотя и не мгновенно. Договорились об обмене и...

— И что?

— И ничего. Похитители не явились на встречу, и больше никаких сообщений от них не поступило. Все принялись обвинять друг друга. Говорят, даже Большая Лиззи лично позвонила, чтобы выразить недовольство.

— Ни хера себе.

— О, ты даже не представляешь масштабов. Представь, какая исчезла женщина — почти королевская особа — и прямо во время заключения Англо-Ирландского соглашения, когда все пытались играть по правилам. Эта херня — национальный позор. Полицейским тут же отменили отпуска и завалили работой по самую жопу, поскольку началась крупнейшая охота на людей в истории страны — операция «Рапунцель».

— Кого-нибудь поймали?

— Конечно. Тысячи человек. Из лесов немедленно повылазила куча шизиков. А когда объявили награду в полмиллиона, люди стали забирать своих детей из школ, чтобы поиграть в игру «Найди принцессу».

— Могу себе представить.

— Через неделю кто-то наконец заметил, что Герри Фэллон — подающий надежды новичок в преступном мире Дублина — выглядит немного одиноким, поскольку его брат Фиахра и лучший друг Джеки «Ящер» Макнейр исчезли.

— И до сих пор не найдены?

— Ага. По словам Герри, пацаны уехали в отпуск — путешествовать по Европе.

— Как удачно, что их невозможно отследить.

— Вот именно. Правда, не осталось никаких записей о том, что они покидали страну. До того момента они не особо отсвечивали, хотя были вполне серьезны. Макнейр — это преимущественно мускулы. Мозгом команды, как все знали, был Герри. Его младший брат Фиахра отличался детским смазливym личиком и пользовался большим успехом у дам. Эти трое были настолько близки, насколько это вообще возможно. Мать воспитывала братьев Макнейров одна, их отец исчез. Ходила даже легенда, будто двенадцатилетний Герри забил папочку железной кочергой за то, что тот поколачивал их мать.

— Да ладно! — воскликнул Уилсон. — Seriously?

— Ну кто знает? Может, папа просто запрыгнул на паром. Не он первый, не он последний, — ответил Стюарт. — Так или иначе, проходили дни, но ничего конкретного не обнаруживалось. Парни будто в воду канули, как и бедняжка Сара-Джейн Крэнстон-Крюгер. Выяснилось, что Фиахра некоторое время жил в Шотландии, но все поиски там ни к чему не привели. В отсутствие реальных

новостей стали циркулировать разнообразные слухи: например, что ее вовсе не похищали, или что во время обмена произошло что-то странное и алмазы теперь находятся у каких-то плутоватых южноафриканцев, или...

...у плутоватых полицейских — ходил и такой слушок, о котором Стюарту не хотелось вспоминать, даже стоя на сраной крыше. В то время в этом здании сгорели многие успешные карьеры.

— Потом стали говорить другое: что якобы кто-то видел, как мисс Крэнстон садилась в лодку у берегов Керри[31] в компании юного франта Фиахры Фэллона и была вовсе не похожа на пленницу.

— Только не это!

— Да-да. Типа «свежий бутон юной любви» и всякое такое.

— Неужели люди на это ведутся?

— Ну, эти слухи проверили, как и все прочие. Со всех сторон оказывалось давление, как ты понимаешь. А шесть месяцев спустя вышла печально знаменитая книга «Заложница любви»...

— Ужасное название.

— И не говори! Но публике понравилось. Книжки расхватывали, как горячие пирожки. Еще бы — история о несчастной принцессе, проданной в супружеское рабство и спасенной прекрасным нищим, который сначала украл ее саму, а потом и ее сердце...

— Современная волшебная сказка.

— Точно, — кивнул Стюарт. — Раз в несколько лет начинают ходить разговоры о скорой голливудской экранизации. Колин Фаррелл, кажется, проявлял интерес...

— О господи!

— Крюгер, конечно, подал в суд, после чего тиражи книги выросли на порядок. Он сделался посмешищем и с тех пор не появляется на публике. Мы, пилеры[32], описаны в книге полными недоумками. В ней Герри Фэллон рискует всем, чтобы вывезти из страны, обводя вокруг пальца всю ирландскую полицию, своего дорогого младшего братика и его заложницу, в которую тот безнадежно влюблен.

— Я сейчас разрыдаюсь.

— Этот Герри Фэллон, заметь, хладнокровнейшая изворотливая сволочь. Он — единственный, кого ни разу не удалось поймать за руку. Он сумел даже обхитрить Бюро преступных активов. Нет, не так, блядь, — он поимел их в особо циничной форме! Им пришлось извиняться, когда его имя попало в газеты. Вот это был номер! Теперь все думают, что Герри свободен и чист перед законом. А для нас, простых скромных копов, он стал абсолютно неприкасаем.

Стюарт запрокинул голову и посмотрел в темнеющее зимнее небо.

— Ну и вот, оцени юмор: в книге Макнейр умирает после того, как предал Фиакру, решив послать его на фиг и не делиться миллионом фунтов. Но примерно два часа назад мы узнали, что это чушь собачья. Он не нырял с траулера в Северной Атлантике. Последние три недели чертов Ящер Макнейр находился прямо здесь — в хосписе Святой Килды! Тот самый парень, который знал, что случилось с Сарой-Джейн Крэнстон. Не говоря о том, что он единственный человек на свете, который вполне мог помочь посадить Герри Фэллона за решетку.

— Блин!

Взглянув вниз, Стюарт увидел подъезжающий к воротам большой «Мерседес» с мотоциклетным эскортом.

— И теперь все, что у нас осталось, — только тот бедолага, который его убил.

Глава десятая

Она сделала долгий глубокий вдох.

— Мистер Макрон, я хочу, чтобы вы знали: я компетентный, ревностный и уверенный в своих силах адвокат. Будьте уверены, что здесь, в адвокатской фирме «Гриви и Ко», приоритет номер один — это вы, наш клиент. А конкретно вы даже больше, чем клиент. Вы для нас как семья.

— Обалдеть, — ответил Пол. — Кстати, моя фамилия Малкроун.

— Я знаю... — быстро ответила она. — Это такая адвокатская шутка, чтобы немного поднять настроение и... Господи, да перестань же пинать меня в вагину!

Последняя реплика адресовалась не Полу, а ее собственному огромному животу, поскольку Нора Стокс была беременна. Очень глубоко беременна. Хотя она об этом не говорила, Пол сам догадался: по затрудненному дыханию, по явно испытываемому ею дискомфорту, а также по тому факту, что в настоящее время Нора занимала, пожалуй, больше половины свободного пространства в неприятно влажном офисе. У Пола был довольно скромный опыт общения с беременными женщинами, и оттого они казались ему невероятно пугающими. Общение с беременной напоминало словесное родео. Он ужасно боялся случайно произнести что-нибудь недопустимое, нечто такое, от чего она может родить прямо здесь и сейчас — чисто из вредности.

— Простите, — сказала Нора. — Я не вам. — Она поерзала в кресле и слегка поморщилась. — Этот паренек ужасно целеустремленный. Каждый раз, когда он...

впрочем, неважно. Вы здесь, и у вас проблема. Не думаю, что вам будет интересно слушать о моей ва... — она вытянула руку, словно пытаясь остановить себя физически. — Простите, о чем вы говорили?

Пол смотрел на нее через стол. Нора истекала потом, ее светлые волосы спутались и прилипли к щекам, а еще — он не хотел бы говорить об этом, но ее левая грудь, кажется, протекала. На светло-голубом платье для беременных образовалось пятно, которое постепенно увеличивалось. Пол не знал, существуют ли на такой случай правила этикета.

Нора Стокс, судя по всему, была полноправным партнером адвокатской конторы «Гриви и Ко». Раньше Пол никогда с ней не разговаривал, поскольку всегда имел дело с ее боссом. Не то чтобы ему особо нравился Шейн Гриви — адвокат, которому было поручено следить за исполнением завещания его двоюродной бабушки, — скорее наоборот. Несмотря на то что их отношения строились на чувстве взаимной неприязни, в них присутствовала и некая странная гармония. Пол понимал, что Гриви непременно постарается воспользоваться его нынешним сомнительным положением в качестве потенциального подозреваемого в убийстве, чтобы заявить о нарушении условий завещания. Поэтому он заранее выстроил у себя в голове целую систему тщательно продуманных аргументов, чтобы остановить Гриви прежде, чем он заговорит. Но сейчас Пол не мог отстоять свою позицию, поскольку его оппонент впервые за семь лет отсутствовал на рабочем месте. А ведь с точки зрения Пола, надежность и неотлучность Гриви была единственной его положительной чертой.

— Просто чтобы уточнить... — проговорил Пол. — В данный момент мистер Гриви полностью и на сто процентов недоступен?

— Именно, — кивнула Нора.

— А мы можем каким-нибудь способом...

— Это совершенно исключено.

— Но...

— Ни за что и никак.

— Но это же просто...

— Ну хорошо. Послушайте, мистер... — Нора бросила на него нетерпеливый взгляд, давая понять, что он должен заполнить пробел.

— Малкроун.

— Малкроун, — повторила она. — Дело вот в чем. Шейна Гриви здесь нет, поскольку он сейчас в Италии с женой — пытается спасти пустую оболочку, оставшуюся от их брака.

— Понятно, — ответил Пол.

— Это бессмысленно, но тем не менее.

— А мы не можем...

— Он ее не любит! — внезапно воскликнула Нора. — Просто боится от нее уйти.

— Видите ли, — продолжил Пол. — Он мой адвокат уже семь лет и полностью осведомлен о делах...

— Это все из-за денег, — перебила Нора. — Ему невыносима мысль о том, сколько она получит при разводе. Ублюдок дешевый, и всегда им был! Вот почему беременная женщина вынуждена сидеть здесь и держать оборону в одиночку, пока он пьет и ужинает в Милане с этой кислородной сукой!

— Понятно, — дипломатично ответил Пол.

— Ну ладно, — сказала Нора. — Прежде чем я убежала в туалет, вы говорили, что вас собираются арестовать. Могу я поинтересоваться — за что?

— За убийство.

— Твою ж мать!

— Вы это опять ребенку? — спросил Пол.

— Нет, — ответила Нора. — На этот раз вам.

Нора взяла в руки сумочку.

— Все это — одно большое недоразумение, — продолжил Пол.

— Ну конечно, — сказала Нора. — Я вам верю.

— В таком случае вы не могли бы убрать руку с газового баллончика, который вы прячете в сумке?

Она уставилась на него через стол.

— Неплохо. Великолепно. Такая наблюдательность сослужит вам прекрасную службу в деле энергичной защиты вашей невиновности.

— Ага, — кивнул Пол. — Вы все еще его держите.

— Я буду с вами откровенной, мистер...

— Малкроун.

— Малкроун, — повторила она, — поскольку считаю, что мы должны выстраивать отношения на основе доверия. Я бы очень хотела отпустить газовый баллончик — честно! — но сейчас я не контролирую свое тело. Меня захлестывает волна бушующих гормонов, и они, по-видимому, хотят, чтобы я за него держалась. Хорошо?

— Хорошо, — ответил Пол.

— Только не обижайтесь, — продолжила Нора. — Я сейчас вообще ничего не контролирую. Вчера, например, описалась в супермаркете, когда малыш боднул меня в мочевого пузыря. Вы знали, что они на такое способны? Ах да... про это обычно помалкивают.

— О... — сказал Пол, не зная, что ответить.

— Моя точка зрения такова...

Нора стала оглядываться по сторонам в поисках точки, которую уже потеряла. Минута молчания затягивалась. Странно, но это не выглядело нелепым. Нора одарила Пола грустной улыбкой, которая вышла одновременно и сильной, и хрупкой.

— Окей, — сказала она. — Мы сейчас оба в сложном положении, но сможем все преодолеть, если будем работать сообща. Правильно?

— Правильно.

— Хорошо, — продолжила Нора, улыбнувшись Полу вновь. — Я не должна задавать такой вопрос, но... вы правда это сделали?

— Конечно же нет! — ответил Пол.

— Хорошо. Я вам верю.

— Уф, — сказал Пол. — Если бы только мы могли убедить в этом всех остальных.

Нора вдруг почувствовала острую потребность привести бумаги на столе в порядок.

— Если уж мы до конца честны... — сказала она, — то это... ребенок Гриви.

— О, — сказал Пол, не зная, что ответить.

Глава одиннадцатая

Тирион 4.12.AX4 — защищенное серверное программное обеспечение.

Инициализация конфиденциального однорангового соединения.

Пожалуйста, подождите...

Соединение установлено.

RoyTheBoy07: Есть два заказа по вашему профилю.

CerburusAX: ОК. Когда?

RoyTheBoy07: Как можно скорее.

CerburusAX: Даете детали, я проверяю и возвращаюсь с расписанием.

RoyTheBoy07: Расписание уже есть. Сделать до двух дня сегодня.

CerburusAX: Невозможно.

RoyTheBoy07: Двойной гонорар.

CerburusAX: Хоть тройной. Мы так не работаем.

RoyTheBoy07: Чрезвычайная ситуация.

CerburusAX: Это ваша ЧС, не наша.

RoyTheBoy07: Работу надо сделать.

CerburusAX: Мы хирурги, ищите мясника.

RoyTheBoy07: Мой работодатель хочет вас.

CerburusAX: Нет.

RoyTheBoy07: Время уходит.

CerburusAX: Я посоветую людей.

RoyTheBoy07: Он хочет вас.

CerburusAX: Нет. Оконч. слово. Вы теряете время.

RoyTheBoy07: Как хотите. Вас зовут Драко Дангаш.

CerburusAX: АХАХ. Нет.

RoyTheBoy07: Вы работаете в паре со своим братом Грегором.

CerburusAX: Чушь. До свидания.

RoyTheBoy07: Ваша племянница...

RoyTheBoy07: Драко?

CerburusAX: Да?

RoyTheBoy07: Мы вернем ее в целости и сохранности, как только вы закончите работу. Даю слово.

CerburusAX: А ты забавный. У меня нет племянницы.

RoyTheBoy07: Тереза, 13 л. Она до сих пор не вернулась из школы. Можете проверить.

CerburusAX: Она в порядке, сидит здесь.

RoyTheBoy07: Не блефуй, Драко. Время уходит.

CerburusAX: Если она пострадает, тебе пиздец!!

RoyTheBoy07: Нам бы не хотелось. Поэтому не вынуждайте. Просто сделайте работу. Объекты легкие, уверяю вас. С ней все в порядке, вы получите вчетверо больше обычного гонорара.

CerburusAX: Пришлите детали.

RoyTheBoy07: Отправляю...

Глава двенадцатая

Пол по привычке плюхнулся в кресло и тут же ощутил жгучую боль, пробежавшую от раненого плеча по руке. Вероятно, какое-то время придется садиться осторожнее. Пол пребывал в очень плохом настроении. Сегодняшний день оказался, пожалуй, еще хуже, чем вчерашний. А учитывая, что вчера его чуть не зарезал восьмидесятилетний убийца, это о чем-то да говорило. Наверное, стоило попытаться уснуть, но сейчас он был слишком расстроен, поэтому он сидел на потертом рваном троне и обзревал свое королевство.

Когда в прошлом году сантехник пришел к нему устанавливать счетчик для воды, то первое, что он спросил, — не является ли Пол одним из этих психов-выживальщиков? Следует признать, что спутать было несложно, ведь в одном углу гостиной громоздилась башня из рулонов туалетной бумаги, а в другом — из консервов. И дело было отнюдь не в том, что Пол обожал выгодные сделки. Умелое выторговывание скидок при мизерной ежемесячной стипендии помогало ему выживать. В городских джунглях он превратился в матерого добытчика. К примеру, консервы были из одного из немецких супермаркетов уцененных товаров. А каждую среду он обязательно наведывался в три ближайших. Девяносто восемь еще не доеденных банок гороха он умудрился купить по пять центов за штуку благодаря ошибке печати на этикетках. Они были совершенно съедобными, если, конечно, ваш желудок нормально справлялся с горохом. Туалетную бумагу он выкупил в закрывающемся офисном здании за пять евро — буквально столько, сколько можно было унести на себе. Конечно, он выглядел довольно забавно, когда возвращался домой через весь город, но оно того стоило. По субботам и вторникам он приходил на рынки Мур-стрит ближе к их закрытию — в поисках уцененных фруктов и овощей. Продавщицы обзывали его «мусоросборником» и не испытывали к нему ни малейшей симпатии. В прошлом месяце одна из них увлеклась торгом, что в порыве гнева стала швырять в Пола почерневшими

бананами, о которых он, собственно, и вел переговоры. А потом страшно разозлилась, когда Пол спокойно подобрал их с мощеной улицы и сложил в свою сумку. Господи, как он скучал по этим скандалам над порченной едой! Замечательные были месяцы. Он питался тогда как король!

Пол вздрогнул. Вернувшись домой, он первым делом снял пальто и свитер и вот теперь начал ощущать холод. Он регулярно тренировал организм, чтобы пореже включать отопление, поскольку цены на электричество опять подросли. Обычно он снимал дома свитер и не надевал его как можно дольше — до тех пор, пока не становилось по-настоящему холодно. Сейчас на нем была все та же футболка с надписью «Я победил рак», которую ему подарил доктор Синха. Обычно Пол радовался любой «халяве», но с этой было связано не так уж много приятных воспоминаний.

Мобильник Пола вновь завибрировал, и он опять не стал отвечать. После встречи с Норой Стокс он обнаружил шесть пропущенных звонков от Пасхаля Кларка, менеджера больницы Маунтин-Вью, которую он посещал по понедельникам.

— Здрасьте, э-э... мистер Малкроун... Пол. Я просто хотел сказать, что вам не нужно приезжать к нам в следующий понедельник и... вообще не нужно. Мы благодарны вам за вашу деятельность, но мы изменили правила посещения, чтобы к нам могли приходить только родственники... исключительно из-за толкучки при входе... Мы надеемся, что у вас все хорошо и, пожалуй... наверное, будет лучше, если Маунтин-Вью не будет упоминаться... Ну, вы понимаете... Так что...

Длинный гудок.

Толкучка при входе? Не смешите. Когда он был там в прошлый раз, старички так отчаянно хотели с ним поговорить, что образовалась очередь.

Он не стал перезванивать. Какой в этом смысл? Умолять его передумать? Несмотря на то что голосовое сообщение Кларка вышло крайне неловким, его смысл был совершенно ясен. Видимо, нанесенная психом ножевая рана станет тяжким, если не фатальным ударом по деятельности «бабушкиного шептуна». Придется искать какую-нибудь другую благотворительную работу. Причем такую, где не помешает раненое плечо. Что ж, будем надеяться, что в каком-нибудь благотворительном магазине умрет пожилая работница, открыв тем самым вакансию.

Но с другой стороны, сегодня пятница, когда можно себя побаловать, что, как правило, означало вкусный ужин и кино. Вкусняшки он обычно заказывал в «Восточном Дворце» — втором по дешевизне ресторане с едой на вынос, который можно найти в Дублине. Пол задумался, возможно ли в непринужденной беседе выведать фамилию Микки?

Фильмы Пол смотрел с DVD, поскольку телевизионной лицензии по очевидным причинам у него не было. На полу возле телевизора громоздились кучи DVD-дисков — четыреста двадцать семь штук, по последним подсчетам. Все были куплены по цене в один евро. Таково правило: любой фильм должен обходиться не более чем в один фунт. Не без гордости считая себя знатоком и ценителем голливудского треша, Пол натывался время от времени на распродажах классики кино в благотворительных магазинах. Особое извращенное удовольствие

доставлял просмотр ужасных «пираток», вынутых из корзины с уцененными дисками. В прошлое воскресенье он устроил для себя марафон творчества Стивена Сигала. Просмотр фильмов Сигала в хронологическом порядке создавал убийственное впечатление, что удары кулаками – это отличная кардионагрузка, помогающая похудеть.

В дополнение к ужину и фильмам у него имелось шесть упаковок воистину кошмарного восточноевропейского пива с непроизносимым названием, которое продавалось по очень специальной акции. Попробовав одну банку, Пол понял почему. Но после второй вкус переставал казаться отвратным, и у него получалось спокойно и с комфортом напиваться. Если правительство когда-нибудь установит эти пресловутые минимальные цены на алкоголь [33], то придется выбирать между возможностью выпить и необходимостью принять душ.

В гостиной господствовал традиционный светлый декор. Над каминной полкой висела фотография двоюродной бабушки Фиделмы, которую он не стал снимать, когда сюда въехал. Если подумать – это кем надо быть, чтобы вешать над камином собственный портрет? Пол оставил его на месте, чтобы подогреть угли своей ненависти в самые холодные вечера. Но на каминной полке стояли три фотографии в рамках, которые принадлежали уже ему. На той, что слева, было фото семьи: темноволосый отец со слегка горячеватой для него женой и трое светловолосых голубоглазых детей, резвившихся в парке. Между ними скакал йоркширский терьер,оргазмирующийся от одной возможности участия в этом веселье. Изображение прилагалось к рамке, которую он купил в «Евромире». Глядя на фото, он часто гадал, являются ли эти люди настоящей семьей или это просто нанятые модели. Ему хотелось, чтобы они оказались настоящими. Было бы приятно узнать, что такие вещи в самом деле существуют. Опьянев от кислого пива, он иногда подумывал, не пуститься ли на их поиски. А выследив, прикинуть, нельзя ли к ним присоединиться. Даже если это не настоящая семья, то, возможно, удастся их убедить, что они должны ею стать. Наверняка же получится!

Фотографию в правой рамке он тоже оставил как есть. На ней была лодка – несмотря на то, что к лодкам он был равнодушен.

А вот в центральную, самую большую рамку Пол вставил групповое фото детской команды по хёрлингу (до 12 лет) при клубе Святого Иуды, частью которой он когда-то являлся.

Пол встал и подошел поближе. Затем внимательно оглядел лица, задержавшись на своем собственном. На фотографии он стоял немного левее центра, в переднем ряду выстроившейся команды из двадцати семи улыбающихся в объектив пацанов – тогда еще полных надежд и буйной проказливости. Он вспомнил, как счастлив был, как гордился своим местом в команде. Но теперь, разглядывая фотографию, Пол заметил, что даже в то время его улыбка выглядела вымученной. Он словно с детства жил в вечной тревоге, непрерывно ожидая подвоха. В конце ряда стоял их тренер. Одним глазом он смотрел в камеру, а другим внимательно поглядывал, не осмелится ли кто из юных оболтусов оставить на его фотографии дерзкую букву «V». Таков уж он – Банни Макгэрри, миссионер хёрлинга с безумными глазами, несущий свет истины футбольным язычникам Дублина, нравится им это или нет.

Из глубокой задумчивости Пола вывел вновь завибрировавший телефон. Ну точно! Пасхаль Кларк решил достать его хуже кровавого поноса. Пол подошел к стойке и поднял аппарат. Номер незнакомый.

— Алло.

— Поли?

— Да.

— Беги!

Поскольку Пол морально готовился делиться мыслями с назойливым менеджером среднего звена, услышанное сбило его с толку.

— Кто...

— Нет времени объяснять. Если хочешь жить — БЕГИ!

— Но... Что?

Соединение разорвалось.

— Алло? Ал...

Две мысли пролетели в голове Пола. Во-первых, он вдруг понял, кто ему звонил. Взгляд рефлекторно вернулся к фотографии команды на каминной полке. Вот он, долговязый подросток с плохо подогнанными конечностями, гримасничающий в последнем ряду, шестнадцать лет и целый мир назад. Пол не сразу узнал этот голос, поскольку они не разговаривали уже несколько лет. В короткой паузе между размышлениями вспыхнуло сразу несколько сложных эмоций. А потом их смыло, когда ударила вторая мысль.

Очень простая мысль.

Он должен бежать.

Глава тринадцатая

— Кто еще об этом знает?

Детектив-инспектор Джимми Стюарт спокойно смотрел через стол на Веронику Дойл и не отвечал на ее вопрос. Дойл занимала какую-то непонятную должность в Министерстве юстиции. Ей было немного за тридцать, черные волосы собраны в тугий пучок, длинная шея, дерзкий милый носик. В целом Стюарт был помешан на женских милых носиках. На таких, например, каким обладала его многострадальная миссис Стюарт. Каждый вечер, независимо от

того, как поздно он возвращался домой, она просыпалась и спрашивала, как у него дела. Он всегда отвечал «хорошо», а потом целовал ее в лоб, в губы и, наконец, в этот милый носик-пуговку. Этот, так сказать, личный ритуал являлся важной скрепой их тридцатилетнего брака. Мысли о жене вызвали у Стюарта легкую улыбку в этот во всех отношениях дерьмовый день.

Однако нос Вероники Дойл ему нравился гораздо меньше — главным образом оттого, что она пыталась совать его не в свои дела.

— Мне повторить вопрос? — спросила она.

— Я бы не отказался, если бы вы задали его чуть-чуть повежливее, — ответил Стюарт.

Уилсон заерзал в кресле, словно пытаясь отстраниться от него подальше. Возможно, паренек не отличался умом, но даже у него хватало мозгов держать рот на замке в присутствии таких людей.

— Ну ладно, хватит валять дурака, Стюарт! — раздраженно воскликнул мужчина, сидевший справа от Вероники Дойл.

Это было еще одно примечательное лицо: помощник комиссара по оперативным вопросам — сам Финтан О'Рурк. Пользующийся уважением среди простых полицейских и, по всеобщему убеждению, давно достойный возглавить настоящее дело, он немало помог комиссару в самый сложный период, когда полтора года назад ее только-только назначили на должность. О'Рурк был всего на семь лет моложе Стюарта, но на вид ему было трудно дать больше двадцати. В молодости он активно занимался бегом на дальние дистанции. Наверняка он больше не участвовал в марафонах, как раньше, но явно держал себя в форме. В ухоженных темно-каштановых волосах мужчины почти не просматривалась седина.

За годы службы их пути пересеклись не раз. Фактически именно Стюарт устроил Финтану экскурсию по участку в первый день его службы в Клондолкине[34] в качестве новоиспеченного детектива. Недавно вырвавшийся из деревни, совсем молокосос, уотерфордский[35] парень обладал той смесью нервозности и высокомерия, которой отличаются все молодые карьеристы, впервые получившие полицейский значок. Стюарту он показался забавным. Но вновь столкнувшись с О'Рурком через пару лет, он с трудом его узнал. Может, его и забросило на самую глубину, но он научился там плавать с непринужденностью новорожденной акулы. Последующее восхождение О'Рурка по служебной лестнице отличалось стремительностью ракеты. Его вера в превентивные методы обеспечения правопорядка попутно сломала кому-то большую игру и сделала его героем среди рядового состава. Возможно, в политике он разбирался лучше, чем в оперативно-разыскной деятельности, но в полиции даже такие навыки находят свое успешное применение.

— Почему бы тебе просто не ответить на вопрос, Джимми? — спросил О'Рурк. — Что у тебя на уме?

— Что ж, помощник комиссара О'Рурк, сэр. Вот, что у меня на уме: как вам хорошо известно, в любом расследовании убийства решающее значение имеют первые двадцать четыре часа. Однако в последние три из них мне и моему коллеге было приказано сидеть сложа руки и ничего не делать, пока вы не

прибудете к нам — после произнесения речи на полицейском параде в Темплморе. Затем нас позвали на совещание — простите, на «неофициальную беседу без протокола», — где со мной, как с идиотом, разговаривает дама, которая, если я не очень сильно ошибаюсь, даже не является сотрудником «Гарда Шихана»[36]. — Дойл бросила на него убийственный взгляд. — Более того, мне кажется, упомянутая персона собирается поставить под сомнение честность некоторых моих коллег-офицеров. Вот что в основном занимает мои мысли, сэр.

— Я возмущена этими замечаниями, — сказала Дойл.

— Это хорошо, — ответил Стюарт, — потому что в противном случае я бы решил, что вы поняли мои слова неверно.

— Ну все уже, хватит, — вмешался помощник комиссара О'Рурк. — Джимми, ты высказал свою точку зрения — как всегда с минимумом такта, — и мы тебя слышали.

Посмотрев на свою парадную фуражку, которая лежала на полированном столе в комнате для совещаний, примыкавшей к его кабинету, О'Рурк вздохнул. Затем оглянулся, словно желая в третий или четвертый раз убедиться, что жалюзи закрыты и никто за ними не подсматривает.

— Во-первых, Джимми, из того, что ты доложил, следует, что смерть наступила в результате комбинации естественных причин и вызванного ими стресса. Так что вряд ли это можно квалифицировать как расследование убийства.

— Если только за этой смертью не последуют другие, — ответил Стюарт с большим, чем хотел, нажимом.

О'Рурк бросил на него предостерегающий взгляд. Стюарт почувствовал, что Уилсон отодвинулся от него еще дальше. Должно быть, одно его полужолие уже висит в воздухе, подумал детектив-инспектор.

— Вполне справедливо, — продолжил О'Рурк. — Но ты же понимаешь, во что мы вляпались, Джимми. Нравится нам это или нет, но в ближайшем будущем дело грозит пиар-катастрофой, если мы не справимся с ним ради спокойствия всех заинтересованных сторон.

Стюарт подавил желание закатить глаза. То, что говорил О'Рурк, было вполне справедливо. Но детектива возмущало, что они сочли необходимым разъяснять это ему.

— Возможно, детектив-инспектор Стюарт пожелает отойти в сторону, если он...

Поднятием руки О'Рурк одновременно прервал и Дойл, и уже собиравшегося разразиться ответом Стюарта.

— Это не вам решать, Вероника, и я бы хотел, чтобы вы это запомнили. — Дойл развернулась к нему так резко, словно получила пощечину, но не сводивший глаз со Стюарта О'Рурк этого не заметил. — Детектив-инспектор Стюарт — прекрасный офицер, и я полностью уверен в его компетентности.

Дойл беззвучно открыла и закрыла рот.

Умный мальчик, подумал Стюарт. Опытный интриган О'Рурк всегда знал, как вернуть кого-то в дело, если в этом возникала необходимость.

— А теперь, Джимми, если мы закончили перекидываться какашками, то предлагаю продолжить. Кто знает о настоящей личности мистера Брауна?

— Насколько мне известно, Саманта из морга, криминалист Джерри, откатавший отпечатки пальцев, и дежурный сержант Мойра Кларк, видевшая результаты экспертиз.

— И они...

— Были сразу уведомлены о неразглашении. Все понимают, как важно хранить молчание.

— Хорошо.

— Я покопался в архиве. Насколько можно судить, у Ящера Макнейра осталась одна живая родственница — дочь. По нашему предположению, она до сих пор живет в Талле[37]. Я попросил местных патрульных съездить по адресу. Они понятия не имеют зачем. Я сказал, что просто сверяю картотеку.

— Ясно, — сказал О'Рурк.

— И как я уже говорил, утром к нам пришла медсестра Бриджит Конрой с целью дать добровольные показания. Она была поставлена в известность о настоящей личности мистера Брауна — чтобы мы могли установить, знали ли в момент инцидента она или мистер Малкроун о том, кем на самом деле являлся мистер Браун.

— И где она сейчас?

— Полагаю, уже дома.

Дойл театрально воздела руки. От внимательного взгляда Стюарта не укрылось, как раздраженно покосился на нее О'Рурк. Дойл еще не догадывалась, что только что окончательно потеряла поддержку самого влиятельного человека в этой комнате.

— Я предупредил сестру Конрой, что в интересах продолжающегося следствия она ни с кем не должна делиться полученной информацией. Она согласилась молчать.

— О господи! — вздохнула Дойл, даже не пытаясь скрыть сарказм.

Стюарт спокойно к ней развернулся.

— А что вы хотели? В этой стране мы пока не можем сажать под замок людей, не заподозренных ни в каких преступлениях.

Дойл обиженно сложила руки на груди.

— Джимми? — осторожно спросил О'Рурк.

— Слушай, она вполне надежная. И ты не хуже меня понимаешь, Финтан, что в какой-то момент правда все равно просочится наружу.

О'Рурк вздохнул.

— Понимаю, Джимми, понимаю. Бог знает, сколько начальников узнали об этом, прежде чем новость дошла до меня. Кто-нибудь где-нибудь обязательно увидит шанс прославиться и сольет информацию журналистам. По этому поводу уже Сама вовсю откладывает кирпичи.

Стюарт удивленно поднял брови. Слово «Сама» в этих стенах обычно означало комиссара Джейн Хоршем.

— А я думал, она в Бразилии.

В новостях рассказывали о глобальной конференции или типа того, в которой комиссар исполняла роль сопредседателя. Ирландцы любят, когда кто-то из них чем-то руководит на международной арене. Шестичасовые новости осветили бы даже международный симпозиум по черепашьему геморрою, если бы при этом можно было показать ирландца, стучащего молотком по трибуне большого конференц-зала.

— Ну да, в Бразилии. Но мы обязаны ставить ее в известность. Кстати, этот разговор на самом деле ее идея, — сказал О'Рурк, неловко поерзав. — Слушай, ты же знаешь, насколько ужасными стали последние два года с точки зрения пиара. Сначала то дело в Лимерике[38], потом кретин из Голуэя[39] вообразил себя Элиотом Нессом[40], чем выставил нас на посмешище.

Стюарт был в курсе, какое мнение о полиции сложилось за последние годы. Как и все, он слышал шутки и анекдоты.

— Последнее, что сейчас нужно, — это чтобы всплыл еще тот старый позорный бардак. Поэтому нам — кровь из носу — нужно убедиться, что это был случайный инцидент, который не повлечет за собой...

Внезапно в дверь постучали. Глаза О'Рурка недовольно сузились.

— Войдите.

Вошла его секретарша — серьезная женщина лет сорока.

— Я же просил меня не беспокоить, Джанет.

— Я помню, помощник комиссара, но у меня там сержант Мойра Кларк, сэр. Она говорит, что это срочно.

О'Рурк и Стюарт переглянулись.

— Пусть войдет.

Джанет махнула рукой Мойре Кларк, пригласив ее в комнату, и вышла сама, плотно закрыв за собой дверь.

— Простите, сэр, но...

— Хорошо, Мойра, в чем дело?

Мойра нервно посмотрела на Дойл. Проследив за ее взглядом, О'Рурк сказал:

— Можете говорить свободно.

— Хорошо, сэр. Полицейский патруль в Талле прибыл к предполагаемому месту проживания Полин Макнейр, дочери Джеки Макнейра. После стука в дверь ответа не последовало, но патрульные услышали звук льющейся воды. Тогда они проверили заднюю дверь, а затем вышибли ее, заподозрив, что в доме кто-то есть, — Кларк сделала глубокий нервный вдох. — Она лежала в коридоре, сэр. Мертвая.

— Господи! — вырвалось у Стюарта.

— А ее грудной ребенок в это время крепко спал в гостиной.

— Неужели это... — слова Дойл повисли в воздухе, заглушенные тяжелым взглядом О'Рурка.

Стюарт сам задал вопрос, на который никто не стремился получить ответ.

— Выкладывай, Мойра. Причина смерти?

— Два огнестрельных ранения в грудь и одно в голову.

Никто не сказал ни слова... Но все одновременно встали.

Глава четырнадцатая

Пол смотрел в холодные спокойные глаза убийцы...

Семнадцатью минутами ранее он услышал по телефону слово «беги». Тридцать секунд спустя он стоял возле двери, готовый воспользоваться советом. Но потом подумал, что не знает, от чего и как далеко он должен бежать. Наверное, ему понадобятся какие-то вещи.

Следующие пятнадцать минут он потратил на то, чтобы упаковать и перепаковать все, что понадобится, в старый потрепанный чемодан, доставшийся ему от двоюродной бабушки Фиделмы.

За две минуты до настоящего момента в дверь позвонили. Обычно дверной звонок никто никогда не трогал. Пол перебрал в голове все возможные варианты. Микки всегда выстукивал одинаковый ритм, к тому же даже лучшие

рестораны не доставляют еще не заказанную еду. Ближайшие выборы состоятся через два года. Может, это коммивояжер, обходящий квартиры? Или Свидетели Иеговы? Впрочем, Свидетели больше не стучатся в двери. Вместо этого они слоняются на перекрестках. Пол читал в какой-то статье: вероятно, это от того, что коэффициент обращений неофитов вырос в последнее время на четыреста процентов.

Пол присел на корточки на верхней ступени лестницы и осторожно посмотрел вниз. За волнистым стеклом входной двери темнела массивная фигура в кожаной куртке. Это был либо самый нетерпеливый политик в мире, либо последний коммивояжер на земле, либо Свидетель Иеговы, которому не выдали памятки. В глубине души Пол понимал, что это не так. Это именно то, от чего он должен бежать.

За минуту до настоящего момента он вынул из чемодана две фотографии в рамках, виниловую пластинку, две пачки трусов, вызывающих зуд, и переложил все это в пластиковый пакет. Обретение зудящих трусов стало катастрофическим следствием невероятно выгодной сделки. Три пачки по три штуки всего за пять евро — это казалось слишком хорошей новостью, чтобы оказаться правдой. Так оно и случилось — трусы были словно из асбеста, чей зудящий эффект усиливался от малейшего присутствия пота. А учитывая обстоятельства, в ближайшем будущем потеть Полу придется немало. Тем не менее он все равно оставил в пакете одну пачку — по той же причине, по которой не решился выбросить их раньше, несмотря на то что это смахивало на легкую форму членовредительства.

Затем он закрыл чемодан и распахнул наклонное окно, выходящее на крышу. Дом, в котором он жил, походил скорее на двухкомнатный коттеджик с перестроенным чердаком. Встав на чемодан, он сумел неуклюже выбраться из окна на крышу, помогая себе здоровой рукой и одновременно удерживая в раненой пластиковый пакет.

Так он оказался в настоящем.

Семнадцать минут прошло с тех пор, как зазвонил телефон и голос из прошлого сделал предупреждение — а точнее, сказал «беги». Но Пол этого не сделал. По крайней мере, не так быстро, как следовало.

Теперь Пол балансировал на бетонной приступочке шириной в восемь сантиметров, отделяющей черепичную крышу от пластикового, заполненного листьями водосточного желоба. Холодный ветер трепал его ярко-желтую футболку с надписью «Я победил рак». Снизу тянуло запахом, исходящим от Королевского канала. Это была пьянящая смесь подгнившей растительности и своеобразного коктейля из реального и фигурального дерьма, которое впитывает в себя петляющий по современному городу водный путь, давно переживший собственную полезность. В трех километрах отсюда канал был облагорожен, чтобы люди могли прогуливаться возле него в увядающем свете радостных дней вместе с близкими людьми и породистыми собаками. Но в этом месте он сохранил свою первозданность. Следующая остановка — Ирландское море. Она же точка смыва.

Пол не мог повернуть направо, к началу улицы. Его дом был третьим, и это значило, что он не отойдет достаточно далеко от того, кто звонит сейчас в дверь. А еще с того конца не было другой возможности спуститься на

тротуар, кроме как прыгнуть с высоты второго этажа. Нет, направо идти нельзя.

Значит, налево...

Но оттуда на него смотрели холодные спокойные глаза убийцы.

Секундой ранее он грациозно спустился с крыши прямо перед ним, небрежно удерживая во рту дохлую мышь. Председатель Мяо бросил свою кровавую жертву и растянулся примерно в двух метрах от Пола, словно собираясь приступить к послеобеденному сну. Это был кот старика Магуайра, жившего через улицу, и даже по кошачьим меркам он являлся абсолютной сволочью. Каждый раз за последние три года, когда его видел Пол, кот тащил в зубах какое-нибудь несчастное, замученное до смерти существо.

Кот посмотрел на Пола, затем на Королевский канал внизу.

Пару лет назад Дерек Карр, ранее скучноватый инженер-строитель, живший через дом от Пола, впервые попробовал ЛСД под лучшие хиты группы The Doors. Ведя со своими ногами глубокомысленную беседу в окружении танцующей психоделической мебели, он вдруг осознал, что хочет поплавать. Не мешкая, инженер открыл окно спальни, вылез на крышу и нырнул в канал. К счастью для Дерека, тем летом случилось довольно много наводнений, так что вода в канале поднялась до отметки в сто пятьдесят два сантиметра. Несмотря на полет с девятиметровой высоты, он всего лишь сломал обе ноги.

Позволив себе бросить один-единственный взгляд на канал, Пол заметил тележку из супермаркета, полузарытую в грязь в самом глубоком месте. Ручки тележки торчали из воды сантиметров на тридцать. Пол прикинул, что глубина в лучшем случае составит метр — как раз столько, чтобы покончить с собой, успев об этом пожалеть.

Пол глубоко вдохнул и попытался взять себя в руки. Он не мог пойти направо, не мог спуститься вниз, а если допустить, что в данную минуту в его дверь действительно звонит Смерть, то не мог и вернуться обратно. Так что единственной возможностью было идти налево — по опасной бетонной полоске длиной в пятнадцать метров к дальнему концу ряда таунхаусов. И это могло быть вполне осуществимой задачей, если бы не шерстяной психопат, в данный момент преградивший ему дорогу.

В критической ситуации мы узнаём о себе много нового. Пол, например, понял, что он определенно способен пнуть кошку ногой. Он стал морально готовиться к этому, но затем прокрутил в голове все возможные последствия. Он живо представил себе, как нога расстается с точкой опоры, а потом он неизбежно оступается и летит к своей гибели в воде. Последнее, что он увидит, — маленькую белую морду Председателя, глядящую на него сверху.

Но ведь можно просто переступить через кота. Но тогда животному, конечно, захочется игриво потереться о ноги — и этого хватит, чтобы Пол потерял равновесие и упал.

— Ну-ка, брысь!

Пол не ожидал, что это сработает. Оно и не сработало.

— Слушай, отвали, а? Пожалуйста... Кыс-кыс!

Председатель продемонстрировал такой уровень неподвижности, что даже статуя Девы Марии нашла бы его восхитительным.

Пол махнул пакетом вперед, но движение вышло слишком осторожным, чтобы выглядеть угрожающим. Кот зевнул.

— ФУ!

Выкрик несколько не смутил кота, но его оказалось достаточно, чтобы Пол слегка качнулся. Он почувствовал, как его опасно потянуло к воде. Раскинув руки в стороны, Пол неловко попытался выровняться. За свои старания он получил укол боли в раненое плечо, но после краткого тошнотворного шатания обрел наконец устойчивость. Председатель Мяо облизнулся.

Пол почувствовал, что в заднем кармане завибрировал мобильник. Он решил не отвечать, но потом ему пришло в голову, что это может оказаться тот самый голос из прошлого. Вдруг он решил сообщить ему последние новости насчет «беги». Или... У Пола возникло неприятное ощущение, что тот, кто стоял у входной двери, сейчас, возможно, целится в него из снайперской винтовки. Он нервно оглянулся, но никого не заметил. Тогда он вытащил телефон. Номер незнакомый. Не зная, что еще делать, Пол решил ответить.

— Алло?

Председатель Мяо бросил на него раздосадованный взгляд, каким обычно смотрят на стейк, когда приходится отвечать на звонок.

— Пол? Это Бриджит.

— О... кхм... Бриджит?

— Ну помнишь, та медсестра, которая отвезла тебя домой, а ты потом захлопнул перед ее носом дверь. Я узнала твой номер в регистратуре.

— Если честно, сейчас не самое удачное время...

— Вот так мило! Я до тебя уже битый час дозвониться не могу.

— Да... Просто я...

— Неважно. Слушай, тут кое-что выяснилось. Этот старик Браун на самом деле не Браун. Он...

Внезапно в голову Полу пришла одна мысль.

— Ты разбираешься в кошках? — перебил он Бриджит.

— Ну а как же! Очевидно, у любой одинокой женщины возрастом слегка за тридцать дома целая дюжина кошек!

По голосу Бриджит Пол догадался, что сказал что-то обидное, но не очень понял, что именно.

— Я не намекаю... — попытался он оправдаться, но вдруг осознал, что вовсе не уверен в том, на что не намекает.

— Да послушай же! — выкрикнула Бриджит. — Это серьезно. У тебя могут быть неприятности!

— У меня определенно неприятности. Ты не знаешь, как избавиться от кошки?

— Эй! Ты на чем-то «торчишь»?

Пол огляделся.

— В некотором смысле. Слушай, прости за то, что было утром, но прошу... Кажется, кто-то пытается меня убить. Я в ловушке и... Нет времени объяснять, но все серьезно — вопрос жизни и смерти. А теперь, ради всего святого, скажи мне, пожалуйста, как можно по-настоящему выбесить кошку?

На пару секунд воцарилась тишина.

— Ну, моего кота бесит мой свист.

— Хорошо. Только я не умею свистеть.

— Блин, да как можно не уметь свистеть?

— Очень просто. Как я.

Председатель Мяо потянулся лапами и непринужденной походкой двинулся к Полу. Кажется, он огорчился тем, что утратил безраздельное внимание своей жертвы и решил перехватить инициативу.

— Ты не могла бы свистнуть? — Пол постарался скрыть панику в голосе, наблюдая за неспешным приближением кота.

— Ты что, издеваешься?

— Пожалуйста... умоляю! Ну свистни!

Последовал мучительно долгий момент колебания, прежде чем из телефона раздался свист.

Он поднял аппарат на вытянутой руке. Председатель Мяо остановился, затем наклонил голову набок и вопросительно посмотрел на Пола.

Пол стал медленно идти вперед, пока свист не прекратился.

— Продолжай! — крикнул он в телефон.

— Какие еще пожелания?

— Громче!

Свист возобновился, но на этот раз в виде мелодии песни «Любовь к котам» группы The Cure.

Пол продолжил постепенно продвигаться вперед. Председатель Мяо не сходил с места. Они словно играли в самую медленную на свете игру «кто первый струсит». Взгляды соперников скрестились — они уже были в тридцати сантиметрах друг от друга. Пол держал телефон перед собой, как распятие, отгоняющее зло. Добравшись до средней восьмитактовой секции, Бриджит удвоила усилия в подсознательной попытке скрыть плохое знание мелодии.

Ну наконец-то! Кошачье ухо слегка дернулось. Председателю Мяо звуки явно не нравились.

Пол продолжил мучительно медленно шаркать ногами.

И вдруг, словно вспомнив о запланированном свидании, кот метнулся вверх по черепице и исчез из виду.

Пол облегченно выдохнул. Все это время он, оказывается, не дышал. Он оглядел тот метр, на который ему удалось сдвинуться по карнизу. Это была наиболее тяжко завоеванная территория со времен битвы на Сомме[41] (он знал о ней, поскольку обладал целой коллекцией документальных DVD-дисков о Первой мировой войне, откопанных в корзине «Три штуки за евро»).

Пол пошел быстрее, ставя одну ногу перед другой с не меньшей осторожностью, чем если бы двигался по натянутому канату. Затем он вновь приложил телефон к уху.

— Можешь прекратить.

— А ты странный.

— Не спорю.

— Seriously, нам надо поговорить, — вернулась к прежней теме Бриджит. — Я узнала кое-что ужасное. Браун не был настоящим Брауном, он лежал в хосписе под фальшивым именем.

Как ни удивительно, но идти, беседуя по телефону, оказалось легче, чем в тишине. Наверное, тело лучше справлялось с трудностями, если его не отвлекал разум.

— Возможно, поэтому кто-то пытается меня убить, — ответил Пол.

— Вместе с кошкой?

— Нет...

Пол пошевелил извилинами, но так и не придумал, как внятно объяснить ей то, что только что произошло.

— Слушай, а мы можем... — Пол сделал паузу, задумавшись. — Ты можешь встретиться со мной в Сант-Стивенс-Грин примерно через полчаса?

— В парке или торговом центре?

— В парке.

— Хорошо.

— Спасибо.

Наконец Пол достиг конца карниза.

— Тебе не кажется, что лучше обратиться в полицию?

— Ни за что. Так, погоди секунду...

Он посмотрел вниз, на разрисованную граффити стену высотой примерно два с половиной метра, которая отделяла пару пустых парковочных мест возле ряда жилых домов от канала. По ту сторону стены виднелись пешеходный мост и дорога к свободе.

С некоторым трудом Пол медленно опустился на корточки, затем сел на краю крыши, угодив левой ягодицей в наполненный водой черный желоб.

— Не отключайся.

Он сунул телефон в карман джинсов и неловко развернулся. Прижав левую руку к телу, он стал медленно спускаться вниз, шаря ногами по стене в поисках опоры.

Подняв глаза, он вдруг увидел морду Председателя Мяо. Кот возник из ниоткуда — без каких-либо заметных промежуточных перемещений. Зверь смотрел на него сверху вниз — с нескрываемо злорадным удовлетворением.

Затем он провел левый когтистый хук прямо в незащищенное лицо, и Пол инстинктивно отпрянул. Быстрая реакция спасла его от когтей Председателя, но лишь для того, чтобы бросить в неприветливые объятия силы земного притяжения. Пол сорвался с крыши и полетел назад. Но полет длился недолго, поскольку ноги Пола оказались по разные стороны стены, предоставив телу беспрепятственную возможность на нее приземлиться — и сначала, разумеется, яичками. Он повис на стене, застыв в идеальной позе боли из фарсовых комедий. Через пару мучительных секунд мадам Судьба решила, что еще недостаточно развлеклась с Полом, и тут же опрокинула его набок — в противоположную от канала сторону, — чтобы дать возможность рухнуть спиной на тротуар с высоты два с половиной метра.

Сильный удар выбил из легких Пола воздух.

— Пол? Пол! Ты что сейчас делаешь? Пол!

Одной рукой он массировал свою побитую сосиску и свежеприготовленное картофельное пюре, другой — медленно доставал из кармана телефон.

— Пол! Хватит валять дурака! Пол?

— Я...

— Что?

Голос Пола прозвучал словно издалека:

— ...ненавижу котов.

Глава пятнадцатая

Детектив-инспектор Джимми Стюарт пребывал в отвратительном настроении.

Он резко ударил по тормозам, когда огромный черный внедорожник стоимостью в две годовые зарплаты Уилсона выскочил перед ними на автобусную полосу. Уилсон сосредоточенно удерживал на лице маску суровой решительности, скрывая тайный восторг. Поначалу он расстроился, когда его предложение сесть за руль отвергли, но теперь только радовался. Стюарт был чем-то взбешен, поэтому пусть лучше гнев его обратится на других участников дорожного движения, лишь бы не на Уилсона.

— Уилсон, ты не забыл оружие?

— Никак нет, сэр.

— Отлично. Тогда сделай доброе дело — пристрели этого дебила.

Это была первая поездка Уилсона по Дублину в машине без опознавательных знаков и со включенной сиреной. Правда, сирена помогала плохо. Как уже понял Уилсон, чтобы быстро проскочить через пробки в час пик для предотвращения убийства, нужно совершить несколько убийств самому.

Из заднего окна внедорожника, сложив пальцы пистолетиком, в них целился возбужденный школьник. Но он хотя бы заметил, что они полицейские, — в отличие от его отца. На самом деле водитель, конечно же, их видел — просто его возмущало, что у полиции больше прав на автобусную полосу, чем у других. Стюарт непрерывно давил на клаксон и указывал на забитую пробкой полосу, возвращаться на которую папа мальчика считал ниже своего достоинства.

Наконец внедорожник слегка сместился вправо, образовав просвет, достаточный, чтобы Стюарт сумел проехать мимо, зацепив обочину.

— Попробуй еще раз.

Уилсон послушно нажал кнопку повторного набора. В восьмой раз он пытался дозвониться на мобильный номер Пола Малкроуна.

— Снова автоответчик.

Автобус перед ними замедлил ход и стал сворачивать к переполненной людьми остановке. Стюарт снова нажал на клаксон. Водитель понял не слишком тонкий намек и повернул рулем обратно. Когда машина проехала мимо окон автобуса, сразу несколько пассажиров выразили недовольство с помощью пантомимы. Уилсон подавил в себе желание изобразить в ответ извинение.

Пять минут спустя, извергнув огромное число ругательств промышленной мощи, Стюарт пробился сквозь плотный трафик Северной круговой, свернул за угол и заехал в один из множества совершенно одинаковых переулков Ричмонд-Гарденс. Тесная на вид улочка, оканчивающаяся тупиком, была плотно уставлена таунхаусами. На фоне неба зловеще вырисовывался силуэт стадиона «Кроук Парк». Не исключено, что зловещим стадион казался только Уилсону, поскольку он с детства ненавидел гэльские виды спорта, а отец заставлял его ходить на матчи. Ничего не поделать — политика есть политика.

Стюарт выключил сирену и заглушил двигатель. Переулок казался абсолютно безмятежным и словно сам недоумевал, отчего такой сыр-бор.

— Какой у него дом?

— Шестнадцатый, — ответил Уилсон, указав на третью от поворота дверь.

— Окей, давай за мной. Глаза не закрывать, рот не распахивать.

Уилсон кивнул, и они выбрались из машины.

Подойдя к дому, Стюарт позвонил в дверь. Изнутри не донеслось ни звука. Уилсон попытался что-нибудь разглядеть сквозь матовое стекло двери, но ничего не увидел, кроме размытых неподвижных пятен.

Стюарт вновь нажал на кнопку звонка и повысил голос:

— Мистер Малкроун, это Гарди. Вы не могли бы...

— Ну наконец-то!

Уилсон и Стюарт одновременно обернулись и посмотрели на источник голоса. Это была женщина лет семидесяти — в халате и очень плохом настроении. Она сердито смотрела на них из дверного проема противоположного дома.

— Я уже несколько месяцев звоню вам по поводу машины этого козла.

— Мадам, — ответил Стюарт, — мы здесь не из-за машины. Пожалуйста, вернитесь в дом.

— Не смейте мне мадамкать! Эта мерзкая хреновина торчит здесь черт знает сколько.

Для пущей убедительности она сошла на тротуар и обрушила свернутую в трубочку газету «Геральд» на синий «Форд-Кортина», стоявший перед ее домом. Эта машина знавала лучшие дни, подумал Уилсон. Впрочем, как и халат женщины.

— Я уже говорила той лесбиянке из Управы, — продолжила женщина, — машина должна ездить, а не торчать у дома, как долбаное бельмо на глазу!

— Мадам, — сказал Стюарт, — если транспортное средство принадлежит не вам, пожалуйста, прекратите вандализм и вернитесь в дом.

Женщина скорчила такое лицо, будто ела себя изнутри.

— Не стоит говорить со мной в таком тоне, я знаю свои права. Меня зовут Тереза Корри, и я плачу налоги. Сегодня один из его никчемных приятелей пытался ее починить, но все без толку. Эта мерзость до сих пор стоит здесь, как бесполезная куча... куча...

Старуха огляделась вокруг, словно в поисках подходящего оскорбления, которое она куда-то припрятала и теперь не могла найти.

— Уилсон, — шепнул Стюарт, — разберись.

— Да, босс.

Уилсон пошел через улицу, вытянув перед собой руки и одновременно вспоминая, чему его учили на занятиях по методам умиротворения разгневанных граждан. Оставшийся за спиной Стюарт еще несколько раз позвонил в дверь Малкроуна — скорее разочарованно, чем с надеждой.

— Говна!! — гордо провозгласила старуха, наконец найдя потерянное слово.

Выражение удовлетворения на ее лице ясно сигнализировало об убежденности в том, что умственные усилия того стоили.

— Стоит здесь, как куча говна, куча говна! — повторила старуха.

Чтобы подчеркнуть и акцентировать свою мысль, она на каждом слове хлопала по машине газетой.

— Прошу вас, мадам... ой!

Попытка Уилсона вежливо отвести женщину обратно к двери стоила ему удара «Геральдом» по уху.

Стюарт развернулся и посмотрел старухе прямо в глаза.

— Так, дорогуша, это уже физическое насилие. Мы здесь в рамках расследования убийства, а вы нам мешаете. Зайдите в дом — немедленно, или я арестую вас за нападение на сотрудника полиции.

— Ой, ой... Вы только послушайте его! Нашелся хер с горы!

Женщина театрально поозиралась, играя на публику, которой здесь не было. Уилсон глядел то на нее, то на Стюарта, не понимая, что ему делать.

— Ты поугрожай мне тут! — продолжила старуха. — Негров будешь затыкать, а я добропорядочный столп общества! Попробуй бросить меня в тюрьму за то, что я отбивалась от его сексуальных домоганий!

Она обличающе указала свернутой газетой на Уилсона, и тот смущенно отступил назад. С видом мужчины, потерпевшего полный половой крах.

— Погодите, — вдруг задумался Стюарт, — что вы сейчас сказали?

— Сексуальные домогания! — рявкнула старуха.

— Да нет же... Про его никчемного приятеля...

Стюарт опустился на колени и заглянул под машину.

Старая ведьма снова принялась колотить по капоту, подчеркивая каждое слово:

— Как таким порядочным честным людям, как я...

— МАДАМ!

Старуха застыла, озадаченная странным тоном Стюарта и тем, что в руке он теперь держал пистолет. У Уилсона от шока отвисла челюсть. Он плохо помнил, что рассказывали на огневой подготовке, но это точно противоречило принципу соразмерности ответных действий. Старый хрыч окончательно съехал с катушек. Всю неделю он загадочно повторял, что «слишком стар для этого дерьма», и смотрел на Уилсона непонятым взглядом.

— Быстро отойдите от машины!

— С чего ради?

— С того, — спокойно и четко ответил Стюарт, — что под ней бомба.

Глава шестнадцатая

Бриджит остановилась и взглянула на витрину магазина с целью проверить, не подцепила ли она «хвост». Она много раз видела такое по телевизору: просто смотришь в отражение и наблюдаешь за теми, кто шел за тобой. Но в реальности это оказалось сложнее. В кино статисты шагали бы вперед, а какой-нибудь мускулистый восточноевропейский парень немедленно выдал бы себя топтанием на месте и косыми нервными взглядами. В жизни все ходило как попало. Более того — она никогда раньше об этом не думала, — в холодный осенний день почти все люди одеваются в длинные черные пальто, отчего улица становится похожей на съезд наемных убийц.

Бриджит стала проделывать трюк с отражением после того, как осознала непрактичность резких остановок и быстрых озираний. Потом она решила, что поступит по-умному, если остановится и достанет телефон якобы для того, чтобы посмотреть на карту. Эта уловка дала ей возможность тщательно рассмотреть всех прохожих. Несколько минут она глядела на женщину ближневосточного вида, стоявшую у кафе Bewley's[42]. У нее были длинные ноги и крашенные светлые волосы до середины спины. Вначале Бриджит решила, что женщина не может представлять угрозу, но потом упрекнула себя за ползучий сексизм. Женщины способны работать наемными головорезами не хуже мужчин. Более того, их слежка даже не будет бросаться в глаза, как она в этом только что убедилась.

Заметив пристальный взгляд блондинки, Бриджит отвернулась. Когда она осторожно посмотрела вновь, женщина по-прежнему глядела в ее сторону. Пульс Бриджит участился, но она сумела сохранить спокойствие. Пару минут спустя до нее дошло, что, с точки зрения блондинки, она ведет себя не менее подозрительно. Возник немалый шанс, что они застрянут в этой странной игре, в которой каждый из двух людей одновременно пытается увидеть, не смотрит ли на него другой, причем так, чтобы второй этого не заметил. Потом к блондинке подошла ее подруга, и Бриджит поняла, что возникло недоразумение. Блондинка указала на Бриджит рукой, после чего обе женщины повернулись и стали смотреть на нее вдвоем. Бриджит отпрянула назад, чуть не сбив с ног одну из этих чертовых «живых статуй», потом вскрикнула, случайно пнув шляпу, полную монет, и бросилась бежать, вся красная от неловкости и стыда. Шпионаж оказался значительно более трудным делом, чем ей казалось раньше.

Сей досадный инцидент случился в северном конце Графтон-стрит[43]. Некоторое время попетляв по случайным боковым улочкам, она вышла на Кларендон-стрит — к отелю «Вестбери». На этом она оставила попытки «сбросить хвост» и направилась напрямик в Сант-Стивенс-Грин.

Она бы постеснялась кому-то признаться в том, что делает, несмотря на то что ее поведение казалось вполне логичным после того, как стало ясно, кем на самом деле был Браун. Возможно, при этом милом детективе-инспекторе Стюарте следовало вести себя посдержаннее, но кто же не читал «Заложницу любви»? Бриджит с детства обожала криминальные детективы. Большинство ее подруг если что-то и читали, то только скучные любовные романы. А в тех книгах, что интересовали Бриджит, если и присутствовала романтика, то она заканчивалась с появлением первого трупа. Книга про Рапунцель стала одной из тех редких историй, которые сочетали в себе и то и другое. Внезапное явление Джеки «Ящера» Макнейра поражало воображение по целому ряду причин. И не в последнюю очередь из-за того, что он якобы умер тридцать лет назад.

После постыдно краткой борьбы со своей совестью Бриджит решила позвонить Полу и рассказать ему все, что узнала. Конечно, она обещала молчать. Даже несмотря на то, что он хлопнул перед ней дверью, Бриджит считала себя обязанной поделиться с ним правдой о том, во что его втянула. Но она пока не решила, как отнестись к убежденности Пола в том, что его преследует убийца. С одной стороны, он отличался скрытностью и всегда казался немного параноиком. Но с другой — в больнице его действительно чуть не убили. Уж кто-кто, а она должна его понимать. Правда, странная история с кошкой немного сбивала с толку...

Сразу после разговора с Полом ей пришло голосовое сообщение. Детектив-инспектор Стюарт велел ей во что бы то ни стало явиться к нему в штаб-квартиру «Гарда Шихана» в Феникс-парке[44] или просто прийти в ближайший полицейский участок и оставаться там, пока он не выйдет на связь. Сообщение ее напугало. Она вновь попыталась дозвониться до Пола, но никто не ответил. Тогда она притворилась перед собой, будто тщательно обдумала все варианты, прежде чем решилась отправиться на встречу с ним.

Все эти моральные терзания подвели Бриджит к довольно неудобной правде. Ей было неловко признаваться в этом даже себе, но возникшая ситуация ей полностью и всецело нравилась!

Ее мама часто говорила, что главная проблема Бриджит в том, что она считает себя выше обычной жизни, но эти слова всегда казались ей несправедливыми. Ведь на самом деле Бриджит считала обычную жизнь не подходящей никому. Ей казалось, что она родилась в самое скучное и безопасное время в истории человечества. Все на планете давно открыто. Даже космос полон... ну... всего лишь скучного старого космоса. Но должно же существовать что-то еще! Где-то в мире должна остаться хоть какая-то магия и хоть какое-то приключение.

Ей отчаянно хотелось уехать из Ирландии, хотелось взглянуть, что на самом деле может предложить ей судьба. Ради этого она пошла в медсестры. Конечно, это нельзя назвать прямой дорогой к полноценной жизни, но ведь наверняка в каждой чертовой стране на планете трудятся медсестры-ирландки. Несколько лет назад она полностью подготовилась к отъезду и даже подписала австралийский контракт на работу после окончания учебы. Но потом заболела мама и... Собственно, на этом все закончилось.

Конечно, она не злилась на то, что ей приходилось за ней ухаживать, конечно же нет. Ведь это ее мать. Забота – самое меньшее, что она могла для нее сделать. Но Бриджит раздражало, что проявлять ответственность приходилось ей одной. Три ее брата были большими любителями фразы «Все, что потребуется», но от слов к делу переходили редко. Братья являлись в гости каждый в свой вечер, и всякий раз мама устраивала суету, стремясь приготовить для них вкусный ужин. А потом они уходили домой, оставляя в раковине гору грязной посуды. Они жертвовали ради мамы одним вечером в неделю – Бриджит пожертвовала всем своим будущим.

А однажды, в один из невыносимо солнечных вторников, мамы не стало, и среди слез и чашек чая Бриджит заметила тихонько сидевшего в углу отца – самого одинокого человека на свете. Она поговорила о нем с братьями, но эти дураки даже не поняли, что слова папы о том, что с ним все в порядке, не означают ровно ничего. Ей пришлось устроиться на работу в Дублин, и даже из-за этого, черт возьми, она чувствовала себя виноватой! Тем не менее каждую неделю она терпеливо ездила домой, чтобы убедиться, что отец питается правильно и при нем достаточный запас чистых трусов. Ее это тоже не раздражало – чего уж тут поделаться? Как говорится, жизнь – это то, что происходит с тобой, пока ты строишь другие планы.

Задумавшись, она, должно быть, долго смотрела в витрину магазина, поскольку женщина за прилавком стала недоуменно на нее оглядываться. Продащица была из той категории женщин, которые могли бы стать моделями, будь они на пару сантиметров выше ростом и на километр удачливее. Бриджит

притворилась, будто внимательно разглядывает пальто. Довольно неплохое, кстати: бежево-белое, с подкладкой из искусственного меха, казавшееся вполне теплым для зимних холодов. Она уже купила пальто, но по-прежнему не была уверена, что оно ей понравится. Опыт подсказывал, что зеркала в магазинах всегда лгут и доверять им нельзя. Лишь зеркало в квартире говорило ей правду — чаще всего неприятную. Из-за этого Бриджит — человеку, который терпеть не может ходить по магазинам, — приходилось тратить время на то, чтобы возвращать вещи обратно. Сейчас ее внимание привлек ценник, висевший на пальто в витрине. Лишь опыт, приобретенный во время игр с братьями в покер «по-маленькому», помог ей не выдать шок от увиденного. Три штуки?! Да тот, кто способен заплатить такие деньжищи за пальто, никогда не будет торчать на улице возле витрины.

Продавщица слегка подалась вперед, учуяв запах комиссионных. Но как только она засекла пакеты, которые Бриджит держала в руках, улыбка «новой лучшей подруги» увяла. Никто из тех, кто посещает магазины, в которые заходила Бриджит, не смеет плавать в ее водах. Бриджит широко улыбнулась в ответ. Всякий раз, когда кто-то ее задевал, она с удовольствием представляла ту несчастную жизнь, в которую заведет этих теток их говенное отношение к людям. Насладись тремя неудачными браками и кошмарными психованными детьми ты, высокомерная королева!

Бриджит повернулась и, еще раз оглядевшись, направилась в сторону парка. Она не знала, с чем столкнется, и не была уверена, что поступает правильно. Но она чувствовала себя более живой, чем когда-либо.

Глава семнадцатая

Пол качнулся взад-вперед на скамейке, обхватил себя руками и потопал ногами — то есть проделал массу бессмысленных телодвижений, которые обычно проделывают люди, не имеющие реальной возможности согреться. Он укрылся в одном из двух швейцарских павильонов, расположенных с обеих сторон центральной круглой лужайки парка. Желтая футболка с надписью «Я победил рак» почти не защищала от пронизывающего ноябрьского ветра. Пол проклинал себя за то, что те минуты, которые у него оставались до бегства из дома, он потратил на сортировку DVD-дисков, вместо того чтобы заняться чем-то более практичным — например, надеть на себя побольше одежды. В такие моменты ему было трудно избавиться от подозрения, что он обыкновенный бытовой идиот.

На самом деле холод почти не ощущался, пока он шел к Сант-Стивенс-Грин. Постоянные оглядывания из страха, что его преследуют, вкупе с пульсирующей в яичках болью после падения не давали ему заскучать. Но теперь адреналин улетучился, оставив лишь острый металлический привкус в горле. Он чувствовал себя замерзшим, одиноким и по-мужски уязвимым.

Летом в это время суток Стивенс-Грин был бы заполнен молодыми влюбленными парами или пожилыми людьми, фланирующими посреди загнанной в жесткие рамки природы. Однако в промозглый ноябрьский полдень парк больше походил на сквозной пешеходный путь, чем на что-либо другое. Среди подстриженных газонов и старательно ухоженных клумб, подготовленных к тому, чтобы вспыхнуть летом яркими цветами, сновали деловые костюмы под темными зимними пальто. Все куда-то спешили. Все, кроме мужчины, занимающегося бегом, да старухи, которая настолько любила Иисуса, что просто обязана была об этом станцевать.

Ей было за семьдесят, она была хорошо одета и носила одну из тех шлемоподобных причесок, которые кажутся достаточно фундаментальными, чтобы легко выдержать ядерный Армагеддон. А еще она выглядела гораздо счастливее любого прохожего, незаметно менявшего траекторию, чтобы обойти ее стороной. У нее не было музыки – во всяком случае никто, кроме нее самой, ее не слышал. Тем не менее, танцуя свой «паровозик» из одного человека, она двигалась взад-вперед по центральной аллее парка и, казалось, не обращала ни на кого внимания.

– Добрый вечер.

Пол подпрыгнул от неожиданности, когда рядом с ним на скамейку плюхнулась Бриджит.

– Господи, ты чуть до смерти меня не напугала!

– Для человека, который думает, что его пытаются убить, ты недостаточно внимателен.

– Я не думаю, что меня пытаются убить, я это точно знаю.

Для убедительности Пол показал на свое раненое плечо.

– Как рука?

– Охрененно замерзла, как и весь остальной организм.

– Ты так и пришел?

– Пришлось убегать из дома в спешке.

Бриджит принялась рыться в покупках.

– У кого-то выдался продуктивный день, – заметил Пол, имея в виду ее многочисленные пакеты.

– Ну, после того как тебя отстраняют от работы, а потом неблагодарные засранцы захлопывают перед тобой дверь, то все, что остается, – покупать рождественские подарки.

Ощувив неловкость, Пол отвел глаза.

– Мне очень жаль, что так...

— Заткнись и примерь это.

Бриджит подтолкнула к нему зеленый свитер. Пол разложил его на коленях, чтобы посмотреть на рисунок. На свитере была изображена ухмыляющаяся оленья морда. Пол догадался, что дизайнер хотел показать радостное животное, но изрядно переборщил. Под дикими глазами сверкала безумная улыбка «А вот и Джонни». Из рисунка вышел бы страшной силы плакат, предупреждающий об опасности кокаина. Олень выглядел так, будто хотел прямо сейчас рассказать о невероятном сценарии, который он собрался писать, и об удивительном чуваке, которого он только что встретил в туалете. «Ничего странного, — подумал Пол. — Когда в твой единственный рабочий день в году приходится целую ночь тягать сани со сверхзвуковой скоростью, катая по земному шару жирного пьяного придурка, то без тонизирующего средства не обойтись».

— Господи, что это? — спросил Пол.

Бриджит смутилась.

— В прошлом году в нашем хосписе был Рождественский свитерный день, и меня покритиковали, что я «не прониклась духом праздника», так что...

— Ты собиралась носить перед беззащитными пожилыми пациентами вот это? А почему бы не пойти до конца и не начать разбрасывать мишуру в костюме Мрачного Жнеца?

— Хочешь сказать, что предпочитаешь замерзнуть? Ну что ж, на здоровье!

— Ну уж нет, — быстро ответил Пол, после чего снял перевязь и осторожно просунул раненую руку в рукав.

Бриджит внимательно за ним наблюдала.

— Я только сейчас осознала, — сказала она, — что купила этот дурацкий свитер для работы, которой у меня больше нет.

— Что?

— Сегодня утром меня отстранили от смен за нарушение правил посещений. Теперь я должна предстать перед дисциплинарным комитетом.

Пол попытался изобразить сочувствие, высунув голову из горловины свитера.

— Отстранение — это еще не увольнение. Уверен, все образуется.

Бриджит издала гортанный, гудящий, признанный на международном уровне звук, означавший «очень в этом сомневаюсь».

— Как я выгляжу?

— Как идиот, которому не грозит умереть от переохлаждения.

Пол демонстративно поднял большой палец вверх.

— То, что надо!

Некоторое время они сидели молча, оглядывая парк. Наконец Бриджит указала на старуху:

— Это та знаменитая «танцующая леди»?

— Нет. Та старушенция обычно торчала на О'Коннелл-стрит[45]. Кроме того, я почти уверен, что она умерла несколько лет назад. Кажется, ее звали Мэри Данн.

Мэри стала дублинской легендой. Обыкновенная на вид старушка год за годом танцевала на дорожном островке безопасности, размахивая крестом и выкрикивая имя Иисуса с частотой рэпера на церемонии награждения. Если что-то делать достаточно долго, то вы автоматически превращаетесь в легенду. Однажды Пол прошел мимо нее, когда она спокойно ждала на остановке автобус. Это было странно — как встретить учительницу вне стен школы.

— А это кто такая?

— Понятия не имею. Какая-то странная подражательница.

— Хм-м-м, — протянула Бриджит, — а вдруг это реинкарнация?

— Лучше не говори такое католикам.

— Кстати, о людях, воскресших из мертвых: оказывается, нашего мистера Брауна на самом деле звали Джеки «Ящер» Макнейр.

— Ты уже говорила. И кто это?

— Ты когда-нибудь слышал о деле «Рапунцель» восьмидесятых годов?

— Это когда заложница сбежала с похитителем? — спросил Пол. — Стокгольмский синдром и все такое?

— Ну, ты выкинул всю романтику, но да — примерно так и было. В общем, молодая наивная девушка, отданная в жены богатому чуваку в качестве символа статуса, была похищена и влюбилась в похитителя. Оба бросили все, чтобы убежать и жить вместе.

— Погоди... этот Браун, Макнейр или как его там... он и был Ромео из той чудной сказки?

— Господи, нет!

— Отлично. А то он не произвел на меня впечатления романтического героя.

— Он был его лучшим другом и сообщником.

— Значит, ты хочешь сказать, что кто-то пытается убить меня из-за того, что случилось еще до моего рождения?

— Возможно, — ответила Бриджит, после чего вновь нырнула в свои пакеты. — У меня есть для тебя подарок.

— Ой, нет, не надо. Свитера более чем достаточно. Мне уже неловко, я ничего для тебя не приготовил.

— Не переживай, до Рождества еще много дней, — ответила Бриджит, нащупав наконец в пакете и протянув ему книгу в мягкой обложке.

— «Заложница любви», — прочитал Пол. — Обжигающе правдивая история, стоящая за делом «Рапунцель». Ну ничего себе! Какое кошмарное название.

— Название ужасное, но оно не помешало книге стать бестселлером. Из нее даже собирались делать фильм. По слухам, играть должен был сам Колин Фаррелл.

— Етить-колотить!

Пол полистал фотографии в середине книги. Первая представляла собой консервативный семейный портрет, на котором молодая женщина лет двадцати сидела в окружении довольно строгих родителей.

— Это семья Крэнстонов. Настоящие благородные англичане.

— Похоже на то, — кивнул Пол. — Все трое выглядят так, будто им в задницы воткнули палки.

Пол указал на хорошенькую девушку.

— Полагаю, это наша Джульетта?

— Ага. Она была сногшибательна, — ответила Бриджит.

— Не сомневаюсь — если китайские куклы диснеевских принцесс в твоем вкусе. Готов поспорить, что чертей в ней водилось немало. Говорят, тихони — самые опасные, могут отчебучить что угодно.

— Уверена, что так и получилось. Судя по всему, жить с папочкой Крэнстоном было не очень весело. По слухам, даже прозвище «Рапунцель» возникло от того, что ее так называли между собой слуги Крэнстонов. В подростковом возрасте ее держали почти взаперти. До тех пор, пока она не вышла замуж...

Бриджит перевернула страницу, открыв фотографию Дэниела Крюгера.

— Господи! — воскликнул Пол. — Он как этот... из «Бэтмена», который «Двуликий».

У Крюгера действительно была полностью обезображена левая сторона лица. На снимке, сделанном на улице, Крюгер мрачно смотрел в камеру.

— Не будь таким злым, — сказала Бриджит. — Его лицо обгорело в результате несчастного случая в детстве, если я правильно помню.

— Извини, но оно немного... шокирует. Так, погоди. Значит, это он женился на как-ее-там Крэнстон?

— Именно. Заметь, он успел прожить с ней немногим больше года. Что прямоком подводит нас к этим... трем лихим амигос, — Бриджит указала на фотографию, расположенную ближе к концу книги.

На ней были трое молодых людей в сапогах и костюмах, будто на свадьбе. И, судя по остекленевшим пьяным ухмылкам, довольно веселой. Пол прочитал подпись под фотографией. Слева стоял самый старший из трех мужчин, и он же — самый высокий. Это был Герри Фэллон, человек крепкого сложения и с боксерским носом. Даже улыбка его, казалось, источала угрозу. У него был классический вид альфа-самца. Все в нем говорило: «Я могу за себя постоять, и даже не пытайтесь выяснить, насколько успешно». Он обладал карими глазами и дерзкой насмешливой улыбкой. Можно было легко заметить семейное сходство между ним и человеком, которого он держал в шутовском захвате, но, по сравнению с Фиахрой Фэллоном, его старший брат смотрелся как очень грубый набросок того, что должно было получиться в итоге. Пол мало что смыслил в мужской красоте, но даже абсолютно гетеросексуальный человек обратил бы внимание, что Фиахра был сердцеедом. У него была улыбка голливудской звезды и тот восхитительный взгляд «потерянного мальчика», который мог заставить любую женщину захотеть стать его матерью, и не только. Последним участником трио оказался сам Макнейр. Главное, что поразило Пола, — его абсолютно обычный вид. Даже странно было думать, что этот молодой человек превратился в полутруп, который набросился вчера на Пола. Между ними не замечалось никакого сходства. Вероятно, к тому времени, как Пол перешел ему дорогу, рак выел из Макнейра все, что делало его самим собой.

Пол снова посмотрел на Фиахру Фэллона.

— Значит, это и есть Ромео?

— Ага, — ответила Бриджит.

— Блин, даже я бы с ним сбежал, — сказал Пол.

Бриджит указала на Герри.

— А это Герри Фэллон. Он прикрыл побег юных влюбленных, как полагается старшему брату.

Пол пожал плечами. Брата у него не водилось, так что придется поверить на слово.

Он захлопнул книгу.

— Но дело вот в чем, — сказала Бриджит, указав на книгу. — Согласно написанному здесь, Ящер Макнейр погиб тридцать лет назад.

— Мое продырявленное плечо не может с этим согласиться.

— Вот именно. Предполагалось, что он повздорил с Фиахрой-Фареллом на рыбацкой лодке, которая увозила их вместе с похищенной девушкой из страны.

Макнейр, как гласит история, не хотел оказаться на расстоянии одной любовной размолвки от тюрьмы, и перспектива потерять все деньги его отнюдь не радовала.

— О! Кажется, он не отличался романтичностью.

— Видимо, нет. И вот, после эпичного боя на кулаках Ящер Макнейр упал в Северную Атлантику.

— Все просрал, значит. Люблю хорошие концовки.

— Он утонул, и молодые отправились в закат, чтобы начать новую совместную жизнь в Америке, Канаде, Австралии или Карлоу. И никто не видел их уже много лет.

— И не было у них проблем с деньгами, потому что...

— Они заботились друг о друге.

Пол изобразил рвоту. Бриджит сделала вид, что не заметила.

— Значит, человек, которого считали мертвым, был жив... а теперь он снова мертв. Но зачем из-за этого убивать меня?

Бриджит не хотела касаться этой темы. Вначале требовалось точно выяснить, насколько иррациональна паранойя Пола.

— Как думаешь, кто пытается тебя убить?

— Понятия не имею, кто и почему. Просто мне позвонили и посоветовали бежать.

— Очень благородно с их стороны.

— Звонил не тот, кто меня преследует. Предупредил человек, которого я знаю лично. Он должен мне услугу.

— А Макнейр что-нибудь говорил тебе перед тем, как он...

— ...на меня напал? Да нет. В основном нес всякую околесицу. Решил, что я сын его старого друга. Говорил, что у него есть дочь, которую он не видел целую вечность. Наверное, подумал, что я собираюсь ей навредить. Честно говоря, мне показалось, что у него полностью отъехала кукуха, и все, что он говорит, — бред.

— А он упоминал какие-нибудь географические названия или что-нибудь в этом роде? Например, куда могли скрыться юные влюбленные?

— Ничего я... — Пол ломал голову, пытаясь восстановить в памяти разговор с умирающим стариком. — Он говорил, что знает моего отца и дядю — только и всего. Ничего такого, за что стоило бы убивать.

— А вдруг это... — Бриджит замялась, не зная, как правильно сформулировать мысль. — Вдруг тебя кто-то разыграл? Например, тот полицейский, который ждал тебя утром возле дома?

— Нет, это не в стиле Банни. Он не любит розыгрыши.

— А он вообще кто?

Пол невесело усмехнулся.

— Поверь, это слишком долгая история. У нас нет на нее времени.

— Ну ладно, хорошо...

Последовала неловкая пауза. Оба посмотрели вдаль, не зная, что еще добавить.

Бриджит ощутила в кармане завибрировавший телефон. Она игнорировала его уже полчаса, но теперь, по крайней мере, появился повод заполнить тягостный пробел. Высветившийся номер был тем же самым, который она видела на мобильнике в течение последнего часа, — принадлежавшим детективу-инспектору Стюарту.

— Алло?

— Мисс Конрой, где вы?

— Я?... Хожу по магазинам.

— Вы получили мои сообщения?

— Простите, я была...

— Немедленно вернитесь ко мне в контору.

— Ладно, хорошо, я заскочу чуть позже.

— Прямо сейчас, мисс Конрой!

— А в чем дело?

— Кое-что... произошло.

— В смысле произошло?

В телефоне повисла пауза. Бриджит посмотрела на Пола.

— Ну хорошо, если это заставит вас отнестись к делу серьезнее. Несколько часов назад убили дочь Макнейра, а еще мы обнаружили бомбу под машиной вашего друга мистера Малкроуна. Я пока не знаю, что происходит, но ваша безопасность — наш главный приоритет. Пожалуйста, не тяните.

— Уже еду.

Бриджит отключила связь и уставилась на телефон, пытаясь осмыслить услышанное. Пол смотрел на нее с тревогой.

— Что случилось? — спросил он.

— Ну... хорошая новость в том, что ты не параноик.

Глава восемнадцатая

Тирион 4.12.AX4 — защищенное серверное программное обеспечение.

Инициализация конфиденциального однорангового соединения.

Пожалуйста, подождите...

Соединение установлено.

RoyTheBoy07: Пожалуйста, дайте обновленные данные.

CerburusAX: Объект номер один успешно удален.

RoyTheBoy07: И?

CerburusAX: Возникли проблемы с объектом номер два. Не найден на локации, плюс резервное архивирование сорвалось.

RoyTheBoy07: Под словом «архивирование» ты имеешь в виду охуенную бомбу, которую вы подложили под его машину?

CerburusAX: Это не наши методы, но вы дали нам слишком мало времени.

RoyTheBoy07: Из-за вашей некомпетентности вы привлекли внимание половины полиции Дублина!

CerburusAX: Я говорил — слишком короткий срок. Но мы сделали половину работы.

RoyTheBoy07: Застрелили домохозяйку, какие молодцы!

CerburusAX: Вы дали неверную информацию.

RoyTheBoy07: Нам не нужны оправдания, нам нужны результаты.

CerburusAX: Я хочу доказательства, что с племянницей все в порядке.

RoyTheBoy07: А я хочу, чтобы вы сделали работу.

CerburusAX: Нет доказательств — нет работы.

RoyTheBoy07: Отлично, значит, твоя племянница мертва.

CerburusAX: Не угрожай нам.

RoyTheBoy07: А вы не угрожайте мне. Работайте над поиском объекта. Мы, со своей стороны, также попытаемся установить его местонахождение.

CerburusAX: Дайте доказательства, что она жива.

RoyTheBoy07: Мне сказали, что она все время просит «тату». Что это значит?

CerburusAX: Это значит «папа», гнида.

RoyTheBoy07: Мне плевать на твои оскорбления, Драко. Ты — убийца, займись своим делом.

Глава девятнадцатая

— Не пропускайте никого за барьер!

Детектив Уилсон повысил голос, чтобы полицейские в форме, стоявшие возле ограждения, могли хорошо его расслышать. В такой стрессовой ситуации важно, чтобы люди понимали, кто здесь главный, тем более что это был он. По крайней мере до возвращения Стюарта. В настоящее время старый хрыч опрашивал жителей Ричмонд-Гарденс, пытаясь получить описание человека, подложившего бомбу. Двое патрульных полицейских посмотрели на Уилсона, затем быстро переглянулись и вернулись к людям, топтавшимся за барьером.

Толпа собралась довольно приличная. С двух улиц Ричмонд-Гарденс были эвакуированы все дома, и большинство их жителей стояли теперь вокруг, ожидая увидеть что-нибудь захватывающее. Другие непрерывно присоединялись к ним с того момента, как появилось ограждение. Болваны ничего не любят так, как бесплатные развлечения. Полиция была вынуждена перекрыть часть Северной круговой дороги на юге и Саммерхилл-Парад на востоке — две основные транспортные артерии, ведущие из города. Уилсон слышал гудки и рев машин вдалеке. Водители злились на то, что сделало пятничный вечерний затор хуже обычного. Предприимчивый торговец мороженым поставил свой фургон чуть дальше по дороге и активно с него торговал. Время года было, мягко говоря, неподходящим, но, судя по собравшейся длинной очереди, удачное расположение торговой точки переломило сезонные тенденции. Сквозь шум толпы и уличного движения до Уилсона долетали обрывки разговоров:

— Это Боно?

— В каком смысле?

— Это кто-то знаменитый, да? Хоть бы не какой-нибудь поганый политик, разве что Клинтон или типа того.

— Это бомба.

— Какая на хрен бомба? Кто тут станет закладывать бомбу? Даже если она рванет, никто ничего не заметит.

— Да говорю тебе, тут бомба! Стал бы я, по-твоему, эвакуироваться из квартиры из-за неразорвавшегося Боно?

— Наверное, это мусульмане.

— Какие мусульмане?

— Террористические. Из какой-нибудь ИГИЛ[46].

— ИГИЛ? Что за чушь! Это наверняка протестанты.

— А протестантам зачем? Перемирие действует уже давным-давно.

— Кроме того, протестуны не умеют делать бомбы — это все знают.

Самая серьезная опасность прорыва оцепления исходила от фотографов. Из-за расположения ограждения они не могли совместить в одном кадре ребят-саперов и стадион «Кроук Парк», и это их ужасно расстраивало. Армейский саперный отряд прибыл около двадцати минут назад, с передвижной телестудией RTE[47] на хвосте. Уилсон втайне надеялся, что внутри окажется та самая рыженькая, которая ведет на канале новости. Ему очень нравилась ее задница. Кажется, девушку звали Шивон О'Синард, но Гарет называл ее «Шивон О'Секси». Гарет — его сосед по квартире с университетских времен. Несмотря на то что он был отличным парнем, Уилсону пришло в голову, что пора уже начинать жить одному. Невозможно было и думать о том, чтобы привести Шивон в квартиру, которую он делил вместе с Гаром и неприятным запахом его ног.

В идеальном мире Уилсон сделал бы заявление по ситуации — одновременно жесткое и исчерпывающее. Женщины сходят с ума от таких вещей. Оставалось только надеяться, что и Стюарт останется в стороне, но шансы на это были невелики. Кто не мечтает оказаться в телевизоре? Старый хрыч наверняка захочет покрасоваться перед женой. К счастью, с прессой не общались саперы, уж с ними Уилсон точно не смог бы конкурировать. «Я обезвреживаю бомбы» — эти три слова наверняка заставляют трусики слетать... Вот же козлы везучие!

От мыслей Уилсона отвлек настойчивый громкий голос:

— Эй, ты. Гард!

Обернувшись, Уилсон увидел крупного мужчину лет сорока с редкими волосами и выпирающим животом, который навис над полицейским ограждением. Его живот был настолько велик, что формально это можно было считать нарушением оцепления. На мужчине была фанатская футболка на два размера

меньше, вышедшая из моды пару лет назад. Он ткнул пухлым пальцем в сторону Уилсона.

— Да, ты. Подойди сюда.

— В чем дело, сэр?

— Это муслимы или протестуны?

— «Гарда Шихана» не может комментировать текущую ситуацию в интересах безопасности.

— Значит, не знаешь, сынок?

Краем глаза Уилсон заметил ухмылку одного из полицейских в форме.

— На данный момент мы не даем комментариев.

Толстяк оглянулся на окружавшую его толпу и повысил голос:

— Да он не в курсе!

— Нам нельзя разглашать...

— Да-да, я так и понял. Подожду, пока не подойдет кто-нибудь из взрослых.

— Мы пока не можем...

Крупный мужчина вдруг перебил его, заговорив противно высоким сюсюкающим голосом:

— Мы, Гярда Сихана, пока не можем найти свою зёпу, хотя сюпаем обеими руками, поэтому мы запъясили дёполнительные силы. Позялуста, оставайтесь на связи, ваш звонёк осень вазен для насъ.

Несколько человек в толпе расхохотались. Уилсон натянуто улыбнулся, попытавшись сделать вид человека, понимающего юмор, затем обратился к патрульному полицейскому слева:

— Схожу посмотрю, как там дела у саперов. Зови, если понадобится.

Патрульный сделал идеальный поворот на месте и резко отсалютовал, шелкнув каблуками.

— Да, сэр!

Уилсон пошел к саперам, доставая на ходу телефон и притворяясь, будто взрывы смеха его не волнуют.

Три армейских фургона почти полностью перекрыли вид на Ричмонд-Гарденс. Метрах в шести от них стоял черный «Форд-Мондео» без опознавательных знаков, на котором сюда приехали Стюарт и Уилсон. Это было отличное место, прямо в поле зрения телекамер, которые, как он заметил, уже расставили. Господи, неужели он видит Шивон, глубоко увлеченную беседой с каким-то

высоким парнем в светоотражающем жилете? Почему ее рыжие волосы так ярко блестят в этот хмурый день? На нее словно светит солнце! Шивон оказалась меньше, чем он предполагал, и это хорошо. Рост самого Уилсона составлял сто семьдесят три сантиметра, и ему не нравилось, когда женщины на каблуках над ним возвышались. Надо написать Гарету, чтобы он включил новости на «Скай Плюс». В идеале Уилсон хотел бы, чтобы его запечатлели во время ответственного совещания с саперами, но главный военный очень ясно дал понять, что участие Уилсона не требуется. Этот эгоистичный хер явно добивался славы лично для себя. Как это непрофессионально!

Уилсон взглянул в сторону саперов. Казалось, они только и делали, что болтали. Но разве подобная работа не требует предельной сосредоточенности, если только вы не хотите, чтобы вас привезли домой в картонном ведре из KFC?

Внезапно Уилсон остановился и судорожно вдохнул. Возле их со Стюартом машины, небрежно привалившись к ней, стоял крупный мужчина в черном костюме и плохо сидящей дубленке. Мужчина спокойно облизывал рожок с мороженым, наблюдая за работой саперов.

А ведь здесь должно быть строгое оцепление! Сейчас кто-то точно отхватит по заднице! Уилсон решительно двинулся вперед.

Подойдя поближе, он обратил внимание, что мороженое — «99»[48]. Мужчина поместил шоколадную палочку в самый центр и теперь облизывал ее со всех сторон, как собака, объедающая колбасу вокруг таблетки.

— Сюда заходить нельзя. Кто вы такой?

Медленно повернув голову, мужчина окинул Уилсона насмешливым взглядом — примерно так, как смотрит женщина в баре в тот момент, когда решает, позволить вам угостить ее выпивкой или нет. Затем мужчина отвернулся и продолжил наслаждаться представлением. Нестерпимо долго полизав мороженое, он ответил с сильным коркским акцентом:

— А ты еще что за хрен?

Уилсон вынул портмоне из внутреннего кармана пальто и распахнул его одним коротким движением, которое он, признаться, долго тренировал.

— Детектив Уилсон, Национальное бюро уголовных расследований.

Мужчина не оторвал взгляда от въезда в Ричмонд-Гарденс.

— Ну, тогда я одноглазый сын косоглазой Сьюзи.

Уилсон захлопнул портмоне. Он понятия не имел, на что намекает мужчина, но уже начал по-настоящему кипятиваться.

— Кто вы такой? — повторил Уилсон.

— Детектив-сержант Банни Макгэрри, Саммерхилл. Я бы пожал тебе руку, но...

Он указал на мороженое, не оставив никаких сомнений относительно места Уилсона в его иерархии ценностей.

Мужчина, назвавшийся Банни Макгэрри, повернул рожок с мороженым ровно на девяносто градусов и продолжил методичное облизывание.

— Я обязан взглянуть на документы.

— Можешь снова вынуть свое портмоне и посмотреть на него еще раз, если хочешь.

Уилсон почувствовал, как краснеют его щеки.

— Удостоверение личности. Быстро!

— А где волшебное слово?

— Что?

— Ты меня услышал. Мне не нравится твой тон.

— Это оцепленное место преступления. Даже если вы тот, за кого себя выдаете, вы не можете находиться здесь без разрешения. Или вы показываете документы, или я вас арестую, и тогда посмотрим, как вам понравится мой тон!

Макгэрри улыбнулся.

— Что ж, проверим, насколько велики яйца у новенького. Не стану скрывать, твое охеренное мужество меня немного возбудило.

— Хватит болтать глупости, — сказал Уилсон.

— Не могу не согласиться, — ответил Макгэрри.

Саперы обошли свои фургоны, словно к чему-то приготавливаясь.

— Как думаешь, у них есть роботы? — продолжил Банни. — Всегда мечтал увидеть их в действии.

Уилсон догадывался, что происходит. Последние пару недель он непрерывно терпел насмешки Стюарта. Настал следующий этап проверки новичка. Сейчас отступить нельзя.

Он встал перед мужчиной, назвавшимся Банни Макгэрри, и загородил ему весь обзор.

— Теперь я полностью завладел вашим вниманием?

Мужчина снова осторожно повернул рожок, затем произнес, не сводя глаз с мороженого:

— Сынок, поверь, мое полное внимание тебе совсем не нужно.

Банни поднял глаза, и они встретились взглядами... по крайней мере, Уилсон попытался это сделать. Мужчина сильно косил левым глазом, и было не очень понятно, в какой из них смотреть.

Банни подождал, пока Уилсон не сдастся, прежде чем продолжить:

— Я пришел поговорить с Джимми Стюартом. У меня есть личные причины интересоваться расследованием.

— Мне плевать, даже если это именно ваша машина вот-вот взорвется. Выйдите за оцепление.

— Делаю второе и последнее предупреждение относительно тона.

Словно действуя по собственной воле, рука Уилсона выхватила рожок из пальцев Банни и швырнула его на землю. Но прежде чем мороженое упало, левая рука Банни вцепилась Уилсону в яички железной хваткой. Уилсон попытался вырваться, ощутив нижней частью тела боль, но Макгэрри двигался значительно быстрее, чем можно было ожидать от человека его комплекции. Массивное тело развернулось одним плавным движением и приперло Уилсона к машине. Левое плечо Банни прижалось к плечу Уилсона, не давая ему упасть, а рот оказался всего в нескольких сантиметрах от его уха.

— Только пискни, как девочка, и я тебя точно превращу в одну из них.

Банни слегка поднял левую руку, заставив молодого человека привстать на цыпочки.

— Вы... — чуть заметное усиление хватки Банни заставило остальные слова в глотке Уилсона замереть.

— Тише, — прошептал Банни, — мы уже достаточно пообщались. Давай не будем разыгрывать сцену перед телекамерами. Никаких резких движений, иначе будешь исполнять партии сопрано в полицейском хоре.

Уилсон смотрел на Банни, лениво оглядывавшего толпу. Машина достаточно перекрывала обзор, и ни один человек, кажется, не заметил ничего необычного. Двое полицейских мило беседуют — только и всего. О местонахождении левой руки Банни не догадывался никто, кроме Уилсона, который уже не мог думать ни о чем другом.

— А теперь, козленок жопоголовый, мы поговорим с тобой об уважении, — Банни бросил быстрый взгляд на лицо Уилсона. — Рано или поздно тебе придется вновь начать дышать.

Уилсон осознал, что слишком надолго задержал дыхание, и медленно выдохнул воздух из легких. Из-за слез в глазах он почти ничего не видел.

Банни взглянул на мороженое, сиротливо лежавшее на земле.

— Очень вкусное было мороженое. А дети в Африке, между прочим, голодают.

Уилсон хотел было что-то ответить, но его вновь прервало крепкое пожатие тестикул.

— Это была проверка: закончил ты таякать или нет.

— Здравствуй, Банни.

Оба мужчины скосили глаза и увидели Джимми Стюарта, стоявшего у капота с двумя пластиковыми стаканчиками в руках.

— Джимми, — кивнул ему Банни.

— Вижу, ты уже познакомился с Уилсоном.

— Ага, — ответил Банни, вернувшись к разглядыванию головы Уилсона. — Он показал мне удостоверение и все такое.

Уилсон бросил на Стюарта умоляющий взгляд. Стюарт медленно покачал головой и возвел очи горе.

— Сейчас мы ведем увлекательную беседу о важности хороших манер, — пояснил Банни. — Манер и сотрудничества между разными отделами.

— Я заметил. А еще я заметил, что ты крепко держишь его за яйца.

— Не без этого.

— И хотя у меня нет ни малейшего желания увидеть когда-нибудь его потомство, но все же ты не мог бы проявить немного сдержанности? Его голос и так противен, а уж если он поднимется на две октавы выше...

— Один быстрый поворот запястья, и он навсегда запомнит, как следует относиться к чаяниям коллег-офицеров.

Стюарт перевел взгляд с одного мужчины на другого.

— Кажется, он уже усвоил урок. Буду рад помочь в твоих расследованиях. Могу я поинтересоваться, что привело тебя к нам?

Банни посмотрел прямо на Стюарта, не обращая внимания на хнычущего Уилсона.

— Поли Малкроун — один из моих пацанов.

— А... понятно.

— Во что он вляпался?

— Точно не знаю. Возможно, просто оказался не в том месте не в то время, — Стюарт кивнул в сторону Ричмонд-Гарденс. — Он определенно кого-то разозлил — скорее всего, самого Герри Фэллона.

Банни присвистнул.

— Охереть. Дурачка, должно быть, обуяла жажда смерти. Думаю, это из-за той дебиловатой музыки, которую слушает современная молодежь.

Банни снова хмуро посмотрел на Уилсона, словно подозревая в этом его вину.

— Я пытаюсь связаться с мистером Малкроуном, — сказал Стюарт, — если, конечно, он еще жив. Пока безуспешно. Может, ты мне сможешь помочь?

Банни обеспокоенно шевельнулся. Несмотря на слезы, застилавшие глаза, Уилсону на секунду показалось, что Макгэрри действительно смутился.

— Извини. В последнее время мы не очень с ним ладим. Из-за небольшого недоразумения.

— Ясно. Кстати, о недоразумении... — Стюарт склонил голову в сторону Уилсона.

— Он должен мне евро восемьдесят, — ответил Банни.

— Что?

Уилсон и Стюарт проследили за взглядом Банни, смотревшего на лежащее на земле мороженое.

— Понятно, — сказал Стюарт. — Уилсон, отдай этому человеку один евро восемьдесят центов.

Уилсон взглянул на настойчиво покивавшего ему Стюарта, затем очень медленно сунул руку в правый карман и вынул из него монету в два евро.

Взглянув на нее, Банни отпустил наконец фамильные драгоценности семьи Уилсонов и взял монету из руки молодого человека. Уилсон стек по боковине машины, дыша так тяжело, словно только что вынырнул из глубин безжалостного моря.

Банни достал из кармана горсть мелочи, выбрал из нее двадцатицентовик и бросил на землю перед Уилсоном.

— Держи сдачу. И пусть никто не скажет, что Банни Макгэрри — нечестный человек.

— Ни в коем случае. Слушай, Банни, я могу перекинуться парой слов со своим коллегой? — спросил Стюарт. — Как насчет сходить за мороженым, а потом мы с тобой поболтаем?

— Не возражаю.

Банни взъерошил волосы Уилсону и быстрым шагом пошел к фургончику с мороженым, беззвучно насвистывая себе что-то под нос.

Уилсон посмотрел на Стюарта блестящими от возмущения глазами.

— Я этого так не оставлю!

— Нет! — прервал его Стюарт, повысив голос. — Ты не станешь делать абсолютно ничего.

Затем он наклонился и протянул Уилсону теплый стаканчик с чаем, который тот осторожно взял.

— Банни Макгэрри, — начал Стюарт, — это легенда. Он немного... грубоват, назовем это так, но он отличный полицейский.

Уилсону захотелось возразить, но жесткий взгляд Стюарта убедил его, что сейчас лучше помолчать.

— У него свои нетрадиционные методы поддержания общественного порядка. Он руководит секцией хёрлинга в клубе Святого Иуды. Каждый пацан на районе в какой-то момент проходит через Банни — нравится ему это или нет. Поэтому Банни знает всех, и все знают Банни. На своем участке он расследует дел больше, чем кто-либо другой в полиции. Сейчас ты на его земле, так что изволь проявлять некоторое уважение. Как говорится, «хочешь жить — умей дружить».

Уилсон не мог поверить своим ушам.

— Но ведь он на меня напал!

— А у тебя есть свидетели?

Уилсон уставился на Стюарта, невозмутимо попивавшего чай.

— Ты когда-нибудь смотрел «Секреты Лос-Анджелеса»? — Уилсон покачал головой. Стюарт вздохнул. — Да кого я спрашиваю!

— К чему вы клоните?

— Банни немного напоминает Бада — того резкого полицейского, которого сыграл Рассел Кроу. А ты как... блин, тот парень, который был в «Соседях»...[49]

— Джейсон Донован?

Стюарт хлопнул по машине, внезапно вспомнив.

— Гай Пирс! Он играет высокоморального копа. Вначале они с Кроу злейшие враги, но ближе к концу объединяются, чтобы «вынести» всех негодяев.

Уилсон стал медленно подниматься, опираясь на машину.

— Хотите сказать, я стану его другом?

Стюарт немного подумал, взглянув на Банни, который терпеливо стоял в очереди за мороженым и болтал с двумя старичками.

— Нет. У Банни нет друзей, а если бы и были, то точно не ты.

— На что вы намекаете?

Стюарт поднял глаза, словно в попытке что-то вспомнить.

— Да, в общем-то, и не я...

Уилсон взглянул на него сердито.

Стюарт отпил чаю и посмотрел вдаль.

— Это та, что ли, которая ведет «Ирландские новости»?

Глава двадцатая

— Просто... успокойся.

Несмотря на туфли на плоской подошве, Бриджит было нелегко поспевать за Полом, когда он зигзагами выходил из парка. Пол шел к выходу на Лисон-стрит, пробираясь через оживленные пятничные толпы.

— Успокойся? — бормотал он, даже не оглядываясь. — Успокойся... она мне говорит!

— Нет повода паниковать.

Внезапно остановившись, Пол обернулся. Чувство возмущения некорректностью ее заявления на мгновение перевесило паранойю. А его внезапная остановка, в свою очередь, стала причиной небольшой дорожной свалки. Даме с коляской пришлось выехать на встречную полосу, чтобы не сбить с ног Бриджит. Никто не сказал ни слова, но в нижних регистрах звукового спектра раздалось отчетливо-неодобрительное цоканье.

Пол посмотрел на Бриджит с такой яростью, что она отступила на шаг.

— Нет повода паниковать? Под мою машину закладывают бомбу... бомбу, елы-палы! Непонятно почему, но бандиты — настоящие бандиты — пытаются меня убить. Я не могу вернуться домой. У меня нет денег... нет ничего, кроме этого!

Он помахал перед собой пакетом с двумя фотографиями в рамках, виниловой пластинкой, пачкой из трех колючих трусов и недавно обретенной книгой «Заложница любви». В этом пакете было все его имущество, находящееся за пределами радиуса взрыва неразорвавшегося боеприпаса.

— Насколько я понимаю, для паники очень даже есть повод. Фактически для таких ситуаций паника и придумана!

— Почему бы тебе не обратиться в полицию?

— Я тебя умоляю! — саркастически воскликнул Пол. — Если я туда обращусь, то Гриви... — он осекся.

— Кто такой Гриви?

— Не твое дело!

— Ладно-ладно! Тогда куда мы пойдем?

— Мы? Ты, черт тебя дери, можешь пойти куда угодно!

— Да ты достал уже! Ты не можешь продолжать обвинять меня и не давать мне помочь!

— Могу и буду. Чем ты вообще можешь мне помочь?

— У меня есть деньги и машина, и я знаю о куче всяких... случаев.

Вообще-то она хотела сказать «преступлений», но в последний момент струсилa, представив, как глупо будет выглядеть ее признание в любви к детективным романам и американским криминальным сериалам. Она решила продолжить, прежде чем он спросит что-нибудь сам:

— Я втянула тебя в это дело, и я помогу выбраться. Если ты уйдешь один и тебя убьют как беспомощного придурка, то я буду чувствовать себя виноватой до конца жизни.

— А что, если я не хочу, чтобы ты за мной ходила?

— Обломись. Только попробуй от меня сбежать, и я повалю тебя на землю. Я играла в регби за округ.

Пол поднял брови, в ответ глаза Бриджит сузились. Ее голос понизился до одного из тех шепотов, что звучат громче крика:

— Давай, шуткани об этом... только попробуй!

Пол глубоко вздохнул.

— Ну хорошо. Тогда идем.

— Согласна. Но хватит нестись как угорелые. Мы должны слиться с толпой.

Пол кивнул и направился к выходу с более разумной скоростью. Бриджит шла с ним рядом.

К счастью, они добрались до пешеходного перехода как раз в тот момент, когда на светофоре зажегся зеленый, и смогли пересечь улицу в толпе. Затем они пошли по Лисон-стрит в полном молчании, бросая по сторонам нервные взгляды в попытке отследить «хвост». Раньше Бриджит это забавляло, но теперь казалось слишком реальным. Приятно проверять, не следят ли за тобой убийцы-маньяки, когда в глубине души ты в них не веришь.

Бриджит чуть не подпрыгнула, когда в кармане вдруг завибрировал телефон. Достав его, она посмотрела на экран.

— Это снова Стюарт.

Пол остановился.

— Не отвечай... нет, погоди... я хочу узнать, что с моей машиной, хотя... хотя нет... Не надо... Блин, пофиг, отвечай.

Бриджит ждала, не опуская палец на экран. Затем подняла глаза к небу и еще раз посмотрела на Пола.

— Хорошо, давай.

Бриджит нажала на кнопку и поднесла телефон к уху, бессознательно поднявшись по каменным ступеням к одному из больших кирпичных зданий Георгианской эпохи, возвышавшихся по обеим сторонам улицы. Блестящая табличка указывала, что они остановились на пороге посольства Республики Кипр. В голове Бриджит мелькнула мысль, которая, вероятно, посещает любого, кто впервые видит эту надпись. Сколько ирландцев напиваются по праздникам и творят глупости, чтобы заглушить свои мечты..

Пол поднялся к ней и встал рядом, чтобы не мешать непрерывному потоку пешеходов.

— Алло... ох... — Бриджит отчего-то смутилась. — Да. В смысле нет, то есть... подождите секундочку!

Она отняла телефон от уха и прикрыла его ладонью.

— Спрашивают тебя.

— Что? Как он узнал, что я с тобой?

— Не знаю. Я не говорила. И это, кстати, не Стюарт. Сказать, что тебя нет?

— Ну конечно... А с кем тогда ты разговаривала последние десять секунд? Давай сюда.

Бриджит передала телефон Полу.

— Алло.

— Поли! Похоже, сегодня, парень, у тебя выдался тот еще денек!

Голос был неожиданный, но вполне узнаваемый.

— Банни? Как, черт возьми, ты узнал, что я с ней?

Пол и Бриджит снова инстинктивно оглянулись, ища глазами признаки слежки.

— Ну что тут скажешь, Поли? Наверное, я охеренный сыщик. Кроме того, если помнишь, ты, я и красотка из Литрима вместе завтракали сегодня утром.

— Что ж, было приятно поболтать, но сейчас мы очень спешим.

— Черт возьми, Поли, не будь таким бараном. Чем бы ты ни разозлил Фэллона...

— Ничем я его не злил, — перебил Пол. — А ты, как всегда, меня обвиняешь...

— Я не обвиняю тебя, прид... Ладно, просто зайди, и мы со всем разберемся. Даю слово.

— Слово?! Ты шутишь, Банни? Я давно уже понял, что тебе нельзя доверять.

— Это... совсем другое, Поли. Господи, парень, они уже убили какую-то бедную девочку и подложили под твою машину столько «си-четыре», что ты мог стать первым ирландским космонавтом. Скорее уже взрослей!

В этот момент зудящее ощущение в глубине мозга Пола — то, что беспокоило его с тех пор, как возле него на скамейку присела Бриджит, дало о себе знать. Несколько фактов столкнулись наконец друг с другом и оформились в законченную мысль.

— Тут вот какое дело, Банни: этот чертов Браун, Макнейр или как ты там его зовешь... Он ведь был пациентом хосписа Святой Килды примерно три недели, да?

Продолжая говорить, Пол посмотрел на Бриджит. Та кивнула, дав понять, что он сказал верно.

— За это время к нему не зашел ни один посетитель, ни один! По крайней мере до вчерашнего вечера, когда к нему приперся я.

— К чему ты клонишь? — спросил Банни.

— Я к тому клоню, — ответил Пол, — что непохоже, чтобы Герри Фэллон знал о местонахождении Макнейра, так?

— Ну... — протянул Банни уже не столь уверенно. — Наверное, так и есть.

— Фактически, если подумать, весь этот хаос начался только сегодня — после того, как полиция выяснила, кто такой Браун на самом деле.

— Но это...

— Ваши люди, — перебил Пол, желая довести мысль до конца, — узнали об этом, и тут же на моей спине нарисовалась огромная мишень. Прости за банальность, Банни, но с такими друзьями, как ты, и врагов иметь не надо.

После этого Пол отключил связь.

Джимми Стюарт нажал кнопку повторного набора и поднес телефон к уху. Через мгновение он вновь услышал веселый голосок Бриджит, поведавший ему, что сейчас она ужасно занята бог знает чем, но если оставить ей сообщение, то она перезвонит. Он сердито ткнул в кнопку отмены, подавив в себе искушение разбить телефон о стену.

Он стоял вместе с детективом-сержантом Банни Макгэрри в конце переулка — вдали от толпы. По мере того как день клонился к закату, все больше зевак собиралось на Ричмонд-Гарденс поглазеть, что же тут творится. С начала операции разминирования прошло три часа, и толпа уже начинала роптать. Стюарт мог ошибаться, но ему показалось, что это был первый случай в истории саперного отряда, когда его удостоили медленных ироничных аплодисментов.

Все то время, пока Стюарт пытался дозвониться до сестры Конрой, Банни Макгэрри стоял возле него неподвижно, слегка сторбившись и с совершенно отсутствующим взглядом.

— Бесполезно. Они не берут трубку, — сказал Стюарт.

— Вот, значит, в чем дело, — пробормотал Банни. — Он прав, да?

— Ты о чем?

— Мы узнаём, что наш труп — Макнейр, и сразу после этого гибнет единственная живая родственница трупа и последний болван, который с ним говорил. В смысле, погиб бы, если бы не сбой в плане, — Банни кивнул в сторону саперов.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Стюарт.

— Я хочу сказать, что здесь смердит похуже, чем от жопы алкаша в воскресный вечер.

— Ты сомневаешься в моей честности, Банни?

— Нет, Джимми, — ответил Банни. — Мы хоть и не закадычные друзья, но я тебя знаю достаточно, чтобы понимать: ты бы не стал здесь светиться, если бы был замазан. Ты не настолько тупой.

Джимми выдохнул.

— Мощный комплимент. Огромное спасибо.

Стюарт пристально посмотрел в здоровый глаз Банни.

— В чем твой интерес, Банни?

— Я же сказал: Поли Малкроун — один из моих пацанов.

— О половине обитателей целого крыла тюрьмы Маунтджой можно сказать то же самое, Банни. Ты воспитывал игроков в хёрлинг, а не церковных служек.

— Ха! Ты удивишься, если узнаешь, сколько бывших церковных служек я пересажал за эти годы.

— Видишь ли... — Стюарт колебался, прежде чем сказать то, что мучило его с момента появления Банни. — Я видел кадры задержания Малкроуна. И знаю о его роли в деле «Мэдиган».

Вот так, значит... Стюарт внимательно наблюдал за собеседником. Банни вполне объяснимо растерялся. Стюарт готов был биться об заклад, что он стал первым человеком за долгое время, осмелившимся поднять эту тему.

Несколько лет назад охранная фирма «Мэдиган» считалась крупнейшей в стране. Их главную базу в Сордсе[50] называли ирландским Форт-Ноксом. База была абсолютно непроницаемой — по крайней мере, так утверждали в «Мэдиган» до тех пор, пока девять лет назад их в этом эффектно не переубедили. Девять молодчиков нанесли визит и скрылись с пред рождественской наличностью, собранной из половины пабов, клубов и ресторанов Дублина. Два миллиона, не считая мелочи. Ограбление, отличившееся применением самых современных технологий, точным, почти военным хронометражом и затейливой изобретательностью, намного превзошло привычный гоп-стоп в исполнении вооруженных дегенератов.

Тот случай стал первым серьезным испытанием для только что созданного подразделения по борьбе с организованной преступностью. И он же чуть не убил его наповал. Банни Макгэрри тогда входил в число отборных Неприкасаемых. Его бесценное уличное ноу-хау рассматривалось как хитроумное дополнение к возможностям особого отряда. Довольно быстро до Банни дошли слухи, что к ограблению имеет отношение Пэдди Неллис — бывший взломщик, неуклонно поднимающийся вверх по криминальной карьерной лестнице благодаря тому, что был значительно умнее среднестатистического «медвежатника». В таком маленьком городе, как Дублин, обладатель подобного дарования неизбежно становится объектом повышенного внимания. Успешное ограбление «Мэдиган» могло стать его пропуском в «высшую лигу». Полиция довольно быстро вычислила двух парней с опытом службы в британских вооруженных силах, въезжавших на короткое время в страну примерно тогда же, когда состоялся налет. Вообще-то помощь извне имела смысл. Неллис был известен своим недоверием к уровню местных «специалистов». В большинстве подобных дел, как правило, чья-нибудь трепотня обеспечивает всем участникам скорый заезд в «казенный дом». Длинный язык не доводит до беды, только когда находится где-нибудь за тысячу миль.

Это, разумеется, не означало, что у полиции не осталось никаких зацепок. Один из налетчиков был вынужден показать лицо, когда угнанный фургон с прячущейся внутри командой въезжал через контрольно-пропускной пункт. Фуражка водителя в тот момент свалилась, обнажив копну белокурых волос. Разумеется, все записи с камер наблюдения были уничтожены в течение шестидесяти секунд после взлома, но охранники запомнили лицо. Более того, другой член команды совершил оплошность: трое охранников слышали, как он сказал: «Давай, Пол, займись делом, сынок!» Это были единственные слова, произнесенные грабителями вслух за те две минуты четырнадцать секунд, что

они находились внутри. Полиция мобилизовала огромные силы, чтобы нарыть хоть что-нибудь на тех, кто входил в круг общения Неллиса, но тщетно.

Стюарта всегда поражало, почему, казалось бы, умные преступники возвращаются на место преступления с целью позлорадствовать или поглазеть. Проблема с тем, чтобы выйти сухим из воды, заключается в людях, которые не подозревают, насколько вы умны. Вот почему на большинстве мест преступлений принято фотографировать зевак. Изучение толпы, собравшейся возле «Мэдигана», позволило опознать Пола Малкроуна. Молодой человек с недавно выкрашенными в белый цвет волосами спокойно стоял и таращился, будто турист. Восемнадцатилетний парень слишком нравился себе, чтобы прятать голову с характерной прической.

Банни был тем, кто его заметил, что, в общем, немудрено. Малкроуна молниеносно «приняли» и провели процедуру опознания. Охранники были на сто процентов уверены, что во время ограбления видели именно этого человека.

Примерно сутки Малкроуна мариновали, но так и не смогли добиться от него признания. Молодой человек отрицал все обвинения и утверждал, что не помнит, где был в ту ночь. Предполагалось, что под напором бесспорных фактов неуместная юная самоуверенность неизбежно падет и очень скоро «сильный молчаливый тип» примется сдавать подельников одного за другим. Вдохновленное успехами высокое начальство даже сообщило прессе, что доминошки уже начали падать.

Ловушка захлопнулась на следующее утро – после того, как Малкроуну предъявили официальное обвинение. Дело в том, что у него тут же нашлось алиби. И не просто алиби, а мать всех алиби!

В тот самый момент, когда происходило ограбление «Мэдиган», министр юстиции собственной персоной присутствовал в Талле на первом представлении недавно созданного любительского театра, где давали пьесу-сказку «Белоснежка и семь гномов». Там же находилась съемочная группа RTE, снимавшая новый культурный объект для репортажа, тайной целью которого было подтверждение репутации министра как «выходца из народа». В спектакле, который представлял собой месиво из плохо выученных реплик и нечаянных двусмысленностей, можно было видеть и Малкроуна, показывавшего весьма вялую актерскую игру в роли Простачка.

Таким образом, он никак не мог находиться в тот вечер в Сордсе на противоположном конце Дублина и держать дробовик у головы управляющего, пока его подельники чистили сейф. Следственная группа выдвинула предположение, что в спектакле участвовал кто-то другой, но оно не подтвердилось. Все актеры до единого засвидетельствовали его личность. От отчаяния полиция даже стала проверять, нет ли у Малкроуна с его запутанной семейной историей какого-нибудь забытого брата-близнеца. И снова ничего. Отдельные горячие головы пытались обвинить Малкроуна в обмане следствия, но высшее начальство уже прозорливо видело грядущую пиар-катастрофу. Мало того что они протоптались несколько дней в унижительном тупике, так еще и адвокат Пэдди Неллиса получил повод кричать во все горло о необоснованном полицейском преследовании.

Вот каким хитрым был этот Неллис. Стюарт вспомнил, что ему рассказали об этом деле несколько лет назад на вечеринке по случаю выхода на пенсию

одного из детективов, участвовавших в расследовании. В чем заключался секрет, сообразили лишь несколько месяцев спустя. Скорее всего, Неллис обратил внимание, что племянник одного из бывших бойцов британского спецназа очень похож на Малкроуна. Вероятно, он познакомился с ним, когда за полгода до этого ездил в Престон[51]. И тогда же, видимо, родилась идея. Немного краски для волос, ожидание удобного случая, когда Малкроун попадет в объективы телекамер, и вуаля: проблема члена банды, который вынужден засвечивать лицо, превратилась в мину-ловушку, подорвавшую следствие. Это было умно, чертовски умно. Неллис рассчитывал на Банни, и тот его не подвел, приведя расследование именно туда, куда ему было нужно.

Понятно, что розыск продолжился, но после того, как выяснилось, что у них есть только два свидетеля и оба дали неверные показания, результаты вышли самые неутешительные. Дело по-тихому спустили на тормозах, а Банни перевели обратно в участок Саммерхилла, где он начинал службу и где продолжал служить до сих пор.

Банни достал из кармана пальто маленькую фляжку, отвинтил крышечку и протянул емкость Стюарту.

— Согреешься?

— Нет, спасибо.

— Ну как хочешь.

Банни сделал быстрый глоток, почмокал губами и посмотрел на Стюарта долгим тяжелым взглядом.

Затем он завинтил крышку, и фляжка исчезла в глубинах пальто.

— В юности Малкроун, — заговорил он, придвинувшись к Стюарту так близко, что тот ощутил запах виски и брызги слюны, — был немного припизднутым, но если выяснится, что он опять изобразил болванчика, я засуну его жопу в тюрьму и пойду есть булочку с кремом. Но если это не так, то я не позволю говнюкам вроде Фэллона шляться по улицам и стрелять в моих пацанов. Мне не нужны херовые прецеденты. Ты меня понял?

Стюарт слегка попятился.

— Принял к сведению.

Что тут еще скажешь? Банни выглядел разгневанным. Вообще-то он всегда излучал гнев, но почему-то его злость никогда не направлялась на Малкроуна.

— Его сдали наверху, — сказал вдруг Стюарт. Его собственная ярость приняла решение за него.

— Не понял?

— Как только всплыло имя «Рапунцель», вмешалось руководство. Мне приказали ничего не предпринимать. И вот, пока я сидел в кабинете, засунув в жопу палец, кто-то убивал бедную Полин Макнейр.

— Господи! Хочешь сказать, кто-то решил потрясти твоим выдавшим виды бельишком?

— Меня это не беспокоит, Банни. Я и так почти на пенсии. Но меня бесит, что какой-то непонятный мудака держит меня за дурака в моей же работе, которой я гордился и горжусь. Если это последний обход, то я хотел бы уйти без новых трупов за спиной.

— Справедливо. Ну и кто в курсе дел?

— Лучше спроси, кто не в курсе. Я встречался с О'Рурком, которого делегировала Сама.

— Господи Иисусе, Мария и Иосиф!

— Ага. Еще была какая-то пиарщица из министерства юстиции, Вероника Дойл.

— А значит, каждый мелкий карьерист, сидящий на этом чертовом дереве, уже все знает. И кто-то из них «барабанит» Фэллону.

— По крайней мере, — ответил Стюарт, — они догадались собрать оперативную группу. Я поеду на совещание, как только закончим здесь. Хочешь, попрошу включить и тебя?

— Хер им! Я плохо играю в команде. Лучше проси за своего сопрано-партнера.

— Ты, конечно, умеешь производить впечатление.

— Я тебе вот что скажу, Джимми: делай что должен. Работай по букве закона и не нарывайся.

— А чем займешься ты?

— А я, пожалуй, надену свои подкованные говнодавы и устрою маленькую охоту на крыс. Будешь держать меня в курсе дел?

— Сколько смогу.

— Что ж, честнее не скажешь.

Банни протянул руку, и они обменялись рукопожатием.

— Не пропадай.

Банни повернулся, громко отрыгнул и пошел прочь в холодный ноябрьский вечер, поплотнее запахнув на себе дубленое пальто из овчины. Стюарт посмотрел ему вслед.

Раздался легкий хлопок управляемого взрыва, за которым последовали радостные аплодисменты.

Глава двадцать вторая

Они молча прошли по Лисон-стрит, затем свернули направо и двинулись вдоль Гранд-канала. В воздухе чувствовалось приближение дождя. Шок, адреналин и ощущение абсурдности происходящего к этому моменту уже рассеялись. Все, что теперь осталось, — холодная жесткая реальность. Полиции доверять было нельзя, и какие бы невидимые силы их ни преследовали, они представляли смертельную опасность. Бриджит не знала, куда они направляются, да и не хотела спрашивать. Просто обоим нужно было чувствовать, что они куда-то движутся и хоть что-то еще контролируют.

Они прошли мимо женщины, ворковавшей над своим терьерчиком: «Давай, милый, заканчивай пи-пи». Терьер между тем валил огромную кучу, которую женщина старательно не замечала. За творившимся безобразием с отвращением наблюдал бездомный парень, сидевший на скамейке. Поймав взгляд Бриджит, он покачал головой:

— Вот люди!

Они перешли на другую сторону дороги и миновали паб «Баржа». Несмотря на зимний холод, тротуар полнился шумными пьяницами, оживленно беседовавшими с пинтами и сигаретами в руках. Кругом царил атмосфера беззаботной праздности и бесконечных возможностей, открывавшихся к вечеру пятницы, которая лишь подчеркивала, насколько далеко от обычного мира вдруг оторвались Бриджит и Пол.

Бриджит воспользовалась молчанием, чтобы вновь прокрутить в голове те немногие факты, которыми они обладали. Помимо прочего, она ощущала неловкость. Обычно она догадывалась, кто убийца, после первой же рекламной паузы. Как она упустила то, что теперь казалось ослепительно очевидным? Пол совершенно прав: к этой тяжелой ситуации привело именно то, что полиция опознала в покойном мистере Брауне «Ящера» Макнейра. Убита женщина, и по чистой случайности не погиб сам Пол. К полиции теперь будет много вопросов, на которые им не помешало бы ответить.

Бриджит заметила, что Пол пристально смотрит на старое кирпичное промышленное здание на противоположном берегу канала. На обращенной к воде стене кто-то большими стилизованными заглавными буквами написал: «ТОЛЬКО РЕКИ ТЕКУТ СВОБОДНО».

Пол резко остановился и положил руку на плечо Бриджит:

— Слушай, я тут подумал... Я ценю твою помощь, но тебе лучше со мной не ходить. Это совсем не шутки. Кто-то пытается меня убить только за то, что я «могу» что-то знать. Для тебя это небезопасно.

— И куда же мне идти? — тихо спросила Бриджит.

— Ну, не знаю.. Сдайся копам, например. С тобой они ничего не сделают, ты их не интересуешь.

— Спасибо, но нет, — ответила Бриджит, стараясь казаться отважнее, чем была на самом деле. — Пойми правильно: я бы с удовольствием избавилась от твоей занудной задницы, но ты еще не осознал, что происходит. Ты же сам сказал, что кто-то пытается убить тебя только потому, что ты якобы что-то знаешь.

— И что?

— А то, что, во-первых, я отвезла тебя из больницы, а во-вторых, сейчас я с тобой. И оба этих факта известны в Гарди.

— Вот, блин! — сказал Пол. — Значит, об этом может знать кто угодно...

— Вот именно, — ответила Бриджит. — Если ты чья-то нерешенная проблема, то теперь и я тоже. Они подумают, что ты мне все рассказал.

Пол вздохнул.

— Лучше бы мы в самом деле что-то знали.

— Это точно, — согласилась Бриджит. — Семь бед — один ответ. Ну так что, куда мы теперь пойдем?

— Хочу навестить одного человека, торгующего шариками.

— Хорошо.

— Ты по-прежнему не хочешь сбежать?

— Ни в коем случае. Кроме того, не надейся, что у тебя получится удрать от меня в этом свитере.

— Ну ёлы-палы, — сказал Пол, опустив глаза вниз. — Единственным плюсом в этой буре дерьма стали бесплатные вещи.

— Кстати, мистер Шустрые Пальчики, я могу получить назад свой телефон? Уж будь любезен, прохиндей!

— Ого... Я как раз о нем думал. Совпадение, да?

Бриджит взглянула налево — на паб «Портобелло», мимо которого они шли, — и глаза ее встретились с глазами выходившего оттуда мужчины. Они посмотрели друг на друга в упор, после чего ни одна из сторон не могла сделать вид, будто они друг друга не узнали.

— Блин, только не это! — произнесла Бриджит.

Пол обернулся, инстинктивно пригнувшись, и стал высматривать источник опасности.

— Кто там? Убийца? Копы?

— Хуже. Жених.

Пол резко повернул голову и уставился на Бриджит.

— В смысле, — бывший, — поправилась она.

Глава двадцать третья

— Бриджит, привет!

Пол повернулся, чтобы получше рассмотреть источник голоса. Кричал парень ростом около ста семидесяти пяти сантиметров — с такой широкой ухмылкой, которой позавидовал бы Чеширский Кот.

— Привет, Дункан.

В голосе Бриджит прорезались слащаво-приторные нотки шестнадцатилетней американской школьницы. Это было невозможно, но Полу показалось, что левое ухо Бриджит глянуло на него с вызовом — мол, только попробуй об этом пошутить.

— Не ожидал тебя здесь увидеть!

Дункан говорил с акцентом, характерным для другого Дублина — не того, в котором рос Пол. Дублин Дункана был городом зеленых предместий и частных школ. В этом Дублине можно было прослыть «легендой», выпив бутылку водки и заблевав полтакси. Пол же обитал совсем в ином Дублине. В том самом, где живут бедолаги, которым приходится эти такси отмывать.

— Мир тесен! — ответила Бриджит.

Пол окинул Дункана оценивающим взглядом. При более внимательном рассмотрении выяснилось, что белокурая челка была имплантирована в лоб хирургическим путем. Это была хорошая работа, но в том-то и дело: пластику всегда выдает чрезмерная гладкость. Поверхность головы этого парня была похожа на искусственный газон. Пола давно интересовало, откуда берут волосы для пересадки? С донора? С собаки? С жопы пациента?

Но сейчас, вероятно, не самый удачный момент, чтобы об этом расспрашивать.

На вид Дункану было лет тридцать пять. Щекастый, в элегантном костюме — сделанном, как и волосы, по индивидуальной мерке. И он совершенно не подходил Бриджит.

«Интересно, — подумал Пол, — с чего я взял, будто знаю, кто подходит Бриджит?»

До вчерашнего вечера они почти не общались. Но после случившегося с тех пор, казалось, пролетела целая жизнь.

Дункан и Бриджит быстро обнялись и отступили на шаг. Только теперь Пол осознал, что женщина, стоявшая возле Дункана, была его подружкой. Если Дункан с Бриджит казались бы странноватой парой, то эти двое сочетались друг с другом идеально. Она выглядела лет на двадцать и отличалась такого рода привлекательностью, которая как бы кричала: «Посмотри, сколько времени у меня это отняло. Надеюсь, ты оценишь!» Высокая, блондинистая, худая и с невероятно дерзкими сисями, чей бойкий вид напомнил Полу чрезвычайно любопытных сурикатов.

Пол считал себя феминистом. В том смысле, что даже голосу в своей голове он не разрешал произносить слово «шалава». По крайней мере, до тех пор, пока женщина не поведет себя соответствующе. Он понимал, что нельзя судить о людях исключительно по внешности.

— Это Кили, — сказал Дункан.

— Приветтики! — пропела Кили, и Пол обнаружил, что совершенно не против судить о людях по звуку голоса.

— Она работает в нашем офисе, — пояснил Дункан. — Я просто решил подвезти ее до дома.

Забавно, но они оба держали пакеты из одних и тех же магазинов.

— А это Пол, — сказала Бриджит.

Дункан оглядел его с ног до головы.

— Симпатичный свитерок.

Полу потребовалась вся сдержанность, чтобы не сказать в ответ что-нибудь про волосы.

Дункан протянул ладонь, и Полу пришлось пожать ее левой рукой.

— Ого, — сказал Дункан. — Что случилось?

— Да так... Занимался виндсерфингом...

Почему бы и нет? Полу всегда нравился виндсерфинг. Он даже прочитал о нем две трети книжки, купленной за пятьдесят центов в благотворительном магазине.

— Ну и что вас двоих связывает?

— Мы друзья, — ответила Бриджит.

— Я ее пациент, — одновременно с нею сказал Пол.

Дункан улыбнулся.

— Ох, Бриджи, теперь ты берешь работу на дом?

Бриджит улыбнулась в ответ:

— Кто бы говорил.

Дункан слегка поморщился, и Пол мысленно поставил галочку, чтобы расспросить об этом позже.

— Что ж, — сказал Дункан, — был рад увидеться, но нам пора. Кили надо домой, а мне как раз с ней по пути.

Кили, храни ее Господь, сделала вид, будто эти слова ее приятно удивили. Словно она искренне поверила, что планы вдруг поменялись и ей не придется поддерживать тягостное для нее общение.

— Ага, — ответил Пол. — Нам тоже пора бежать. Мы спасаемся от смертельно опасного заговора государственного масштаба.

— Потрясающе. Наслаждайтесь приключениями.

Вслед за тем они ушли, оставив после себя теплые воспоминания и чрезмерно сладкий аромат духов Кили, повисший в вечернем воздухе.

— Ни слова об этом, — прошипела Бриджит.

Она энергично зашагала вперед, стремясь уйти как можно дальше от пережитой неловкой сцены.

— Она показалась мне милой, — заметил Пол.

Бриджит пробормотала что-то неразборчивое себе под нос. Пол не был уверен, но кажется, он расслышал слово «шалава».

Глава двадцать четвертая

Детектив-инспектор Джимми Стюарт пребывал в раздражении.

Раздражен он был всем и всеми, черт побери, и не в последнюю очередь самим собой. Как он и опасался, обстоятельства смерти художника, ранее известного под именем Мартин Браун, прошли путь от необычного мимо нескладного через сложное и вплоть до полнейшего пиздеца. Браун оказался «Ящером» Макнейром, дочь Макнейра теперь была мертва, и последние два человека, которые видели его живым, — Бриджит Конрой и Пол Малкроун, — подались в бега. Если бы Стюарту дали заняться своей работой без помех, то Полин Макнейр, возможно, до сих пор была бы жива. Вместо этого ей

досталась судьба, в которой единственное, что она получила от потерянного отца, — его невольную роль в своей смерти.

Стюарт только что вернулся с первого совещания оперативной группы, прошедшего под руководством детектива-инспектора Кернса. Кернс был прирожденным политиканом, и от этого, как считал Стюарт, затея с опергруппой смердила до небес. Группа заслушала предварительный доклад Стюарта, после чего Кернс взял ситуацию под личный контроль и тут же отодвинул их в сторонку, как двух бесполезных мудаков. Кернс объявил собравшимся, что за целый день практически ни хрена полезного не сделано. И неважно, что Стюарт с Уилсоном обнаружили бомбу, которая могла разнести полквартала. О недавней неофициальной беседе с помощником комиссара О'Рурком, разумеется, тоже упомянуто не было, да и никогда не будет. Стюарт уже чуял над собой готовую опрокинуться бочку с говном в виде неизбежного внутреннего расследования. Официально смерть Полин Макнейр и бомбу под машиной Малкроуна еще не связали между собой, поскольку «все версии должны быть отработаны». Зато на совещании был дан краткий обзор истории Макнейра, особо примечательный теми деталями, которые в нем так и не прозвучали: детектив-инспектор Кернс умудрился рассказать о похищении Сары-Джейн Крэнстон, ни разу не произнеся слово «Рапунцель». Даже спустя тридцать лет эти девять букв были по-прежнему токсичны для «Гарда Шихана».

По итогам совещания были нарезаны индивидуальные задачи — для всех, кроме него и Уилсона. Покровительственным тоном им заявили, что если они хотят, то могут идти домой. Кернс стал упирать на то, что Стюарт, должно быть, устал, поскольку находится на ногах с половины восьмого утра. Умник, блядь, херов. Конечно, Стюарт слегка устал, но он был очень зол, и этого было более чем достаточно, чтобы продолжать работать. Настолько зол, что в интересах правосудия был готов даже наступить на горло многолетним привычкам и начать сглаживать острые углы. Кто сказал, что старого пса нельзя обучить новым трюкам?

Свернув за угол, Стюарт зашел в информационно-технический отдел. Ему повезло: несмотря на полвосьмого вечера, Фредди Куинн еще сидел за рабочим столом. Это был невысокий полноватый человек, без особого успеха пытавшийся отрастить бороду. Несомненно, он хотел казаться грубым и мужественным, но нелепая природа компьютерного гика неизбежно прорывалась наружу. Жидкая бороденка сегодня выглядела неуместнее, чем обычно, благодаря элегантному костюму, в который был одет Фредди. Стюарт видел его таким впервые. Костюм сидел на нем почти так же «естественно», как на тех обезьянах из старых рекламных роликов PG Tips[52], когда они заносили пианино на второй этаж.

— Как делишки, Фредди? — спросил Стюарт, прислонившись к офисной перегородке, стоявшей возле стола Куинна.

— Меня здесь нет, — немедленно ответил Куинн, не отрывая взгляда от монитора. Пальцы его меж тем продолжали бегать по клавиатуре, лежавшей на коленях.

— А на вид будто есть.

— Тебя подводит зрение, старик. Пятнадцать минут назад я вышел за дверь и в настоящее время еду на юбилейный ужин — на встречу со своей очаровательной женой.

— Боже, это так мило! Кстати, как поживает сестра жены? Помнишь, как ее поймали с травкой пару лет назад и ты просил меня помочь снять обвинение?

Куинн перестал печатать и сердито посмотрел на Стюарта.

— Конечно, помню. И особенно хорошо помню, что ты не только отказался помочь, но и произнес длинную речь о том, что подобные трюки подрывают репутацию полицейских.

— Неужели так и сказал? Надо же... Ладно, не суть. Я насчет запроса, который недавно отправил Кернс, — об установлении местоположения мобильных телефонов Бриджит Конрой и Пола Малкроуна.

— Чтобы его выполнить, понадобится некоторое время.

— Ага. Но мне нужно прямо сейчас.

Куинн громко рассмеялся.

— Слушай, Джимми, поскольку ты очень любишь правила, приведу-ка тебе выдержку из закона «О связи» от 2011 года, раздел 6-1, — Куинн ухмыльнулся в потолок и стал воспроизводить его по памяти: — «Сотрудник "Гарда Шихана" в ранге не ниже старшего суперинтенданта может потребовать от поставщика услуг связи раскрыть этому сотруднику личные данные абонента, хранящиеся у поставщика услуг связи, в соответствии с разделом 3, если сотрудник убежден, что эти данные необходимы для: А) предупреждения, выявления и расследования особо тяжкого преступления, а также привлечения по нему к уголовной ответственности; В) обеспечения безопасности государства; а также В) спасения человеческой жизни».

Закончив тестировать собственную память, Куинн наклонился вперед и продолжил печатать.

— Так что, боюсь, тебе придется подождать, пока запрос не пройдет по всей административной цепочке снизу доверху, а потом еще какое-то время, пока телефонная компания не удосужится запинговать свои аппараты — а хуже, чем вечер пятницы, для этого дела и представить сложно — и тогда... может быть... тебе повезет. Забавная штука правила, да?

Просияв насмешливой улыбкой, Куинн взглянул на Стюарта и тут же помрачнел, поскольку Стюарт спокойно улыбался ему в ответ.

— Это точно. И особенно забавно, что ты собрался нарушить их все до единого.

— Да ну на хуй!

Подняв какую-то папку, Стюарт сдвинул ее в сторону пустые банки из-под кока-колы и обертки от сэндвичей, коими был завален весь стол Куинна. Теперь места стало достаточно, чтобы можно было на него опереться, — к

нескрываемой досаде молодого человека. После этого Стюарт небрежно снял с колен Куинна клавиатуру и положил ее на стол, чтобы полностью завладеть его вниманием.

— Только попробуй что-нибудь отчебучить, Джимми, и я мигом натравлю на твою жопу кадровиков.

— Успокойся, Куинн, не собираюсь я тебя бить. Мы всего лишь коллеги по работе, которые болтают о том о сем, — сказал Стюарт Куинну, таращившемуся на него злобными глазами-бусинками. — Не помню, говорил ли я, но когда достигаешь моего возраста, то поход в туалет... как бы это помягче выразиться... может занять довольно много времени.

Куинн с отвращением сморщил нос.

— Ну и какого хрена я...

— Когда-нибудь слышал такое выражение... — перебил Стюарт, — ...«отложить личинку»? Так вот, когда ты в возрасте, процесс испражнения занимает столько времени, что кажется, будто это не личинка, а целый крокодил.

Стюарт беззаботно усмехнулся.

— Что ты несешь, Джимми? И вообще, мне пора идти.

— Я просто хочу сказать, что пару месяцев назад я тихо сидел в кабинке туалета на четвертом этаже и занимался своими делами, когда вы с сержантом Райаном решили поболтать, ошибочно думая, что вы там одни.

Лицо Куинна вытянулось, как у Хитрого койота[53], который внезапно очутился над пропастью.

— Я слышал, как ты втолковывал ему, что определить локацию телефона его бывшей жены совершенно невозможно, то есть вообще никак. И тогда он ответил... постараюсь процитировать точно: «Я разобрался с тем, что твоя, пип, свояченица попалась на, пип, наркотиках, так что живо, пип, зактнись к, пип, матери и выясни для меня эту, пип, локацию!» Детектив-сержант Райан умеет красиво излагать мысли, не правда ли?

— Слушай, Джимми, давай не будем...

Стюарт взял со стола Куинна игрушечного солдатики и небрежно повертел его в руках.

— Слегка поломавшись, — продолжил Стюарт, — ты сказал, что есть пара сомнительных способов, которыми ты мог бы воспользоваться для определения местоположения телефона. Детектив-сержант Райан немедленно заверил тебя, что ни за что не произнесет твое имя, даже если это дело всплывет. Надо отдать ему должное: насколько мне известно, он тебя так и не выдал. Мы же пока можем называть его детективом-сержантом Райаном, верно? Хотя я знаю, что в настоящее время он отстранен от службы и ожидает результатов расследования по факту домогательств по отношению к бывшей миссис Райан.

К этому моменту Куинн так побледнел, что Стюарт всерьез беспокоился о его здоровье.

— Так, слушай сюда.

Стюарт внезапно наклонился вперед, положив руки на подлокотники кресла Куинна, и поднес лицо так близко к лицу молодого человека, что ощутил запах снелов «Монстр Манч»[54] в его дыхании.

— Я хочу услышать от тебя только одно...

— Но я не могу ничего гарантировать, — ответил Куинн. — Это зависит от типов телефонов и настроек безопасности, от того, в какой сети они находятся, и...

— Меня не интересуют отмазки, Куинн. Мне нужен результат.

— Ну хорошо, я сделаю все, что смогу. Сразу после ужина я вернусь и...

— Прямо сейчас.

— Да ладно, Джимми, посуди сам! Что я скажу своей жене?

— Скажи ей, что могло быть и хуже: она могла выйти замуж за детектива-сержанта Райана.

Глава двадцать пятая

Пол и Бриджит свернули на Кланбрасил-стрит.

— Ну вот мы и пришли.

— В «Тайский массаж»? — недоуменно спросила Бриджит.

— Что? Не говори глупостей.

Пол бросил взгляд на здание, мимо которого они проходили. В витрине стоял кусок картона, на котором кто-то написал: «Это НЕ тот массаж, о котором вы подумали». Очевидно, владельцам надоело, что посетители ожидали нечто большее.

Пол остановился у одной из дверей. Затем взглянул сначала на часы, потом на расписание работы магазина. 17:54, всего шесть минут до закрытия.

— Так, постой... это оно? То место, куда мы шли? — спросила Бриджит.

— Ага, — ответил Пол, указав на довольно потрепанную выцветшую вывеску с ухмыляющимся клоуном и названием «Человек — воздушный шар». Пол и без того считал клоунов жутковатыми, но этот казался еще страшнее из-за пририсованных местными пацанятами дьявольских рожек и козлиной бороды.

— Но... я думала, что, когда ты говорил «Надо встретиться с человеком, торгующим шариками», ты имел в виду...

— Что?

— Не знаю. Я подумала, это какой-то уличный сленг.

— И что он означает?

Бриджит закатила глаза и надула щеки.

— Блин, да откуда мне знать? Я всего лишь медсестра из Литрима. Я незнакома с дублинским криминальным жаргоном.

— А я знаком?

Бриджит слегка покраснела.

— Ну... ты же из Дублина.

— По-твоему, все дублинцы — преступники?

— Это не... — Бриджит сложила руки на груди. — Ты же понимаешь, что я не об этом. Неужели сейчас самое время для споров?

— Справедливо, — ответил Пол. — Ну хорошо, я зайду внутрь, а ты постоишь здесь, чтобы он не занервничал.

— С чего бы человеку, торгующему шариками, из-за меня нервничать?

— С того, что он преступник.

Одарив Бриджит нахальной улыбкой, Пол толкнул дверь здоровой рукой.

Когда он вошел внутрь, над головой звякнул колокольчик. Неуклюжая фигура Фила Неллиса ростом почти два метра повернулась к нему с наполовину сдувшимся воздушным шаром во рту и виноватой гримасой, какая бывает у собаки, если ее застает за поеданием любимых хозяйских тапочек. Затем в глазах мелькнуло узнавание и выражение лица сменилось ужасом. К сожалению, гелий в легких не дал ему выразить гнев, превратив его в жалобно-пронзительный писк: «Хули ты тут делаешь?»

— Я тоже рад тебя видеть, Микки Маус.

Лицо Фила покраснело. Он отхлебнул из стоявшей на прилавке банки с «Ред Буллом» и покашлял, чтобы прочистить горло.

— Что ты тут делаешь? — повторил он если и не своим обычным голосом, то по крайней мере таким, который уже заходил на посадку.

— Ты звонил мне, Фил.

— Нет, не звонил.

— Звонил. Ты сказал, что я в опасности и должен бежать.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Я узнал твой голос.

Формально это не было ложью, Пол действительно узнал голос. После того как он мысленно пролистал коротенький список своих знакомых, вычислить, кто мог звонить, чтобы предупредить об опасности, было удручающе просто.

— Ты не мог узнать мой голос, — торжествующе сказал Фил, — потому что я его искажил!

Пол дал возможность Филу повторить про себя то, что он только что произнес вслух. Как только до Фила дошло, он залился краской и покачал головой в молчаливом самоуничижении. Он был профессиональным и при этом уникально бездарным преступником. Но все же Бог любит трудолюбивых людей — как и система уголовного правосудия. Со статистикой обвинительных приговоров Фил буквально творил чудеса.

Фил ослабил пальцы, удерживавшие горловину воздушного шарика, и рухнул в кресло за стойкой. Шарик улетел к полу с покорным пердением. Странная особенность физиологии Фила Неллиса заключалась в том, что, несмотря на очень высокий рост, его тело будто состояло из одних конечностей. Едва присев, он из самого высокого человека в комнате превратился в самого низкорослого. Он был таким всю жизнь, сколько Пол его помнил, и с детства носил кличку Длинноногий Папочка. Дети называли его так, когда били по его голове разнообразными предметами. Дети вообще могут быть очень жестокими, хотя в случае с Филом из-за дефектного строения его тела было бы справедливым отметить, что издеательства начал сам Бог.

— Послушай, — сказал Пол. — Я очень благодарен за предупреждение, но теперь мне нужна действительно серьезная помощь.

— Тебя вообще не должно быть здесь! Я сказал «беги», а не «беги сюда»!

— Ну, — ответил Пол, — теперь я здесь и... — он глубоко вдохнул. — Я обращаюсь к тебе за услугой.

Фил посмотрел на него с ужасом.

— Что? Нет! Предупреждение и было услугой.

— Не, так не получится. Ты по-прежнему мне должен, вот что я хочу сказать. Нельзя, чтобы люди сами решали, что их долг оплачен, иначе наступит хаос. Система «услуга-за-услугу» работает только так и никак иначе.

— Но... нет, я... блин, это нечестно! — взмолился Фил.

— Нечестно? Меня пытаются убить, Фил!

Фил тревожно огляделся.

— Тише, ради бога, а то кто-нибудь...

Фил вдруг умолк. По тому, как он дернулся, Пол понял, что его осенила мысль.

— На тебе микрофон? — спросил вдруг Фил.

— С какой стати мне носить микрофон?

— Чтобы поймать меня! — радостно провозгласил Фил.

Он явно почувствовал, что одержал над кем-то верх — возможно, впервые в жизни.

— Ты ведь должен сообщить мне, что на тебе прослушка, да? — спросил Фил.

— Неужели?

— Ага... в смысле, если я спрошу. Или так бывает только в Америке?

— Ну хорошо, — Пол заговорил громче: — Чисто для протокола: нет на мне никакой прослушки!

— Протокола? Какого протокола? Кто-то ведет протокол?

Пол раздраженно посопел.

— Господи, Фил, это выражение такое.

— Ну уж нет, я больше не позволю себя арестовать. Почему люди всегда держат меня за идиота? Как с той женщиной, которая сказала, что она стриптизерша в костюме полицейской, а на самом деле оказалось, что она полицейская, одетая как полицейская!

— Сконцентрируйся, Фил, — перебил Пол. — Расслабься, это лишь я. Даю слово, на мне нет микрофона.

Фил щелкнул пальцами.

— Снимай одежду.

— Я не собираюсь...

— Раздевайся. Быстро! — скомандовал Фил, для убедительности хлопнув ладонью по стойке.

— Той полицейской ты то же самое говорил?

Фил сжал губы и скрестил руки на груди.

Пол посмотрел на него долгим взглядом.

— Ты же не собираешься всерьез заставлять меня...

Пол печально покачал головой. В одном он был уверен точно: Фил всегда отличался преданностью — как людям, так и идеям, засевшим в его голове. Если что-то его захватило, то он ни за что не откажется от этого без борьбы. В свое время они с Полом были неразлучны. Особенно когда играли вместе в команде клуба Святого Иуды. Фил был плохим игроком, но недостаток координации он компенсировал готовностью попадать под удары. Под множество ударов. Вообще-то он считал, что это произойдет в любом случае, так лучше уж в спорте будет хоть какая-то польза.

— Ну ладно, хорошо, — сказал Пол.

Он снял перевязь и медленно вынул раненую руку из рукава свитера.

— Хороший пуловер.

— Заткнись.

Пол бросил свитер на пол, обнажив футболку с надписью «Я победил рак».

— Блин, ты что, правда в маскарадном костюме?

Пол показал Филу средний палец здоровой рукой, затем повторил манипуляции, сняв желтую футболку. Закончив, он встал посреди магазина — полуобнаженный и чувствующий себя совершенно беззащитным.

Фил описал рукой круг.

— Снимай остальное.

— Иди ты на хер! И приватный танец для тебя я тоже устраивать не буду.

— Тебе есть что скрывать?

— Ничего такого, что бы ты не видел в раздевалке.

Пол очень долго смотрел Филу в глаза, взвешивая ситуацию. Нравится ему это или нет, но он отчаянно нуждался в помощи. Этот долговязый идиот фактически стал его последней надеждой. Пол огляделся, чтобы убедиться, что снаружи никто не смотрит. Не дай бог это увидит Бриджит. Он этого не переживет.

— Ну ладно, ладно.

Одной рукой Пол быстро расстегнул ремень, пуговицу и молнию на джинсах. Затем, отбросив остатки достоинства, стянул штаны вниз и указал пальцем на трусы.

— И прежде чем ты попросишь — ни за что!

Фил немного поразмышлял.

— Ну ладно, достаточно.

— Прекрасно, — ответил Пол. — Теперь ты.

— В смысле? — спросил внезапно занервничавший Фил.

— В прямом. Откуда мне знать, что на тебе нет микрофона?

Фил задумчиво побарабанил по столешнице — сначала пальцами левой, затем правой руки.

— Ну да, вполне справедливо.

Он принялся расстегивать пуговицы рубашки.

Пол покачал головой.

— Ё-мое, да не будь ты таким...

Но прежде чем Пол успел попенять Филу за легкоеверие, над дверью звякнул колокольчик.

Пол даже не стал оглядываться. Он просто закрыл глаза и принялся ждать, чем это закончится.

— Здравсьте, я хотел бы...

Пол услышал, как дрогнул голос парня, вошедшего в магазин и увидевшего перед собой двух мужчин — один из которых был почти голым, а другой, судя по всему, уже начал раздеваться.

— Знаете, не буду мешать. Я уже...

Быстро шаркнули разворачивающиеся ноги, и колокольчик звякнул еще раз.

Не говоря ни слова, Фил подошел к двери и запер ее на ключ, а Пол между тем стал неуклюже надевать вещи обратно.

— Фил, мне нужно поговорить с твоим дядей.

— Не нужно. Он умер.

— Ой, прости.

— В прошлом году. У него «моторчик» стал барахлить. Ну и в какой-то момент заглох прямо в чужой спальне.

Пол, перекидывавший перевязь обратно через плечо, замер и уставился на Фила.

— Ты имеешь в виду...

Фил задумчиво посмотрел на него, еще раз прокрутив в голове только что созданный им образ.

— Э-э-э... Господи, нет. Не в том смысле... — он сделал пару «лыжных» движений, чтобы проиллюстрировать мысль. — Я хотел сказать, что он грабил один дом в Шхерах. Не хотел терять навык.

Легенда гласила, что Пэдди Неллис был лучшим взломщиком Ирландии до того, как переключился на другие занятия. Он часто шутил, что посетил больше домов, чем Фил и Кирсти[55] вместе взятые.

— Какой ужас, — заметил Пол.

— Не знаю. Возможно, он хотел уйти именно так — от сердечного приступа на чужом полу, с рюкзаком за спиной, набитым краденым антиквариатом. Кстати, хозяева оказались милой парой. Они даже приехали на похороны.

— Сочувствую твоей утрате, — сказал Пол. — Но... кто же теперь главный?

— Тетушка Линн.

Пол повернулся и посмотрел на Фила.

— Seriously?

— Господи, ну конечно.

— Ну и как оно?

— Если честно, — ответил Фил, — заниматься с ней преступностью уже не так весело.

Фил вернулся за кассу и принялся запирать какие-то ящики.

— Ну правда, Поли, тебе нельзя здесь оставаться. Если Линн поймет...

— Как ты узнал?

— Что?

— Что мне грозит беда.

Фил нервно засунул пальцы в рот и принялся грызть ногти. Точно так же, как делал это в юности.

— Фил?

— Ну хорошо. Это был сын Герри Фэллона — Герри-младший. Папаша прислал его к тетушке Линн поговорить о тебе. Люди знают, что ты связан с нами... ну ты понимаешь.

Пол кивнул.

— Я... случайно подслушал через дверь. Они хотели знать, не общаешься ли ты с нами и всякое такое.

— И что сказала Линн?

— Сам-то как думаешь? Конечно, ничего.

— Очень мило с ее стороны.

— Поли, пойми, это же Фэллоны. Они не спрашивают разрешения, они просто проверяют факты.

— Значит, потом ты...

— Пошел и позвонил тебе, как идиот.

Фил снял с крючка за прилавком длинную коричневую кожаную куртку.

— Спасибо, Фил, — мягко сказал Пол. — Я это оценил.

— Да-да, — ответил Фил, натягивая куртку. — Всегда пожалуйста. А теперь, ради всего святого, не мог бы ты уйти?

— Уйду. Как только поговорю с твоей тетушкой.

Фил замер, не до конца надев куртку, и сердито посмотрел на Пола.

— После этого ты мне ничего не должен.

Фил раздраженно сунул руку в рукав.

— Из-за тебя я окажусь в дерьме по уши.

— Так и где она сейчас?

— Занимается водными танцами.

Пол задумался.

— Это что, какой-то уличный сленг?

Фил нахмурился и снова побарабанил пальцами по столу.

— Нет. Сегодня пятница. Она на водных танцах.

Глава двадцать шестая

Детектив-инспектор Стюарт запыхался.

Ему пришлось одолеть три лестничных пролета, что никак не способствовало улучшению настроения. Пройдя несколько последних ступенек, он сделал усилие, пытаясь не выглядеть усталым, но мокрая от пота рубашка, прилипшая к телу, говорила об обратном. В прежние времена он поднялся бы по этой лестнице бегом. Так, по крайней мере, ему хотелось верить.

Через сорок две минуты после того, как Стюарт сделал свой «запрос», Куинн позвонил ему и попросил встретиться на лестнице. Этот небольшой перебор в духе «рыцарей плаща и кинжала» ясно показывал, что Куинн по-прежнему ничего не смыслил в конспирации. Два человека встречаются на лестнице для непринужденной беседы? С таким же успехом Куинн мог поднять над головой неоновую вывеску «Занимаюсь мутными делишками». Впрочем, Стюарту было плевать — до «золотых часов» ему осталось всего пять дней. Сейчас его интересовал результат.

Если Стюарт и вспотел, то это было ничто по сравнению с Куинном, который метался взад-вперед по лестничной площадке, как страдающий от ломки наркоман. Бегающими глазками парень наблюдал, как старик преодолевает последние ступеньки. Куинну явно не помешало бы потреблять поменьше кофеина.

— Когда ты предложил, — тяжело дыша, произнес Стюарт, — встретиться на лестнице, я решил, что ты имел в виду нижний этаж... а не верхний.

— Это что, подстава? — выпалил Куинн.

— Подстава? — ухмыльнулся Стюарт. — Я уже сказал, что ни хуя не знаю ни про какие подставы. Можешь меня пытаться, — он посмотрел на потное недоуменное лицо молодого человека и вздохнул. — Серьезно? Ты не смотрел «Вешеных псов»?

— О чем ты говоришь?

— Неважно, — ответил Стюарт, покачав головой. — На хрена мне тебя подставлять?

— Чтобы отомстить.

— Не льсти себе, Куинн. Ну, случилась у нас небольшая ссора, с кем не бывает? Ты хоть представляешь, сколько людей по-настоящему выбесили меня за сорок один год службы в полиции? Если бы я хотел отомстить, то ты занял бы свое место в списке — где-то между идиотом, неспособным починить кофеварку, и клептоманом, который постоянно таскает мои йогурты из холодильника.

— Может, тебя привлекли к расследованию по делу Райана и ты должен вытянуть из меня улики?

— По-твоему, мне больше заняться нечем в последнюю рабочую неделю? Чтобы после стольких лет безупречной службы меня запомнили Иудой? Приди в себя, Куинн. Твой дружан Райан насрал в почтовый ящик бывшей жены. На него и

так улик достаточно. А теперь... У тебя есть что рассказать или мне придется спустить тебя с лестницы?

Куинн слегка отстранился.

Ростом он был полтора метра с кепочкой, поэтому Стюарт, несмотря на близость седьмого десятка, был вполне уверен, что сумеет его одолеть. Не то чтобы ему хотелось устраивать драку, но не будет ничего плохого, если Куинну покажется наоборот.

— Короче, все это дело пахнет очень подозрительно. Телефон Малкроуна выключен, но аппарат Конрой определился.

— И?

— В том-то и странность. Он здесь.

— Здесь? — переспросил Стюарт. — Может, она пришла ко мне.

— Нет, не в смысле «прямо здесь» — на противоположной стороне парка.

— Твою налево... Это все? Господи, Куинн, Феникс-парк — самый большой городской парк Европы... кажется. Это совпадение, причем не особенно великое. Боже, да ты параноик!

— Да неужели? — Куинн вызывающе выпятил подбородок. — Тогда объясни мне вот что. Я вошел через приложение «Локатор» на ее устройстве, получил доступ к сетевым ресурсам и случайно «наткнулся» на пароль.

— Я ничего не понял, но продолжай.

— Как так получилось, что кто-то другой определял ее местоположение за тринадцать минут до меня?

Стюарт не ответил ни слова, поскольку уже бежал вниз, перепрыгивая через две ступеньки.

Глава двадцать седьмая

Однажды в корзине «Три за пять евро» Пол нашел замечательную книгу о том, как работает ум. Одна из глав была посвящена так называемому «эффекту прожектора». В сущности, мы все переоцениваем внимание, которое обращают на нас другие люди. Пол знал, что в целом это правда. Однако теперь, стоя в бассейне с плотно забинтованной правой рукой, которую он аккуратно упаковал в полиэтиленовый пакет, и изо всех сил цепляясь левой рукой за трусы, он понимал, что внимание других людей — это не плод его воображения. Кажется, он действительно стал местной звездой.

«Водные танцы», как поэтично выразился Фил, на самом деле оказались аквааэробикой. Тетушка Линн посещала занятия в банях Святого Винсента два раза в неделю — во вторник утром и в пятницу вечером. Группа занимающихся женщин заняла большую часть неглубокой стороны бассейна, оставив для заядлых пловцов свободными две дорожки с левой стороны. Вся остальная глубокая зона досталась компании старшеклассников, которые пытались резвиться и шалить в той мере, в какой это было возможно под бдительным оком спасателя. Как правило, им не удавалось разойтись как следует, но в этот раз внимание спасателя оказалось полностью прикованным к чудаку с перевязанной рукой, который упорно брел через весь бассейн. Моментом немедленно воспользовался один из пятнадцатилетних оболтусов, получив жизненно важные ощущения от удачно подвернувшейся под руку девичьей груди.

Женщина-администратор спросила, как Пол собирается плавать с перевязью. Он солгал ей, сказав, что пришел по совету физиотерапевта тренировать мышцы ног после «пережитой аварии». Полчаса назад это казалось отличной идеей. Пол решил, что в таком положении Линн точно будет вынуждена с ним поговорить — хотя бы ради того, чтобы от него избавиться. Ведь после занятий ей будет слишком легко от него удрать. К тому же раздетый вид вызывает доверие — если она вдруг разделяет семейную подозрительность по отношению к подслушивающим устройствам.

Все это, конечно, при условии, если его не вышвырнут отсюда раньше. Быстро утрачивающие структурную целостность дешевые зудящие трусы, которые он использовал вместо плавков, превращали задачу в гонку со временем. Поэтому Пол тщательно сосредоточился на достижении того, что, по его мнению, могло сойти за водную прогулку в физиотерапевтических целях.

От резкой вони химикатов, которые в наше время подливают в бассейны, чтобы подкрашивать мочу, у Пола щипало глаза и горел нос. Медленно шагая по краю мелководья к группе аквааэробики, он слышал зычный голос инструктора, подававшего команды: «Выше ноги, дамы!», «Почувствуйте растяжку!» Всего в группе было около дюжины женщин. Со спины Пол не мог определить их точный возраст, но догадывался, что большинству перевалило за сорок. Плавательные шапочки на головах делали их еще более трудноразличимыми. Однако, обойдя женщин сбоку, он мгновенно заметил Линн Неллис. И если другие женщины всего лишь ощутили неловкость от присутствия Пола, то Линн стала мертвенно-бледной.

Пол угловато махнул перевязанной рукой, как бы говоря «Мне подойти к тебе или...», чтобы у окружающих создалось впечатление, будто они старые друзья, встретившиеся по счастливой случайности. Лицо Линн посерело еще больше, она мотнула головой в сторону противоположного конца бассейна. Пол побрел туда по диагонали, в то время как Линн быстро извинилась перед «мистером Аквамускулом», выбралась из строя женщин и пошла Полу наперерез.

Когда пути их пересеклись, они остановились. На лице Линн под фиолетовой купальной шапочкой застыла натянутая улыбка.

— Хули ты тут делаешь? — прошипела она сквозь стиснутые зубы.

— Я тоже рад тебя видеть, тетушка Линн, — ответил Пол, стараясь говорить непринужденно и без конфронтации.

— Какая я тебе на хрен тетушка?

В общем-то, она права. Честно говоря, и Филу она была не тетей. Она была его троюродной сестрой. Линн и ее муж Пэдди взяли Фила к себе, когда ему исполнилось одиннадцать, и воспитали как родного. Но прежде Фил с Полом вместе сменили несколько детских приютов. Кажется, Фил стал испытывать неловкость по отношению к Полу после того, как его усыновили, словно ощутив «вину выжившего». Пол был совсем не против. В доме Линн и Пэдди он провел довольно много времени, и они всегда были ему рады. Пол догадывался, что лишь отчасти они сочувствовали странному маленькому сироте, но в основном принимали его, потому что Филу было непросто заводить новых друзей. Почти ежедневно Фил возвращался из школы со значительно большим количеством синяков, чем можно было объяснить даже его крайней неуклюжестью...

Линн окинула Пола оценивающим взглядом. И по выражению лица стало ясно, что оценка вышла невысокой.

— Ты только посмотри, до чего ты докатился! И ради Бога, вынь руку из трусов, а то привлечешь охрану.

— Я бы с удовольствием, но у меня нет с собой плавок, а эти трусы еле держатся. Если я отпущу руку, то кто-нибудь обязательно вызовет полицию.

Линн покачала головой с тихими проклятиями.

— Что ж, — сказал Пол, решив перевести разговор в более позитивное русло, — эта аквааэробика, должно быть, отличная штука. Ты выглядишь великолепно.

Он сказал так лишь потому, что это было чистой правдой. Сейчас Линн было где-то около пятидесяти, но Пол ни за что бы об этом не догадался, если бы не знал ее уже семнадцать лет. Она до сих пор сохраняла ту же прекрасную спортивную фигуру. Было странно думать о ней в таком ключе, ведь он был ребенком, когда впервые ее увидел. Тем не менее он всегда понимал, что Линн красавица. Темно-рыжие волосы обрамляли лицо с тонкими чертами, а ярко-зеленые глаза намекали на вспыльчивый характер, которым она славилась по праву. Несомненно, она разбила немало сердец, прежде чем вышла замуж за Пэдди Неллиса. Возможно, некоторые даже предлагали ей передумать, когда всего год спустя ее мужу вlepили «треху» за вооруженное ограбление. Однако она его поддержала. И когда Пэдди вышел, отсидев весь срок от звонка до звонка, поскольку держал рот на замке, они усыновили осиротевшего отпрыска ее кузины и воспитали как собственного сына. Эта трехлетняя отсидка стала единственной в преступной карьере Пэдди Неллиса. Не то чтобы тюремная камера его исправила, просто он стал вести себя гораздо умнее.

— Послушай, — сказала Линн, — я не знаю, какого черта ты сюда приперся, но я ничем не смогу тебе помочь.

— Меня хотят убить, Линн.

Она нервно огляделась, но из-за общего шума в бассейне никто не мог их расслышать.

— Я в курсе. Но чего не могу понять — откуда об этом узнал ты и как ты меня здесь нашел?

Вместо ответа Пол махнул головой в сторону трех рядов скамеек, составлявших маленькую зрительскую трибуну возле бассейна. Там, возле беременной женщины с коляской, угрюмо пишущей эсэмэски девочки-подростка и пары отчаянно скучавших мужей с газетами в руках сидели Бриджит и Фил. Фил боязливо махнул рукой. Линн закатила глаза.

— Черт возьми, этот мальчишка меня когда-нибудь убьет, — вздохнула она. — Знаешь, когда вы были детьми, мы водили его по врачам. Хотели разобраться, почему он такой... ну ты понял. Сейчас бы сказали, что у него синдром дефицита внимания, или гиперактивность, или что-то в этом роде. Но тогда таких называли умственно отсталыми, — на мгновение ее голос оживился: — А что за девушка с ним рядом?

Пол помедлил.

— Наверное, тебе лучше не знать.

Линн вздохнула.

— Если она с тобой, то ты, наверное, прав. Я просто подумала... вдруг он отвлекся от этой паршивой игры в орков и фей, как бы она ни называлась, и нашел наконец причину выбраться из комнаты, — Линн умолкла, явно почувствовав, что слишком далеко отклонилась от темы. — Слушай, вам обоим лучше отсюда убраться.

— Мне некуда идти, — признался Пол.

— Но это же не моя проблема, верно? Просто идите куда угодно и будьте счастливы, если, конечно, выживете.

Помолчав, Пол посмотрел ей прямо в глаза.

— Линн, твой муж, упокой, Господи, его душу, однажды сказал мне, что если я буду в чем-то нуждаться, то он обязательно поможет. Этот момент настал.

Линн невесело рассмеялась.

— Господи, Пол, приди уже в себя. Пэдди умер — и вместе с ним его долги перед тобой.

— Но...

— Никаких но. Тебе заплатили за то, что ты сделал для нас, и довольно неплохо. Хочешь знать правду о моем почившем муже? Хотя я любила его до невозможности, он был умнейшим придурком на Земле. Конечно, он нагребил кучу денег и заслужил кучу подмигиваний и одобрительных шлепков по спине от своих дружанов в пабе. Но дело в том, что если учесть накладные расходы и процент за «отмывку», усилия на планирование до и хлопоты на заматывание следов после, то оказывалось, что все это пустая трата времени. Единственная причина, по которой у нашей семьи что-то водится, заключается

в том, что я брала то небольшое, что оставалось, и вкладывала в магазин воздушных шаров, таксопарк, пару борделей и... да, давала какие-то деньги в рост, после чего не стеснялась нанимать злобных ребят для вышибания долгов. Это грубо, но такова жизнь. Пэдди, да покоится он с миром, может и запомнили как эдакого благородного Робин Гуда, но зарабатывать деньги приходилось мне. У него были отличные мозги, и в деловом костюме он мог бы добыть денег раз в десять больше, чем бегая по ночам с пистолетом... Но большинство мужчин так и остаются мальчишками, которым разрешили покупать выпивку. Поэтому не заявляй мне, что я тебе что-то должна.

— А ты не могла бы с ним поговорить? — спросил Пол, неожиданно уловив в своем голосе нотку мольбы.

— С Герри Фэллоном? Ты смеешься? Ты представляешь, что это за человек?

— Вроде очень крутой бандит?

— Значит, не понимаешь, да? — Линн энергично покачала головой. — Ты наверняка слышал, что все так называемые «криминальные авторитеты» носят кликухи: Генерал, Пингвин, какой-нибудь долбаный Единорог и так далее... А знаешь, как прозвали Герри Фэллона?

Пол промолчал.

— Вот именно, никак. В самом начале он тонко намекнул журналистам и всем имеющим влияние, что первый, кто наклеит на него ярлык, очень скоро об этом пожалеет. Он занялся своим делом не ради славы, а для того, чтобы разбогатеть, и у него это отлично получается. Он осторожен, методичен и, что самое главное, жесток. Все, кто переходит ему дорогу, пропадают без вести. А если нет тела, то и обвинение в убийстве не предъявишь. Теперь он получает свою долю со всего — осознают это люди или нет: с букмекеров, с проституток, с каждой партии этой дряни...

Семья Неллис всегда была категорически против наркотиков. Именно героиновый бум конца девяностых привел Фила в приемную семью.

— Герри Фэллон — человек-невидимка, пока кто-то или что-то ему не угрожает. Но похоже, в этот раз попал ты, помогай тебе бог.

— Но... честно говоря, я вообще ничего не знаю. Это какое-то ужасное недоразумение. Скажи ему, что я не представляю угрозы, клянусь.

— Господи, Пол, повзрослей уже, — ответила Линн, и в голосе ее стало больше грусти, чем гнева. — Если Герри Фэллон захотел твоей смерти, то тебе конец. Извини меня, но теперь это твои проблемы. Не надо тащить их ко мне под дверь.

— Но, — произнес Пол, обращаясь скорее к себе, чем к Линн, — ты была моей последней надеждой.

— Значит, надежды у тебя больше нет.

Возможно, это была просто вода, но Полу вдруг показалось, что в глазах Линн блеснули слезы.

— Фил что-нибудь знает? — спросила она. Пол покачал головой. — Хорошо. Теперь убирайся и больше нас не беспокой. Ты мне нравишься, Пол, и всегда нравился. Ты был хорошим ребенком, и, видит бог, начало твоей жизни было не самым легким. В общем, вот что я сейчас сделаю: я вернусь к своей группе и закончу занятия. А потом приму душ и оденусь. И вот тогда, и только тогда, я позвоню кое-кому и скажу, что ты сюда приходил. Скажу, что пыталась тебя задержать и связаться с ними, не вызывая подозрений. Скажу, что у меня почти получилось, но в последнюю секунду ты струсил и сбежал. Фил увидит, как ты садишься в такси на улице, и расскажет им то же самое. Мне очень жаль, но фора — это единственное, что я могу тебе подарить.

— Значит, ты совсем никак не можешь мне помочь?

К удивлению Пола, Линн подняла руку и нежно погладила его лицо.

— Сынок, теперь тебе не поможет даже сам Господь Бог.

Глава двадцать восьмая

— Выходит, ты давно знаешь Пола? — спросила Бриджит.

Она сидела возле долговязого мужчины, которого, как она теперь знала, звали Фил, на неудобной деревянной скамье в полном молчании в течение десяти минут и постепенно от этого раздражалась. Но больше всего ее выводило из себя левое колено Фила. Оно постоянно дергалось, отчего Бриджит чувствовала себя так, будто сидит возле стиральной машины, работающей на бесконечном цикле отжима. Учитывая, что Фил грыз при этом ногти и непрерывно повторял, как заклинание, «Линн меня убьет», он все больше и больше ее бесил.

— Что? — переспросил Фил.

— Ты давно знаешь Пола?

— Целую вечность. Мы жили вместе в домах, когда были маленькими.

— В домах?

Лишь произнеся это вслух, Бриджит сообразила, что, возможно, допустила невероятную бестактность. Но Фила вопрос несколько не смутил.

— В детских домах. Мы жили в одном из них в Бланше, затем нас разделили ненадолго, но потом снова вернули, но уже в тот, что недалеко от Парнелл-сквер. В Бланше было здорово, пока Барри Доддс не попытался устроить пожар и этим все испортил. Такой козел этот Доддси!

— Похоже на то.

— Господи, ага, — кивнул Фил. — Однажды, когда я спал, он сунул мою руку в ведро с теплой водой, чтобы заставить меня описаться. Но ничего не вышло — ему помешал Пол. На следующее утро, когда Доддси зашел в ванную, то же ведро упало ему на голову. Пол был ужасно хитрым, когда дело касалось таких штук.

— Значит, вы двое долго жили вместе?

— Пока тетюшка Линн и дядя Пэдди не взяли меня к себе. Наверное, мне повезло... Блин! — внезапно воскликнул Фил, развернувшись к Бриджит всем телом. — Как думаешь, она теперь выгонит меня из дома?

Бриджит подняла брови, пытаясь понять, шутит он или нет.

— Ты что, до сих пор живешь со своей тетей?

Фил посмотрел на нее такими глазами, будто она дала ему пощечину.

— У нее есть кабельное телевидение... Кабельное... телевидение! — произнес он с нескрываемым благоговением.

— А что случилось с семьей Пола? — спросила Бриджит.

— Это долгая история. Его мама, благослови ее Господь, была родом с севера. Она часто ошибалась в жизни и вот однажды влюбилась в британского солдата и, так сказать, с ним слизнула.

— Ты хотел сказать, «улизнула»?

Немного подумав, Фил покачал головой.

— Да нет, я почти уверен, что это называется «слизнула». Ну, в любом случае они уехали в Англию — кажется, в Манчестер. Там родился Поли, но его мама так и не сумела там прижиться. Случились какие-то неприятности или что-то в этом роде. В общем, из Англии они переехали в Дублин в надежде, что так будет проще, но без толку. Его мама, если честно, была немного...

Фил покрутил пальцем у виска и кивнул с таким важным видом, будто только что сделал узкоспециализированное медицинское заключение.

— Линн говорила, у нее была маньячная депрессия.

— Маниакально-депрессивный психоз?

— Что? — переспросил Фил.

— Неважно.

— В общем, ее постоянно мотало туда-сюда. То она твой лучший друг, то вдруг — раз! — и становится злобной. В конце концов, я думаю, отец Пола этого не выдержал и ушел. И больше о нем никто ничего не слышал.

— А его мама?

Фил покачал головой.

— Ей становилось то лучше, то, наоборот, хуже, поэтому Пол стал жить в детском доме. Иногда она навещала его и все повторяла: «Мы будем жить вместе. Мы уедем в Америку. Папа вот-вот вернется...» Но потом она уезжала, и всё. А как-то раз она приехала к нему и просто начала петь во всю глотку. За это другие мальчики облили Пола мочой. Ему часто приходилось драться. В конце концов его мама попала в аварию, — Фил сделал паузу, чтобы перекреститься. — На похоронах были только я, Пэдди, Линн и Пол. Ну и Банни, конечно.

— Банни? — удивилась Бриджит.

— Ага.

— А кто он такой на самом деле?

Фил посмотрел на нее слегка шокированно, словно был не в силах понять, как можно не знать Банни Макгэрри.

— Ну ты даешь, он же типа шериф Дублина. А еще он главный тренер команды по хёрлингу в клубе Святого Иуды. У него, конечно, есть помощники — пара копов и какой-то учитель из Финтана, — но, вообще говоря, это его любимое детище. Через него проходят все. Несмотря на то, что это худшая юниорская команда по хёрлингу в Дублине.

— Худшая?

— В целом да. Но опасная, надо сказать. Слышал, это самая наказываемая команда в лиге. Банни — мастер поорать, но не очень силен в тактике. Единственный хороший состав в возрасте до двенадцати лет, который он воспитал, был наш. За все эти годы — и до, и после — только мы чуть не выиграли первый приз. И выиграли бы, если бы не Поли.

— Он что, напортачил во время матча?

— Нет, он никогда не портачил. Видела бы ты его в деле. У него был настоящий талант. Даже в двенадцать лет он мог без проблем забросить штрафной с сорокаметровой отметки. Мы играли грязно, соперники мстили. В итоге Пол набирал очки, и мы выигрывали. Это была примитивная тактика, но она всегда работала.

— И что же случилось?

— А то, что Пол не стал играть в финале. Они с Банни сильно поссорились.

— Из-за чего?

— О, ужасная вышла история. В школе же проводят всякие тесты, да? После них кому-то из нас уделяли особое внимание: мне, Доддси, Коньку и еще некоторым. Нам назначали дополнительные уроки с этой милой дамой за то,

что мы... ну... умственно отсталые. По крайней мере до тех пор, пока Доддси не попытался сжечь класс. Тот еще придурок.

— Пол тоже ходил на эти уроки?

— Господи, нет. Ему дали пройти другие тесты. Я случайно об этом узнал, когда заглянул в его сумку, ведь он ничего не говорил. В общем, про него написали, что у него айкью как у гения и всякое такое.

Бриджит перевела взгляд на мужчину, осторожно выбиравшегося из бассейна, одна рука которого была забинтована, а другая отчаянно цеплялась за трусы, с трудом сохранявшие целомудрие.

— А потом появилась приятная пара... Они были этими, как их... лекторами! Из Голуэя. Они говорили, что хотят взять его к себе, причем по всем правилам. Они были друзьями женщины, которая делала тесты. Это было чертовски необычно. Как правило, тех, кому больше десяти лет, уже никто никогда не усыновляет. Это было здорово, в общем-то, но потом...

Фил сделал паузу ради драматического эффекта.

— Что потом?

— Вмешался Банни. Они приходили, приходили, а потом вдруг перестали приходить. Представь, как Поли это воспринял. Он стал винить Банни во всем. Он решил, что Банни не хочет, чтобы он переезжал, — из-за клуба Святого Иуды. В итоге Поли ушел из команды прямо перед финалом. На игре нас раскатали в блин. Это была настоящая бойня, но Поли так и не вернулся.

— Господи, — пробормотала Бриджит. — Этот Банни затаил злобу из-за дурацкой игры в хёрлинг?

— Ну... — Фил смутился. — Не совсем так. На тебе что, микрофон?

— А? С чего бы это мне...

Звук удара кулаком по толстому стеклу, разделявшему бассейн и стойку администратора, заставил их обернуться. За стеклом стоял Пол, похожий на мокрую крысу. Кажется, он оделся, даже особо не вытершись. До Бриджит вдруг дошло, что кроме плавок у него не было и полотенца. Это могло показаться комичным, но выражение лица Пола отнюдь не располагало к веселью.

Он стал бешено махать Бриджит и что-то бормотать.

Не нужно было обладать IQ гения, чтобы сообразить, что это значит.

Надо срочно бежать.

Детектив-инспектор Джимми Стюарт пребывал уже даже не в раздражении.

Раздражение осталось не более чем счастливым воспоминанием. Злость уплывала прочь в зеркале заднего вида. Теперь его настроение достигло состояния раскаленной ярости. Прижав телефон к уху, он слушал размеренный ритм гудков вызова, перекрывавший белый шум проливного дождя. Сердце бешено колотилось в груди. Он стоял по щиколотку в траве, когда на него вдруг обрушился неистовый ливень. Теперь следует ждать внезапных наводнений. Они заполнят все выпуски новостей. Он покинул кабинет так быстро, что забыл взять пальто. Костюм никак не защищал от дождя, быстро превратившись в тяжелые промокшие тряпки, липнувшие к телу. Стюарт подергал мокрую рубашку, чтобы дать коже хоть немного подышать. Под ней он чувствовал прижатый к груди медальон Святого Михаила – покровителя полицейских. Заплаканная мать подарила его в первый же день его работы на улицах. Со своим братом Томом – дядей Джимми – она не разговаривала потом пять лет. Она так и не простила ему, что он не устроил ее младшего сына на работу в «Гиннесс».

Уилсон стоял чуть впереди, наполовину освещенный фонариком Стюарта, и бросал на него укоризненные взгляды. Очевидно, он считал происходящее очередным способом поиздеваться над юным новобранцем. Стюарт взял его с собой не только потому, что он был единственным членом недавно собранной оперативной группы, которому он мог доверять, но и из-за того, что скромный опыт Уилсона не позволял ему задавать вопросы, куда они идут и почему.

На карте, отправленной Куинном на телефон Стюарта, желтой точкой была отмечена локация, располагавшаяся прямо посреди огромной зеленой зоны Феникс-парка. Стюарт примчался сюда со всей возможной скоростью, едва не доведя до сердечного приступа старика, отвечавшего за поднятие шлагбаума на выезде из штаб-квартиры «Гарда Шихана», и превратив по дороге водителя-стажера в рыдающую истеричку. Потом ему станет стыдно. Но сейчас голова Стюарта была занята двумя женщинами.

Первой была Полин Макнейр. Он никогда не встречал ее и даже не понимал, как она выглядит, но из-за того, что он ничего не сделал, она умерла. Откровенно говоря, ему было необязательно знать о ее внешности. Его разум проделал то же, что и всегда: каждую жертву он автоматически заменял кем-то из близких. Его жена, родители, дочери, сын – все они не раз менялись местами с мертвыми. Он никогда никому об этом не говорил – зачем? Он знал, что ему ответят, как и знал то, что не сможет этого изменить. В глубине души его это тяготило. Но кто-то должен быть на страже, кто-то всегда должен бдить! Полин Макнейр в его воображении превратилась в старшую дочь, лежащую в коридоре с тремя огнестрельными ранениями – два в грудь и одно в голову, а выживший младенец – во внука Джека, рыдающего в соседней комнате. Именно это свойство делало его хорошим детективом, мало пригодным к чему-то иному. Именно по этой причине ему никогда не удавалось расслабиться. Каждый раз, когда кто-то из близких входил в его комнату, за ним следовала целая свита из призраков.

Другой женщиной была Бриджит Конрой — умная, живая и жизнелюбивая. И он был чертовски уверен, что таковой она и останется. Правда, судя по карте, Стюарт стоял именно на том месте, где должен был находиться ее телефон. Но вокруг было сплошное открытое пространство и ни хрена больше. Единственное, что они смогли обнаружить, была кучка оленьего дерьма, которую Уилсон нащупал своим без сомнения дорогушим ботинком. Вот почему Стюарт пытался дозвониться теперь до Фредди Куинна, чувствуя, как на виске пульсирует вена.

И вот за секунду до того, как включился автоответчик, Куинн ответил, чем, сам того не подозревая, спас себе жизнь.

— Алло?

— Если ты так пошутил, Куинн, то ты фатально недооценил мое чувство юмора.

— О чем ты говоришь?

— Я о том, что стою сейчас посреди открытого поля, и здесь нет аб-со-лют-но ни хуя! Вообще!

— А я тут при чем?

— Помнишь наш разговор о маленьких ссорах? — проговорил Стюарт. — Так вот, я солгал. Теперь ты номер один в моем списке говнюков. Я знаком со многими людьми, и каждый мне чем-нибудь обязан. Я использую все свое влияние, все возможности, чтобы ты прихуел до конца жизни, если ты меня кинул!

В голосе Куинна зазвенел нужный градус паники:

— Успокойся, Джимми. Это то самое место, где определился телефон. Погоди немного, может, они переместились. Я сейчас проверю.

— И побыстрее!

— Мне нужна минута, чтобы войти в систему. Ты не против подождать?

— Конечно, я подожду! — рявкнул Стюарт. — Что мне еще остается делать?

Услыхав последние слова, Уилсон вскинул руки в театральном гнев.

Стюарт оторвал телефон от уха.

— Эй ты, ну-ка сделай лицо попроще! Добро пожаловать в настоящую оперативную работу. Быть детективом — это не врезаться на «Гранд Торино» в пустые картонные коробки и не вышибать двери ногами.

— Черт побери, какие еще коробки? — спросил Уилсон.

— Не видел «Старски и Хатч»?

Уилсон посмотрел на Стюарта уже знакомым ему пустым взглядом.

— Серьезно, ты воспитан волками или что-то в этом роде?

Уилсон не ответил, продолжив оттирать испачканный ботинок о траву. Возможно, олени и величественные цари животного мира, но их дерьмо вполне себе воняет. Стюарт чувствовал его запах даже отсюда.

— Я пришлю вам счет из химчистки, — буркнул Уилсон.

— Просто вложи его в мою прощальную открытку, — ответил Стюарт. — Будет что вспомнить на пенсии.

Стюарт вновь поднес телефон к уху.

— Куинн?

— Уже почти.

Джимми снова огляделся. Они стояли в двухстах метрах от дороги, по которой шел непрерывный вечерний поток машин. Пешеходные и велосипедные дорожки, проложенные параллельно дороге, были пусты. Такая погода отпугивает всех, кроме закоренелых сумасшедших бегунов. И даже если бы какого-нибудь собачника прямо сейчас потянуло на улицу, то у песика хватило бы ума отказаться. Остальная часть парка горбилась вокруг них темными покатыми холмами на фоне облаков, освещенных огнями города.

— Сейчас... уже вот-вот... — Куинн вдруг запнулся и чуть ли не прошептал: — Локация телефона не изменилась.

— Что за чушь? — воскликнул Стюарт.

— Прощу тебя, не психуй, — произнес Куинн. — Это парк. В нем нет вышек сотовой связи, так что местоположение определяется примерно.

— Насколько именно примерно?

— Не знаю, — ответил Куинн. — Может, в пределах пары сотен метров?

— Так... сиди пока у телефона.

— Но мне нужно...

— Мне плевать, что тебе нужно, — сказал Стюарт и отключился.

Затем он огляделся внимательнее. В ста сорока метрах от себя он увидел рощицу примерно в дюжину деревьев, высаженную под углом в сорок пять градусов относительно дорожек. Не очень большая, но вполне достаточная, чтобы укрыться или спрятать тело, подумал Стюарт. Справа на расстоянии около ста восьмидесяти метров располагался один из круглых прудов, которыми изобилует парк.

Стюарт показал на деревья.

— Ты иди туда, а я проверю пруд.

Уилсон, слишком несчастный, чтобы спорить, безропотно поплелся в направлении роши. Стюарт пошел к пруду, пытаясь на ходу восстановить дыхание. Быть найденным лежащим лицом в оленьих какашках оттого, что у него отказало сердце, — не таким бы он хотел запомниться коллегам в последнюю неделю службы. Стюарт стал светить фонариком на землю перед собой, пытаясь сберечь то, что осталось от обуви. Над ним и без того регулярно стебались за «блестящую» полировку ботинок. Но ему было все равно. Он родился пятым по счету мальчиком в семье и лишь годам к двадцати стал носить обувь без чужих потертостей.

Приближаясь к пруду, Стюарт что-то заметил... Кажется, слабый свет. Он выключил фонарик, чтобы лучше видеть в темноте, и — та-дам! — разглядел очертания машины, припаркованной на противоположном берегу пруда. Машина стояла задом к Стюарту, и теперь он сумел разглядеть, что свет льется с переднего сиденья. Он повернулся к Уилсону, тихо свистнул, а потом включил и выключил фонарик. Он увидел, как луч фонаря Уилсона остановился и, изменив направление, двинулся к нему. Стюарт ускорил шаг, не включая свет. Он не хотел, чтобы Конрой и Малкроун испугались и сбежали.

Подойдя поближе, он увидел, что это БМВ синего или черного цвета. А еще он разглядел неровный грунтовый съезд, ведущий от одной из боковых дорожек к пруду. Должно быть, его проложили, чтобы сюда могли заезжать парковые садовники. Вдруг сквозь барабанивший дождь и отдаленный шум дорожного движения Стюарт различил еще один звук — вернее, настойчивый напряженный вой. Что бы это ни значило, но вой приближался. Стюарт уже был примерно в двадцати пяти метрах от БМВ, когда деревья прорезал одинокий луч фары, подпрыгивающий на боковой дорожке. Стюарт бросился бежать, увидев, что мотоциклист выключил свет. Теперь он отчетливо разглядел силуэт человека на фоне городских огней. Который, кажется, что-то вытаскивал из куртки...

— ПИСТОЛЕТ! — закричал Стюарт и стал выдергивать свой из кобуры под мышкой левой руки.

Но когда скользкая от пота и дождя рука нащупала наконец застёжку, правая нога за что-то зацепилась. Гладкая подошва левого ботинка поскользнулась на влажной земле. И Стюарт упал. Тяжело. Беспорядочно. Лицом вниз. Не сумев вовремя поднять руки, чтобы смягчить падение. Ощувив боль. Пистолет вылетел из правой руки, а левое запястье вывернулось оттого, что фонарик ткнулся в землю. Медальон Святого Михаила впился в грудь.

Чуть не задохнувшись, Стюарт выплюнул мокрую траву, попавшую в рот, встал на колени и принялся скрести землю вокруг себя в поисках пистолета.

— Нет, нет, нет, нет!

Все еще шаря руками, он глянул на БМВ. В фильмах такой момент обычно замедляется. Но теперь казалось, что все происходит слишком быстро. Ужасно, неудержимо быстро. Он увидел очертания мотоциклиста, замедлившего ход и поравнявшегося с неподвижной машиной. Он увидел вытянутую руку с пистолетом. Вслед за тем мимо него из темноты промчалась фигура Уилсона. Молодой человек остановился, пригнулся и выстрелил — почти ровно в тот момент, когда мотоциклист открыл огонь. Два выстрела бахнули в быстрой последовательности — словно один стал эхом другого. Мотоциклист слетел с мотоцикла так идеально, что машина продолжила движение без него — как

лошадь в «Гранд Нэшнел»[56], потерявшая седока, но по-прежнему стремящаяся к победе.

А потом раздались крики.

Глава тридцатая

— В смысле у тебя его нет? — не поняла Бриджит.

Они стояли на тротуаре перед одним из тех круглосуточных магазинчиков, которые обычно можно найти где угодно, но чтобы наткнуться на этот, им пришлось удручающе долго брести под дождем. В таких магазинах обычно не продают зонтиков, и, как оказалось, этот не стал исключением. Впрочем, парень-азиат, стоявший за прилавком, согласился продать Бриджит свой личный зонт-трость за последние оставшиеся у них тридцать евро. Парень читал университетскую книгу по экономике и, судя по всему, глубоко постиг основополагающие принципы своего предмета. Он понимал, что в данный момент это «рынок продавца», в котором спрос на товар намного превышает величину предложения.

Теперь Бриджит и Пол стояли на тротуаре, укрывшись под свежеприобретенным зонтом, и продолжали спорить.

Покинув бассейн, они проехали на такси, затем в автобусе, потом прошли пешком, после чего сели на другой автобус и сменили еще несколько. Сейчас они находились где-то в южном пригороде, в котором Бриджит никогда не бывала. И что-то ей подсказывало, что и Пол здесь ориентировался не лучше. Но он уверял ее, что знает, куда ехать, — просто хотел убедиться, что за ними не следят. Его паранойя казалась оправданной вплоть до момента, когда разверзлись небесные хляби. Бриджит не взяла с собой зонт, когда выходила из дома утром, но у нее хотя бы имелась машина. Она пыталась привести доводы в пользу того, чтобы вернуться и забрать ее, но образ возможной бомбы, заложенной под днище, несколько омрачил эту идею. Правда, машину она оставила на стоянке возле парка Сант-Стивенс-Грин, и это внушало определенное беспокойство. Через несколько суток счет за стоянку превысит стоимость самой машины. Если Бриджит не заберет ее к понедельнику, то будет дешевле взорвать ее самой.

— Мобильные телефоны могут отслеживать. Я должен был от него избавиться, — ответил Пол.

— Но... это же мой телефон!

— Вот именно! Если бы я сказал, что задумал сделать, то ты бы устроила скандал.

— А чем я, по-твоему, собираюсь заняться сейчас?

— Теперь в этом нет смысла. Телефона больше нет.

— И только из-за... Господи, как ты меня бесишь! Ты не мог его просто отключить?

— Нет. Его могут найти, даже если он выключен, — ответил Пол и добавил: — Мне так кажется.

— Тебе кажется? Тебе кажется?! Мы могли бы проверить это предположение в Гугле через мой трехмесячный телефон, но, постой-ка, ведь мы не можем! Ведь ты взял и выбросил его на фиг, ни о чем меня не спросив!

— Я не выбрасывал. Фактически. Я знаю, где он сейчас.

Бриджит даже не стала слушать.

— Я же в кредит его купила и... о-о... — она запрокинула голову, словно ее ударили по лицу. — Зачем я отказалась от этой чертовой страховки?

— Успокойся, ладно? В худшем случае я куплю тебе новый.

— Ты купишь мне новый? Позволь напомнить, что единственная причина, по которой я узнала, что у тебя нет моего телефона, состоит в том, что ты попросил у меня последние восемьдесят пять центов на телефонный звонок! Как, черт возьми, ты собираешься купить мне новый телефон?

— Тихо! — перебил Пол, нервно озираясь. — Ты привлечешь внимание.

— Поверь, я еще даже не начинала. Вот сейчас засуну этот зонтик тебе в рот и...

— Ты забыла, что меня пытаются убить?

— Я это помню и собираюсь сэкономить им много времени и сил.

— Ты устраиваешь какую-то мелодраму.

Подняв зонтик с искренним намерением нанести удар, Бриджит вдруг застыла, поскольку ей в голову пришла мысль.

— погоди. Ты сказал, что «фактически» не выбрасывал? В каком смысле «фактически»?

Глава тридцать первая

Детектив-инспектор Джимми Стюарт оцепенело наблюдал за мигающими синими огнями последних машин скорой помощи, отражавшимися от тусклого металла ограждения пруда. Сирена взывала один раз — и тут же умолкла. В это время в Феникс-парке не было почти никого, чтобы затруднить проезд, как не было и пациентов, получивших опасные для жизни травмы. Ну, не считая, конечно, мертвого парня.

Стюарт стоял на одном месте в ожидании, но если бы вы спросили, чего именно он ждал, то вряд ли бы он вам ответил. Будут вопросы, будет очень много вопросов. Кто-то сунул ему в руку зонт, и он добросовестно держал его над головой, хотя уже давно промок до нитки. Парни из Технического бюро натягивали брезент в совершенно тщетной попытке защитить следы преступления от непрекращавшегося проливного дождя.

Он молча смотрел на БМВ. После всего произошедшего Стюарт чувствовал, что у него не хватает возможностей мозга, чтобы охватить всю картину целиком. Весь день начинал казаться беспокойным кошмарным сном. Может, сосредоточиться на мелких, на первый взгляд, подробностях и это поможет ему проснуться? Но с чего бы начать?

Ни Бриджит Конрой, ни Пола Малкроуна в БМВ не обнаружилось. Единственное, что удалось вытянуть из пары, сидевшей внутри, так это то, что их зовут Дункан Маклафлин и Кили Миллс. Стюарт понятия не имел, что они делали посреди всего этого. Впрочем, не совсем так. Что они делали, он прекрасно себе представлял. Два человека находились в машине, припаркованной в укромном уголке Феникс-парка после наступления темноты. Даже его бабушка сообразила бы зачем, несмотря на то что умерла двадцать пять лет назад. Но он никак не мог понять, какое отношение эти люди имеют к Бриджит Конрой и Полу Малкроуну. Ясно же, что это неспроста. Каковы были шансы на то, что они с Уилсоном случайно наткнутся на одно нападение, ожидая совсем другого? Все-таки это Дублин: убийства здесь еще не стали обыденностью.

Кстати, о невозможном: исход дела целиком решил «героический выстрел» Уилсона. Одну-единственную пулю — влетевшую прямо в прозрачное защитное стекло шлема двигавшегося на большой скорости мотоциклиста — он выпустил с расстояния двадцати метров. Шансы на подобное везение вполне себе астрономические. Стюарт поехал, вспомнив собственное позорное падение. Он гордился своими умениями, но когда пришло время действовать, Стюарт стоял на коленях в траве, как унылый старый дурак, и шарил во тьме в поисках пистолета. И только Уилсон, тот самый Уилсон спас жизнь мистеру Маклафлину, мисс Миллс и, черт возьми, почти наверняка и ему самому!

И теперь он даже не может его поблагодарить. Подбежав к поверженному противнику, Уилсон воочию увидел повреждения, которые способна нанести голове пуля — особенно после того, как пару раз срикошетит внутри мотоциклетного шлема. Получив огромное впечатление, молодой человек тут же расстался со съеденным обедом и упал в обморок, стукнувшись вдобавок головой о бордюрный камень. Впрочем, обошлось: он почти сразу пришел в себя. Прежде чем прибыли первые спасатели, Стюарт вычистил Уилсона как сумел и помог ему сесть в машину скорой помощи — разумеется, после того, как врачи разобрались с гражданскими. Надо будет поговорить с криминалистами. Уилсон забил эффектный победный гол, так что о досадном послематчевом инциденте было бы неплохо забыть.

Стюарт понял, что смотрит на пулевое отверстие в капоте над передней левой шиной БМВ. Мотоциклист успел сделать только один выстрел, прежде чем Уилсон его так эффектно «снял». По сидящим внутри машины людям убийца промахнулся сантиметров на тридцать. Один из криминалистов взволнованно сообщил Стюарту, что найденное оружие — это «Глок-17» калибра девять миллиметров с магазином на 33 патрона. Если бы не Уилсон, то парочка в БМВ была бы уже мертва. И Стюарт, скорее всего, тоже.

Вдруг ему в голову пришла мысль. Он обошел БМВ и, вынув из заднего кармана платок, открыл переднюю пассажирскую дверь. Затем достал телефон и вновь набрал номер медсестры Бриджит Конрой. Сквозь стук тяжелых дождевых капель ему послышалось слабое жужжание. Покрутив головой, Стюарт определил, что звук доносится с заднего сиденья. Тогда он открыл заднюю дверь и позвонил еще раз. Слабый свет на дне одного из пакетов указал на местоположение телефона. Он лежал рядом с тем, что на малоопытный взгляд Стюарта выглядело как довольно дорогое женское белье. Что ж, одна загадка частично решена. Теперь осталось понять, как телефон туда попал.

Стюарт чуть не подпрыгнул, когда завибрировал его собственный аппарат, все еще зажатый в руке. Номер не определился. Стюарт поразмышлял, не переключить ли его на автоответчик, но потом передумал.

— Детектив-инспектор Стюарт слушает.

— Здравствуйте, инспектор. Это Нора Стокс из адвокатской конторы «Гриви и Ко». Мне нужно срочно с вами поговорить.

— Сейчас не лучшее время, мисс Стокс.

Стюарт осторожно закрыл заднюю дверь машины и направился к Филлипсу, старшему криминалисту. Нужно поскорее снять «пальчики» с телефона Бриджит.

— Это касается моего клиента — Пола Малкроуна. Он попросил меня стать посредницей между ним и полицией.

Стюарт замер как вкопанный.

— Когда вы с ним говорили в последний раз?

— Только что по телефону.

— С ним все в порядке? Он с Бриджит Конрой?

— Да, — ответила Нора, — оба живы и здоровы.

— Где они?

— Боюсь, он мне этого не скажет.

— У вас сохранился их номер?

— Нет. Он позвонил из телефона-автомата. Сказал, что избавился от своего мобильного. Если честно, мне кажется, он ведет себя как параноик.

Стюарт бросил взгляд на уже начавший коченеть труп мотоциклиста.

— Ну, я бы так не сказал.

Глава тридцать вторая

Бриджит смотрела на пологую подъездную дорожку, ведущую к большому отдельно стоящему дому. А может, и к особняку. Бриджит не знала точно, где проходит грань между «домом» и «особняком», ведь сравнивать ей еще никогда не доводилось.

— Здесь? Seriously? — спросила она

— Здесь. Seriously, — ответил Пол.

Это было не совсем то, что она ожидала увидеть. Она не могла сказать, чего именно ожидала, но определенно не это. Может, наркоманский притон? Или какой-нибудь гараж? Или грязный отель? Пол сказал только, что знает место, где они будут в безопасности. И он оказался прав. Никто не поверит, что они здесь. Бриджит, например, была здесь и не верила.

Она могла предположить, что в доме шесть спален. Или даже больше. На улице, полной огромных и дорогих домов с охраняемыми воротами, чей вид как бы говорил «Кто вы такие? Здесь вам не рады!», этот особняк казался самым выдающимся. На вид он был старинным, построенным еще в те времена, когда фраза «помещение для слуг» использовалась так же естественно, как и сами слуги. Конечно, жители этого района Дублина наверняка по-прежнему держат слуг, но Бриджит была готова поспорить, что этим словом их уже не называют. Дом был сложен из того старого серого камня, который превращает метафору «мой дом — моя крепость» в простую констатацию факта. Если бы Бриджит предпочитала читать не детективы, а определенного качества любовные романы, то она бы лучше разбиралась в таких особняках. Это был дом того сорта, от которого героиня либо откажется ради того, чтобы быть с возлюбленным, либо будет жить в нем долго и счастливо после того, как найдет богатого парня и отдаст ему свое сердце — конечно же, не из-за денег. Короче говоря, это была та недвижимость, которая чаще всего движет собой романтический сюжет.

Когда они пошли по подъездной дорожке, Пол вытянул руку ладонью вверх.

— Ну вот, как всегда! Дождь закончился в последнюю минуту.

Бриджит закрыла зонт и стала возиться с неудобной застежкой, озираясь вокруг с благоговейным трепетом. Миновав деревья, которые перекрывали вид на дом с дороги, она увидела посреди обширной лужайки настоящий фонтан с херувимом, плюющим струйкой изо рта. Надень на него спортивную футболку, и он вполне мог сойти за судью, замершего в центре идеального поля для мини-

футбола. В воздухе висел сладкий запах свежескошенной травы. Когда они почти добрались до конца подъездной дорожки, упиравшейся в большую застекленную веранду перед домом, Бриджит вдруг пронзила тревожная мысль. Она остановила Пола, положив руку ему на плечо, наклонилась и проговорила как можно непринужденнее:

— Только не говори, что мы собираемся туда... — Бриджит поджала губы и дернула головой, посчитав, что этот жест скажет больше слов. — Ну, ты понял...

Пол вопросительно поднял брови.

— Нет, не понял.

Бриджит придвинулась еще ближе, тревожно поглядывая по сторонам:

— ...вломиться...

Пол наклонился и преувеличенно заговорщицки прошептал:

— Только если не работает звонок.

Бриджит смущенно отстранилась. Пол покачал головой в притворном негодовании.

— Вот честно, за кого ты меня принимаешь?

Бриджит залилась краской.

— Да я просто... ну...

Пол прошел вперед и нажал на кнопку звонка. Его сочный колокольный звук вполне подходил для такого грандиозного на вид недвижимого имущества. Откуда-то из глубин дома немедленно донесся надменный женский голос:

— Никакого, млять, покоя!

Бриджит испуганно взглянула на Пола, но тот ответил ободряющей улыбкой:

— Это дом Дороти — одной милой старушки. Она хоть и ругается как солдафон, но из вежливости старается смягчать нехорошие слова.

— Понятно.

Немного помолчав, Пол добавил:

— Она думает, что я ее внук.

— Что?!

Но прежде чем Бриджит успела что-нибудь добавить, внутренняя дверь отворилась и на пороге предстала маленькая женщина лет восьмидесяти. Ее седые волосы были собраны в аккуратный пучок, а поверх джемпера и широких брюк она накинула домашний халат в цветочек. На шее на цепочке висели очки

в толстой роговой оправе. Хрупкий внешний вид слегка диссонировал с колючими голубыми глазами. В них светилась свирепая сила, которая заставляет любого, пойманного в ловушку ее взгляда, чувствовать себя мелким лесным зверьком, случайно застигнутым на полянке. Бросив на Пола всего один взгляд, она резко обернулась и крикнула куда-то в коридор позади себя:

— Пан Ли, вынеси гребаные баки, деточка!

— Привет, Дороти! — крикнул Пол, чтобы его расслышали через закрытую стеклянную дверь. — Завтра не день сбора мусора. Сегодня пятница!

Дороти обернулась и посмотрела на него скорее раздосадованно, нежели сконфуженно.

— Но ты же навещаешь меня по понедельникам, Грегори.

— Обычно да.

— Хм-м, это объясняет, почему Пан Ли уже ушла. Наверное, не захотела видеть этого ужасного человека. Итак, почему ты здесь? — спросила Дороти уже без злости.

— Разве внук не может захотеть провести любимую бабушку?

— Ты решил провести вечер пятницы с бабушкой? Так и знала, что ты гей!

— Я не гей.

— Либераче[57] так же говорил.

— Как и многие другие, которые не были геями, Дороти.

— Я, в общем-то, не против. В наше время многие молодые люди балуются под хвост. Желаю удачи! Только не становись танцором, они очень противные, — Дороти оглядела Пола с ног до головы, словно впервые увидев. — Господи, мальчик, что ты с собой сделал?

Пол осторожно поднял перевязанную правую руку.

— Ничего серьезного, бабушка. Всего лишь потянул мышцу в спортзале.

— Вообще-то я имела в виду свитер. Но и это тоже, да.

— Кстати, — сказал Пол, — хочу познакомить тебя со своей подругой...

Пола прервала стеклянная дверь, открывшаяся наружу, и мимо него протиснулась Дороти — причем гораздо бодрее, чем можно было ожидать от женщины в ее возрасте. Старушка встала прямо перед Бриджит, ощутившей некоторый дискомфорт. Дороти надела очки и посмотрела на нее снизу вверх. Толстые линзы увеличили глаза пожилой леди до размеров двух обвиняющих крышек от кастрюль. Согбенная поза отняла у Дороти часть роста, превратив ее в полутораметровый вопросительный знак. Близкий свет этих голубых глаз напомнил Бриджит тот единственный случай, когда она посещала солярий.

— Как тебя зовут, юная леди?

— Э-э-э, — протянула Бриджит, не зная, что ответить, и растерянно посмотрела на Пола.

— Говори сама, деточка, не надо на него глядеть. Ты ведь помнишь свое имя, не так ли?

— Да, — ответила Бриджит, — я Бриджит Конрой. Приятно познакомиться, миссис, э-э...

Она запнулась, поняв, что ей недостает знания многих деталей.

— Бабушка, она... — попытался вмешаться Пол.

Дороти остановила его поднятием руки, не сводя глаз с Бриджит.

— Ты беременна?

— Господи, нет!

— Мечтаешь выйти замуж ради денег?

Бриджит застали врасплох, но она быстро взяла себя в руки.

— Абсолютно не желаю. У меня есть работа. Я не собственность, которую можно купить или продать.

Дороти поизучала ее еще немного, затем взглянула на Пола, потом вновь посмотрела на Бриджит.

— Она мне нравится, — наконец объявила она. — Есть в ней порох. Но этого мало. Что происходит вот тут?

Дороти помахала пальцем туда-сюда между Полом и Бриджит.

— Мы просто друзья, бабушка, — ответил Пол.

— Да брось! — отмахнулась Дороти. — Никогда не поверю. Или ты действительно гей?

Она испытующе посмотрела на Пола.

— Ну хорошо, подловила. Тебя не проведешь! — рассмеялся Пол.

— Оставь этот снисходительный тон. Хотя... возможно, юная леди лесбиянка?

— Я не лесбиянка, — сухо ответила Бриджит.

— Ничего страшного, если даже так, — утешила Дороти. — Дженни Кларк была лесбиянкой, но при этом опуенно крутой. Это очень толковые девушки. По моему опыту, никто не справляется со сложными ситуациями лучше, чем они.

— Возможно, это оттого, что им не надо корчить из себя дурочек, чтобы понравиться мужчинам, — предположила Бриджит.

— Хм-м, — задумалась Дороти, — интересная теория.

— Ну хорошо, — вмешался Пол. — Ты позволишь нам...

Дороти повернулась на звук хлопнувшей автомобильной двери.

— Бримсон, это ты?

Сквозь щель в живой изгороди Бриджит увидела, как сосед, находившийся метрах в двадцати от них, замер на своей подъездной дорожке подобно кролику в свете фар. Дороти, должно быть, ориентировалась только по звуку, но слух у нее был явно не хуже, чем у летучей мыши. Испуганное выражение лица мужчины отчетливо указывало на то, что она правильно угадала его личность.

— Да, миссис Грэхем. Добрый вечер.

— Не вижу в нем ничего доброго! Если твой гребаный кот еще раз насерет на мою лужайку, то я застрелю эту мелкую гадину на фуй!

Мистер Бримсон, кажется, хотел дать дипломатичный ответ, но резко передумал, когда Дороти достала из кармана халата пистолет и принялась им размахивать.

— Уж я всажу в него пулю, вот увидишь! — прокричала Дороти, затем, придвинувшись к Бриджит, доверительным шепотом добавила: — Я смотрю «Прослушку». Конечно, ни хрена не понятно, о чем там говорят, но сериал тем не менее чудесный!

На вид пистолет был довольно старым, но Бриджит вполне разделяла опасения мистера Бримсона. В конце концов, если оружие старое, то это вовсе не означает, что из него не убивали людей. Не все жертвы Первой мировой войны пали от холода. Бриджит с тревогой посмотрела на Пола, но тот только поднял руки в успокоительном жесте. Бримсон попытался юркнуть в дверь своего дома так проворно, что отскочил от нее как мячик — дрожащая рука не смогла с первого раза попасть ключом в замок.

— Бабушка, — сказал Пол, — ты не собираешься нас пригласить?

— Да-да, конечно, — ответила она. — Идемте в дом.

Дороти повернулась и пошла внутрь.

Пол шагнул на веранду. Бриджит последовала за ним, но только для того, чтобы схватить за руку и резко развернуть.

— Эй, полегче! — возмутился Пол.

— Какого черта ты творишь? — прошипела Бриджит. — Ты что, обманываешь эту добрую пожилую леди?

— Добрую? — улыбнулся Пол. — Ты видела, какой у нее пистолет?

— Это не... Она правда думает, что ты ее внук?

— Ну да. Я навещаю ее каждый понедельник уже два года.

Бриджит посмотрела на него с ужасом.

— Но...

— Ты что, забыла, как мы познакомились? — перебил Пол.

— Да, но это совсем другое. Я имею в виду... приходить к кому-то в дом.

— Я начал навещать ее, когда она лежала в больнице. Так мы и поладили...

— Но...

— И между прочим, я совершенно уверен, что все ее пистолеты выведены из строя, так что не волнуйся. Это просто показуха.

— Все?

В дверях показалась голова Дороти.

— Эй, вы собираетесь входить или нет? — она окинула обоих взглядом, и ее глаза загорелись. — Или вы выясняли любовные отношения? Я угадала?

— Нет, — хором ответили Пол и Бриджит.

— Не хотите говорить — не надо. Входите скорее, не выпускайте тепло наружу. Я, к вашему сведению, деньги не печатаю.

Она помахала им пистолетом с самым дружелюбным видом, с каким только можно махать пистолетом. Ведь это всего лишь зажатый в руке предмет.

Пол быстро вошел, Бриджит последовала за ним, и Дороти плотно закрыла дверь.

Инстинктивно Бриджит пригнулась, как только оказалась в холле. В доме были высокие потолки, но «восхитительное ощущение пространства», как говорят ведущие телешоу о недвижимости, оказалось слегка испорчено пикирующим сверху орлом. Приглядевшись, Бриджит поняла, что раскрывшая клюв птица навсегда застыла в атакующей позе, поскольку была подвешена на проволочках к потолку. Бриджит оглядела холл. Десятки пар мертвых глаз злобно уставились на нее в ответ. Возникло ощущение, будто кто-то застрелил и выставил на обозрение тушки всех диких обитателей целого леса.

Дороти остановилась и взглянула на Бриджит, прежде чем рассеянно махнуть пистолетом за плечо.

— О, простите за все эти смерти. Мой муж был гребаным фанатиком, упокой, Господи, его душу. Не существовало зверя, которого он не мечтал бы убить. Я посчитала, что будет уместным сделать из его тела чучело и тоже

выставить в холл, но на этот счет, видимо, существуют какие-то правила. Хотите чаю?

Глава тридцать третья

— Доброе утро, засоня, — сказал детектив-инспектор Джимми Стюарт.

Уилсон опасливо оглядел индивидуальную больничную палату, в которую его положили, затем сфокусировал взгляд на лице Стюарта и стал, щурясь, его рассматривать.

— Кто вы такой? — слабо спросил он.

— Я... хм-м... Ты получил удар по кумполу... В смысле, я хотел сказать, по голове и... э-э...

О боже! Стюарт уставился в пол, пытаясь собраться с мыслями. Когда он вновь взглянул на Уилсона, тот ему улыбался.

— Ах ты гаденыш!

Уилсон рассмеялся и в ту же секунду приложил руку к повязке на затылке.

— Ой, — сказал он. — От смеха голове больно.

— Так тебе и надо, — ответил Стюарт. — Я принес тебе немного винограда.

— Как чудесно.

— Правда, я его уже съел, поскольку ты спал и мне стало скучно.

— Ну и правильно. Ведь главное — это внимание?

— Как ты вообще себя чувствуешь?

— Да как-то... не очень. Я же немного облажался.

— Не пори чушь. Ты спас жизни двух невинных людей, не говоря уже о моей. Кому какое дело до остального?

Это было не совсем верно. Однажды Стюарт осматривал место преступления вместе с помощницей судмедэксперта, и та жизнерадостно рассказывала ему, как гарды блевали над ее трупами. Рассказывала так, будто это ужасно смешно.

— Ну... — протянул Уилсон, слегка покраснев под повязкой, облекавшей голову.

— Не надо скромничать, — сказал Стюарт, — тебе это не идет. Кстати! Ты что, проходил спецподготовку по стрельбе? Потому что это был чертовски невероятный выстрел.

— Вообще-то нет. Если честно, на стрельбах в Темплморе я в лучшем случае всегда был середнячком.

— Да ну?

Уилсон кивнул. Почему-то мысль о том, что меткий выстрел стал случайностью, одновременно и успокаивала, и нервировала. С одной стороны, теперь ясно, что Уилсон не Робокон. Но с другой, Стюарту повезло даже больше, чем ему казалось. Несмотря на медальон Святого Михаила, он не посещал мессу уже лет двадцать. Возможно, пришло время восполнить это упущение. Не то чтобы ему не нравилась идея существования Бога — просто до сего дня он не видел этому доказательств.

Но одно дело — концепция наличия небесного существа, и совсем другое — мысль о том, что именно Уилсон стал его ангелом-хранителем.

— С Конрой и Малкроуном все в порядке? — спросил Уилсон.

— В машине были не они.

— А кто же тогда?

— Парочка влюбленных: Дункан Маклафлин и Кили Миллс.

— Кто это, блядь, такие?

— Хороший вопрос. Но я знаю только то, что у них был телефон Конрой. Они оба сейчас здесь — в палатах дальше по коридору.

Уилсон нахмурился.

— А их...

— Подстрелили? — уточнил Стюарт. — Нет. Причем исключительно благодаря тебе. Она испытала сильнейший шок, а он...

Кажется, Уилсон его не слушал, пытаясь собраться с мыслями.

— Так, погоди! Я понимаю, что треснул голову, но откуда у них телефон Конрой?

— Я не знаю и не могу у них спросить. — Стюарт поколебался, решая, стоит ли говорить парню всю правду. — Меня отстранили.

— Что?!

— Я определил местоположение телефона, не следуя утвержденному регламенту. «Это неуважение к правам граждан», как выразился детектив-инспектор Кернс.

— Но если бы вы этого не сделали, они были бы мертвы.

— Кончай уже выкать! Да, я пытался им втолковать... Смотри-ка, впервые за сорок один год я что-то нарушил, и меня тут же поймали. Что ж, по крайней мере я теперь знаю, что никогда не смог бы стать «грязным копом».

— Черт знает что! Давайте уже узнаем, для чего им понадобился этот чертов телефон.

— На ты, я сказал.

Уилсон попытался выбраться из больничной кровати, в которую, как выяснилось, его довольно плотно упаковали.

Стюарт встал.

— Эй, полегче, Грязный Гарри. Допрашивать их сейчас нельзя даже тебе.

— Что? Меня тоже отстранили?

— Успокойся, нет. Ты в обязательном оплачиваемом отпуске из-за всей этой истории с «выстрелом убийце в лицо», не говоря уже о ранении при исполнении служебных обязанностей. Кстати, теперь ты претендуешь на медаль. Я четко дал понять, что в парке ты был исключительно по моему приказу. Но я действовал совершенно один, когда врывался в телефонную компанию, в этот-как-его-там...

— В дата-центр?

— Ага, что-то в этом роде.

— Интересные дела. Впечатлен, насколько быстро ты превратился в хакера. А ведь еще вчера не знал, как вставлять бумагу в принтер!

— Ну, я почитал статейку на одной из этих штук.

— Ты про веб-сайты?

— Точно!

— Значит, после того что мы пережили, нам нельзя поговорить с единственной нашей зацепкой?

— Не волнуйся, — ответил Стюарт, улыбнувшись Уилсону. — На такой случай у меня есть отличный специалист.

В палате воцарилось неловкое молчание.

— Послушай, — заговорил Стюарт, пытаясь подобрать нужные слова. Он не очень хорошо умел извиняться, поскольку старался жить так, чтобы извиняться не приходилось. — Ты вроде как спас мою...

— Забудем! — перебил Уилсон.

— Нет, — ответил Стюарт. — Это будет нечестно. Откровенно говоря, я обращался с тобой как полный мудак и...

Дверь вдруг открылась, и в палату вошел доктор Синха — к огромному облегчению обоих мужчин.

— А вот и добрый доктор! — воскликнул Стюарт, после чего указал на Уилсона. — Пациент проснулся.

— Я вижу, — ответил Синха. — Детектив Уилсон, как вы себя чувствуете?

— Прекрасно.

— Супер. Как я уже сказал вам в приемном покое, у вас небольшое сотрясение мозга и пара швов, наложенных на незначительную рану головы. Ничего серьезного. Мы просто оставим вас на ночь для наблюдения.

— Окей, — ответил Уилсон.

— А теперь о мистере Маклафлине, — продолжил доктор Синха.

— Отлично, — сказал Стюарт. — Вы его опросили?

— Опросил.

Уилсон посмотрел на Стюарта. Стюарт пожал плечами.

— Ну? Я же говорил, у меня есть отличный специалист.

— Он сказал... — Синха выхватил блокнот. — Я даже записал, чтобы получилась точная цитата.

— Отличная мысль, — похвалил Стюарт.

Синха встревоженно переводил взгляд с одного мужчины на другого.

— А у меня точно не будет из-за этого неприятностей?

Стюарт и Уилсон хором заверили доктора, что это абсолютно исключено.

И все же лучше, чтобы об этом никто не знал, подумал Стюарт.

— Он сказал, — продолжил доктор Синха, — «Бриджит Конрой? Какого ху...», — Синха смутился. — Хм... Здесь довольно много специфического языка. Возможно, будет лучше, если вы сами...

Синха протянул блокнот Стюарту.

— Так, — сказал Стюарт, взяв блокнот и пробежавшись взглядом по странице, — кажется, я понимаю, о чем вы.

— Кхм, — многозначительно кашлянул Уилсон.

Стюарт поднял глаза.

— Прости. Что ж, если перевести на более цензурный язык: мистер Маклафлин утверждает, что сегодня утром случайно встретил свою бывшую невесту мисс Конрой на улице с каким-то... виндсерфером. Полагаю, это и был наш юный Малкроун. И... скажем так... когда он встретит его в следующий раз, их общение уже не будет таким дружелюбным.

— И они отдали ему ее телефон?

— Не-а, — ответил Стюарт. — Думаю, они подбросили его в пакет.

— Не судите мистера Маклафлина строго, — сказал доктор Синха. — Он испытал вполне понятный шок из-за своей... раны.

— Какой раны? — не понял Уилсон. — В него же не попали.

Доктор Синха взглянул на Стюарта, но тот пожал плечами.

— Не смотрите на меня. Вы здесь доктор.

— Ну-у, — протянул доктор Синха, пытаясь выиграть время. — Полагаю, вы знаете «Мир глазами Гарпа»?

Стюарт рассмеялся.

— Поверьте, доктор, вы зря теряете время, пытаясь делать отсылки к фильму.

— Вообще-то, — произнес Уилсон, — я читал книгу[58].

— О, — только и ответил Стюарт, который, к стыду своему, даже не подозревал, что существует книга.

— Да, — сказал доктор Синха. — Ну, если книга похожа на фильм...

— В котором сыграл Робин Уильямс, упокой, Господи, его душу, — вставил Стюарт и тут же почувствовал себя глупо из-за очевидно нелепой попытки вернуть утраченные культурные позиции.

— Да, — вновь сказал доктор Синха. — Чудесный актер. Я всегда был большим поклонником Патча Адамса[59].

Стюарт скривился. Возможно, доктор Синха и спасал человеческие жизни, но всему же есть предел!

— Алё! — вмешался Уилсон. — Может, вернемся к этому парню Маклафлину, если вы не против?

— Ладно... Что ж, — кивнул Синха с таким видом, словно угодил в то, что индусам заменяет ад. — Видите ли... дело в том, что...

— Короче, — вмешался Стюарт, испытывавший как жалость к доктору Синхе, так и досаду от затянувшегося разговора. — Эта женщина по фамилии Миллс совершала, хм... нестандартный половой акт с мистером Маклаfliном, когда

началась стрельба. Ну и... оказалось, что она очень нервная. И зубастая, разумеется...

— Ты говоришь о...

Выражение ужаса на лице Уилсона ясно указывало на то, что он отлично понимает, о чем говорит Стюарт, и от всего сердца жалеет, что спросил.

— Да, — сказал доктор Синха. — Хотя я рад сообщить вам, что со временем он полностью восстановит свое здоровье... в области паха.

— Понятно, — сказал Стюарт.

— Хорошо, — сказал Уилсон.

— Да, — сказал доктор Синха.

Трое мужчин задумались каждый о своем, глядя на белую больничную стену.

Вдруг дверь палаты отворилась, и тишину прервала довольно встревоженная медсестра:

— Извините, доктор, требуется ваше срочное присутствие.

— Вообще-то моя смена закончилась тридцать минут назад, Джоанна. Я просто помогаю детективам...

Раздался звук удара чего-то металлического о стену, затем разбилось стекло.

— Это подруга мистера Маклафлина, доктор...

Доктор Синха смутился.

— Но мы же дали ей успокоительное. Она должна была спать до...

Звуки погрома усилились. Кто-то громко закричал.

— Успокоительное вы дали мисс Миллс, а не той женщине, которая только что ворвалась в отделение. Она вполне бодр и пиздец как рассержена.

— О, — растерянно произнес доктор Синха, а затем понимающе: — О-о-о...

Медсестра взглянула на двух полицейских.

— Вам действительно нужна медицинская помощь?

— Не думаю.

— Я тоже.

«Что ж, — подумал Стюарт, — кажется, область паха мистера Маклафлина по-прежнему находится в опасности».

Глава тридцать четвертая

Бриджит откинулась на спинку дивана, вытянула руки и зевнула. Среди всего, что случилось за последние сутки, она перехватила, должно быть, часа четыре беспокойного сна на кушетке в сестринской хосписа Святой Килды, и теперь это казалось произошедшим целую вечность назад. Сейчас, когда выветрился адреналин дневных приключений, тело напомнило ей, до чего она устала. Бриджит всегда думала, что сонливость в десять сорок вечера пятницы – это прерогатива исключительно пожилых женщин. Но теперь она находилась в одной компании с настоящей пожилой женщиной, которая не выказывала ни малейших признаков усталости.

За спиной Бриджит, сидевшей с книгой «Заложница любви» на коленях, в атмосфере добродушной перебранки кипела вторая за вечер партия в «Риск»[60]. Она успела поучаствовать в обеих партиях, хотя и не очень долго. Поскольку Бриджит с детства не играла в «Риск», пришлось потратить некоторое время на то, чтобы вспомнить правила, прежде чем они приступили. В первой игре ей казалось, что дела идут довольно неплохо, пока Дороти не обменяла свои карточки территорий на несколько дополнительных армий и не смела ее с доски одним яростным кровавым ударом. Дороти была явно не из тех, кто склонен проявлять снисхождение к неопытным в игре девушкам. Затем она принялась методично уничтожать Пола, испытывая огромное удовольствие от насмешек над ним за то, что он по-дурацки вторгся на Восток зимой. Во второй партии Бриджит постаралась играть «по-серьезному» – и в итоге проиграла быстрее. Тогда она извинилась и ушла на диван читать ту книгу, «которую уже начала», в то время как остальные остались сражаться до последней капли крови.

Несмотря на то что она не обсудила это с Полом, ей казалось совершенно очевидным, что Дороти не стоит посвящать в те неприятности, которые на них обрушились. По мнению старушки, Пол был ее внуком и они приехали к ней со светским визитом. Чтобы визит превратился в ночевку, Пол выдвинул весьма неубедительно прозвучавший тезис о том, что в его квартире идет ремонт. Дороти лишь небрежно пожала плечами: спален в ее доме было хоть отбавляй. Вероятно, Бриджит чувствовала бы себя хуже оттого, что ее втянули в мошенничество, если бы здесь хоть кто-то выглядел как жертва.

Бриджит дважды читала «Заложницу...», но теперь испытывала от этой книги совсем другие чувства. Внезапно со страниц стало бить живой реальностью. Эти люди с фотографий были настоящими, и сейчас они стали частью ее жизни. А один из них, очевидно, пытался ее убить. Она листала страницы туда-сюда, освежая в памяти некоторые подробности романа, но все время возвращалась к фотографиям. Вот Сара-Джейн Крэнстон, хорошенькая юная девушка, выросшая под пятой властных родителей и проданная в брак без любви. Вот Фиахра Фэллон – молодой человек с шалыми глазами и улыбкой кинозвезды. Возможно, и он в свое время находился под пятой и был обречен стать преступником по воле старшего брата, заменившего ему отца. Двое злосчастных влюбленных

увидели друг в друге родственные души. Они сбросили сковывавшие их цепи и обрели наконец свое счастье. Бриджит гордилась своим циничным взглядом на жизнь, но надо быть совершенно каменной, чтобы оставаться равнодушной к этой истории.

Затем она вновь посмотрела на фотографию молодого Герри Фэллона. Теперь ей казалось, что его глаза светятся пронзающей душу злобой. Неужели он действительно приказал убить невинную молодую женщину только за то, что ее отец был его старым знакомым? Неужто вслед за этим он велел разнести на куски человека, которого никогда даже не встречал? Причем по причинам, неизвестным даже жертве. Какой во всем этом смысл?

Ее размышления были прерваны восторженным возгласом восьмидесятилетней дамы. Бриджит повернулась и не смогла удержаться от смеха, когда Дороти стала исполнять далеко не степенный победный танец вокруг стола. Недовольная гримаса Пола делала сцену еще смешнее. Игры этой парочки давно вышли за рамки простого времяпрепровождения. Бриджит видела так называемый «Блокнот» – предмет, имевший для обоих почти религиозное значение. В нем было перечислено все, во что они сражались в игровые вечера, и отмечен текущий счет в их бесконечной битве. Дороти решительно доминировала в крестословице и «Риске»; Пол побеждал в основном в «Джин Рамми»[61]. Другие страницы блокнота были посвящены «Клудо»[62], «Монополии» и шашкам, но они явно не входили в число любимых. Похоже, Дороти больше всего нравился «Риск».

Она перестала танцевать и облокотилась о стол напротив Пола.

– Не переживай, Грегори, – радостно выдохнула Дороти. – Или, как говорят твои сверстники, «забей»!

Слезы потекли по лицу Бриджит, когда неумная старушка пошла на второй круг победы, возвращаясь к своему месту в ритме танца. Не выдержав, рассмеялся даже Пол.

Закончив плясать, Дороти плюхнулась в кресло и огляделась.

– Что ж, пора в постельку. В моем возрасте больше двух мировых войн за вечер не вытянуть. Грегори, разрешаю тебе прибрать поле моей победы. Бриджит, дорогая, ты не могла бы мне помочь с посудой?

– Конечно! – Бриджит немедленно вскочила на ноги, желая показать себя хорошей гостьей.

Стол перед ней был завален остатками их импровизированной трапезы. Бриджит осознала, насколько проголодалась, только когда начала есть. С утра она не съела ничего, кроме помятого банана в сестринской. Среди хаоса прожитого дня базовые потребности отошли на второй план. Еда у Дороти в основном состояла из сладких пирожков, миндального печенья, «Джемми Доджерс»[63] и яффских пирожных[64]. Кроме этого, Пол, явно знакомый с холодильником Дороти, приготовил для себя и Бриджит бутерброды с жареной говядиной. Все это странным образом напомнило Бриджит пиры, которыми наслаждалась «Знаменитая пятерка»[65]. В свое время она проглотила все эти книги за одно лето. Вероятно, они и положили начало ее одержимости детективами. Единственное, чего не хватало на вечернем пиру у Дороти, – это

«разливанного моря» имбирного лимонада, что бы ни означало это словосочетание. Но вместо него на столе стояла «добрая бутылка» белого вина – уже, естественно, опустевшая.

Бриджит собрала тарелки и стаканы на поднос и понесла их на кухню. Взяв пустую бутылку, Дороти последовала за ней.

– Просто засунь все в машину, дорогая.

– В посудомоечную?

– Именно.

– Хорошо, – ответила Бриджит и стала оглядывать большую кухню, искусно спроектированную так, чтобы сохранить старинную атмосферу дома и в то же время скрытно наполнить его, без сомнения, всеми современными удобствами.

– Хм... А где она?

Дороти посмотрела на шкафы так, словно увидела их впервые.

– Где-то здесь, полагаю.

Обнаружив машину с третьей попытки, Бриджит принялась ее загружать.

– Итак, как я вижу, в душе вы деспот, одержимый стремлением к мировому господству?

– Это у меня в крови, – ответила Дороти. – Вероятно, где-то в ветвях моего генеалогического древа спрятался немец.

Бриджит рассмеялась.

– А Пол определенно не любит проигрывать.

Как только слова слетели с губ, Бриджит почти услышала, как они тяжело рухнули на пол. Дура, дура, дура! Подняв голову, она наткнулась на взгляд Дороти. Как всегда настороженные ястребиные глаза смотрели на нее очень внимательно. В душе Бриджит зашевелилось смутное подозрение, что эта женщина никогда и ничего не упустила за всю свою жизнь.

– Э-э-э, в смысле, Грегори... я хотела сказать, – пробормотала Бриджит, опустив глаза в землю и отчаянно желая, чтобы она разверзлась и поглотила ее прямо сейчас.

Дороти бесшумно пересекла кухню и плотно закрыла дверь. Робко подняв глаза, Бриджит с удивлением увидела спокойную доброжелательную улыбку на лице старушки.

– Все в порядке, дорогая, – сказала Дороти, значительно смягчив свой обычно резкий тон. – Видишь ли, у моего внука, в отличие от сына-идиота, есть одна отличительная черта: он мудак. А джентльмен, который в настоящую минуту собирает «Риск» в коробку, совсем не таков.

— В этот раз вы не стали смягчать слова, — заметила Бриджит.

— Потому что я не считаю необходимым проявлять вежливость, когда речь заходит о моем внуке. В идеале я хотела бы вспоминать о нем так же редко, как он, без сомнения, вспоминает обо мне.

— Но... — пробормотала Бриджит, — как давно вы поняли?

— О, очень давно. Наверное, с той минуты, когда с ним познакомилась, — ответила Дороти.

— Но, если вы все знаете, почему бы просто не сказать...

Бриджит махнула головой в сторону двери в гостиную, где сидел Пол.

— Теперь это было бы неловко. Да и зачем разрушать счастливую гармонию? Должна признаться, я каждый раз с нетерпением жду его визитов.

— И вас это действительно не беспокоит?

— Что именно, дорогая?

— Присутствие в доме незнакомца.

— Какая чепуха! Необязательно быть знакомым с кем-то по имени, чтобы знать его на самом деле. В нем добрая душа, которая, за исключением одной большой лжи, во всем остальном честна как день. Знаешь, почему я постоянно выигрываю в «Риск»?

Бриджит покачала головой, сбита с толку таким резким переходом.

— Потому что он, — ответила Дороти, указав на дверь, — постоянно стремится взять под контроль Австралию. Это самый легкий континент для обороны. Словно некий странный внутренний голосок внушает ему тоску по собственному убежищу — какому-то маленькому месту, которое он хотел бы назвать своим.

Дороти сняла очки, позволив им болтаться на цепочке на груди. Затем стала смотреть в окно, наблюдая за далеким огоньком самолета, ненадолго вынырнувшим из облаков.

— Я попросила кое-кого собрать о нем информацию. Я... узнала совсем немного, а потом отменила заказ. Мне показалось навязчивым заглядывать в его жизнь, когда его нет рядом. Это странно, да?

Бриджит провела рукой по своей шее.

— Нет, пожалуй.

— Ты знаешь, что такое настоящее одиночество? Я имею в виду одиночество как непрерывное состояние? Когда жизнь стала бы абсолютно пустой, если бы не чье-то редкое в ней присутствие.

— Не знаю, — ответила Бриджит. — Это... должно быть, очень тяжело для вас.

Повернувшись, Дороти грустно улыбнулась, отчего стала выглядеть намного старше.

— О, моя дорогая, ты неправильно меня поняла. Я говорила не о себе.

Дороти коротко взглянула на дверь, после чего повернулась и поправила на стойке пару предметов, которые совсем не нужно было поправлять.

Через несколько долгих мгновений она заговорила вновь, и в ее голосе прорезались прежние резкие нотки:

— Итак, — сказала она, — в какие неприятности угодил Грегор?

Несмотря на сказанное, он по-прежнему оставался Грегором. Бриджит не знала, как ответить на этот вопрос.

— Хм-м... с ним все в порядке.

Дороти повернулась и снова надела очки.

— Прошу тебя, дорогая, хотя бы ты мне не «чеши», а то отправишься спать в собачью конуру. Грегори не ходит в спортзал, и у меня хватает медицинских знаний, чтобы понять: под этим ужасным свитером не мышечное растяжение, а самая настоящая рана. Не говоря уже о том, что он свалился как снег на голову. Наверняка где-то что-то пошло не так. Итак, повторяю: насколько серьезные у него неприятности?

— Ну... достаточно.

— Ты сможешь ему помочь?

— Надеюсь.

— Прекрасно. Не буду дальше выпытывать. Доверюсь твоему здравому смыслу. Но обязательно обратись ко мне, если вам что-нибудь понадобится. Мне очень не хотелось бы вступать в один из этих скучных бридж-клубов для стариков.

— Спасибо, — проговорила Бриджит.

— В ванной под раковиной имеется аптечка. А на третьем этаже гардеробная, в которой до сих пор хранятся некоторые вещи моего дорогого покойного Джейкоба. Подбери что-нибудь для Грегора, а то я прямо чувствую, как его свитер пагубно влияет на стоимость моей недвижимости. И самое главное... — протянув руку, Дороти достала с полки еще одну бутылку вина. — Возьми с собой это.

Дороти протянула Бриджит бутылку, а левой рукой вдруг нежно прикоснулась к ее лицу. Затем повернулась и направилась к другой двери кухни — не к той, которая вела в гостиную.

— Спасибо, — проговорила Бриджит.

— Ты уже сказала, дорогая. Не стоит повторяться — это признак слабого ума. Грегори знает, где комнаты для гостей. Наслаждайтесь обезьянами.

Бриджит увидела, как Дороти закрыла за собой дверь.

— Погодите... Какими еще обезьянами?

Глава тридцать пятая

Пол осторожно опустил иглу на пластинку и прикрыл глаза, когда гитарное вступление к песне «Ты сказала мне» мягко закружилось по комнате. К гитаре присоединилось банджо, зазвучал рваный ритм барабанов. С большой осторожностью Пол закрыл крышкой старый, но прекрасно сохранившийся проигрыватель Дороти. Затем быстро пошуровал кочергой в камине, подбросил еще одно полено и вернулся на свое место на огромном диване. Он чувствовал боль в плече и смертельную усталость. И все же огонь успокаивал, а музыка обнимала, как ласковая любовница.

Перед ним на кофейном столике лежал конверт от пластинки. В то время как три остальных «обезьяны» кривлялись на камеру, стоическое выражение лица Майка Несмита почти умоляло принимать его всерьез. За последние три года, обшарив все магазины подержанных пластинок, Пол сумел найти виниловые оригиналы десяти из одиннадцати студийных альбомов группы The Monkees[66], за исключением Changes, записанного в 1970 году. Его было трудно достать «из вторых рук», потому что мало кто покупал его даже «из первых». На своем пике (если это слово здесь уместно) он поднялся лишь до 152-го места в американских чартах и больше не котиrowался никогда и нигде. Забавно, что, когда дело дошло до крайности, Пол захватил с собой лишь альбом Headquarters. Забудьте о «десяти пластинках, которые вы бы взяли с собой на необитаемый остров». Смерть, постучавшая в вашу дверь, очень быстро сортирует музыкальную коллекцию до самого необходимого. Альбом, который одиннадцать недель Лета любви[67] провисел на втором месте в чартах «Билборда»[68], уступив абсолютную победу лишь «Клубу одиноких сердец сержанта Пеппера», вошел в короткий список предметов роскоши Пола — наряду с зудящими трусами и двумя фотографиями в рамках.

Бриджит вошла в гостиную и села на диван возле него — с бутылкой вина в одной руке и большим ланч-боксом в другой.

— Скидывай одежду, — сказала она.

— Эй-эй, полегче, мисси! Я не знаю, как принято у вас в Литриме, но здесь — в Городе больших труб — ты должна сначала выпить, а потом уже подкатывать с такими предложениями.

Бриджит посмотрела на конверт от пластинки, лежавший на столе.

— Обезьяны, значит? Теперь понятно.

— Чего понятно?

— Неважно.

— Вы с Дороти довольно долго были на кухне. Что вы там обсуждали?

— Да так... девчачье, в основном — тактику в «Риске» и тому подобное. Давай уже, снимай свитер, мне нужно взглянуть на твое плечо.

Пол начал медленно стягивать свитер.

— Ты уверена, что у тебя хватит квалификации?

— Я буду осматривать швы, а не делать операцию на сердце.

Пол бросил свитер на кресло рядом с собой, затем осторожно закатал правый рукав желтой футболки, открыв для осмотра плечо.

Бриджит внимательно его оглядела.

— Через повязку сочится кровь, — сказала она.

Пол демонстративно отвернулся в другую сторону.

— Уверен, что все будет хорошо.

Он стал раскатывать рукав обратно, но Бриджит шлепнула его по пальцам.

— Не валяй дурака! Я должна убедиться, что швы целы.

При упоминании о швах желудок Пола сделал небольшое сальто.

— Что с тобой?

— Ну, я просто... не очень большой фанат крови и всякого такого...

— Хорошо. Давай сделаем так: ты просто откинешься на спинку и закроешь глаза, а я быстренько все осматрю.

— Может, не стоит?

— Хочешь узнать подробности операций, в которых я участвовала во время учебы? Однажды я видела, как удаляли желчный пузырь.

Пол бросил на Бриджит пронзительный взгляд. Она мило улыбнулась ему в ответ.

— Просто дай посмотреть. Я быстро, ты и глазом моргнуть не успеешь.

Пол вздохнул, откинулся назад и закрыл глаза. Бриджит начала медленно разматывать повязку.

— Значит, ты большой фанат The Monkees?

— Типа того.

— Я видела их по телеку. Песня «Эй, эй, мы обезьяны» на этой пластинке?

— Нет.

— А «Верующий в мечты»?

— Нет. Ни одна из самых известных и популярных песен не вошла в этот альбом.

— Господи! Ты что, из этих?

Пол открыл левый глаз и посмотрел на Бриджит.

— Из каких таких «этих»?

— Ну, знаешь... из музыкальных снобов, — голос Бриджит понизился на октаву — до тона опытной меломанки, презирающей условности. — Не скрою, мне очень нравились их ранние демки до того, как они продались и стали полностью коммерческими. У них был один трек, в котором басист лупил в тамбурин. Это было офигенно.

— Нет, я не из этих, — ответил Пол, стараясь не обращать внимания на ощущение свежего воздуха на плече и прикосновения Бриджит к его обнаженной коже. — Для начала, этот альбом вышел после двух других, в которых были те самые известные мелодии.

— Ну да, ну да. На самом деле я фанатка их посткоммерческого периода, когда они делали по-настоящему новаторские вещи, в том числе с волынками, — продолжила Бриджит.

— Ты собираешься и дальше меня мучить?

— Не исключено. Может стать немного больно.

— Мне кажется, ты переоцениваешь разрушительный эффект своего... ой!

«Ой» было вызвано тем, что Бриджит протерла рану.

— Ах да, ты имела в виду это. Не очень-то у тебя получается предупреждать.

— Расслабься, слабачок, — ответила Бриджит. — Или я расскажу тебе об инфекциях, которые ты можешь подцепить.

— Ладно, ладно! — сказал Пол, вновь откинувшись и закрыв глаза.

— И зачем тогда нужен этот альбом? — спросила Бриджит.

— Ну, знаешь, как журналисты иногда пишут о великих моментах в истории музыки: Дилан опустился до электрогитары, The Beatles потерялись на крыше в Эбби Роуд...

— Сиська Джанет Джексон солировала на Суперкубке...

— Точно! Ты, наверное, слышала, что The Monkees стали первой в мире искусственно созданной группой-имитацией?

— Серьезно?

— Да-да, их собрали вместе для съемок в телесериале. Но в итоге это переросло в нечто большее. В 1967 году они продавались лучше The Beatles и The Rolling Stones — причем вместе взятых, заметь!

— Круто, — ответила Бриджит без особого энтузиазма.

— А потом Майк Несмит, — продолжил Пол, — это тот, который в шляпе...

— Мне всегда больше нравился барабанщик.

— Всем нравился барабанщик, — сказал Пол. — Но... Несмит совершил нечто поистине удивительное. Он убедил остальных троих уволить сессионных музыкантов и авторов песен. Потом они отправились в студию и для своего третьего альбома впервые попытались сделать всё сами. По сути, они решили создать настоящую группу из фальшивой, которой уже являлись.

— И что, получилось?

— Ну, в целом да, — ответил Пол. — Конечно, на альбоме нет песен уровня «Верующий в мечты» или «Последний поезд до Кларксвилла», но...

— Но?

— Ты не понимаешь? Они приняли ложь о том, кем являлись, и стали реальными.

— Ясно, — ответила Бриджит. — Они стали настоящими артистами. Спасли свои души и стали двигаться дальше — к признанию критиков.

— Не совсем так. На самом деле в долгосрочной перспективе это привело к катастрофе. Критики по-прежнему их ненавидели, а яркие песни, которые интересуют радио, у них больше не получались. Они даже пытались продать свои души заново — после того, как поняли, что убили золотого тельца.

— Гусыню, — поправила Бриджит, приступив к перевязке плеча Пола.

— В смысле?

— Нельзя убить золотого тельца, это статуя. Но золотая гусыня несла золотые яйца, и ее убить, конечно, можно. Только имей в виду — откладывание золотых яиц наверняка творило ужасные вещи с ее пищеварительной системой.

— Тебе видней, — сказал Пол. — Дело в том, что этот альбом запечатлел важный момент. Эти четверо парней сделали всё возможное, чтобы доказать, что они действительно кое-что значат. Наверное... не знаю... мне просто нравится эта идея. Понимаешь?

Пол открыл глаза и взглянул на Бриджит.

— Ну да. Наверное, понимаю.

Они слишком долго смотрели друг другу в глаза, прежде чем смущенно отвести взгляды.

Пол опустил глаза на книгу, все еще лежавшую у него на коленях.

— Кое-что другое мне совершенно непонятно...

— Неувядающая популярность Simply Red?[69]

— Нет... Хотя и это тоже, — ответил Пол. — Я о том, что... Почему нас пытаются убить?

— Вопрос на двести миллионов евро, — сказала Бриджит, отрывая кусочек липкой ленты от рулона и накладывая его на конец свежей повязки. — Все, закончила. Ради бога, надень что-нибудь. Твои жуткие соски сводят меня с ума.

Пол посмотрел вниз.

— А что не так с моими сосками?

— Они как глаза у Моны Лизы — следят за мной повсюду.

Бриджит откинулась на спинку дивана и, пока Пол одевался, принялась ввинчивать штопор в бутылку красного вина.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала она. — Мы были так заняты бегом, что у нас не оставалось времени подумать. Что Макнейр мог сказать тебе такого, что это напугало Герри Фэллона?

Пол взял свитер и отложил в сторону. В комнате и так было жарко от тепла, исходящего от камина.

— Я все время прокручиваю в голове его слова. Он много говорил о смерти.

— Ничего удивительного, — ответила Бриджит, вытаскивая пробку из бутылки.

— Фил сказал, что у Герри Фэллона есть сын, — продолжил Пол, пока Бриджит без спроса наполняла два бокала. — Макнейр говорил, что я немного похож на отца и дядю. Наверное, он принял меня за Герри Фэллона — младшего.

— Которого, — подхватила Бриджит, — он был явно не рад видеть.

— Думаю, он считал, что они его убьют, если нашли.

— Судя по тому, что случилось потом, он был не так уж и неправ. Твое здоровье!

Бриджит отсалютовала бокалом, прежде чем поднести его к губам.

— Он все время твердил мне, что ничего не скажет. Практически умолял.

— Итак, вопрос: что такое знал Макнейр, о чем обещал молчать?

— Больше всего меня бесит, — ответил Пол, — что он так ничего и не сказал. Быть убитым за то, чего не знаешь, наверное, самый говенный способ уйти из жизни.

— Но что же это могло быть? — вновь спросила Бриджит.

Она поджала под себя ноги и стала глядеть на пляшущие языки пламени.

— Возможно, он бы мог обвинить Фэллона в похищении, — сказал Пол.

— Это да, — кивнула Бриджит. — Именно. Он мог бы. Но даже если бы он рассказал тебе все, что знает, и об убийце Джона Кеннеди в придачу, то с юридической точки зрения это не имело бы значения. Это показания с чужих слов или просто слухи. Они не могут служить доказательством в суде. Я понимаю, почему Фэллон хотел смерти Макнейра, но это не объясняет попытку убить тебя и, следовательно, меня. Мертвецы не рассказывают сказок.

Бриджит взяла и протянула Полу второй бокал, который стоял на столе нетронутым. Очевидно, сестра Конрой не любила пить в одиночестве.

— Может, он решил отомстить мне, поскольку решил, что я убил Макнейра ради кого-то другого? — предположил Пол.

— Вряд ли, — возразила Бриджит. — Это не объясняет, почему бедная дочь Макнейра — упокой, Господь, ее душу — тоже попала в этот список.

Пол заставил себя о ней не думать. Лишь сейчас до него дошло, что молодая женщина, которую он никогда не видел, лишилась жизни только из-за того, что чуть более суток назад случилось между ним и ее отцом. Придется добавить это к постоянно множасьщимся вещам, к которым он не знал, как относиться.

— Макнейр, — сказала Бриджит, — не умер, как описано в книге. Если он сбежал с нашими Ромео и Джульеттой, то, возможно, знал, где они находятся?

— Возможно, — ответил Пол. — Но зачем его убивать? Чтобы скрыть их местонахождение?

Бриджит поставила пустой бокал на столик перед собой и взяла бутылку, чтобы его наполнить. Затем многозначительно глянула на почти полный бокал Пола. Он послушно сделал большой глоток, пытаясь исполнить свою часть невыраженного словами договора.

Бриджит указала на него бутылкой.

— Вообще-то ради этого можно и убить, — заметила она, наливая вино. — Представь: ты Герри Фэллон, совершенно лишенный здорового уважения к ценности человеческой жизни. Прошло тридцать лет. У твоего брата и его женщины где-то новая жизнь, возможно, семья. Кому захочется в такой ситуации все бросать и подаваться в бега?

— Представил, — ответил Пол. — Мне этого совсем не хотелось.

— Не хотелось чего? — спросила Бриджит, наполняя свой бокал.

— Подаваться в бега.

Прекратив наливать, Бриджит посмотрела на Пола.

— О чем ты говоришь? Нельзя просто так взять и сбежать.

— А чем мы, по-твоему, занимаемся?

— Ну... прячемся. Временно, пока не придумаем план действий.

— Вообще-то я бегу, — ответил Пол. — Таков мой план действий.

— Но ты не сможешь просто удрать! — возразила Бриджит с ноткой возмущения в голосе.

— Смогу, вот увидишь, — сказал Пол. — Я собираюсь свалить из страны — причем как можно скорее.

— И куда ты поедешь? Чем займешься?

— Понятия не имею, — ответил Пол. — Я никогда не планировал ничего, кроме простого выживания.

После разговора с тетюшкой Линн только одна мысль не давала ему покоя: беги, прячься, живи, чтобы выиграть еще один день. Единственный недостаток такого плана состоял в том, что ослы достигнут значительно более высокого уровня жизни. Сволочи!

— Но, — проговорила Бриджит, пытаюсь найти достойный контраргумент, — это ведь совсем не по-геройски, разве нет?

— А кто сказал, что я герой? — ответил Пол. — Фэллон хочет, чтобы я исчез. У меня очень ограниченный выбор вариантов.

— Есть еще один, — сказала Бриджит. — Мы могли бы вывести тайну, которую скрывает Фэллон, и раскрыть ее миру. Тогда не будет причин убегать.

Пол сделал глоток вина.

— Позволь уточнить, сестра Конрой: твой план состоит в том, чтобы мы раскрыли дело тридцатилетней давности, о которое обломали зубы множество людей? То самое, главный и единственный свидетель по которому умер прошлой ночью?

— Ну... в целом да, — ответила Бриджит. — Я пока не думала о деталях.

— Ни хера ты Шерлок! — Пол поднял бокал в шутливом тосте. — Ну, тогда удачи! А я спрячусь в багажнике чьей-нибудь машины на пароме до Кале.

— Ты свободно говоришь по-французски? Чем ты заработаешь там на жизнь? — спросила Бриджит. — Твой план — такое же дерьмо, как и мой.

— Справедливо, — согласился Пол. — Честно говоря, я слишком устал, чтобы сейчас об этом думать. Давай поговорим о чем-нибудь еще.

Бриджит допила остатки вина.

— Например?

— Ну, — проговорил Пол, — имеется еще одна таинственная загадка.

— Какая?

— Твой бывший жених, Гарри — Пересаженные волосы.

— Ни за что!

Пол схватил со стола бутылку вина.

— Да ладно, это будет по-честному. Я позволил тебе себя прооперировать...

— Только не это!

— Думаю, я заслужил объяснение того, что там произошло.

Бриджит закатила глаза и протянула бокал.

— Ну ладно, только для этого понадобится гораздо больше выпивки.

Пол щедро наполнил бокал Бриджит, прежде чем слить в собственный последние капли. Затем поставил пустую бутылку на стол и кивнул.

— Жги!

— Господи, с чего же начать? — проговорила Бриджит.

— Например, как ты умудрилась упустить этот ходячий кусок жаркой страсти?

Бриджит поежилась.

— Перестань. Во-первых, он не всегда был... — она провела рукой по макушке.

Пол изобразил фальшивое удивление.

— Да ты что! Неужели они не натуральные?

— Ну, только в том смысле, что выросли не из того места.

— Кстати, — сказал Пол, — меня всегда интересовал вопрос, на который ты наверняка сможешь ответить: эти волосы трансплантируют с жоп?

Бриджит шлепнула его по руке. Не очень сильно, но поскольку это была правая рука, удар отозвался резкой болью в плече. Пол поморщился.

— Господи, извини, — сказала Бриджит.

— Ничего, сам виноват, — ответил Пол.

— В общем-то, так и есть. Поэтому если ты собираешься продолжать делать дебильные замечания, то лучше нам поменяться местами, чтобы больное плечо не попадало под удары.

Пол сделал вид, будто обдумывает предложение, затем встал и, обогнув кофейный столик, прошел к противоположной стороне дивана. Бриджит закатила глаза и переместилась на место, которое он только что освободил. Здоровой рукой Пол счистил воображаемую пыль с диванной подушки, после чего не спеша и с достоинством сел.

— Можешь продолжать.

Бриджит стукнула его по здоровой руке.

— А сейчас-то за что?

— Заранее, — ответила Бриджит. — В общем, я познакомилась с ним на рождественской вечеринке года четыре назад. Он архитектор. Моя подруга Элейн работала в их офисе временным сотрудником, поэтому ее пригласили на рождественский корпоратив. Меня она позвала с собой, чтобы я обеспечила ей моральную поддержку и взгляд стороннего наблюдателя для неизбежного «разбора полетов», который она должна была провести на следующий день. Она пошла туда, чтобы показать Дэйву из отдела логистики, какая она потрясающая и насколько он ей безразличен. План состоял в том, чтобы весь вечер не обращать на Дэйва внимание, а я, если что, должна была прийти на помощь и помешать ей поругаться с ним или трахнуться.

— И что в итоге?

— В итоге она и поругалась с ним, и трахнулась. А может, наоборот — я плохо помню. Там был бесплатный бар, от которого все стало немного размытым.

— Ты хреновый напарник.

— В свою защиту скажу, что пару месяцев назад я была подружкой невесты на их свадьбе, так что в конце концов все обошлось.

— Эх, романтика!..

Бриджит шлепнула Пола по руке.

— Это тебе аванс за следующий раз. Как бы то ни было, — продолжила она, — в конце вечера один симпатичный парень помог мне усадить ее в такси.

— Дункан?

— Дункан. Он написал мне пару дней спустя. Очевидно, я дала ему свой номер, ну и... остальное ты знаешь: мы стали парой.

— Кажется, ты опустила массу романтических подробностей, — заметил Пол.

— На самом деле их было не так уж много. Честно говоря, в то время мне было не до романтики. Я собиралась уехать из страны, чтобы повидать мир, но внезапно заболела мама, и даже Дублин стал для меня слишком далеким. Мне пришлось все время мотаться в Литрим. Дункан меня по-своему поддерживал и не возмущался, когда я отсутствовала почти все выходные. Наверное, прозвучит глупо, но мне было приятно чувствовать, что у меня кто-то есть.

Пол кивнул.

— Это не глупо, — сказал он и отпил вина.

— Через пару лет он сделал мне предложение, и я согласилась. Мир для меня закрылся, и тогда мне казалось, что судьба ударила меня о стенку. Я подумала, может, стоит попробовать мечтать о том, к чему стремятся все нормальные люди? Понимаешь, о чем я?

Пол кивнул.

— Но в глубине души, — продолжила Бриджит, — я понимала, что это ужасная затея. Я чувствовала, что не должна этого делать, но убедила себя, что все эти романтические штучки — чушь собачья. Он был хорошим парнем, и этого достаточно. К тому же, если честно, мама была так счастлива, когда я ей сказала! Больше всего на свете она мечтала увидеть, как я иду к алтарю...

Бриджит отвернулась. Потом достала откуда-то салфетку и промокнула уголок глаза. Пол вдруг почувствовал себя неловко оттого, что зашел слишком далеко. Он протянул руку и мягко коснулся ее плеча. Повернувшись, Бриджит ударила его по руке.

— За что?

— За то, что заставил меня расплакаться, гад, — ответила она и тут же улыбнулась, чтобы он не подумал, что она всерьез. Салфетка вернулась туда, откуда появилась, и Бриджит продолжила: — Мы пытались побыстрее, ну... ради мамы. Но рак выиграл гонку. Мы назначили свадьбу на четверг, в декабре, хотели обвенчаться в церкви. Мама дожила только до октября.

— Мне очень жаль, — сказал Пол.

Бриджит отмахнулась от его соболезнований.

— Так или иначе, но у меня был жених, и мы впервые за все это время стали регулярно встречаться.

— И?

— И я вдруг осознала, что выхожу замуж за полного козла.

Пол невольно расхохотался и поспешно зажал себе рот рукой. Затем, прежде чем Бриджит успела пошевелиться, он проговорил «В этот раз я сам» и легонько ударил себя по лицу.

— Спасибо, — кивнула Бриджит. — И вот, глядя в жерло «несчастливы вместе и навсегда», я сделала то, что должна была сделать. Правда, всего за три недели до знаменательного дня.

— Ого.

— Вышло неловко перед всеми и унизительно для него. Мы потеряли залог за отель. Объясняться перед гостями пришлось мне. Получилась целая серия забавных телефонных звонков.

— Могу себе представить!

— Я чувствовала себя ужасно, действительно ужасно в течение двух месяцев. А потом узнала, что этот лысый мудака, который якобы морально поддерживал меня, пока я ездила к маме, все это время втихушку блядовал.

— Вот же гнида!

— Точно, — согласилась Бриджит. — И я даже не могла получить удовлетворение от расставания с ним, поскольку уже с ним рассталась.

— Так это была... та самая, которую мы сегодня встретили? — спросил Пол. — Кили?

— Ты про его шуры-муры? Ну нет. Как мне потом рассказали, он трахал все, что могло еще шевелиться. Но главные шашни он крутил с женщиной по имени Линда. Я видела ее пару раз. Милая дамочка, если тебе по вкусу унылые зануды с рыбьими мордами.

— Мой любимый тип! — ответил Пол.

— Значит, тебе не повезло. Последнее, что я слышала, — она и Дункан живут теперь вместе. А эта Кили, без сомнения, «новая Линда». Не могу сказать, что я как-то сочувствую старой Линде. Кто, как не она, помогла Дункану создать систему, в которой его зловерный пенис принимает за него решения? Не думаю, что она очень сильно удивляется, когда видит результаты.

— Похоже, ты удачно соскочила.

Бриджит глотнула вина.

— Надеюсь, — сказала она. — И все же это чертовски вгоняет в депрессию. Ты хоть представляешь, каково это — довольствоваться кем-то только для того, чтобы узнать, что он не собирался довольствоваться тобой.

— Ой-ой, обидели деточку.

Бриджит глянула на Пола поверх бокала.

— Кажется, удары по руке не доходят. Возможно, придется перейти к другим, более чувствительным частям тела.

— Вообще-то, — ответил Пол, — я вполне серьезен. Ну ладно, мистер Искусственный Газон был катастрофой, но тебе, по крайней мере, удалось ее избежать. И теперь вокруг тебя наверняка есть те, кто зовет тебя замуж. Это вовсе не пустяки.

— Ты намекаешь, что твоя личная жизнь куда хуже моей? — спросила Бриджит с ноткой вызова.

— Совершенно верно. По-любому!

— Ха! — ответила Бриджит. — Держи карман шире!

— Окей, — сказал Пол. — Давай сделаем поинтереснее. Тот, чья личная жизнь окажется менее унылой, пойдет за следующей бутылкой.

— Я в деле, обезьяноман, начинай.

— Хорошо, — начал Пол. — За всю жизнь у меня не было отношений, которые длились бы дольше месяца.

— Пха! Всего-то? — ответила Бриджит. — Я выставила свадебное платье на «И-Бэй», мой друг.

— Ну хорошо, — сказал Пол и вдруг задумался над своей жизнью.

Он не знал, как о ней рассказывать. Да и возможно ли? Он начал играть в «гляделки» с мертвой женщиной и ни за что не хотел моргать первым. Он позволил гневу жечь его семь лет подряд, пока не сторело и все остальное. Мир развивался дальше, а он застыл на месте, не живя, а просто выживая. Конечно, он понял это уже давно. Но понимание плавало где-то на краю сознания. Поистине, несколько пережитых покушений в течение суток здорово прочищают мозги.

Бриджит помахала рукой перед его лицом.

— Вернись на землю, мистер Сердитые Штанишки. Ты уже заметил, что совершенно перестал разговаривать?

— Извини, я... Все слишком сложно.

— Херня это.

— В смысле? — озадаченно переспросил Пол.

— Я о том, что... прости, наверное, не стоит этого говорить... но самая большая ложь перед собой — это когда мы говорим «все сложно», — Бриджит поставила бокал на стол, начиная раздражаться. — Я работаю среди людей, которые, выражаясь понятными для тебя словами, ждут самого «последнего поезда до Кларксвилла». И знаешь, я никогда не слышала, чтобы кто-то из них сказал «все сложно». Потому что, если оглядываться назад, то ничего сложного мы не увидим. Ядерная физика сложна. Ближний Восток сложен. Но

наши жизни? На самом деле они вполне, черт возьми, просты, но мы их сами себе зачем-то усложняем. Впрочем, я чуть не выскочила замуж за одного из величайших мудаков на свете, так что, наверное, не мне давать тебе советы.

К своему удивлению, Пол наклонился и поцеловал Бриджит.

Потом она поцеловала его в ответ.

Потом они поцеловали друг друга.

В этом не было никакой осознанности. Тело Пола захватило контроль над его разумом и сцепилось с другим телом. Раненое плечо слегка саднило, но ему было все равно. Бриджит сменила позу, не прекращая целоваться, и села на него сверху. А затем стало происходить то, что всегда происходит в подобных случаях. Теперь он никак не смог бы скрыть от нее то, что ощущал, даже если бы захотел.

Он поцеловал ее в шею. Боже, как от нее пахло! Почувствовав его губы, она наклонилась и ткнулась носом в его ухо. И прошептала:

— Все просто...

А потом его мозг включился и начал задавать вопросы... неудобные вопросы: «Что ты к ней чувствуешь? Та ли она на самом деле? Что вообще все это значит?» Даже когда она соскользнула с него и легла на диван, вопросы продолжали жужжать в его голове. Он пытался им ответить «уходите, мне все равно», но в том то и дело, что нет — ему было далеко не все равно. Даже когда его пальцы принялись пробираться под пуговицы ее блузки и она стала помогать ему себя раздевать, назойливые мысли гудели всё громче и громче: «не облажайся, не облажайся, не облажайся».

А потом краем глаза он увидел использованные бинты под кофейным столиком, которые не замечал, когда сидел на диване. Очевидно, она спрятала их там после того, как сняла с его руки. Он увидел кровавые пятна и тут включилась другая — такая же бесполезная — часть мозга. Внезапно закружилась голова.

Он попытался отвести взгляд, чтобы сосредоточиться на чем-то другом. Но, к несчастью, существуют вещи, которые если происходят, то их трудно потом остановить. Он запаниковал, отчего сделалось еще хуже.

— С тобой все в порядке?

— Да, да, да, — услышал он свой голос, слишком высокий и глухой даже для его собственного уха.

Затем он лег на спину и попытался собраться с мыслями.

— Я, это... — запинаясь, пробормотал он. — Плечо сильно разболелось.

— Конечно, — ответила она. — Безусловно.

— И уже действительно поздно.

— Ага, — согласилась она. — И я, кажется, немного перебрала.

— Так что, может быть, нам...

— Ага.

Позже, когда он лежал в постели и с ненавистью к себе смотрел в потолок, он вновь и вновь прокручивал в голове случившееся. Все шло нормально — вплоть до того момента, когда все пошло не так. Вспомнив заключительную часть вечера, он повернул голову и несколько раз ударил ею о подушку. А ведь сейчас мог быть тот самый момент, когда он погладил бы ее по голове и пожелал спокойной ночи.

Как же это все... сложно.

Глава тридцать шестая

Герри Фэллон опустил глаза и тихо выругался. Он многое ненавидел в жизни: тайскую еду, немцев, твид, музыку кантри, цвет пурпурный (как сам цвет, так и фильм[70], который его заставила посмотреть жена), футбольный клуб «Лидс Юнайтед», крикет, шорты до колен, салаты, политиков, балльные танцы, ебущих англичан и того мудака, который придумал обследование простаты. Он ненавидел все это, но сейчас, в этот самый момент, больше всего на свете он ненавидел маленький белый шарик, лежавший перед ним в траве.

Играть в гольф предложил его адвокат Майкл Райан. Самодовольный мелкий грызун с вечно прилипшей к личику ободряющей улыбкой стоял прямо посреди фервея[71]. Без сомнения, он был ценным кадром — морально гибким даже по адвокатским меркам, — но это не мешало Фэллону пинать время от времени опекающего хорька по яйцам. Возможно, Райан и высказал идею о гольфе, но подтолкнула его к ней, безусловно, миссис Фэллон. Она хотела, чтобы ее муж стал столпом общества, принимал приглашения на благотворительные балы и заседал в комитетах. Он вырвал девушку из Баллимуна[72], и теперь она жаждала вырвать Баллимун из себя.

Впрочем, винить ее за это было трудно. Он и сам занимался чем-то подобным, хотя в его случае это делалось скорее для самозащиты, чем для утоления тщеславия. На протяжении последних пятнадцати лет он тщательно выстраивал легальный фасад своей деятельности, следя за тем, чтобы его имя никогда не всплывало в газетах и чтобы Гарди не могла подобраться к его жопе даже на расстояние пушечного выстрела. Сейчас он ничего не делал напрямую. Он никогда не заходил в помещения для товара. Он забыл, когда в последний раз держал в руках пистолет или горло какого-нибудь наглого уебка. У него хватало ума вести дела так, чтобы не заехать на тюрьму, в отличие от многих других. И все же часть его души страдала. Он скучал по тем временам, когда любую проблему можно было решить, просто кого-нибудь избив. Сегодня же, ударяя по мячу, он все дальше и дальше отклонялся от

лунки. За последние два года он сменил четырех тренеров и три набора клюшек, но совершенно без толку. Результаты выходили настолько удручающие, что после шестой лунки Райан благоразумно перестал объявлять счет.

Они играли за одну команду в фортбол[73] – в игре, которая подразумевалась как «схватка знаменитостей». На практике это означало, что Фэллон заплатил целую «штуку» за привилегию играть с полвосьмого утра под холодным морозящим дождем. Знаменитости, казалось бы, тасовались случайно. Но побывав за два года на четырех подобных мероприятиях, Фэллон заметил, что звезды первой величины «случайно» достаются одним и тем же игрокам. Какой-то мудака-банкир снова заполучил Брайана О’Дрисколла[74] и рыжеволосую красавицу, которая ведет «Ирландские новости».

Фэллону же пришлось играть с собственным адвокатом, несомненно каким-то образом виновным в неудачном составе, против парня, зачитывавшего по долбаному радио сводки о дорожном движении, и пафосного актера с растрепанными волосами, исполнявшего в дурацком сериале роль наркодилера из Северного Дублина. Брайан нервно настаивал, что вовлечение участников – это чистая случайность и никто никого не пытался унижить. Тем не менее Фэллон тихо кипел, пока Петрушка с радио насмехался над пидором из сериала по поводу «сурового реализма» шоу. Райан попытался обратить все в шутку, но это только еще больше разозлило Фэллона. Мелкий пухлый хуй не был бандитом и никогда им не станет, даже если каждый день будет смотреть «Крестного отца». В другой день Фэллон, возможно, подыграл бы ему, но сейчас, очевидно, шла не та неделя. Он был не в подходящем настроении, чтобы острить.

Нет, гольф определенно не расслаблял Фэллона. Учитывая обстоятельства, он хотел уехать прошлым вечером, но жена подняла хай от одного только предложения. Она хотела, чтобы он «завязывал полезные связи». Хуй знает, что это значит. Кроме того, Райан заметил, что сейчас важно создать видимость обычной жизни. Нужно дистанцироваться от дел, пока все не уляжется. Тем более что пока все под контролем. Именно так они ему твердили. И вот он здесь – вопреки всем своим инстинктам – стоит на рафе[75] четырнадцатого февраля и ждет, когда политик, пара фондовых менеджеров и говнюк из «Бойзон»[76] не съедутся с грин[77], чтобы он почти наверняка не сумел добросить до него с третьего удара.

Когда группа игроков впереди наконец начала перемещаться, Фэллон достал из сумки клюшку айрон № 7 и мысленно пробежался по постоянно растущему списку действий, которые заставляли его запоминать тренеры. Он встал в стойку и выставил клюшку сначала впереди, потом позади мяча. Он покачал головкой клюшки. Он покачал бедрами. Он выпятил подбородок. Он выпрямился и расслабил ноги. Затем он посмотрел на цель и обнаружил, что крошечный зеленый пятнышко грин[77] вдруг стал намного дальше, чем казалось раньше. И вот в тот момент, когда он уже собрался нанести удар мячу по жопе, на середину февраля вырвался гольф-кар и перекрыл ему траекторию.

Фэллон выругался и бросил клюшку. Затем посмотрел на Райана, который только недоуменно пожал плечами. Краснолицый возница гольф-кара поозирался, оглядывая игроков, и, заметив Фэллона, направил машину прямо к нему. Да ёбаный в рот! В один из прошлых разов к игрокам для развлечения уже присылали комика. Чепушило в гавайской рубашке нудно шутил о пандах и никак не мог заткнуться. Фэллон немного поразмышлял над идеей забить

комика до смерти клюшкой айрон №7. Однозначно, это было бы лучшим ей применением.

Когда гольф-кар приблизился, Фэллон отбросил эту мысль. Человек за рулем был ему не знаком, но он уже начал догадываться о его профессии. На водительском месте сидел грузный мужчина лет пятидесяти в длинной черной дубленке. Он жевал попкорн, вынимая его из большого пакета, и, казалось, управлял автомобилем коленями. Подъехав к Фэллону, он резко остановился.

— Обосраться и не жить, если это не сам малыш Герри Фэллон! — воскликнул мужчина.

Акцент его был довольно характерен. Коркский — это еще одна вещь, которую следовало добавить Фэллону к своему списку ненависти.

Мужчина бросил пакет с попкорном на крошечную приборную доску кара и выпростал из машины свою внушительную тушу. Когда он выпрямился, Фэллон заметил в его левой руке хёрл. Мужчина протянул правую ладонь для рукопожатия. Фэллон оглянулся вокруг, прежде чем пожать ее в ответ.

— Рад познакомиться, мистер... — сказал он, решив пока подыграть.

— Банни Макгэрри. Уверен, вы запомните это имя.

— О, не волнуйтесь, запоминать я умею, — улыбнулся Фэллон.

Оба мужчины стали продавливать свою волю через рукопожатие. Если бы в этот момент между их ладонями оказался уголек, то он почти наверняка превратился бы в алмаз.

Человек, представившийся именем Банни, небрежно взглянул сначала на мяч Фэллона, потом на грин.

— Дорогой мой, любезнейший Герри, кажется, вы попали в трудную ситуацию.

— Ничего такого, с чем бы я не справился, офицер.

На последнем слове глаза мужчины загорелись. Выходит, Фэллон угадал.

— О! Неужели моя слава настолько меня опережает?

— Нет, просто у меня наметанный нюх.

— Правда?

— Ага. Я издавна чую запах бекона.

Человек по имени Банни расхохотался.

— Забавно. А я издали распознаю всякую сволоту.

Фэллон рассмеялся в ответ, словно они были старыми друзьями. Сила рукопожатия ощутимо возросла.

— Как вы узнали, где меня найти, офицер?

— А... — Банни беспечно поозирался по сторонам. — Я знаю кое-кого, кто знаком кое с кем, кто кое-кого бьет.

— Неплохо, — ответил Фэллон, улыбаясь одними губами. Рукопожатие стало болезненным и потным, но он не собирался сдаваться. — Итак, гард, чем могу помочь?

— Поли Малкроун.

— А кто это? — спросил Фэллон, осмотрев поле с фальшивым удивлением. — Он играет в одной из других команд?

Банни снова рассмеялся.

— Нет, нет, он не здесь. В настоящее время Поли пропал без вести, предположительно напугавшись до усрачки. Представьте, кто-то пытается его убить.

— Да что вы говорите! Молодые люди в наше время — это что-то. Думаю, это все из-за видеоигр. Впрочем, я вас понял. Увижу его — дам знать. А теперь, если не возражаете...

Фэллон с трудом подавил желание отстраниться, когда полицейский вдруг наклонился вперед, обдав его запахом попкорна и вчерашнего перегара.

— Он один из моих пацанов, усек? Один из моих. Я не позволю застрелить его на улице, как какую-нибудь гребаную бездомную собаку. Это единственное предупреждение, и оно же последнее. Если что-нибудь с ним случится, я буду знать, с кого спрашивать. И будь уверен, малыш Герри, я ни перед чем не остановлюсь.

— Вы мне угрожаете, гард?

— Назовем это полезным советом.

— Вон там стоит мой высокооплачиваемый адвокат, и я почти уверен, что он назвал бы это притеснением.

— Значит, мне сказали правду. Злой и страшный Герри Фэллон размяк.

Лицо Фэллона дернулось от гнева. Он еще крепче сжал руку Банни и, притянув его к себе, прижался губами к его уху.

— Может, помочь тебе свалить на хуй, косоглазый коркский мутила?

— А ты попробуй, — ответил Банни, выдвигая вперед подбородок.

Фэллон отступил на шаг, оценивающе оглядел собеседника, затем откинул голову назад и рассмеялся.

— Уверен, ты был бы этому только рад.

Банни улыбнулся в ответ.

— Не то слово!

— Ты любишь яффские бисквиты? — спросил вдруг Фэллон.

— Не особо.

— А я люблю. Даже обожаю. До печенья я сущий дьявол, как выражается моя жена. Наверное, у каждого есть свои слабости. Интересно, какие у тебя?

— Криптонит.

— Ха. Смешно. У тебя есть жена? Любовница? Любовник?

Последнее слово Фэллон произнес, многозначительно шевельнув бровями.

— Боюсь, ничего из вышеперечисленного. Я не настолько привлекателен, как кажусь на первый взгляд.

— Ну разве это не трагично? Кто придет на твои похороны?

— Думаю, целая толпа подонков — чтобы убедиться, что я в самом деле мертв. Но вряд ли они решатся сплясать на моей могиле — из страха, что я протяну руку и ухвачу их напоследок за яйца.

— Ха! Да ты просто скромничаешь, я уверен. Готов спорить, у тебя много друзей, которые будут скучать по тебе... ну или наоборот.

— О, Герри, сейчас ты точно ссышь не на ту штанину. Никто меня не любит, даже я сам. Вот почему я худший кошмар твоей жизни. Видишь ли, в жизни у меня осталось только два развлечения: ты и выпивка. А сейчас я как раз решил немного подзавязать со спиртным.

Подошедший Райан стал нервно смотреть на них, пытаясь понять, что происходит. Два здоровых мужика — ростом под метр девяносто каждый — чуть ли не бились друг о друга лбами, как два лося во время гона.

— Все в порядке, Герри?

Банни посмотрел сверху вниз на пухлое лицо адвоката и тонко улыбнулся.

— Твой питомец, Герри? Какой милашка!

— Да, Майкл, все в порядке. Офицер Макгэрри дал несколько полезных советов по поводу правильного замаха.

Наконец двое мужчин разомкнули рукопожатие.

— Именно так, — кивнул Банни. — Это часть нашей службы. Помни, что я сказал, Герри, — не спускай глаз с мяча...

И прежде чем Фэллон успел ответить, Банни подцепил мяч для гольфа своим хёрлом и подбросил его в воздух. Райан взвизгнул и бросился на землю, чтобы избежать удара по голове клюшкой, отправившей мяч в полет.

— ...и следи за траекторией броска.

Банни повернулся и прыгнул обратно в гольф-кар с грацией, несколько неожиданной для его телосложения.

Затем он посмотрел на Герри, и в глазах его мелькнула искра.

— И кстати, яффские пирожные — это пирожные, а не печенье.

С этими словами он газанул, выбросив из-под колес куски дерна, и поехал по фервею вниз в направлении, противоположном тому, откуда появился.

Фэллон смотрел карту вслеп, скрипя зубами.

— Это... возмутительно! — воскликнул Райан, продолжая валяться на земле. — Я незамедлительно подам жалобу...

— Заткнись, — перебил Фэллон. — И добавь его в заказ.

— Но Герри, он же гард! Я очень советую этого не...

Фэллон резко обернулся и посмотрел на Райана так, что коротышка вздрогнул.

— Мне насрать на твои советы. Это область моей компетенции. Он войдет в список.

Райан безмолвно покачал головой и стал медленно подниматься.

Фэллон смотрел на грин, до которого было больше ста метров, и на точку, белевшую чуть спереди и справа, всего в двух метрах от лунки.

Это был первый грин за целый день, до которого долетел его мяч.

Глава тридцать седьмая

— Как спалось?

— Нормально. А тебе?

— Тоже нормально. Как плечо?

— Лучше.

— Хорошо.

— Ага.

— Ну и отлично.

Дороти, сидевшая за завтраком напротив, вертела головой туда-сюда, словно наблюдая за невероятно скучным теннисным матчем.

— Боже милостивый, — проворчала она. — Может, мне застрелить кого-нибудь, если это поможет снять напряжение?

Она хлопнула рукой по древнему револьверу, лежавшему возле нее на кухонном столе.

— Это не... — начал Пол.

— В этом не... — продолжила Бриджит.

Дороти коротко хохотнула.

— Ну да, ну да. Я старая, но не мертвая, если вы вдруг забыли. Однако если эти разговоры за завтраком — верх искрометной беседы, на которую я рассчитывала, то лучше закажите мне билет до Швейцарии.

Пол глянул на Бриджит — покрасневшую и снова принявшуюся гонять по тарелке остатки яичницы. Никто из них не сказал о том, что произошло или, вернее, не произошло прошлой ночью. Но проблема заключалась в том, что они никак не могли найти о чем поговорить еще. Казалось, ночные события превратились в мысленную черную дыру, поглощавшую любые темы для разговора.

Пол спал плохо. Его терзали то боль в плече, то мучительный стыд. За ночь он обдумал множество заходов к тому, чтобы обсудить случившееся, и последовательно отверг все до единого. Затем он стал размышлять о путешествиях во времени и о том, почему ленивые ученые до сих пор их не изобрели.

— Пан Ли! — возвысила голос Дороти, постучав ножом по тарелке. Затем огляделась вокруг с выражением замешательства на лице. — Ах да, сегодня же суббота. У нее выходной.

Дороти встала, поставила тарелку на стойку и шаркающей походкой пошла к задним дверям, ведущим в большой сад.

— Оставляю вас наедине. Мне нужно выругаться на пару растений.

С этими словами она открыла дверь в сад и вышла на холодное зимнее солнце.

Бриджит посмотрела ей вслед, потом достала из-под стола блокнот и ручку.

— Так, — сказала она. — Пока ты спал, я кое-что выяснила.

— Подожди... Каким образом? — не понял Пол.

— Через компьютер Дороти, конечно.

Пол бросил взгляд в сад — на женщину, которая в данный момент вела оживленную, хотя и одностороннюю беседу с розами.

— У Дороти есть компьютер?

— Да, — ответила Бриджит. — В ее компьютерной комнате.

— О! — произнес Пол, слегка устыдившись собственных предубеждений. — Вполне логично.

— И к твоему сведению, — продолжила Бриджит, — она не знает, как удалять историю поиска. Я заметила, что она гуглила несколько довольно специфических терминов, касающихся актера Тома Конти[78].

— Фу!

— Согласна! Однако если хочешь сделать ей подарок на день рождения, то его фотография без рубашки будет иметь большой успех.

Бриджит улыбнулась, но внезапно спохватилась и отвела взгляд. Концепции существования секса, а тем более людей, к нему склонных, не могло быть места за этим столом.

Пол провел пальцем между воротом рубашки и шеей. Существовала еще одна, хоть и не главная, причина для дискомфорта: он не привык к рубашкам, особенно с накрахмаленными воротничками. Кроме того, было несколько неуютно носить одежду мертвеца. Проснувшись утром, он увидел в ногах кровати светло-голубую рубашку и красный свитер, а также пару брюк, выглаженных с такими острыми стрелками, что ими можно было резать стекло. Он отказался их надевать, поскольку его собственные джинсы, к счастью, прошли тест на чистый запах. Под этой рубашкой и собственными свежими, но страшно зудящими трусами он ощущал кожу необыкновенно живой — и не в том хорошем смысле, о котором говорят в рекламе геля для душа.

— В общем, — продолжила Бриджит, — я просмотрела все новостные сайты. Фотография саперов, подорвавших твою машину, появилась на первой полосе «Айриш таймс».

— Ну еще бы. А где-нибудь написано, покроется ли такой случай страховкой от пожара и угона?

— Как ни странно, нет. Похоже, копы называют это «не связанной с терроризмом бандитской разборкой». В «Инду» есть целая авторская статья о шокирующем росте преступности в Дублине на почве наркоторговли.

— Ну здорово! Теперь я еще и подозреваемый в торговле наркотиками. Красивая будет строчка в резюме.

Теперь Полу предстоит чертовски трудное объяснение перед Гриви — если, конечно, он вообще до этого доживет.

— Но самое главное, они никак не связали бомбу с Макнейром или делом «Рапунцель». Смерть Полин Макнейр упомянута в некоторых отчетах, но без указания имени. А еще не говорится, что ее отец был жив, а потом умер.

— Для нас это хорошо или плохо? — спросил Пол.

— Понятия не имею, — ответила Бриджит. — Либо пресса ничего не знает, либо копы каким-то образом наложили запрет на разглашение.

— А они это могут?

Бриджит пожала плечами. Она читала о таком в книгах, но понятия не имела, как это работает на практике.

— Какая прелесть, — сказал Пол. — Гарды не общаются с прессой, но обо всем докладывают Герри Фэллону. Я рад, что никогда не платил налоги.

— Эти новости натолкнули меня на следующий вывод, — произнесла Бриджит, подняв повыше блокнот. — Насколько я поняла, у нас имеется четыре возможных источника информации о том, что происходит.

— погоди секунду, твое имя Нэнси Дрю? [79]

— Слушай, — ответила Бриджит, бросив блокнот на стойку. — Мы можем либо постараться взять ситуацию под свой контроль, либо сидеть здесь, ковыряя в носу в ожидании неизвестно чего... — Бриджит сделала паузу. — Лично меня тошнит от ощущения, что кто-то пытается меня трахнуть втемную.

Бриджит слегка поморщилась от неудачного выбора слов, но продолжила с вызовом смотреть Полу в глаза.

— Я просто хочу сказать: выслушай меня, а потом вместе подумаем, есть ли у нас другие варианты, кроме как прятаться и молиться.

Пол смотрел на нее очень долго. Он хотел бежать, все еще хотел, но понятия не имел, как это сделать.

— Честно говоря, — сказал он, — я и не думал молиться. Ну ладно. Что у тебя там?

— Так, — заговорила Бриджит. — Как я уже отметила, у нас есть четыре источника информации. Номер один: Гарди.

— Ни в коем случае! Им нельзя доверять.

Бриджит кивнула.

— Согласна. Но пока не будем полностью списывать их со счетов. Мы должны поддерживать контакт с этим детективом-инспектором Стюартом через твою адвокатшу.

— Согласен.

— Номер два, — продолжила Бриджит, — Герри Фэллон.

— Чего?!

— Я не говорю, что мы должны с ним связаться. Я о том, что он явно в курсе, что происходит.

— Ну да, ведь это его рук дело!

— Но я подумала, может, твой друг или его тетушка могли бы нам помочь, если вдруг...

Пол поднял руку.

— Это совершенно исключено. Они и так увязли в этом дерьме, и Линн прекрасно это понимает. По их мнению, мы сейчас слишком токсичны.

— Окей. Тогда номер три: Дэниел Крюгер.

Пол удивленно поднял брови.

— Тот самый? Страшила-муженек?

Бриджит кивнула.

— И как до него добраться? Разве он не уехал в Южную Африку?

Бриджит покачала головой.

— Не-а. Он исчез из виду, но по-прежнему живет в Ирландии. В общем-то, недалеко отсюда — в горах Уиклоу[80].

— Как ты узнала?

— Не забывай, ему далеко за семьдесят. Я подписана на группу в Фейсбуке. В ней куча медсестер, с которыми я училась. Я задала вопрос, они поспрашивали своих, и оказалось, что кто-то когда-то с ним работал...

Бриджит смущенно улыбнулась. Пол видел, что она в восторге от своего расследования, хотя и старалась это тщательно скрывать.

— Черт возьми! Хоть какая-то польза от этого Фейсбука, — заметил Пол.

Когда-то он пробовал там тусить, но у соседского вайфая Number 11 сменился пароль, и пришлось отказаться от интернета.

— Это навело меня на мысль об источнике номер четыре.

Она торжествующе подняла книгу «Заложница любви».

— Книжка? — спросил Пол, даже не пытаясь скрыть разочарование. — По-твоему, эта дрянная сказка, в которой, как мы уже знаем, написана всякая чушь, сможет поведать нам что-то полезное? — Пол покачал головой. — На твоём месте я бы переставил на основное место Крюгера — он твой самый главный «та-дам!».

Бриджит показала Полу язык и открыла книгу на последних страницах.

— Не книжка, умник, а тот парень, который ее написал, Марк Брофи, — она подняла страницу с фотографией автора: целеустремленный молодой журналист с цепкими глазами. По крайней мере, таковым он был в восьмидесятые. — Я перечитывала книгу, и вдруг меня осенило. Об этом даже говорится в предисловии: многие имена изменены, чтобы защитить личности реальных людей, а также по другим юридическим соображениям. В книгу вошло не все, что он знает. Там только то, что он смог опубликовать!

Бриджит с размаху швырнула книгу на стол.

— Ну и как нам его найти? — спросил Пол.

— На его сайте есть только контактные данные его издателя.

— Дорогая редакция сказок, — противным голосом пропел Пол, — поскольку за нами охотятся психи, вы не могли бы позволить нам поболтать с этим-как-его-там?

— Или...

— Или?

— Или.

Бриджит выдержала эффектную паузу. Пол ждал с улыбкой, вопросительно подняв брови.

— Сегодня вечером мы отправимся в паб «У Брэгана», где этот человек сам... цитирую: «безумно хочу выпить пинту пива после матча Ирландия — “Олл Блэкс”»[81].

— Но как?!

— Твиттер.

— Да ты меня дурачишь!

— Не-а, — расставив руки, Бриджит исполнила полупоклон. — Та-дам, бля!

— Выходит, Шерлок, все твоё расследование строится на использовании социальных сетей?

— Ага. Теперь представь, насколько было бы проще, если бы один придурок не выкинул мой телефон!

— Это ужасный план, — уже не в первый раз сказал Пол.

— Ты постоянно так говоришь, — ответила Бриджит. — И всё же мы здесь, и мы сделаем это в любом случае.

Пол расставил ноги и прислонился спиной к грубой каменной стене.

Бриджит посмотрела на Пола, потом на стену — на все ее три с половиной метра высоты.

— Это вполне выполнимо.

— Пипец...

Бриджит уперла руки в бока и сердито на него посмотрела.

— Не можешь сказать ничего позитивного — лучше молчи.

— Полтора дня назад ты попросила о небольшой услуге в обмен на то, что ты подбросишь меня до дома. С тех пор меня пырнули ножом, взорвали мою машину, и теперь я бегу от какого-то уголовного Крестного Отца, который держит всю полицию в кулаке. Мало того, сейчас я помогаю тебе в проникновении со взломом. Если бы я открывал рот только тогда, когда мне хочется сказать позитивное, то я бы уже превратился в чертового мима!

— Со взломом? А что мы ломаем? Мы перепрыгиваем через стену!

Прежде чем Пол успел ответить, Бриджит отступила на три шага и стала раскачиваться взад-вперед.

— Воу-воу-воу! Ты что это задумала?

— Беру разбег.

— Теперь понятно, что ты решила сломать. Меня.

— Ничего, выживешь. У тебя ведь еще осталась одна совершенно целая рука.

— Пока да, но ведь и полдня не прошло. Уверен, ты сможешь это исправить.

Фальшивым зевком Бриджит изобразила скуку.

Пол присел пониже и прислонился к стене плотнее.

— Ужасный план.

— Где-то я уже это слышала...

В свое оправдание Пол мог сказать, что весь день представлял собой стремительную череду ужасных планов. В принципе, он был согласен с идеей встретиться с Дэниелем Крюгером, но только до тех пор, пока дело не дошло

до практической реализации. Для начала им понадобилась машина. Оказалось, что машина есть у Дороти, причем не какая попало. Это был ни много ни мало, а классический «Бентли», стоявший в гараже с тех пор, как умер ее муж. Темно-зеленый великолепный автомобиль сиял в свете гаражных ламп с царственной элегантностью. Пол попытался тонко намекнуть Бриджит, что его облик не совсем соответствует цели «не привлекать внимание», к которой должны стремиться беглецы, но она с ходу отмахнулась от его возражений. А еще он попробовал объяснить, что за транспортное средство не платился налог и оно лишено даже намека на какую-либо страховку, от чего полицейские традиционно приходят в экстаз. Тем более что теперь у них есть камеры, базы данных и всякое такое. Эти доводы были также незамедлительно отвергнуты. Как выразилась тогда Бриджит: «Да-да, мне тоже нравится эпизод в фильме, где Джейсон Борн звонит в кол-центр с просьбой обновить страховку, прежде чем отправиться в скоростную погоню».

Но вот что на самом деле вызвало его протест: Полу очень не хотелось садиться в машину, которой будет управлять Бриджит Конрой. Мысль о том, что машина, о которой шла речь, стоит больше приличного дома, лишь подливала масла в огонь. Пустить Бриджит за руль классического автомобиля было все равно что оставить ребенка поиграть посреди автострады. Это даже не искушение судьбы, а жестокая над ней насмешка. Проблема состояла только в том, что он не знал, как объяснить ей это, ну... не до конца объясняя — да и не очень стремился.

В оправдание Бриджит стоит сказать, что она явно старалась вести машину осторожнее, чем обычно. Правда, она едва не сбила льва, когда выезжала с подъездной дорожки. В оправдание льву следует отметить, что он был полностью каменным, отчего мог нести лишь частичную ответственность за аварийную ситуацию. Вырулив, Бриджит пробормотала что-то о том, что у машины гораздо больший радиус поворота, чем она привыкла. Пол сразу подумал об извилистых узких дорогах, ожидающих их в горах Уиклоу, и закрыл глаза. И более не открывал их всю дорогу. Вообще-то он не собирался этого делать, но идея притвориться спящим показалась ему гениальной. Он понимал, что то, чего он не видит, по-прежнему может его убить, но по крайней мере последнее, что сорвется с его губ перед смертью, не станет постыдным девичьим визгом. Судя по тому, что он изредка наблюдал, приоткрыв один глаз, вид из пассажирского окна был поистине впечатляющим, но довольно трудно наслаждаться пейзажем, когда в любой момент можешь стать его частью.

Бриджит, со своей стороны, не мешала ему спать и только изредка ругалась, когда враждебный окружающий мир затруднял ей вести машину. Она прокрутила шкалу радиоприемника туда-сюда пару раз, прежде чем нашла устраивающую ее станцию. Под музыку и гипнотический ритм езды Пол почувствовал, как его одолевают последствия плохого ночного сна. В итоге он задремал с улыбкой на лице, когда Бриджит стала подпевать какой-то разбитной рок-песне про «пьянство целый день».

Проснулся Пол от того, что его толкали в затылок.

— Ох! Во что мы врезались?

— Ни во что. Благодарю покорно!

— Тогда зачем ты тычешь мою голову?

— А ты бы хотел, чтобы я потрясла тебя за раненое плечо?

— Ну да, тоже верно... Так мы доехали?

— Вроде того. Я следовала указаниям Марты, но не нашла большой дом. Она сказала, что здесь стоит огромный роскошный особняк. А я не вижу ничего подобного.

Пол огляделся. Они оказались в сельской местности, где все выглядело пугающе зеленым. Находиться не в своей стихии было неуютно.

Некоторое время они ездили по окрестностям, пытаясь обнаружить загородный особняк, который Бриджит каким-то образом пропустила. В конце концов пришлось остановиться, чтобы спросить дорогу у дамы, выгуливавшей четырех собак. Как только они убедили ее, что приехали сюда не затем, чтобы скупить местный рынок, женщина подсказала им, в каком месте они ошиблись. Выяснилось, что причина, по которой они не могли найти дом Крюгера, заключалась в его размерах. Дороги, по которым ехали Пол с Бриджит, были длинными и безликими только потому, что именно они служили границами поместья Крюгера, занимавшего половину склона ближайшей красивой горы. После нескольких проездов туда-сюда, споров и досадной встречи с кустом остролиста Бриджит и Пол обнаружили наконец въездные ворота.

Ворота, представлявшие собой огромные плиты из толстого дуба, усиленные перекрещивающимися стальными прутьями, явно строились так, чтобы их было трудно заметить. Это были такие ворота, которыми заинтересовались бы даже танкисты. Бриджит нажала на кнопку интеркома, и после небольшой задержки ей ответил холодный, без акцента женский голос.

— Чем могу помочь?

— Привет! — воскликнула Бриджит как можно более деловым и одновременно жизнерадостным тоном. — Мы приехали побеседовать с мистером Крюгером, если вы не против.

— О чем будет беседа?

— Это... э-э-э... — Бриджит взглянула на Пола, который только пожал плечами. — О личном.

— Мистер Крюгер не говорит с незнакомыми людьми о личном.

— Ладно. У нас есть важная информация об исчезновении его жены.

— На эту тему мистер Крюгер совершенно точно не говорит с незнакомцами. Желаю хорошего дня.

Интерком издал неприятное жужжание и отключился. Бриджит нажала на кнопку еще раза три, но безрезультатно. После четвертого нажатия женский голос вернулся, но уже не пытаясь проявлять вежливость.

— Вы находитесь на частной территории. В последний раз прошу ее покинуть, иначе я звоню в Гарди.

— Пожалуйста, подождите, — сказала Бриджит. — Просто послушайте. У нас действительно есть информация, которая может...

Голос в интеркоме рассвирепел.

— Вы хоть представляете, сколько мошенников или даже хуже пытаются связаться с мистером Крюгером по этому поводу? Каждый год одно и то же! Как же вам не стыдно, люди? Я уже вызвала полицию. Убирайтесь вон!

Интерком отключился и не ответил, когда Бриджит стала вновь давить на кнопку. Полу пришлось оттащить ее силой.

— Слушай, это была хорошая попытка, но мы не можем целый день препираться с какой-то придурочной секретаршей. Если она действительно вызвала полицейских, то нам нужно убираться, причем немедленно!

Бриджит сдалась — правда неохотно — и в конце концов села за руль.

Проехав по дороге около километра, она вновь остановила машину. Поначалу Пол решил, что ей захотелось выйти из машины и потопать в раздражении ножками, как это делают в фильмах. Правда, ключи она зачем-то забрала с собой — видимо, чтобы он не смог уехать один. Заподозрив неладное, Пол нехотя выбрался из машины и последовал за ней в лес. Бриджит он обнаружил в двадцати метрах от дороги за пристальным изучением высокой стены.

...И вот он стоит, прижавшись к стене задницей.

Бриджит побежала на него, и Пол сложил руки в замок, постаравшись сделать так, чтобы большую часть веса взяла на себя левая рука, а правая в основном оказала ей моральную поддержку. Бриджит вскочила, и он стал поднимать руки, пока ее правая нога не утвердилась на его левом плече.

— Я ухватила за верх стены!

— Супер, — простонал Пол.

— А ты говорил, что будет трудно!

— Вообще-то не по тебе сейчас топчутся.

— Мне нужно еще немного высоты.

Пол ощутил макушкой подошву кроссовка Бриджит.

— Да что б тебя...

— Уже почти...

А потом вес Бриджит снялся с его тела. Он обернулся и увидел, как она с усилием залезает на стену. Мгновение он размышлял, не подтолкнуть ли ее немного снизу, но решил так не делать, увидев, что единственное, до чего

может дотянуться его рука, — это ее зад. Она закинула одну ногу на стену и вдруг застыла в этом положении, опасно балансируя.

— Э-э... Пол?

— Чего?

— По ту сторону стоит джентльмен и целится мне в голову из дробовика.

Пол услышал, как за спиной хрустнула ветка, и обернулся.

— Хм... Интересно, знаком ли ему джентльмен по эту сторону стены, который целится из дробовика в мою голову?

Бриджит вздохнула.

— Я бы предположила, что, скорее всего, да.

Глава тридцать девятая

Мисс Чой, хозяйка холодного бесстрастного голоса из интеркома, стояла перед ними, глядя, ну... холодно и бесстрастно. Кэти, медсестра-филиппинка, с которой работала Бриджит, однажды рассказала ей на обеде, как отличать друг от друга разные азиатские национальности. Сейчас Бриджит не могла вспомнить подробности, но исходя из тона кожи и черт лица мисс Чой в ней можно было предположить японку, хотя опыт подсказывал, что высказывать такое вслух лучше не стоит. Но что не вызывало ни малейших сомнений, так это то, что мисс Чой была очень красива, даже пугающе красива — и не только оттого, что командовала огромными мужиками с ружьями. Ее элегантный деловой костюм искусно подчеркивал спортивное телосложение, и несмотря на строгий вид мисс Чой, ее кожа обладала тем безупречным кремовым оттенком, которого пластическая хирургия пытается и никак не может добиться в течение десятилетий. Длинные распущенные черные волосы обрамляли лицо с большими одухотворенными карими глазами. Правда, заглянув в эти глаза, Бриджит тут же изменила свою оценку возраста Чой с тридцати пяти лет до пятидесяти. Что-то намекало в них на тот вид усталости, от которой невозможно избавиться.

Там, на стене, Бриджит получила приказ слезть и присоединиться к Полу. Мужчина, которого она мысленно окрестила «большим парнем Пола», небрежно держал ружье направленным на них обоих, пока «ее большой парень» с противоположной стороны стены не приехал через несколько минут на «Лендровере». Оба они не отличались болтливостью — на все вопросы отвечали приказом молчать. У обоих были темно-каштановые волосы, и они вполне могли являться родными братьями или, скорее, кузенами, как предположила Бриджит. Только увидев их рядом, она поняла, насколько они здоровенные. Большой был ростом в метр девяносто и с грудной клеткой шириной с дверь. Огромный —

еще выше сантиметров на восемь. И хотя он не был так же широк в плечах, но обладал телосложением, которое бросалось в глаза независимо от того, хотел он этого или нет. Ни один из них не был «качком-фитоняшкой», как называла таких мужчин Бриджит. Эти двое не тренировали мускулы ради мускулов. Оба обладали такой массой, которую могут произвести только природа и постоянная физическая активность. Судя по одежде и ружьям, они были кем-то вроде парковых сторожей. Можно было только посочувствовать фазанам, которые пытались отсюда сбежать.

Прежде чем усадить их на заднее сиденье джипа, они связали руки Полу клейкой лентой, а потом проделали то же самое с Бриджит. Большой втолкнул Пола внутрь. Огромный вежливо помог Бриджит. Ах, эти славные ирландские парни, приученные мамками уважать женщин! Впрочем, большой подобрал с земли перевязь Пола и сунул ему в задний карман.

Ехать через поместье было некомфортно — как из-за ухабистой дороги, так и из-за тишины. Пол пребывал в одном из своих обычных настроений. Приказ заткнуться лишил его возможности молчать демонстративно и вопреки, превратив в простое исполнение команды. Забрызганные грязью окна задних дверей не позволяли любоваться видами на поместье, а Большой и Огромный не произносили больше ни слова. Очевидно, туристическая отрасль немного потеряла в их лице.

Спустя пять ухабистых минут их выволокли из «Лендровера» и отвели в помещение, похожее на большую заднюю кухню огромного роскошного особняка. В «Аббатстве Даунтон» здесь тусовались бы слуги. Глядя на каменные полы и древнюю кухонную плиту, любой мог бы ошибиться, подумав, что помещение оставалось неизменным в течение ста лет, но внутри не до конца закрытого шкафа Бриджит заметила встроенную микроволновую печь. Усадив Бриджит и Пола на скамью, Большой и Огромный остались стоять с ружьями за плечами, небрежно прислонившись к кухонным стойкам.

— Ну что, парни, — заговорил Пол, — давно занимаетесь грязной работой?

Огромный оскалился, Большой нахмурился.

Вдруг дверь распахнулась, и на кухню вошла мисс Чой. Оба мужчины мгновенно вытянулись по стойке смирно.

— Примите мои поздравления: ваши глупость и упорство будут отмечены, — сказала она, посмотрев на Бриджит и Пола по очереди. — Мы сделали видеозапись вашей попытки вторжения и передадим ее властям. Будьте уверены, обвинения мы выдвинем незамедлительно. Хотите что-нибудь сказать в свое оправдание, прежде чем я позвоню?

— Извинений будет достаточно? — спросил Пол.

— Нет.

— А глубоких искренних извинений?

Огромный усмехнулся и тут же посерьезнел под пристальным взглядом Чой.

— Скажу только одно, — произнесла Бриджит. — Вы не могли бы сообщить вашему боссу, что Ящер Макнейр мертв?

— Вряд ли это свежая новость. Этот джентльмен... — Чой запнулась и поправила саму себя: — Этот человек умер тридцать лет назад, то есть еще до рождения вашего спутника.

Вот ведь мерзкая корова!

— В таком случае, — ответила Бриджит, — человек, умерший два дня назад в хосписе Святой Килды — это совершенно другой Джеки «Ящер» Макнейр. Но на вашем месте я бы все равно завтра выбралась из дома пораньше, чтобы успеть купить утренние газеты.

Чой старалась казаться невозмутимой, но Бриджит была уверена, что где-то за этим совершенным фасадом прямо сейчас вращались шестерни и задавались вопросы.

— Мы с интересом почитаем. Но какое отношение, скажите на милость, эти дела имеют к вам?

— Мы два последних человека, которые видели его живым.

— И меня он, кстати, чуть не зарезал, — заметил Пол, указав на свое плечо.
— У меня была перевязь, но ваш малыш ее сорвал.

Бриджит заметила, как вспыхнули глаза Огромного. Очевидно, этот «малыш» получит сегодня «а-та-та!». Переведя взгляд обратно на Чой, она обнаружила, что эти большие карие глаза внимательно смотрят на нее сверху вниз. Бриджит с вызовом посмотрела в ответ. Азиатская женщина первой отвела взгляд и что-то шепнула Большому. Тот коротко кивнул. Затем она развернулась и молча вышла из помещения.

Бриджит взглянула на Пола.

— Я же говорила, что все получится!

— Ты серьезно? Вот это и был твой план?

— Ну мы же здесь, разве нет?

— Заткнитесь вы оба! — рыкнул Большой.

— А знаете что? — произнес Пол. — Не мог бы кто-нибудь из вас сделать для меня огромное одолжение и застрелить ее на фиг?

— Не обращайтесь на него внимания, парни, — сказала Бриджит. — Он типичный нытик.

Большой взглянул на Огромного, и в этот раз ухмыльнулись оба.

— Вот так, значит, да? — продолжил Пол. — Спелись деревенщины и селянка. Вот что по-настоящему типично. Ну ладно, как насчет того, чтобы

пристрелить меня? Это избавит ее от кучи хлопот, поскольку моя насильственная смерть — это лишь вопрос времени.

— Я же сказал тебе заткнуться, — повторил Большой.

— А то что? — отозвался Пол. — Без обид, но за последние два дня мне угрожало столько людей, что я уже приобрел иммунитет. Смотрели вчера в «Новостях» о том, как взорвали машину? Так вот, машина была моей. После такого уже ничем не удивить.

Большой открыл было рот, чтобы возразить, но Огромный толкнул его в бок и встал по стойке смирно. Через секунду дверь отворилась, и вошла Чой.

— Снимите обувь.

— В смысле?

«Стоит признать, — думала Бриджит, — здесь действительно очень хорошие ковры».

Если бы это был ее дом, то она бы тоже настаивала, чтобы все снимали обувь. Но это не означало, что Пол, два вооруженных охранника и она сама не выглядели нелепо, стоя на ковре в носках. Она предположила, что они оказались в гостинной. Большой и Огромный вели себя странно нервно, учитывая, что только у них имелось оружие. Сделанное Бриджит открытие, что Огромный носил носки с изображениями медвежонка Фоззи из Маппет-шоу, чуть не разрушило атмосферу угрозы, которую эти двое пытались создать. Но его носки по крайней мере были цельными. А вот из носков в красно-белую полоску, что украшали собой ступни Большого, наружу торчали большие пальцы. Бриджит решила, что сегодня вечером он наверняка захочет подстричь ногти. Что бы сказала его мама, если бы увидела, как он ее позорит?

Раздалось тихое шипение автоматики, и дальняя правая дверь открылась. Оттуда выехал старик на электрическом инвалидном кресле, следом за ним вышла Чой. Волосы старика поседели до цвета соли с перцем, но в нем можно было безошибочно угадать более старую и немощную версию Дэниеля Крюгера, чью фотографию в книге Бриджит разглядывала за завтраком. Впрочем, наличие инвалидного кресла стало неожиданностью. Возможно, из-за этого он казался немного меньше ростом, чем она ожидала увидеть. Когда Крюгер повернулся к ним, стала видна правая сторона его лица, покрытая бугристой красной рубцовой тканью, которая огибала глаз и змеилась вниз — под ворот рубашки. Бриджит обнаружила, что попала в ловушку двух самых естественных человеческих реакций — желания увидеть уродство и стремления отвести от него глаза. И то и другое казалось ей грубым.

Под душным твидовым костюмом Крюгер носил галстук. Субботним утром, пожалуй, так могут одеваться только богатые.

— Мисс Конрой, мистер Малкроун, пожалуйста, присаживайтесь.

С его ярко выраженным южноафриканским акцентом это прозвучало бы как приказ, если бы не легкое проглатывание окончаний слов, вызванное небольшой одышкой. Бриджит понятия не имела, что с ним не так, но, судя по всему, на инвалидном кресле он перемещался давно и постоянно.

Бриджит и Пол сели на диван, стоявший перпендикулярно камину. Несмотря на ранний час, в камине пылал огонь, отчего в комнате было неприятно тепло... или так казалось из-за присутствия оружия?

Крюгер мельком глянул на Большого и Огромного.

— Благодарю вас, Деклан, Коннор. Можете развязать наших гостей и идти по своим делам.

Двое мужчин колебались, переводя взгляды с Крюгера на Чой, которая тоже, в свою очередь, колебалась. Их зажало в тиски сомнений между неразумностью отданного приказа и невозможностью его нарушить. Крюгер спокойно смотрел на огонь, пока над его головой шли безмолвные переговоры. Он понимал их затруднения, но терпеливо и уверенно ждал неизбежного решения. В конце концов Чой кивнула и сказала:

— Подождите на кухне, джентльмены, будьте так добры.

Большой и Огромный сняли клейкие ленты с запястий Пола и Бриджит и удалились, как им было велено.

Когда дверь закрылась, Крюгер вновь перевел взгляд на диван.

— Итак, Маргарет сказала мне, что у вас есть информация, которой вы хотели бы поделиться?

Затем он сидел и бесстрастно слушал, пока Пол более-менее подробно рассказывал о событиях последних двух дней: о нападении Макнейра на Пола и его смерти, о заминированной машине, об убийстве дочери Макнейра и, наконец, о подтверждении Линн Невис, что за всем этим действительно стоит Герри Фэллон. Несмотря на то что он больше ничем не был обязан Линн, Пол не стал раскрывать ее имя. По вполне понятным причинам он умолчал и о Дороти, у которой они в итоге спрятались.

Когда рассказ был окончен, Крюгер посмотрел на Чой. Она ничего не сказала, но Бриджит заметила, что рука ее мягко легла на плечо Крюгера.

— Все это... весьма интересно, — заговорил Крюгер. — Могу я спросить, что побудило вас обратить на это мое внимание?

Пол взглянул на Бриджит, прежде чем ответить.

— Мы вляпались во что-то непонятное. И подумали, что если кто-то и знает о том, что, черт побери, происходит, то это можете быть только вы.

— Боюсь, от меня будет не так много проку, как вам могло показаться. После этого... инцидента я разослал на поиски Сары-Джейн бесчисленных сыщиков по всему свету, но всё, что они накопили, — это только слухи и домыслы. Хотя мы и обнаружили некоторые расхождения с официальной версией событий, мы так и не нашли ни малейших намеков, где может быть моя жена.

— Какие расхождения?

— Гарди, — с горечью в голосе произнес Крюгер, — в лучшем случае проявила некомпетентность. Вам не кажется странным, что столь масштабные поиски пропавшего человека не дали никаких результатов? Что даже после таких усилий они так и не нашли место, где ее держали?

Изумленные Пол и Бриджит ничего не ответили.

— Могу с уверенностью сказать, что ее не прятали в районе Керри, как предположило следствие. Это был один из многих отвлекающих маневров. Я убежден, что ее увезли куда-то на запад Ирландии.

— Но, — сказала Бриджит, — свидетели видели, как она садилась в лодку возле Дингла.

— О да, свидетели... Один из них оказался не тем, за кого себя выдавал, а другой в скором времени стал обладателем необъяснимо крупной суммы денег. Я бы посоветовал вам поговорить с ними, но в настоящее время оба мертвы.

— Ого, — вырвалось у Пола.

— Это весьма кстати для мистера Фэллона, который, как вы уже убедились, не любит оставлять «незакрепленные концы».

— Но если вы знали, что в расследовании были допущены ошибки, то почему вы об этом не заявили?

Крюгер поерзал в кресле.

— Я заявлял, мистер Малкроун. А еще я хотел подать в суд на издателей этой проклятой книги. Будь моя воля, я бы потратил все до последнего пенни на поиски жены.

— И почему же вы этого не сделали? — спросила Бриджит.

Крюгер снова пошевелился в инвалидной коляске и посмотрел на Чой. Глаза азиатки наполнились грустью, как только она взглянула на него в ответ.

— Моя семья, мисс Конрой, была такой...

На некоторое время в комнате воцарилась тишина, если не считать потрескивания поленьев в камине. Когда Крюгер наконец заговорил, он уставился в пол, стараясь ни с кем не встречаться взглядом.

— Семья может вынести позор уродства старшего сына, но если он еще и рогоносец? Это уже явный перегиб. Им очень хотелось, чтобы эту позорную историю скорее забыли.

Бриджит не могла не посочувствовать этому человеку. Когда он вновь поднял глаза, в них светилась горечь наполовину с ужасной печалью.

— Они не хотели чувствовать себя неловко тридцать лет назад, и судя по их редкому со мной общению, очень сомнительно, что их мнение изменилось.

Мисс Чой слегка откашлялась.

— Думаю, все, что следовало сказать, уже сказано...

Крюгер прервал ее поднятием руки.

— Жаль, что я почти ничем не могу вам помочь. Но будьте уверены: если вы все-таки раскроете тайну, которую скрывает мистер Фэллон, я щедро вознагражу вас за то, что вы помогли наконец положить этому конец.

Чой указала на дверь и пошла к ней первой. Пол, сидевший рядом с Бриджит, начал подниматься. Но сама она продолжила сидеть и смотреть Крюгеру прямо в глаза, понимая, что не должна произносить то, что собиралась сказать. Как выразилась однажды мама, дело не в том, что Бриджит говорит не думая, а в том, что она думает, но потом все равно говорит.

— Вы должны знать... Если я... Если мы узнаем, где они, то не станем делиться с вами информацией.

Бриджит залилась краской, почувствовав, как все трое одновременно на нее посмотрели. Скосив глаза вправо, она увидела Пола, раскрывшего от удивления рот.

— Мне очень жаль, но это было бы неправильно, — продолжила Бриджит, — брать деньги за разрушение жизней двух людей, которые, возможно, ни в чем не виноваты.

Чой двинулась к ней. На долю секунды Бриджит показалось, что она собирается вlepить ей пощечину.

— Маргарет, — тихо, но твердо произнес Крюгер.

Мисс Чой остановилась, огляделась и на мгновение растерялась, словно очнувшись ото сна. Затем она вернулась и встала позади кресла своего работодателя.

— Хотите узнать, как я познакомился со своей женой, мисс Конрой?

Вопрос застал Бриджит врасплох. Она нервно кивнула.

— Это была вечеринка, — сказал он, а затем добавил с легким смешком: — На самом деле нет — скорее способ избежать той самой вечеринки. Шла большая гулянка по поводу... ну, всегда найдется какой-нибудь повод. Я тихо сидел в комнате и читал книгу. И тут вошла Сара-Джейн. Она якобы хотела посмотреть на картины, но на самом деле, как и я, просто желала спрятаться от всех этих людей. Она была... — Крюгер снова уставился на огонь, погрузившись в воспоминания, — потрясающая...

Бриджит нервно заерзала.

— Она была очень красива, — сказала она.

Крюгер удивленно на нее посмотрел.

— Да нет, — он улыбнулся. — В смысле да, конечно, она была сногсшибательна, но я имел в виду другое. При внешней скромности Сара-Джейн была такой умной, красноречивой, очаровательной. Ее смех был способен заставить... — Крюгер осекся, его лицо стало смущенным. Он откашлялся, прежде чем продолжить. — Я не очень умею, как вы бы, наверное, выразились, «ладить с людьми». Это уродство, — он махнул рукой возле бугристой красной кожи на правой стороне лица, — у меня с самого детства. Оно усложнило мою социализацию. У меня очень мало близких друзей. Но с Сарой-Джейн... Она смотрела на меня совсем не так, как другие.

Бриджит поймала себя на том, что пристально на него смотрит, вернее, на ту сторону лица, которая была нормальной. Несомненно, он был бы красивым мужчиной. Нет, не так. Он был красивым мужчиной — если научиться смотреть мимо очевидного.

— Может, я и дурак, как считает весь мир, мужчина, чья жена сбежала с похитителем. Наверное, так. Однако я знаю, что чувствую. Я люблю свою жену и буду любить ее до самой смерти. И я верю, что она любила меня, — его голос стал звучать громче от гнева. — Кто-то придумал сказочку о том, что моя жена якобы заточенная в неволе принцесса, а я... Что ж, из меня получилось отличное чудовище, не так ли?

Он развел руками, и Бриджит ощутила стыд. Она отвела взгляд в сторону.

— Вы узнали об этой истории из книжки, со страниц которой, как вы сами мне сказали, сошел человек, предположительно умерший тридцать лет назад. Вдруг он ожил и ударил ножом вашего спутника. А другой человек пытается вас убить, считая, что вы могли что-то выведать. И вы до сих пор верите в эту сказку? Верите, что чудовище — я?

Крюгер поднял руку и коснулся пальцев Чой, лежавших на его плече. Затем понизил голос:

— Я все еще женат на своей жене. Я мог бы аннулировать брак давным-давно, но не стал этого делать. Пока я не узнаю точно, что любовь между нами была ложью, я не смогу и не буду «отпускать прошлое».

Бриджит сидела ни жива ни мертва. Она посмотрела на Чой, и та отвернулась.

— Я не ищу мести, я хочу знать. Коннор и Деклан отвезут вас к вашей машине. Хорошего дня.

На этом Крюгер развернулся и выехал из комнаты вон, а Бриджит с Полом продолжили сидеть на диване в полном молчании.

У Норы Стокс был нюх на проблемы. Впрочем, в данный момент из-за крема, который ей посоветовали обильно мазать на кожу живота, чтобы сберечь его от растяжек, она чувала только тошнотворно сладкий запах кокоса. Вонь стояла крепкая, но на улице было слишком холодно, чтобы открывать окно. Гриви, несмотря на множество обещаний, так и не починил бойлер перед тем, как уехать в Италию спасать свой фальшивый брак. На практике это означало, что отопление работало только в двух режимах: «пылающее inferно» и «выкл.». Выбор был невелик, поэтому она выбрала inferно. Так, по крайней мере, в объятиях жары и запаха кокоса имелась возможность иногда закрывать глаза и блаженно фантазировать о пляже на тропическом острове. Потом изнутри брыкался ребенок, и она вспоминала о своем нынешнем состоянии. Пожалуй, если бы она действительно лежала на пляже, то вскоре появился бы «Гринпис» и скатил ее обратно в море, как какого-нибудь тюленя. Когда-нибудь ей станет стыдно за такие мысли и она извинится перед ребенком. Но в настоящий момент ее дни, казалось, целиком состояли из дико изменчивых эмоций, причудливых желаний и волнующего набора физических неудобств и унижений. И да — из вони, как в каком-нибудь баунти-баре с фритюрницей.

Но со всем этим она еще могла более-менее справляться. Значительно больше ее беспокоил парень, сидевший за дверью. «Приемная», как церемонно называл это место Гриви, на самом деле представляла собой три стула возле лестницы. Через стеклянную дверь кабинета было видно, кто там сидит. К сожалению, это означало, что и посетители могли заглядывать в кабинет. Мужчина, который смотрел сейчас на Нору, выглядел так, будто его перевели из основного состава фильма про бандитов на роль «головореза номер два». Он был украшен бритой головой, татуированными костяшками пальцев и даже кривым шрамом через все лицо.

Последние двадцать минут она старательно тянула время, отвечая на воображаемые телефонные звонки, принимая воображаемые электронные письма и делая вид, будто занимается бумажной работой. Раздался кашель — явно не с улицы. Этот парень, похоже, не понимал намеков. Сегодня Нора вообще не собиралась открывать офис, но у Малкроуна имелся только этот номер, а у нее было заготовлено сообщение от детектива-инспектора Стюарта, которое следовало передать.

«Головорез номер два» встал и многозначительно заглянул в офис. Нора подняла палец, что означало «подождите минутку», и сделала последнее перемещение бумаг по столу. Почему-то ей казалось, что если она выиграет еще немного времени, то что-то изменится. Похоже, она ошиблась.

Нора подняла голову и улыбнулась.

— Заходите. Извините, что заставила вас ждать.

Неуклюже ввалившись в маленький офис, мужчина заставил его выглядеть еще меньше. Потом он сел и огляделся.

— Охренеть здесь жарко.

— Да, прошу прощения. Отопление немного капризничает. Если хотите, можете снять пальто.

Или просто уйти. Пожалуйста, уходите!

— Ниче...

Нора протянула руку.

— Меня зовут Нора Стокс, а вас?

Мужчина одарил руку Нору таким взглядом, каким люди обычно смотрят на непрошенные гениталии.

— Тебе не надо знать мое имя.

Нора убрала руку.

— Боюсь, что надо — для документов. Я же не могу давать юридические консультации, не зная имени клиента, верно?

— Я Мик. Мик... Кин.

По очень длинной паузе между именем и фамилией Нора догадалась, что он пытается придумать что-нибудь оригинальное. Она тщательно записала в блокнот фальшивое имя, подавив желание спросить у него удостоверение личности.

— И чем мы можем вам помочь, Кин?

«Мы» — чтобы он не забывал, что здесь работает много людей.

— Я ищу кое-кого. Вашего клиента — Пола Малкроуна.

Нора поерзала на стуле, постаравшись замаскировать любую возможную реакцию, поскольку услышала она именно то, чего боялась больше всего.

— Ясно, но, к сожалению, мы не сможем вам помочь.

Почему она просто не позвонила в полицию? Потому что была решительно настроена не казаться чрезмерно эмоциональной глупой беременной бабой, вот почему! А теперь, черт возьми, когда приближался худший вариант развития событий, стало слишком поздно. Она с тоской посмотрела на телефон, прежде чем снова взглянуть на мужчину, которого определенно звали не Мик Кин.

— Но ведь ты его адвокатша, так?

— По причине конфиденциальности отношений между адвокатом и клиентом я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть ваше предположение. Надеюсь, вы понимаете.

Она поговорила с Малкроуном час назад, когда он сам позвонил в офис, и передала ему сообщение детектива-инспектора Джимми Стюарта. Странное чувство, когда полицейский просит сказать кому-то, что полиции доверять не следует. А еще — что киллер был застрелен при попытке убийства двух других людей, которых он принял за беглецов. Услышав новости, Малкроун надолго затих. А потом сказал, что перезвонит позже, и повесил трубку так быстро, что Нора не успела дать ему номер своего мобильного. Если бы Гриви —

сволочь дешевая — тратил в месяц на несколько фунтов больше, то у них могла быть телефонная линия с перенаправлением вызова на мобильный. И тогда сейчас она бы сидела дома на диване и слишком эмоционально реагировала на рекламу кондиционера для белья. Устав ждать, она уже подумывала вернуться домой, но вдруг в ее голову пришла неразумная мысль о том, какая из нее получится мать, если она не поможет двум людям, попавшим в беду. В эти чертовы дни ее глупый внутренний голос непрерывно подкидывал ей дурацкие идеи вроде этой. Она пыталась забыть прошлое и не думать о будущем. Она изо всех сил старалась сосредоточиться на том, чтобы жить сегодняшним днем. Но этот писклявый внутренний голосок, который никогда не затыкался, привел ее сегодня сюда.

Мужчина, не являвшийся Миком Кином, положил руки на стол. Теперь, когда они оказались очень близко, Нора разглядела, что на костяшках пальцев обеих рук вытатуировано слово НЕНАВИЖУ. А где же место для любви?

— Слушай, дорогуша, я задал простой вопрос. Ты его адвокатша или что?

— Ни один адвокат не ответит вам на такой вопрос, мистер Кин. А теперь, если я больше ничем не могу вам помочь...

Пожалуйста, уходи, пожалуйста, уходи. О господи, да уходи уже!

Мужчина треснул кулаком по столу, заставив ее подпрыгнуть. Нора мгновенно отстранилась, инстинктивно прикрыв руками живот.

— Ты начинаешь меня бесить, — сказал мужчина.

Нора оглядела комнату.

— Мой босс вернется с минуты на минуту.

— Из Италии? — мужчина широко ощерился, обнажив ряд выдавших виды зубов. — Все очень просто. Скажи, где Малкроун, и я от тебя отстану.

— Вы из тех мужчин, которые способны угрожать беременной женщине?

— Надо же! А я решил, что ты просто толстая, — ухмыльнулся он так, что стало ясно: это абсолютно ничего не изменит.

Нора почувствовала, что вот-вот расплачется, но, глубоко вдохнув, взяла себя в руки, решив не доставлять мерзавцу такого удовольствия.

— А теперь ты скажешь мне, где он, или придется тебя заставить?

— Не думаю, что вы поверите, если я скажу, что не знаю.

Мужчина расхохотался.

— Это точно!

Затем он встал и навис над столом, упершись в него кулаками. На губах его играла кривая усмешка.

— Ваша мать наверняка вами гордится, — саркастически заметила Нора.

— Она была тупой сукой — только и всего.

Нора улыбкунулась.

— Так вот в кого вы такой!

У него был лишь краткий миг на то, чтобы испытать удивление, после чего в широкое тупое лицо ударила струя из газового баллончика.

Он отшатнулся и стал яростно протирать горящие глаза, затем споткнулся о стоявший сзади стул и упал на пол. Отплевываясь и грязно ругаясь, он несколько мгновений катался по полу, прежде чем, шатаясь, подняться на ноги. Потом он сунул правую руку в карман пальто и вытащил пистолет.

— Ну все, блядь ёб...

Фразу пресекло неприятное ощущение судороги, сотрясшей тело. Правая рука произвольно отбросила пистолет в угол, когда организм пронзили двести сорок вольт. С губ мужчины сорвался крик, а большой сытный завтрак, который он с удовольствием съел и почти переварил, поспешно вырвался из противоположного отверстия.

Честно говоря, Нора никогда не любила дядю Грэма по-настоящему. Когда в детстве она увидела его в первый раз, то он и ей, и ее братьям с сестрами показался немного странным. Будучи экспертом в области сельскохозяйственных наук, Грэм провел большую часть жизни за границей, рассылаемый ирландским правительством по всему миру в качестве своеобразной формы экономической помощи. Как объяснила Норе мама, он учил африканцев выращивать растения. Но при этом он не только не знал, как обращаться с детьми, но и был бесполезен для подростков, поскольку не имел ни малейшего представления, что нужно дарить, например, подрастающим девочкам. Ее брату он однажды привез шит африканского племени, о чем несколько недель судачила вся школа. А саму Нору одарил ковриком. Ну в самом деле, какая тринадцатилетняя девчонка не мечтает о коврике?

Поэтому, когда в прошлом году дядя Грэм приехал в Дублин на конференцию, Нора с весьма тяжелым сердцем позволила матери уговорить себя разделить с ним ужин. Этот человек прожил в Кении три года, но, судя по всему, в одиночку не продержался бы в Дублине и одной ночи. Однако в общении он оказался довольно обаятелен. Повзрослев, Нора поняла, что он хороший человек, просто немного неловкий и слишком увлекающийся вопросами севооборота. Дядя Грэм, со своей стороны, стал переживать за Нору, поскольку мать поделилась с ним своими часто высказываемыми опасениями за безопасность дочери, которая вынуждена ходить по грязным улочкам Дублина и общаться со «всеми этими преступниками». Поэтому в конце вечера он настоял на подарке для своей племянницы, преподнес ей то, что он назвал «электрошокером». На самом же деле это был довольно жуткий электрохлыст для скота. Она объяснила ему, что подобные устройства запрещены в Ирландии. Он ответил, что если ей доведется его применить, то о последствиях можно будет подумать позже. Улыбнувшись, дядя добавил, что у нее наверняка имеются хорошие знакомые адвокаты.

И вот, пока Нора Стокс стояла над стонущим подобием мужчины, которого не звали Мик Кин, а воздух меж тем наполнялся пьянящей смесью кокоса, паленой плоти и экскрементов, она решила назвать своего будущего ребенка Грэмом, если родится мальчик. Черт побери, даже если он родится девочкой! Можно будет вставить в имя пару причудливых букв и притвориться, будто оно французское или типа того.

Затем она взяла телефон и уже собиралась позвонить на 999, как вдруг передумала и набрала совсем другой номер.

— Сука ёбаная!

В этот раз бандит крикнул громче.

— Чтоб ты знал, — сказала ему Нора, — на этой штуке регулятор мощности от нуля до десяти. Только что было «четыре», представь, какая «сука» будет на «пять»...

Глава сорок первая

Они выглядели как пара, которая поссорилась. Именно ею они и являлись. Бриджит и Пол сидели у окна и глядели на что угодно, лишь бы не друг на друга. Они расположились в пластмассовых креслах, будто специально сделанных так, чтобы в них невозможно было усидеть дольше пятнадцати минут. Но они сидели в них больше часа. Пол не чувствовал собственной задницы, вероятно ушедшей в спящий режим, и даже немного ей завидовал.

После того как Большой и Огромный пересадили их в «Бентли», первая часть пути обратно в Дублин прошла в относительно подавленном настроении. Душевная боль Крюгера и его физическое состояние выбило из колеи обоих, никак не облегчив их собственное положение.

— Ты ему веришь? — спросил Пол.

— В то, что он ее любил? Возможно. Но это не значит, что она чувствовала то же самое. Он не первый человек в мире, который мог на этом обжечься.

Потом они долго ехали в молчаливом раздумье, пока Пол не заметил телефонную будку.

Звонок Норе Стокс не поднял настроения. У Пола скрутило живот, когда он узнал подробности неудачного покушения на бывшего жениха Бриджит, произошедшего по его вине. Когда он бросал телефон Бриджит в чужой пакет, он даже не думал, что... Или думал? Пожалуй, все-таки нет. Он был настолько одержим идеей выкинуть мобильник, который, как он подозревал, мог навлечь на них неприятности, что избавился от него первым пришедшим на ум способом. Почему он просто не бросил его в канал, как поступил со своим?

Или, как заметила Бриджит, он мог просто вытащить сим-карту. Он мог поступить сотней разных способов, если бы просто остановился и подумал. Вместо этого он решил, что сделает правильно, если наведет полицию на ложный след, заставив следить за телефоном, которого у Бриджит больше не будет. Пол никогда не умел мыслить на много шагов вперед, и теперь из-за этого чуть не погибли два невинных человека.

Когда он рассказал Бриджит о том, что произошло, она буквально взорвалась. Многие люди желают смерти бывшим, но ведь одно дело — пустая угроза и совсем другое, если это случается на самом деле. Она накричала на него, Пол накричал в ответ. Конечно, она была права, но и высказывать ему претензии не имела права. В конце концов, кто кого втянул в эту историю? В запале ссоры они припомнили все, что случилось за эти два дня. За исключением того, что не случилось вчера ночью.

Затем в полной тишине они доехали до центра Дублина. Ну, не в полной, конечно, — было много гудков, испуганных вздрагиваний и грубых жестов. И вот теперь сидели здесь, поедая фастфуд и наблюдая за пабом «У Брогана» с противоположной стороны улицы.

— Ты уверен, что его там не было? — спросила Бриджит, не отрывая взгляда от трех оставшихся картофельных соломок.

— Да, — ответил Пол уже в третий раз.

Он пошел на разведку в паб сразу, как только они доехали. Внутри он обошел и заглянул во все закутки, но так и не обнаружил ни малейших следов Марка Брофи. Он даже провел до смешного много времени в туалете, чтобы убедиться, что его нет ни в одной из трех кабинок. Самая свежая фотография, которую им удалось найти в интернете через компьютер Дороти, оказалась с суперобложки книги, изданной в прошлом году. На ней был запечатлен довольно крепкий коренастый мужчина с вымученной улыбкой и основательно поредевшими длинными светлыми волосами. Если снять фотографии со всех девяти его книг, то из них можно составить убедительный флипбук[82] о человеке, который с возрастом становится все менее и менее самодовольным. За тридцать лет, прошедших со времени публикации «Заложницы любви», он попробовал силы практически во всех жанрах, не относящихся к расследованиям реальных преступлений, — и со все меньшим и меньшим успехом. Рецензии на «Убийственную красотку» — вампирскую любовную историю, действие которой разворачивается в сельской Ирландии, — были особенно разгромными. Полу очень понравилась та, которая начиналась словами «Просто отсоси...»

— Но если его там точно не было, — сказала Бриджит, — то кто тогда курит на улице?

Пол поднял голову и внимательнее присмотрелся к людям возле паба. «У Брогана» представлял собой не очень большое заведение. В своем сегменте рынка он исполнял роль скорее «старой доброй пивнушки», чем «современного супербара». Столы внутри имели такую отделку, какую можно получить, только пролив пиво тысячу раз на лакированную деревянную поверхность, а на коврах виднелись повреждения, очевидно оставленные до введения запрета на курение, а может, и до Пасхального восстания[83]. В переулке, сбоку от входной двери и в стороне от потока ранних субботних гуляк, курили и

болтали трое мужчин. Один был высоким, с густыми волосами и в очках — похожий на неприятную копию главного героя из «Где Уолли?»[84]. Второй — примерно такого же роста, размера и возраста, но если Брофи не превратился в чернокожего, то это был явно не он. Пол уже собирался спросить у Бриджит, чего она тут удумала, когда третий человек вдруг обернулся. Пол с самого начала не принимал его в расчет из-за телосложения. Брофи с фотографии был крепко сбитым мужчиной, этот же — килограммов на пятьдесят тяжелее и почти без мускулов.

— Но, — пробормотал Пол, — этот парень непохож на Марка Брофи. Он выглядит так, будто съел Марка Брофи.

— Лишний вес для тебя — это повод для шуток? — возмутилась Бриджит. — Он всего-то набрал несколько фунтов.

— Несколько?! — не удержавшись, Пол указал пальцем на Брофи.

— Ты мог бы не указывать пальцем на человека, которого мы тайно ищем?

— Верно. Извини.

Пол убрал палец.

Затем он увидел, как Бриджит встает. Он был настолько поглощен чувством вины, злости и смущения после их ссоры в машине, что только сейчас сообразил, что они так и не придумали никакого плана на случай обнаружения Брофи. Просто подойти и ляпнуть, что в его единственной успешной книге написана чушь собачья, казалось слишком невежливым началом разговора.

— Ну и что будем делать? — спросил Пол.

— Ты будешь сидеть здесь и стараться не влипать в неприятности, — сказала Бриджит. — А я пойду и разберусь с ним сама.

— Ну понятно, — ответил Пол, изо всех сил делая вид, что его это не задело.

Бриджит отряхнулась, надела жакет и, немного подумав, расстегнула верхнюю пуговку блузки.

Пол поднял брови. Она ответила насмешливой улыбкой.

— Ну что можно сказать? Мужчины — идиоты.

Потом она пошла, а Пол стал смотреть, как она переходит через улицу.

— Да, — пробормотал он себе под нос. — Мы действительно такие...

Детектив-инспектор Стюарт (в настоящее время отстраненный) испытывал отвращение.

Если и существовал какой-то аспект его работы, который вызывал в нем неприятие, то это определенно был запах. Обычно, когда его вызывали на труп, он вынимал из ящика стола баночку «Викс» от простуды. Немного мази, нанесенной на верхнюю губу, приглушало запахи похуже. Самыми гнусными были несвежие тела, то есть те, чья смерть наступила достаточно давно, чтобы разложение достигло апогея. По ним же было труднее всего восстанавливать картину произошедшего. Иногда, еще даже не увидев труп, по одному запаху можно было судить, что неделя сложится отвратительно. Стюарт слышал, как другие называли запах «сладким», но никогда этого не понимал. Для него это была мерзкая гнилая вонь смерти. Тяжелый смрад приставал и к одежде, словно назойливый призрак, требующий отмщения. После того как он бросил курить, многострадальная миссис Стюарт время от времени выражала недовольство, учуяв свежий неприятный запах. Но объяснить, откуда он берется, у Стюарта не хватало духу. Вместо этого он придумывал истории о том, как пришлось ковыряться в мусорных баках в поисках улики.

Так что увиденная сцена смердела отнюдь не самым неприятным образом — вовсе нет. Но она уверенно претендовала на награду в номинации «сцена без участия мертвого тела». Он взбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, решительно распахнул дверь во внутренний офис адвокатской конторы «Гриви и ко» и тут же отшатнулся от зловонного удара. Детектив Доннаха Уилсон (находящийся в предписанном отпуске по болезни) врезался ему в спину.

— Блядь, что это? — спросил Уилсон. — Воняет так, будто здесь жарили говно!

Возможно, ему не хватало манер и такта, но описание вышло необыкновенно точным.

Если встретивший их запах был удивителен, то зрелище, открывшееся перед ними, поразило их вдвойне.

В центре комнаты стояла согбенная беременная женщина. В одной руке она держала жуткого вида электрохлыст для скота, чьи электроды парили возле самой спины распростертого на полу мужчины. В другой руке у нее был газовый баллончик, направленный прямо в лицо детективу-инспектору Стюарту. Женщина была вся в поту, с опухшими от слез глазами.

— Стюарт?

— Да, — ответил Стюарт. — Это я. Нора Стокс, полагаю?

— Покажите документы.

— У меня их нет. Меня отстранили. Уилсон?

Он оглянулся на молодого человека, чья голова была целиком обмотана белой повязкой.

— Блин, забыл в машине!

Стюарт отступил на шаг.

— Так, мисс Стокс, просто расслабьтесь. Я детектив-инспектор Джимми Стюарт. Вчера вечером мы разговаривали по телефону. Неужели вы не узнаете мой голос?

Женщина стала изучать его, сосредоточенно прищурившись.

— Скажите что-нибудь еще.

— Кажется, вам не помешала бы чашка чая.

Нора выронила оба оружия и отшатнулась к столу, чтобы опереться на него двумя руками.

— Вы совершенно правы. Господи, спина уже отваливается.

— Вам помочь?

Она покачала головой, тяжело дыша.

— Он вас хоть пальцем тронул?

— Пытался. Но не успел.

Почувствовав, что угроза немедленной расправы устранена, распростертая на полу фигура пискнула:

— На меня напали! Я хочу выдвинуть обвинение!

Стюарт наклонился, чтобы как следует рассмотреть лицо мужчины.

— Мик Шерри, чтоб мне провалиться! Давно не виделись. По-моему, ты обоссался, Майкл.

Мужчина поднял голову.

— Это из-за нее.

— Серьезно? Специально приду послушать, как ты будешь рассказывать об этом на суде.

— Босс!

Подняв глаза, Стюарт увидел Уилсона, указывавшего на что-то в углу.

— Ого. Этот пистолет случайно не ты выронил, Майкл?

— В первый раз его вижу.

— Ну конечно! Уверен, твои слова полностью подтвердят отпечатки пальцев.

— Я требую адвоката!

— Как удачно. Тут как раз есть адвокат, но она, кажется, не очень тебя любит.

Мужчина, в котором Стюарт безошибочно опознал Мика Шерри, сделал попытку встать. Стюарт придавил ботинком пальцы Шерри.

— Полежи пока на полу, Майкл.

— Это полицейская жестокость!

— Я дважды отправлял в тюрьму твоего дядю Терри и один раз твоего брата, — сказал Стюарт. — Они оба неисправимые преступники, но, в сущности, не такие уж плохие люди.

— Какого ху...

Стюарт перенес на ногу ровно столько веса, чтобы до Шерри дошло: сейчас ему лучше помалкивать.

— Я к тому, что ты только что наставлял пистолет на беременную женщину. Я почти уверен, что даже твоя родня не стала бы сейчас возражать, если бы я выбил из тебя семь оттенков дерьма.

— Шесть, — заметила Нора Стокс.

Джимми Стюарт взглянул на нее с недоумением.

— Шесть, — повторила она. — Один оттенок из него уже выскочил.

— Справедливое замечание, — согласился Стюарт, прежде чем посмотреть на Уилсона. — Наручники?

Молодой человек покачал головой.

— Ладно, Мик, я собираюсь вывести мисс Стокс отсюда, чтобы она могла подышать, но детектив Уилсон останется с тобой. Имей в виду, он еще хуже, чем я, относится к тем скотам, которые нападают на женщин.

— Я не... Агх-х!

Стюарт сильнее надавил на пальцы.

— Тот факт, что тебе это не удалось, Майкл, ни на грамм не облегчит твою участь.

Стюарт убрал ногу с его руки и повернулся к Уилсону.

— Мы будем снаружи. Если дернется, прострели его как-нибудь поинтереснее.

Уилсон кивнул. Оба знали, что у него нет оружия, но Уилсон был вполне уверен, что Шерри не станет это проверять. Подонок уже понял, что сегодня не его день.

Стюарт поднял с пола газовый баллончик и электрохлыст, после чего провел Стокс мимо ее обидчика. Пока она приводила себя в порядок в туалете, он решил вскипятить чайник. К тому времени, как она выйдет, у него уже будет две заваренные кружки. Заодно появилось время подумать о том, о чем думать совсем не хотелось; о том, что не давало покоя с тех пор, как позвонила Нора Стокс; о том, с чем придется иметь теперь дело, хочет он того или нет.

К счастью, звонок раздался в тот момент, когда он только-только подвез Уилсона домой из больницы Святой Екатерины. Стюарт настоял на этом, невзирая на протесты раненого напарника. Это было самое малое, что он мог для него сделать. Кроме того, теперь, когда его отстранили, ему все равно было нечем заняться. Они припарковались возле дома Уилсона как влюбленная пара на исходе второго свидания, и Стюарт в очередной раз попытался выразить благодарность Уилсону за спасение своей жизни.

Когда накануне вечером Стюарт добрался наконец до дома, он понял, что не может заснуть, и стал опять прокручивать в голове то, что случилось в парке. А самое главное, он не мог избавиться от образа многострадальной миссис Стюарт, стоящей в вестибюле штаб-квартиры «Гарда Шихана» — заплаканной, но гордой тем, что имя ее мужа навсегда останется высеченным на мраморной доске. «Погиб при исполнении служебных обязанностей». Только вместо этих слов Стюарту виделись другие: «Слишком кичливый, слишком медлительный, слишком старый». Несмотря на дополнительное время, которое у него появилось на то, чтобы все обдумать, вторая попытка извиниться вышла даже хуже, чем первая. Звонок Норы Стокс оказался весьма кстати, поскольку за полминуты до него Стюарт нечаянно процитировал песню Селин Дион и стал бормотать нечто совсем бессвязное в отчаянной попытке скрыть этот позорный факт.

Нора вышла из туалета, и Стюарт протянул ей кружку крепкого чая.

— Уже лучше?

— Лучше.

— Вам точно не нужен врач?

— Все в порядке, — Нора вяло улыбнулась. — Просто очень устала и беременна.

— Когда срок?

— Через две недели. Я решила поработать как можно дольше, чтобы накопить на отпуск по беременности.

— Тоже верно. Может, мне позвонить будущему отцу?

Нора Стокс покраснела.

— Давайте не будем о этом, ладно?

— Хорошо, не лезу.

Настала очередь смутиться Стюарту.

Оба сели на стулья в приемной. Через закрытую стеклянную дверь они видели Уилсона, караулившего пленника.

— Как бы то ни было, — сказал Стюарт, — но эта история сделает вас легендой среди всех полицейских.

Стокс устало рассмеялась.

— Многие ли адвокаты по уголовным делам могут таким похвастаться?

Отхлебнув чай, Стюарт повернулся и посмотрел на нее.

— Ну так что будем делать?

— Как сама себе адвокат, могу сказать, что владение электрошокером — это десять тысяч штрафа, до пяти лет тюрьмы и совершенно точно лишение адвокатской лицензии.

— У него был пистолет.

— Поэтому я сомневаюсь, что попаду в тюрьму, но работы все равно лишусь. Вы удивитесь, какой этичной становится профессия юриста, когда привлекает публичное внимание.

— Электрошокер? Какой электрошокер? Странно, но я его не видел.

Нора Стокс взглянула на Стюарта и улыбнулась.

— Когда полиция ради тебя что-то скрывает, это бросает тень на профессиональную репутацию.

— Рискую показаться шовинистом и ретроградом, но скажу, что вам помогает не полицейский, а отец трех дочерей. Мне искренне жаль, что мы не сможем предъявить обвинение этому куску говна, прошу прощения за грубость.

— Я собиралась назвать его сраным пидорасом, так что можете не извиняться.

— Но я могу гарантировать, что и он не подаст на вас в суд.

Нора Стокс бросила на Стюарта испуганный взгляд.

— Что вы, зачем? Наверняка ведь можно и по-другому.

Конвоируя Шерри вниз по лестнице, Джимми Стюарт крепко держал электрический шнур от чайника, которым были связаны руки бандита. За все сорок один год службы он ни разу не столкнул подозреваемого с лестницы. И ни разу не испытывал такого искушения, как теперь. Даже мерзкая вонь не

входила в топ-три качеств, которые отталкивали его в пленнике. Тот факт, что его придется теперь отпустить, заставлял кровь в жилах вскипать.

Достигнув нижней ступеньки, Стюарт толкнул его вперед и вывел за дверь — на небольшую асфальтированную автостоянку. Сейчас она была пуста, если не считать «Ровера» Стюарта и «Астры» Стокс. Уилсон спустился вместе с ними. Мисс Стокс осталась наверху — открывать окна и придумывать, как избавиться от неприятного запаха.

— Короче, Майкл, запомни, что я сказал, — сегодня твой счастливый день.

Шерри пробормотал что-то невразумительное. Возможно, оно и к лучшему. Стюарт хотел поскорее закончить то, о чем он наверняка потом пожалеет. Развязывая шнур, он шепнул Шерри на ухо:

— Если когда-нибудь еще раз она тебя увидит или услышит, Майкл, я жизнь положу на то, чтобы тебя уничтожить. Со следующей недели я пенсионер, у которого абсолютно нет никаких увлечений. Тебе не понравится, если я увлекусь тобой, поверь мне.

Стюарт резко дернул шнур вниз, чтобы акцентировать свою мысль.

— А если ты хоть на секунду задумаешься о том, чтобы подать иск, я обрушу на тебя целый дождь из дерьма... Извини, если задел за живое. Ты утонешь в нем так быстро, что даже пикнуть не успеешь...

Шерри попытался вырваться, но Стюарт схватил его за плечо и притянул назад.

— И как только ты в него погрузишься по ноздри, я лично расскажу каждому отбитому психу, которого арестовывал, что ты угрожал беременной женщине.

— Не было такого!

— Ну конечно. Вскрытие покажет!

Стюарт сдернул электрический шнур и вытолкнул Шерри на автостоянку. Несколько минут они стояли с Уилсоном бок о бок и наблюдали, как делает первые робкие шаги сторающий от стыда мужчина. Когда Шерри обернулся, оба улыбнулись и помахали ему рукой.

— Вот подонок, — заметил Уилсон.

— Абсолютное отребье. Хотя, с другой стороны, можно сказать, его обгадила сама судьба.

Они увидели, как две девочки-подростка остановились и с невыразимым ужасом взглянули на проходившего мимо них Шерри. До стоянки донесся их удивленный смех. Уилсон повернулся, чтобы зайти в дом, но Стюарт придержал его рукой.

— А вот интересно, — сказал Стюарт. — Откуда они узнали?

— Что?

Стюарт испытующе посмотрел на молодого человека. Вспышка вины, мелькнувшая в глазах Уилсона, смыла последние остатки зыбкой надежды, за которую цеплялся Стюарт.

— После того как вчера вечером мне позвонила мисс Стокс, я так и не сообщил об этом оперативной группе. Конечно, я был обязан это сделать, но накануне выдался тяжелый денек с бомбой, покушением на убийство, героем-напарником, спасшим меня от смерти, и вот этим всем... К тому же я стар и забывчив.

— Бля, о чем ты говоришь, Джимми?

Уилсон попытался отодвинуться, но Стюарт схватил его за руку и притянул к себе.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю, Доннаха, — Стюарт никогда не называл напарника по имени. Вероятно, Уилсон даже не подозревал, что он это имя знает. — Я ничего не сказал, поскольку понял, что у нас завелась крыса. И меньше всего мне бы хотелось, чтобы кто-то добрался до Малкроуна через его адвоката. Поэтому я рассказал только тебе, отдыхавшему в тот момент на больничной койке.

Уилсон отстранился, но не с гневом. Он выглядел так, будто его сейчас стошнит. Вероятно, до этого момента молодой человек даже не осознавал всех последствий. Но этот момент, по крайней мере, настал.

— Я...

— Можно взглянуть на твой мобильник, Уилсон? Дай угадаю... Герри Фэллон — старый друг семьи?

Уилсон вдруг вскинулся с выражением искреннего возмущения на лице, хотя в глазах его блеснули слезы.

— Ты очень неправ, Джимми. Вот, держи.

Стюарт с удивлением заметил, что Уилсон протягивает ему телефон.

— Она позвонила мне, когда ты был наверху с тем айтишником. Она сказала, что они просто хотят, чтобы их держали в курсе из-за большого резонанса...

Стюарт промотал список исходящих звонков. 11:27 вечера — «Вероника Дойл». Должно быть, Уилсон поговорил с ней сразу, как только Стюарт покинул палату.

— Блядь, это что, та пиарщица?

— Честно говоря, Джимми, я решил, что это просто, ну... поможет им не допустить плохих публикаций о деле «Рапунцель». Она сказала, что хочет быть в курсе дела, контролировать СМИ и все такое.

Стюарт вздохнул и бросил ему «трубу».

— Выходит, ты не крыса. Ты политикан. Наверное, это в крови. Впрочем, какая разница? — Стюарт указал на лестницу. — Ты и только ты виновен в том, что там произошло.

Уилсон опустил глаза.

— Я понимаю.

— Вот так оно и случается, — сказал Стюарт. — Услуга за услугу. Не успеешь моргнуть — и ты уже у кого-нибудь на крючке.

— И что же мне теперь делать?

Стюарт стоял и смотрел, как светофоры на перекрестке меняют цвет с красного на зеленый. Двое молодых парней бросились поперек не успевшего разогнаться потока машин, и в этот раз им повезло... Эх, молодость. Неуязвимость.

— Что делать? Усваивать урок. Вчера вечером ты был героем, а сегодня... уже нет. Запомни оба этих чувства.

Уилсон кивнул.

— Я останусь здесь на случай, если Малкроун и Конрой вдруг снова позвонят.

— Я могу этим заняться.

— О нет, — ответил Стюарт с легкой улыбкой. — Для тебя у меня имеется работка получше. Ты обеспечишь беременной женщине круглосуточную охрану, пока ситуация не разрешится. — Стюарт повернулся и шагнул к лестнице. — И на твоём месте я бы не стал её злить. Видал, что случилось с тем парнем?

Глава сорок третья

— В смысле «он ничем не может помочь»? — спросил Пол у Бриджит.

— В прямом, — она отвела глаза в сторону и остановила их на девушке, мывшей пол. — Прости, я... Это была глупая идея. Я думала, смогу объяснить ему, в какую беду мы попали; смогу воззвать к его добрым ангелам, — Бриджит покачала головой. — Но этот жирный хер, должно быть, их уже сожрал!

Очевидно, запрет на шутки о лишнем весе уже не действовал.

Взглянув на Бриджит, Пол почувствовал себя еще хуже. Он видел, как она перешла дорогу и «стрельнула» сигарету у Брофи. После этого она завела разговор с ним и его друзьями. Пол мог поклясться, что отчетливо заметил

тот момент, когда Бриджит притворилась, будто узнала Брофи, и стала взволнованно рассказывать, что она его большая поклонница. Лицо толстяка, хорошо заметное с противоположной стороны улицы, просветлело, как лицо ребенка в Рождество. Затем она, должно быть, заявила, что обожает «Убийственную красотку». Пол был уверен, что такого Брофи не слышал никогда и ни от кого — даже от собственных родственников. Оставив их наедине, приятели Брофи вернулись обратно в бар, спотыкаясь, подмигивая и пихая друг друга локтями. Пол не знал, что беспокоило его больше: то ли что они решат, будто Брофи популярен, то ли что писатель возмнит это сам.

Наблюдая за работой Бриджит, Пол не мог не впечатлиться. Она подцепила и отсекала объект в рекордные сроки — практически по-шпионски. Но ему не очень нравилось, что она все дальше и дальше уводила его в переулок, чтобы изолировать от выходящих из бара курильщиков. Конечно, это был не совсем темный переулок в опасной части города. Пол совершенно точно знал, что он вел к служебному входу театра «Олимпия» и там скорее можно было попасться кому-нибудь на глаза, чем столкнуться с реальной опасностью. Но все же... Пол подумывал о том, чтобы выйти из «Мака» и присоединиться к ней или хотя бы встать так, чтобы они находились в поле его зрения, но потом решил этого не делать. Нельзя допустить еще один проеб.

Оставаясь на месте и прихлебывая воду от тающего льда из большого стакана диетической колы, Пол получил возможность немного подумать. Бриджит была права. Он слишком много стонал и жалел себя. Конечно, она втянула его в неприятности, но она же была единственной, кто пытался его из них вытащить. Полиции было плевать. Даже семейство Неллис, его старые друзья, повернулись к нему спиной. И только медсестра Бриджит Конрой, которую он едва знал, пришла к нему на помощь. Она подвергла себя опасности лишь потому, что пыталась исправить результат неудачной попытки утешить умирающего старика. Проигнорировав указания полиции, она рассказала Полу, кем был на самом деле Макнейр, именно ей пришлось в голову встретиться с Крюгером и прямо сейчас она пыталась раскрутить Брофи на информацию. А Пол все это время только плакался, ныл и чуть не убил ее бывшего жениха. Ну ладно, ее бывший тот еще мудила, но само по себе это не заслуживает смерти.

Полу следует перед ней извиниться. Говоря откровенно, он обязан ей гораздо большим. Хватит изображать из себя обиженного на весь мир. Пора самому вступать в эту чертову игру...

Потянувшись через весь стол, Пол взял ее за руку.

— Все в порядке, ты сделала все, что могла. Как он отреагировал, когда ты упомянула Фэллона?

Бриджит с подозрением покосилась на Пола, ожидая подвоха.

— Он чуть не обделался, когда я произнесла это имя. Он боится Фэллона, но, кажется, его боятся вообще все.

— Отлично!

Пол встал, снял с себя перевязь и бросил ее на стол.

— Куда ты, черт возьми, собрался?

— Помнишь, что произошло между мной и Макнейром в больничной палате?

Бриджит закатила глаза.

— Ради бога, Пол! Я уже сто раз просила прощения.

— Нет-нет-нет! — перебил он ее. — Я про то, что было до удара ножом.

Бриджит посмотрела на него с недоумением.

— Он сказал, что я похож на своего папашу — некоего Герри Фэллона.

Проверим, заметит ли еще кто-нибудь семейное сходство...

Войдя в паб, Пол огляделся. Почти сразу он заметил Брофи, сидевшего за столиком в углу и пребывавшего в центре внимания. Судя по возбужденным лицам его спутников, этот идиот повсюду рассказывал похабную сказку о том, как он провел последние пятнадцать минут. Пол протиснулся к бару, оказавшись позади женщины, покачивающей довольно внушительным розовым ирокезом. Бросив взгляд на группу в углу, он увидел, как Уолли исполняет узнаваемую во всем мире пантомиму, намекающую на минет. Сделав шаг в их сторону, Пол вдруг осознал, что адреналин, возможно, берет над ним верх. К счастью, в этот момент двинулась женщина с ирокезом, и подсознательное перемещение Пола выглядело так, будто он уступил ей дорогу, чтобы она могла беспрепятственно донести коварный треугольник из трех напитков до своего столика. Женщина кивнула в знак благодарности и ушла, а Пол скользнул в просвет, оставленный ею у барной стойки.

Он терпеливо подождал, пока барменша закончит обслуживать трех других посетителей, после чего заказал себе пинту «Гиннеса». Ожидая, пока осядет пена в стакане, он заметил краем глаза, что Брофи с трудом поднимается со своего места. Пол старался не смотреть слишком пристально, пока его цель передвигала свою внушительную тушу через бар, поминутно извиняясь и благодаря, если толпа перед ним расступалась. Судя по всему, он направлялся к лестнице, ведущей в подвал с туалетами. Пол отчаянно замахал рукой, чтобы привлечь взгляд барменши, затем кивнул на стакан с почти осевшей пеной.

— Уже осело, — сказал он как можно спокойнее.

Барменша бросила на него неодобрительный взгляд, но долила, как он просил.

— Четыре девяносто пять.

«Господи!» — подумал Пол.

За такую цену он мог купить целую упаковку стандартной дряни, к которой привык. Давненько он не пил настоящее пиво в настоящем пабе. Пол протянул барменше банкноту в пять евро и взял стакан.

— Сдачу оставь себе, — сказал он.

— Фига ты щедрый! Кажется, я все-таки куплю себе яхту.

Пол не стал ничего отвечать. Он уже направлялся к лестнице, по которой с минуту назад спустился Брофи. Он шел так быстро, насколько можно было идти в переполненном баре, не вызывая подозрений. Затем спустился по лестнице и повернул направо. Возле двери в мужской туалет ему пришлось остановиться, чтобы пропустить выходящего оттуда крупного бритоголового парня. Парень как-то странно посмотрел на Пола, который вдруг осознал, что в спешке не подумал, где оставить стакан.

— Не хочу, чтобы в него чего-нибудь подсыпали, — пояснил он.

Парень поднял брови и кивнул, как человек, который уже сталкивался с подобным.

Толкнув дверь, Пол вошел внутрь и осмотрелся. Удача все еще была на его стороне.

Все писсуары были свободны, как и две из трех кабинок. Пол подошел к раковинам и посмотрел в длинное горизонтальное зеркало, убедившись, что в одной из кабинок действительно стоял Брофи и, судя по всему, изливал чудовищный поток мочи. Пол не обдумывал эту часть плана в деталях, но заметил, что Брофи оставил сиденье унитаза опущенным. Вот грязное животное! Благодаря этому штриху Пол почувствовал себя вправе сделать то, что он собирался сделать. По мнению Пола, за ссанье на сиденье унитаза следовало карать смертью.

Он сделал большой глоток из стакана, поставил его на выступ возле раковин и двинулся прямо в кабинку, которую занимал Брофи.

Затем он толкнул толстяка вперед.

— Какого хуя?! — воскликнул Брофи.

Пол ухватил его за ворот пиджака, прежде чем он успел обернуться. В идеале ему хотелось бы закрыть дверь кабинки, но места в ней едва хватало для самого Брофи, не говоря уже о них обоих.

— Да это никак знаменитый писатель Марк Брофи!

— Ты кто, блядь, такой?

Голос Брофи прозвучал испуганно — то есть так, как требовалось Полу.

— Разве так следует разговаривать с сыном старого друга?

Брофи повернул голову, насколько это было возможно в замкнутом пространстве. Пол наклонился вперед, чтобы не дать ему обернуться, и прошептал на ухо:

— Мой папаша Герри Фэллон — старший просил передать тебе свои наилучшие пожелания.

Брофи повернулся еще немного, пытаясь разглядеть нападавшего. Нельзя давать ему время подумать. Надо вывести его из равновесия.

— Мы слышали, ты до хрена болтаешь.

— О чем?

Пол ударил его правой рукой в почку, в награду получив укол боли в раненое плечо. Вероятно, удар вышел болезненнее для него самого, чем для Брофи, но ведь главное — эффект.

— Не беси меня, — сказал Пол.

— А... она сама ко мне подкатила. Я ее послал. Честно!

— Что-то ты долго ее посылал. Минут двадцать, не меньше.

— Я не...

Пол снова толкнул его вперед.

— Заткни ебало! Ты сказал ей, что лодка не отходила от Керри?

Пол ляпнул наугад — в надежде, что сыщики Крюгера хотя бы в этом не ошиблись.

— Я ничего ей не говорил, клянусь!

— Не лги мне! Мы знаем, что они в курсе.

— Точно не от меня. О господи, блядь!

Голос Брофи звучал так, будто он вот-вот расплчется. Сейчас самый подходящий момент.

— Они знают место?

— Что?

Брофи попытался пошевелиться, но Пол навалился на него всем телом, прижав к унитазу.

— Говори правду, жирный хуй!

— Я бы ни за что им не сказал, клянусь!

Ну давай-давай, сболтни хоть что-нибудь.

— Ты знаешь слово, которое никогда не должен произносить? Ну-ка, напомни мне его.

— Да что за хуйня?

Мозг Пола лихорадочно работал. Должен быть какой-то способ вытянуть из него информацию, но это было лучшее, что он сумел придумать. Нужно найти что-то еще. Дай только время...

Вспышка боли пронзила голову Пола. Зрение затуманилось, глаза закрылись. Он почувствовал, как оторвался от толстой задницы Брофи и неуклюже упал на мокрую плитку. Чьи-то руки схватили его и подняли на ноги. В тумане вокруг раздались возбужденные голоса.

— Кто это такой, блядь?

— Неважно. Просто держи.

— Ты видел, Даг? Я пизданул его прямо по башке — вот этой бутылкой. Бум! Один удар — и на пол!

— Заткнись и помогай ему, Клайв. Держи пиздюка.

Последний голос принадлежал Брофи, и он больше не звучал испуганно. Он звучал злобно. Пол почувствовал, как что-то потекло у него по затылку.

Затем ему в лицо вылили почти целую пинту «Гиннеса». Он ощутил его вкус на губах.

Пол открыл глаза. Перед ним стоял Брофи. Толстяк ударил его в лицо. Рефлекторно Пол дернул руками, чтобы защититься, но их держали. Уолли и черный парень, догадался он.

Брофи наклонился к нему поближе.

— Да как ты, блядь, смеешь? Приходишь сюда, пытаешься меня запугивать. Меня уже тошнит от этой херни!

— Точно, — донесся голос сзади.

— Заткнись, Клайв! — сказал второй.

Брофи схватил Пола за подбородок и слегка приподнял.

— Передай отцу, что я ни разу не нарушил наш договор и никогда не нарушу. Я могу потерять не меньше, чем вы. Не надо мне капать на мозги.

Брофи бросил тревожный взгляд на мужчин, державших Пола, затем наклонился к самому его уху и прошептал:

— И да, я знаю слово, которое не должен произносить, — голос Брофи почти превратился в шипение: — Бандон...

Брофи отстранился, чтобы взглянуть прямо в глаза Полу.

— А еще передай ему вот что: это слово, как и многое другое, имеется у нескольких людей в разных частях земного шара. Если со мной хоть что-то случится — хоть что-нибудь, — то все, что я знаю, выплывет наружу. А теперь почему бы не...

Брофи умолк, поскольку дверь в туалет распахнулась.

— Какого черта здесь происходит?

Брофи отступил на шаг. Руки, державшие Пола, его отпустили, а затем снова схватили, чтобы он не упал. В дверях стоял мужчина лет тридцати в белой рубашке и черных брюках. Должно быть, кто-то из персонала паба.

— Он поскользнулся и разбил себе голову, — объяснил Брофи, безуспешно стараясь, чтобы голос не звучал фальшиво. — Пьяный в хлам, Десси. Ни хрена не соображает.

— Я видел, как он входил сюда двадцать минут назад, — ответил мужчина. — По-моему, он был трезв.

— Может, наркоман какой-то? — раздался голос за спиной Пола, который, судя по всему, принадлежал чернокожему парню.

— Ага, конечно. Сказки мне не рассказывай! Вешай лапшу кому-нибудь другому.

Пол увидел подозрение в глазах Десси, когда он подошел поближе. Мужчина повернул голову Пола и наклонился, чтобы взглянуть на его затылок. Пол почувствовал запах лосьона после бритья, которым пользовался Десси. Черт возьми, он был чудесен.

— Ну ни хрена себе! — произнес новый любимый бармен Пола. — Ладно, я его забираю, — он закинул левую руку Пола себе на плечо, приняв на себя его вес. — Можешь идти?

Пол кивнул, отчего его чуть не стошнило.

— Тогда пошли.

Десси вывел его из туалета и прислонил к стене коридора. Затем проговорил тихим голосом:

— Может, вызвать полицию?

— Не-не, я справлюсь, — ответил Пол.

— Уверен? «Поскользнулся», блин. По мне это — трое напали на одного.

— Все в порядке.

— Тогда хотя бы вызовем скорую.

— Нет, нет. Не надо...

Пол поднялся по лестнице, продолжая отбиваться от очередных попыток Десси ему помочь. Весь паб смотрел, как он, пошатываясь, идет к входной двери, всем своим видом излучая «великолепное» здоровье.

В двойных дверях Пол едва не сбил какую-то женщину, протискиваясь на улицу. Вечерний воздух принес благословенное облегчение. Тяжело дыша, он прислонился к стене. Его начало подташнивать, и он прикрыл глаза в

надежде, что мир перестанет вращаться. С закрытыми глазами он слышал неодобрительное цоканье людей, проходивших мимо. «Вот алкаш!» – раздался чей-то голос.

Потом он почувствовал, как его обняли чьи-то руки.

– Господи! Что с тобой?

Бриджит. Боже, от нее пахнет еще лучше, чем от Десси.

Пол открыл глаза и после нескольких головокружительных мгновений сумел сосредоточиться. Широко улыбнувшись, он произнес одно слово:

– Бандон.

А потом потерял сознание.

Глава сорок четвертая

Помощник комиссара Финтан О'Рурк хлопнул дверцей машины и посмотрел на окна верхнего этажа своего дома. Еще подъезжая, он издали увидел в них свет. Дом стоял на холме, вдали от главной прибрежной дороги. После затянувшегося утомительного ужина в Торговой палате он с нетерпением ждал возможности побыть одному. Неделя выдалась долгой, а подменять Саму на подобных мероприятиях входило в число его наименее любимых служебных обязанностей. Но он все же приходил и улыбался одним и тем же старческим лицам и смеялся над одними и теми же «бородатыми» анекдотами. Что поделать, надо общаться с людьми, чтобы с ними ладить.

Свет лился из окон перестроенного чердака, что могло означать только одно: его сын Джейсон все-таки передумал и приехал домой на выходные. Он учился в Уотерфордском технологическом, потерпев до этого полный крах на языковом факультете Городского университета Дублина. Он никогда в этом не признавался, но у О'Рурка возникло отчетливое подозрение, что его сын пошел изучать языки только из-за высокого процента девушек на потоке. Быстро обнаружив, что японский язык совершенно немыслим, сын бросил учебу в пугающе короткие сроки – не дотянув даже до первых экзаменов. О'Рурк хотел преподать мальчику несколько трудных жизненных уроков, заставив его пойти поработать, но жена запаниковала – оттого, что Джейсон так и останется «неквалифицированным». Он предложил было устроить его на службу в Гарди, но краткий саркастический ответ жены привел к тому, что на пару недель внутри семьи воцарилось напряжение времен холодной войны. «Деловое администрирование» в Уотерфорде показалось куда более низко висящим и удобным для съедения плодом. Так почему бы от него не откусать даже такому балбесу, как Джейсон?

На выходные жена уехала в Дарем[85] — навестить младшую сестру Джейсона. О'Рурк нисколько не возражал против того, чтобы тратить деньги на образование Дженни. Результаты ее учебы свидетельствовали о том, что она не только регулярно открывает книги, но и воздерживается от того, чтобы крутить из их страниц косяки.

О'Рурк зашел в холл, бросил ключи в чашу на столике и крикнул:

— Джейсон!

Ответа не последовало. Перестроенный чердак был святилищем хозяина, маленьким убежищем для него одного. Формально это был рабочий кабинет, но на деле самые приятные его особенности заключались в большом бильярдном столе и телевизоре с большим экраном. Кроме того, здесь был устроен отдельный задний балкон, где он мог спокойно курить сигары, не провоцируя гнев супруги. Джейсон хорошо знал, что ему не следует туда входить. Чердак находился под полным запретом с тех пор, как, явившись однажды вечером, хозяин обнаружил сына на любимом бильярде — яростно совокупляющимся с какой-то девицей. Он не стал бить парня только потому, что не знал, кто эта девушка. Газетчики бы точно не упустили небольшой скандал в дополнение к их нынешней навязчивой идее разнести «Гарда Шихана» в пух и прах. Впрочем, если сын вновь взялся за старое, то в этот раз О'Рурка не остановят ни заголовки газет, ни муки, которые он претерпит от жены. Теперь он точно устроит мальчику трепку, на которую тот регулярно напрашивается на протяжении всех двадцати лет своей сверхпривилегированной жизни. В прошлый раз пришлось разориться на четыреста евро, чтобы заново перетянуть стол. Технической необходимости в этом не было — стол остался неповрежденным. Но смотреть на оскверненную ткань не было никаких сил.

— Джейсон!

Поднявшись до площадки второго этажа, О'Рурк почувствовал, как в нем закипает гнев. На работе каждое его слово было Откровением и любой приказ выполнялся точно и в срок. Но в собственном доме его же безмозглый сын плевать хотел на любые правила, грубо нарушая их с улыбкой идиота.

Приготовившись к худшему, О'Рурк распахнул дверь и окинул комнату взглядом справа налево. Бильярдный стол оказался благословенно пуст. Джейсона нигде не было видно.

— Ёб твою мать!! — воскликнул О'Рурк от неожиданности.

Банни Макгэрри, сидевший перед телевизором в кожаном кресле, поднял бокал неприлично дорогого двенадцатилетнего виски «Милтон», принадлежавшего О'Рурку.

— Комиссар, за вашу жопу!

Он чувствовал себя здесь как дома. Длинная дубленка из овчины висела на подлокотнике кресла, на коленях лежала клюшка для хёрлинга.

— Господи, Банни! Какого хуя ты забыл в моем доме?

— Просто захотелось пообщаться.

— Тогда позвонил бы моему секретарю и записался на прием, как все нормальные люди.

Опасливо оглядев комнату, О'Рурк закрыл за собой дверь.

— Я не из тех, кто записывается на прием.

О'Рурк пересек комнату и поднял бутылку с ковра возле Банни.

— Я вижу, ты и не из тех, кто ограничивается полумерами. Ты хоть представляешь, сколько он стоит?

— Запиши на мой счет.

О'Рурк подошел к бару и взял еще один бокал. Наполнив его до половины, он демонстративно поставил бутылку на место.

— Как ты вообще сюда попал? В этом доме совершенная сигнализация.

— А у меня имеется совершенный ключик.

Банни нежно похлопал по хёрлу.

В понедельник утром на охранную фирму обрушится мать всех пиздецов. Какой толк платить двенадцать «тонн», если сюда может залезть любой дикарь с клюшкой?

— Шикарное у тебя местечко. Удивлен, что ты ни разу меня сюда не пригласил.

— Я бы пригласил, Банни, но ты же ни хуя не умеешь вести себя в приличном обществе.

— Что еще за херов бред? — будто горохом посыпались слова Банни. — На званных обедах я, бля, просто душка.

Даже спустя четверть века знакомства с этим человеком О'Рурк никогда не понимал, когда Банни действительно сердится, а когда валяет дурака. Его посетило неприятное чувство дежавю — старое болезненное ощущение, что любой разговор с Банни Макгэрри может закончиться чем угодно. Это как игра в русскую рулетку.

— Помнишь мою жену, Банни? А вот она тебя хорошо запомнила — как и твой перформанс на нашей свадьбе.

— Ты про... — с губ Банни слетела слюна, когда он ожесточенно зажестикировал. — Тот херов лебедь мог сломать руку какому-нибудь ребенку!

— Поэтому надо было ломать ему шею? Ты хоть представляешь, сколько проблем ты мне этим создал?

Банни ухмыльнулся и осушил бокал до дна.

О'Рурк воспользовался короткой паузой в разговоре, чтобы как следует рассмотреть старого друга. Лицо Банни покрылось мешаниной из злосчастных красных пятен — верный признак того, что он и не думал завязывать с пьянством. А ведь у него давно миновал тот возраст, когда тело легко восстанавливается после любого ужасного с ним обращения. Кроме того, он заметно прибавил в весе, хотя и не был никогда тем, кого традиционно можно назвать атлетом.

— Ладно, — сказал О'Рурк. — Хватит чесать языками. Почему ты здесь?

— Пол Малкроун.

— Этим делом занимается Джимми Стюарт. Поговори с ним.

— О, я бы с радостью, но он уже отстранен.

Новость застала О'Рурка врасплох.

— Какого черта?

— Он хороший коп. В наше время таких немного.

— Завтра утром сделаю пару звонков. А тебе-то что за дело? — Пристально посмотрев на Макгэрри, О'Рурк поднес бокал к губам. — Когда вы успели подружиться? Я думал, для тебя он слишком «правильный».

— Возможно, с годами я становлюсь мягче.

— И это говорит человек, который только что вломился в мой дом. Это расследование не имеет к тебе отношения, Банни. Прими мудрый совет: не влезай.

Банни качнулся вперед, показав, что его переменчивая сила никуда не делась, и заговорил низким рычащим голосом:

— Малкроун — один из моих пацанов.

О'Рурк закатил глаза.

— Ах да, черт возьми, твоя драгоценная команда по хёрлингу. А ты забыл, что именно он выставил тебя некомпетентным бараном в том деле Неллиса?

— Я бы так не сказал.

— А я бы сказал! Учитывая, что именно я был тем дурачком, который сделал все возможное, чтобы затащить тебя в специальный отдел.

— Ты был мне должен, — ответил Банни. — И я мог бы работать там до сих пор, если бы ты меня поддержал.

— Ни хрена, Банни. И хватит корчить из себя святого, задрал! — Двое мужчин встретились взглядами. — Не утруждай себя этой херней с вытарашенными

глазами. Мы слишком давно друг друга знаем, чтобы на меня действовала подобная чепуха.

Банни неуверенно встал и принялся разглядывать шкафчик со спортивными трофеями, установленный в углу. Он открыл его прежде, чем О'Рурк успел придумать, как ему помешать.

— Верно, — сказал Банни с легкой запинкой, — слишком давно. Я помню тебя еще сопливым недорослем, сошедшим с автобуса из Темплмора. В большом городе ты стал похож на потерянного ребенка. Я обучил тебя всему, что ты знаешь, верно?

— Ага, обучил как следует. Еле отучился потом от некоторых из твоих трюков.

Банни взял в руки статуэтку, которую два года назад О'Рурк выиграл на турнире по ловле форели, и принялся осматривать ее, словно прекрасное произведение искусства.

— Я о тебе заботился.

— И я позаботился о тебе. Не забывай, что благодаря мне у тебя привилегированное положение. Ты единственный гард в стране, который может неделями ни перед кем не отчитываться.

— Я добиваюсь результатов.

— Ну да. Только не будем забывать, какие проблемы создают некоторые из них.

Банни поставил статуэтку на место.

— Кстати, о результатах: Полин Макнейр была невинной гражданкой, но теперь она мертва.

— К чему ты клонишь, Банни?

— Сегодня какой-то козлина пытался надавить на адвокатшу Малкроуна, беременную женщину.

— Повторяю: к чему ты клонишь?

— И не забывай про бомбу — охуенную БОМБУ на улице, где играют дети.

— Еще раз, блядь: к чему ты клонишь, Банни?

— У вас утечка.

— Возможная утечка. Мои люди уже этим занялись.

— Нисколько не сомневаюсь. Джимми Стюарт считает, что это твоя пиарщица. Вероника Дойл, кажется?

— Это очень серьезное обвинение. У тебя или у детектива-инспектора Стюарта есть какие-то доказательства?

— Об этом следует спрашивать Стюарта. Но Дойл не та лошадка, на которую я бы ставил.

— Неужели?

— Ага, — ответил Банни. Он щелкнул по ободку уотерфордской хрустальной вазы, и по комнате разнесся чистейший звук. — Я думаю, это ты.

О'Рурк расхохотался.

— Ну спасибо тебе, Банни. Изрядно повеселил.

Банни не отрывал взгляда от шкафчика с трофеями.

— Она отчитывается перед тобой, я уверен.

— Свали домой и проспись, Банни. Если тебе повезет, я притворюсь, будто этого разговора никогда не было.

— Сегодня я весь день провел за чтением. Просмотрел все твои старые дела, Финтан. Величайшие хиты О'Рурка в его стремительном восхождении к власти, — подышав на макушку золотого гольфиста, Банни протер его рукавом. — Любишь гольф, Финтан? Я недавно тоже решил заняться.

— Продолжай в том же духе, Банни, и у тебя появится много времени для тренировок.

Банни осторожно поставил трофей туда, откуда взял.

— А все эти громкие аресты на основе анализа данных? Твоя карьера получила хороший толчок после устранения конкурентов Герри Фэллона, не так ли?

— Мы серьезно ударили и по нему.

— Ну да. Ровно настолько, чтобы не вызвать подозрений. Когда грамотно сливают бой, обычно наносят сначала пару ударов.

— Не могу поверить, что стою и слушаю весь этот параноидальный бред о теории заговора. И от кого? От тебя!

— Выходит, я ошибся?

— Чертовски ошибся! — О'Рурк подошел к Банни, ухватил за плечо и развернул к себе, после чего поднял к его лицу палец. — Кем бы ты ни был, но теперь ты никто! Ты все потерял, Банни. В старые времена я слишком мягко с тобой обращался. Помнишь тот рапорт двухлетней давности, в котором написано, что ты не годен для полицейской службы? Каким дураком я был, что не дал ему ход! Но, к счастью, я это вовремя понял — до того, как ты натворишь что-нибудь непоправимое. Теперь у тебя только два варианта: или ты бросаешь пить, или через две недели уходишь из полиции. Все понятно?

— Ты этого не сделаешь.

— Поверь мне.

Банни ничего не сказал, но О'Рурк заметил, как дрогнула его рука, когда он провел ею по лицу. В глазах мужчины появился намек на влагу.

— Есть в твоей печальной ничтожной жизни еще хоть что-то, кроме работы, Банни?

Между ними повисло молчание. О'Рурк отступил на шаг и оглядел пропитанную алкоголем человеческую оболочку. Кем бы ни был Банни в свое время, но эти дни давно миновали. Его старый друг умер. Осталось только вот это.

Банни опустил взгляд на деревянный лакированный пол и сердито нахмурился, словно оскорбленный его присутствием.

— Ну? — спросил О'Рурк.

После долгой паузы мужчина кивнул. Теперь он почему-то стал казаться меньше ростом. Под пьяной бравадой и тщательно культивируемой репутацией скрывался сломленный человек. Протравленный обидой и выпивкой.

Шумно выдохнув, О'Рурк пошел к своему рабочему столу. Подняв затейливо-резную деревянную крышку сигарной коробки, он вытащил из нее одну из кубинских сигар, купленных во время прошлогодней поездки в Америку. Затем он обрезал кончик, взял зажигалку и только после этого посмотрел на Банни.

— Я выйду покурить. Когда я вернусь, тебя уже здесь не будет. И больше я тебя никогда не увижу. А если твое имя еще хоть раз мелькнет в бумагах на моем столе — неважно, по какой причине, — то потерянный рапорт немедленно найдется. Понял?

Банни кивнул и развернулся к двери. Затем он открыл ее и, не оглядываясь, вышел.

Раздвинув двойные двери, О'Рурк прошел на балкон. Его руки слегка дрожали, когда он раскуривал сигару. За правым виском нарастала напряженная головная боль. Играя в эту игру, всегда приходится идти на компромиссы. Неделя выдалась просто адская. Фэллон прищемил его яйца со всех сторон. Как он это назвал? Гарантия взаимного уничтожения. Нынешнее дело грозило катастрофой с самого начала, но еще оставался способ выпутаться. Он хорошо замел следы, подумал О'Рурк. Конечно, меньше всего бы хотелось, чтобы к сильным мира сего, решающим ответственные вопросы, настойчиво лез Банни. С другой стороны, у вечно пьяного алкаша осталось не так уж много друзей в полиции. В свое время Банни — тот, прежний Банни — производил впечатление настоящей силы природы. Он работал грязно, но у него же был и кодекс. Именно он научил О'Рурка истине, что цель оправдывает средства. Разве О'Рурк делает не то же самое? Только в гораздо большем масштабе. Проблема Банни в том, что он никогда не видит общей картины. Он даже неспособен ее разглядеть.

О'Рурк глубоко затянулся сигарой, глядя на холмы и Дублинский залив внизу. Он увидел огни в море — несомненно, приближался паром. В голову пришла мысль, что Банни забыл свою клюшку...

А потом мир перевернулся.

Для крупного мужчины Банни по-прежнему умел двигаться обманчиво тихо. О'Рурк почувствовал, как одна рука легла ему на спину, а другая схватила за ремень и швырнула за парапет. В одно ужасное мгновение он повис на высоте третьего этажа, глядя на клумбы внизу — на их смутные темные очертания. Он увидел, как закувыркалась его падающая сигара, как стала отскакивать от стен, разбрасывая искры, пока окончательно не исчезла в темноте. Он начал скрести руками о карнизы, отчаянно пытаясь найти хоть что-нибудь, за что можно ухватиться. Наконец, он закричал. Боже правый, как он закричал! Это были не слова, только чистый ужас. Ужас во всю глотку. Он кричал не для того, чтобы услышали соседи, — дом был слишком далеко от любых соседей. Он кричал из чистой физиологической потребности.

Каким-то чудом ему удалось обхватить руками одну из белых мраморных колонн балюстрады и вцепиться в нее изо всех сил. Пара сильных рук держала его за ноги, свесив головой вниз.

Откуда-то сверху донесся голос, внезапно сделавшийся гораздо трезвее, чем он казался раньше.

— В чем дело, Финтан? Разучился вдруг говорить?

— Ёб твою мать, Банни, подними меня, быстро!!

О'Рурк зажмурился, сосредоточив всю энергию на том, чтобы держаться.

— Не раньше, чем ты расскажешь мне о том, что я хочу знать.

— ТЫ, БЛЯДЬ, ПСИХ НЕНОРМАЛЬНЫЙ!

Желудок О'Рурка скрутило, когда державшие его руки слегка ослабили хватку.

— Конечно, и ты это прекрасно знаешь. У тебя есть маленький рапорт, в котором все изложено. Что там написано? «Эмоциональная нестабильность», да?

— Отпусти меня, и я уничтожу его, клянусь!

— А знаешь, я не хотел верить. То есть я с самого начала подозревал, что это ты, но продолжал надеяться. И только когда ты мне стал угрожать, я окончательно понял, что не ошибся. Что у Фэллона на тебя есть?

— Просто... подними меня, и мы обо всем поговорим.

— Даже не знаю, — ответил Банни заметно напряженным голосом. — Разве мы сейчас не разговариваем? К тому же в перевернутом виде ты не такой высокомерный хер. Так, и что скрывает Фэллон?

— Господи, Банни, опомнись! Ты даже не представляешь, с чем имеешь дело.

— Зато я знаю, с чем имеешь дело ты, Финтан, — с гравитацией. Она подлая старая шлюха. Так и что насчет Поли Малкроуна?

— Блядь, зачем он тебе сдался?

О'Рурк непроизвольно вскрикнул от ужаса, когда Банни еще раз слегка подразжал руки. Он почувствовал, что ужин из трех блюд, съеденный им ранее, стремится покинуть его тело.

— Затем, что он... ОДИН ИЗ МОИХ ПАЦАНОВ!

— Ладно-ладно, Банни, я понял. Я тоже видел это кино. Мы оба знаем, что ты меня не сбросишь. Так что тащи наверх, пока не устал, и мы нормально все обсудим.

— Да что ты говоришь!

— Это был хороший блеф, но шутка затянулась.

— Тоже верно, — заметил Банни.

И разжал руки...

Мир помощника комиссара Финтана О'Рурка был полон страданий. При малейшем движении все тело простреливало болью. Под собой он смутно ощущал влажную почву, в нее же были погружены пальцы правой руки. В воздухе безошибочно угадывался запах лошадиного навоза, которым его жена обмазывала розы на зиму. Ей безумно хотелось получить за них какую-нибудь награду. О'Рурк удивился, что еще может чувствовать запахи. Ведь у него был сломан нос. Кровь, струившаяся по лицу, мешала дышать. Левой рукой он шевелить вообще не мог — из кожи предплечья торчала сломанная кость. Левое колено ощущалось как разбитое вдребезги, через правое плечо волна за волной прокатывалась тошнотворная боль. А еще он чувствовал, что у него куда-то делись два ребра. Мозг постепенно проваливался в забытие, стремясь избавиться от телесной боли.

Чья-то рука ударила его по лицу.

— Финтан!

Он распахнул глаза, и вокруг тут же закружился мир с фигурой Банни Макгэрри, нависшей в самом центре.

— Псих ёбанный, — прохрипел О'Рурк. — Тебе конец.

— Кажется, из нас двоих тебе это сейчас грозит больше.

— Ты меня сбросил.

— Ага. По-моему, лучший блеф — это когда не блефуешь. Но тебе-то на что жаловаться? Ты пока еще в лучшем состоянии, чем Полин Макнейр.

— Блядь...

О'Рурк умолк, чувствуя, как мир снова расплывается и теряет форму. Во рту появился вкус крови и земли. Щеку снова обожгло пощечиной.

— Побудь пока со мной. Ты должен рассказать, что скрывает Фэллон.

О'Рурк попытался рассмеяться, но из-за крови во рту смех превратился в бульканье.

— Ты уже меня сбросил. Какого хуя мне что-то тебе рассказывать?

— Ну да, — ответил Банни. — Хороший вопрос.

Он наклонился и подобрал что-то с земли. Это оказалась сигара О'Рурка, пока еще тлеющая. Банни раскурил ее как следует, сделав пару глубоких затяжек, затем отнял сигару от губ и улыбнулся О'Рурку.

— Я сбросил тебя, чтобы ты не думал, будто я шучу. А теперь ты расскажешь мне все, что я хочу знать. Если же нет... я сброшу тебя еще раз, и, кажется, второй раз будет гораздо больнее.

Глава сорок пятая

— Ай!

— Хватит дергаться! — сказала Бриджит.

— Я дергаюсь, потому что ты втираешь в мою рану кислоту. — Пол поморщился и так резко дернул головой, что чуть не ударился о кухонный стол Дороти. — Ну правда, так ли это нужно?

— Что именно? Дезинфицировать раны? Зависит от обстоятельств. Как думаешь, насколько стерилен пол в мужском туалете?

Пол пробурчал себе под нос что-то неразборчивое, но все-таки выпрямился, чтобы дать Бриджит возможность добить его добротой. Он посмотрел на свое отражение в стекле двери, ведущей в сад, затем на напряженное сосредоточенное лицо Бриджит, изучавшей его затылок. Она дунула уголком рта, чтобы убрать мешающую ей прядь каштановых волос, и подняла глаза.

— Чего? — спросила Бриджит, заметив наблюдавшее за ней отражение Пола.

— Ничего, — ответил Пол.

Покраснев, он отвел взгляд.

Нельзя сказать, что на кухне царил беспорядок, но и чистой она определенно не была. В раковине отмокали тарелки после завтрака, на плите стояла пара сковородок. Дороти не держала дом в аккуратности, она держала прислугу, способную справляться с этим вместо нее. Но по субботам прислуга, очевидно, не работала.

— Хорошо бы наложить пару швов. А еще ты почти наверняка получил сотрясение мозга. Тебе бы сейчас в больницу не помешало.

— Мне хватило прошлого раза. По-твоему, мы пошли на риск, чтобы добыть зацепку — по-настоящему стоящую зацепку, заметь! — только для того, чтобы сдать?

Из-за того, что Бриджит по-прежнему копалась в его волосах, недовольная тем, что там видела, он чувствовал себя немного обезьяной.

— Это ведь какой-то городок возле Корка, да? Ты вообще уверен, что он сказал именно «Бандон»?

— В смысле?

— Вообще-то тебя треснули по голове. Может, он сказал «Брендан»?

— Брендан? Черт возьми, кто такой этот Брендан?

— Вот именно! А вдруг это было «Брандон»?

— И что это означает?

— Ну, например, новое американское имя Фиахры Фэллона. Оно звучит как-то по-американски.

— Тогда уж «Гандон», — заметил Пол. — С таким именем где угодно не пропадешь.

— Я просто хотела сказать...

Но прежде чем Бриджит успела закончить фразу, дверь кухни распахнулась и вошла Дороти, одетая в один из своих кокетливых домашних халатов. На сегодняшнем развернулась целая охота на лис — со всадниками и сворой собак. Бриджит и Пол надеялись не попадаться ей на глаза, пока не разберутся с очередной раной Пола. Слезающиеся глаза Дороти за ее очками-банками сделались еще больше от удивления.

— О, уже настучала ему по шеем, дорогая?

— Грегори всего лишь немного упал, — сказала Бриджит.

— Ну конечно! А я, значит, бабушка макаки. — Дороти поставила тарелку с крошками бисквита на кухонную стойку. — Физическое насилие — это не метод.

— Абсолютно согласна, — ответила Бриджит.

Дороти вынула из кармана халата свой антикварный пистолет.

— Вместо того чтобы бить, можно просто сунуть такую штуку ему в лицо и крикнуть: «Сдавайся, мидарас!»

— Дороти!

— Не бери в голову, дорогая. Я просто смотрела «Сынов анархии». Потрясающий сериал! Ну что, кто хочет сыграть в «Монополию»? — глаза Дороти заблестели от возбуждения. — А еще поесть готовой еды! Можно заказать в том чудном китайском ресторанчике, который..

Внезапная мысль огорошила Пола за миллисекунду до того, как его скальп обожгла боль.

— ГОСПОДИ!

Пол положил руки на стол, пытаясь успокоиться.

— Прости, прости, прости, — проговорила Бриджит. — Теперь, в общем-то, все. Рана полностью очищена и готова к перевязке.

Подняв взгляд, Пол увидел, что Дороти смотрит на него большими, полными беспокойства глазами.

— Все нормально, честно.

— Точно! — заверила Бриджит. — Дайте мне закончить, а потом будут настольные игры, еда и выпивка для всех.

— Шикарно! — ответила Дороти и вышла через дверь, ведущую в гостиную.

— Вообще-то, — прошептала Бриджит, — пить тебе нельзя. Приказ врача.

Пол прислушался к успокаивающему шороху туфель Дороти по толстому ковру из соседней комнаты.

— А знаешь, она в самом деле за тебя беспокоится.

— Я тоже за себя беспокоюсь, — ответил Пол. — У меня теперь травмы почти каждый день. Я что-то важное хотел тебе сказать...

— О Бандоне?

— Не помню.

Пол уставился на стол. Утраченная мысль не давала ему покоя. Что-то вертелось на кончике языка, а потом ускользнуло. Бриджит стала рыться в аптечке Дороти в поисках подходящих бинтов.

— Так ты считаешь, что он сказал именно «Бандон»? — спросила Бриджит.

— Считаю. Но когда ты все время переспрашиваешь, я начинаю сомневаться.

— Извини.

Пол побарабанил пальцами по столу.

— Бандон... Ну да, Бандон. Давай держаться этой версии, а то получится, что я идиот, которого опять избили просто так. Надо съездить туда завтра.

— И чем мы там займемся?

— Конечно, расследованием, — ответил Пол. — Думаю, это не та проблема, которую можно решить, покопавшись в твиттере.

— Ты стал каким-то нервным.

— Ладно, ты сейчас удивишься, но... ты была права. Действительно приятно, когда не просто бежишь, а пытаешься взять ситуацию под контроль.

Стеклянная дверь в сад скользнула в сторону, и на кухню спокойно вошел человек в балаклаве. Целясь в них из пистолета.

Пол вздохнул.

— В смысле, было приятно, пока у нас получалось.

Мужчина поднял палец к губам, а потом заговорил удивительно мягким и удручающе спокойным голосом:

— Вы одни?

Оба одновременно кивнули. В голосе мужчины Пол уловил легкий восточноевропейский акцент. Мужчина склонил голову и прислушался, прежде чем удовлетворенно кивнуть. Затем закрыл за собой дверь, не отводя от них оружие.

— Поднимите руки вверх, будьте так добры.

Вежливые манеры мужчины резко контрастировали с грубо направленным на них пистолетным стволом. Осознав, что выбора у них нет, Пол и Бриджит подчинились.

— Меня просили узнать, кому вы уже рассказали?

Бриджит и Пол переглянулись, прежде чем Бриджит ответила:

— Рассказали о чем?

Повисла долгая неловкая пауза. Пол ничего не имел против неловкости. Он готов был вытерпеть сколько угодно неловкости, лишь бы оттянуть момент, когда смерть станет единственным возможным исходом.

— Я не знаю, — ответил мужчина. — Меня не посвятили по вполне понятным причинам.

— Клянусь, — заговорил Пол, — мы не могли никому ничего рассказать, поскольку ничего и не знаем. Они просто решили, что это так. Все это огромное недоразумение.

Мужчина в балаклаве склонил голову набок, словно обдумывая услышанное, потом кивнул сам себе.

— Окей.

Он шагнул к Полу и направил пистолет на его голову.

— Эй, погоди! Я же сказал, что мы ничего не знаем.

— Я понял. Большое спасибо. Теперь я могу спокойно убить вас и покончить с этим злосчастным делом.

— Стой! — вмешалась Бриджит. — На самом деле мы рассказали целой куче людей.

— Она даже написала в твиттере!

Мужчина покачал головой.

— Это вряд ли. Как бы то ни было, мне очень жаль. У нас есть кодекс. Обычно мы не трогаем невинных или женщин.

— Так почему именно сейчас?

— У них моя племянница. Ее отец уже убит.

— Сочувствую, — ответила Бриджит. Пол взглянул на нее, и она пожала плечами. — Я серьезно.

— А почему бы не притвориться, что мы мертвы?

— Не сработает. Они узнают. У меня нет выбора.

— Нет, честно, я...

— Руки в гору!!

Головы всех присутствующих одновременно повернулись к двери в гостиную, возле которой стояла Дороти с древним пистолетом в дрожащей вытянутой руке. Человек в балаклаве перенацелил свое оружие на нее.

— Подожди! — воскликнул Пол, вскакивая на ноги и закрывая своим телом Дороти. — Оно не стреляет, не стреляет, не стреляет!

Все его тело напряглось в ожидании выстрела, которого так и не последовало.

— Это антиквариат, его вывели из строя, — продолжил Пол. — Пожалуйста, Дороти, вернись в гостиную.

— Какой-то киздюк в балаклаве торчит в моем доме!

— У нее деменция, — сказал Пол. — Это не пистолет, это безобидный антиквариат, честно. Прошу... Она не имеет отношения ни к чему!

— Что происходит, Грегори?

Пол вытянул руки.

— Видишь? Она даже не знает моего имени! Тебе нужен только я. Эти две женщины абсолютно ничего не знают. Пожалуйста, Дороти, убери пистолет.

Он двинулся к человеку в балаклаве, как вдруг остановился и щелкнул пальцами.

— Вспомнил! Это же Микки, да?

— Что? — не поняла Бриджит.

— Курьер ресторана, в котором я всегда заказываю еду, — ответил Пол, не сводя глаз с бандита. — Это именно то, что я хотел тебе сказать, но забыл. Микки приезжал сюда пару раз.

— Точно, — сказала Дороти. — У них огромные порции по очень доступной цене.

Мужчина в балаклаве посмотрел на Бриджит.

— Ваш друг указал их в больничной анкете как ближайших родственников.

— Что? Это ж кем надо быть!... — изумилась Бриджит.

— А вдруг у меня больше никого нет? — обиженно отгрызнулся Пол. — Ты решила испортить мне последние секунды жизни тяжелыми мыслями о моей говенной судьбе?

— Да я просто...

— Ну конечно, продолжай, — перебил ее Пол. — Это просто невыносимо! У тебя чертовски приятная манера общения с больными. Невозможно поверить, что из-за тебя меня чуть не зарезали!

— Что за... Ты опять о том же?

— Тихо, — спокойно проговорил мужчина и наставил пистолет на Пола, незаметно к нему приближавшегося. — Не пытайтесь отвлечь меня спором. Этот трюк работает только в кино.

— Что ж, вполне справедливо, — кивнул Пол.

— Погоди... а мы пытались отвлечь? — удивилась Бриджит.

Карие глаза мужчины смотрели прямо в глаза Пола.

— Если вас это утешит... Я предложил вашему курьеру кучу денег, но он их не взял.

— Тогда как...

— Пришлось заменить деньги болью.

— Ой.

— Так он...

— С ним все в порядке. Необходимости убивать не возникло. Но он в самом деле удивительно долго сопротивлялся, чтобы вас спасти. Вы можете им гордиться.

— Просто я очень хороший клиент, — в голову Полу пришла одна мысль. — Слушай, а он случайно не назвал свою фамилию?

— До этого дело не дошло.

— Ладно, неважно. Спросим прямо сейчас. Привет, Микки!

Пол помахал рукой, глядя за спину мужчине. Бандит слегка повернулся, но удручающе быстро отреагировал, когда понял, что это блеф. К этому мгновению Пол едва успел до него допрыгнуть. Мужчина отступил на шаг и очень профессионально нанес Полу левый хук в челюсть. Пол тяжело рухнул с гудящей от боли головой. Левое плечо при падении ударилось о полированный металл дверцы плиты, добавив болезненных ощущений. Перекатившись на спину, он почувствовал, как его грудь придавила нога мужчины. Пол смутно услышал, как одновременно ахнули и выругались Бриджит с Дороти. Бандит быстро наставил пистолет на каждую из женщин по очереди, чтобы пресечь любые попытки необдуманного героизма.

— Это было смело, предсказуемо и тупо.

— Ага, — Пол с трудом втянул воздух в легкие. — Ты ведь все равно меня пристрелишь, да?

— Да.

Зачарованно Пол смотрел, как смещалось к его голове дуло — по широкой полуметровой дуге. Он должен был чувствовать страх, но у него уже не осталось для этого сил.

Пол крепко зажмурил глаза и услышал выстрел, за которым последовал звон разбитого стекла дверей патио. Затем он открыл глаза — поняв, что по-прежнему может это сделать, — и осознал, что не он кричит сейчас от боли, а стрелок, который почему-то нелепо пританцовывал, ухватившись рукой за правую сторону грудной клетки, в которую, похоже, угодила пуля. Пол схватил бандита за ногу и вывернул, пытаясь заставить его упасть. Взглянув на Дороти, Пол увидел, что она в шоке. Старушка стояла, прижав правое запястье к груди, а ее пистолет валялся на полу, выбитый из хрупкой руки отдачей. Бандит обернулся. Не отнимая левой руки от раны, он направил пистолет на Дороти, как вдруг подобно фурии на него налетела Бриджит

Конрой и одной бешеной регбийной атакой протащила сквозь большую стеклянную дверь. Под дождем из осколков они выпали вместе в сад.

Ухватившись за ручку дверцы духовки, Пол заставил себя подняться. Комната завертелась вокруг так, что ему пришлось вцепиться в стойку, чтобы не упасть. Придя немного в себя, он встряхнул головой и посмотрел в сад. На мощеной площадке лежала Бриджит, а возле нее на коленях по разбитому стеклу полз мужчина в балаклаве. Он хотел подобрать пистолет, отлетевший на полтора метра в сторону.

Пол схватил со стойки ближайший предмет и, споткнувшись о порог, вышел через разбитую дверь. Прихрамывая, он двинулся дальше по хрустящим стеклянным осколкам. Подобравший пистолет бандит стал разворачиваться. С диким отчаянным рывком, присовокупив к нему силу гравитации и вес собственного слабого тела, Пол ударил по голове мужчины сковородкой. Бандит потерял сознание, а Пол запутался в собственных ногах и рухнул на траву.

Распластавшись во тьме, он лежал и смотрел в ночное небо. Облака немного рассеялись, явив красоту некоторых созвездий. Последнее, что он увидел, прежде чем потерять сознание, была Большая Медведица. Когда-то он нашел книгу по астрономии в корзине «Три за два евро».

Глава сорок шестая

— Алло?

Пол растерялся. Он не рассчитывал услышать на том конце мужской голос. Чтобы неизбежная опухоль не разрасталась, он неуклюже прижимал к челюсти пакет с замороженным горошком. От перевязи через правую руку он решил отказаться. И к черту швы! Если его продолжают бить кулаками и бутылками по голове и пытаться в него стрелять, то следует пользоваться обеими руками — чтобы отразить хотя бы часть ударов.

— Привет, я могу услышать Нору Стокс?

— Это мистер Малкроун?

— Смотря с кем я говорю.

— Это детектив-инспектор Джимми Стюарт.

— Я не хочу говорить с полицией.

Пол посмотрел на непривычную трубку телефона Дороти, пытаясь понять, где на ней кнопка отключения звонка.

— Подожди! — воскликнул Стюарт. — Я не виню тебя, но ты должен меня выслушать. Случился эксцесс. Нору навестил один из головорезов Герри Фэллона.

Господи, подумал Пол. Он втягивает в неприятности все больше и больше невинных людей.

— С ней все в порядке?

— В полном. Между нами говоря, она справилась с ним просто блестяще. Эта женщина — та еще оторва. Она оставила тебе номер своего мобильного, если тебе будет нужно с ней связаться. Сейчас ее охраняет мой напарник. Слушай, я понимаю твой скептицизм, но я хочу тебе помочь. Из-за этого меня даже отстранили от службы. Можешь верить мне или нет, но я не думаю, что ты в той ситуации, когда тебе мешают лишние друзья.

Пол задумался. Он никогда не встречался со Стюартом, но всякий раз, когда о нем заходила речь, Бриджит утверждала, что ему можно доверять. Он выглянул через разбитую дверь на заднюю лужайку, где в настоящий момент упомянутая медсестра оказывала медицинскую помощь человеку, которого прислали их убить. Она же предварительно его связала. Оказалось, что Бриджит большой эксперт в завязывании узлов, поскольку, к удивлению Пола, выяснилось, что она еще и герл-скаут. Впрочем, здоровье наемного убийцы его не беспокоило. Огнестрельное ранение оказалось незначительным, а сковородка не такой уж большой. Кроме того, они встретились при не слишком приятных обстоятельствах. Гораздо больше он переживал за Дороти. Он посмотрел на нее, сидевшую за кухонным столом с прижатым к груди запястьем. Она вдруг стала выглядеть гораздо более хрупкой, чем казалась раньше. Пола терзало чувство вины за то, что он принес к ее порогу беду.

— Хорошо, пишите адрес: Влэкрок, Уэверли Гарденс, 17. Подождите полчаса, а потом высылайте сюда полицейскую машину и пару скорых. Здесь вы найдете милую даму по имени Дороти Грэм. Ей восемьдесят три года, и у нее сильно вывихнуто запястье.

— Господи, — вмешалась Дороти. — Почему когда леди достигает определенных лет, люди начинают открыто обсуждать ее гребаный возраст?

— Подождите секунду, — сказал Пол в трубку, прежде чем прижать ее к груди. — Осади коней, Дикий Билл. Кстати, Пан Ли говорила, что все пистолеты выведены из строя.

— Ага. Мне потребовалась целая вечность, чтобы восстановить этот. Ну честно, какая польза от пистолета, который не стреляет?

Пол задумался.

— Ну да, ты права, — ответил он, мысленно подсчитывая, сколько раз она махала им перед его носом во время игры в «Риск».

Затем он вновь поднес трубку к уху.

— Вместе с мисс Грэм — дамой неизвестного возраста — вы найдете на лужайке человека без сознания с некритичным огнестрельным ранением.

— Ни хера себе! — удивился Стюарт. — И кто в него стрелял?

— Возможно, эта милая пожилая леди. Кстати, мы уже вызвали ее адвокатов, они придут одновременно с полицией. К тому времени мы с сестрой Бриджит будем уже далеко, но вы можете быть уверены, что хозяйка дома действовала исключительно в рамках самообороны.

— Поэтому ей понадобились адвокаты? — спросил Стюарт.

— Ситуация сложная. Кстати, ее адвокат — Луи Докери.

Стюарт глубоко вздохнул. Даже Полу было известно это имя. Оказывается, Дороти располагала не только значительной огневой мощью, но и серьезной юридической.

— А где будете вы с сестрой Конрой? — спросил Стюарт.

— Ага, так вам и скажи.

На самом деле они поедут в Бандон, чтобы попытаться выяснить, что, черт возьми, их там ждет. Теперь, когда у них нет другого выбора, кроме как оставить свое единственное безопасное укрытие, их возможности будут сильно ограничены.

— Что ж, вполне справедливо, — ответил Стюарт. — Кстати, у Банни Макгэрри есть для тебя новости.

Сердцебиение Пола участилось.

— Мне это неинтересно.

— Слушай, я в курсе, что у вас с ним сложные взаимоотношения.

Пол усмехнулся. «Сложные» — это очень мягко сказано.

— А еще я знаю, что он пытается помочь тебе и клянется, что у него есть жизненно важная информация.

— Тогда почему он не передал ее через вас?

— Оказывается, он доверяет Гарди еще меньше, чем ты. Кажется, он с кем-то рассорился во время следствия.

— Нисколько не сомневаюсь. Этот хер вообще со всеми ссорится.

— И все же на твоем месте я бы его выслушал. Напоминаю, много ли у тебя друзей?

— У Банни нет друзей.

Стюарт снова вздохнул. Голос у него был почти таким же усталым, как у Пола.

— Это точно. Но все равно лучше с ним встретиться.

— Ну ладно. Кажется, не похоже на засаду. И где же должна состояться эта встреча?

— Он сказал, ты знаешь где.

— И что это должно... — проговорил Пол и вдруг осекся.

Внезапно он понял, что точно знает место.

Как это типично для чертового Банни Макгэрри!

Глава сорок седьмая

В темноте вокруг них висела легкая морось. Бриджит припарковала «Бентли» у обочины, заглушила двигатель и посмотрела на Пола. Он сутулился на пассажирском сиденье, по-прежнему прижимая к распухшей челюсти пакет с замороженным горошком. Они почти не разговаривали с тех пор, как покинули дом Дороти.

— Ты уверен? — тихо спросила Бриджит.

Пол посмотрел в окно.

— Нет, я ни в чем не уверен. Я даже не уверен, стоит ли доверять этому сумасшедшему старому ублюдку и хочу ли я вообще его видеть. Я понятия не имею, почему он пытается мне помочь. Если вообще пытается.

— Понятно, — ответила Бриджит. — Вообще-то я спросила о месте для парковки, но... — она неловко повернулась на водительском сиденье лицом к Полу. — Хочешь поговорить об этом?

— Господи, нет! Ночь и так была тяжелой. Пожалуйста, не заставляй меня сейчас рассказывать о своих чувствах.

Пол открыл дверцу и неуклюже выбрался из мягкого кожаного сиденья «Бентли». Он понимал, почему Бриджит беспокоилась о машине. Они остановились на Филпот-стрит, и это было не то место, где Полу захотелось бы припарковать даже свой потрепанный «Форд-Кортина» — еще до того, как его взорвали саперы. Хотя, с другой стороны, согласно извращенной логике этих улиц, оставить здесь «Бентли» было безопасно настолько, насколько это вообще возможно. Им даже необязательно запирать двери. Если кто-то припарковал здесь такую машину, то это означает одно из двух: он или эпический дурак, или некто по-настоящему «серьезный». Местные гурьеры, если у них имеется хоть капля мозгов, не захотят рисковать и проверить

свои догадки. Больше шансов обнаружить машину чисто вымытой по возвращении, нежели поврежденной.

Волна реновации, захлестнувшая Дублин в эпоху «Кельтского тигра»[86] в девяностых и начале нулевых, аккуратно обошла стороной весь район Филпот-стрит. Здешние многоквартирные дома — а в них были именно квартиры, а никакие не «апартаменты» — остались почти нетронутыми с момента их постройки сто лет назад. Возможно, отсюда до центра города было совсем недалеко, но вам бы точно захотелось преодолеть это расстояние как можно скорее — и желательно с большой битой в руках. Самым удивительным в этой улице было то, как мало изменилась она с тех пор, как Пол в последний раз стоял на ней пятнадцать лет назад. Вокруг по-прежнему возвышались те же унылые здания, кое-где освещенные немногочисленными уцелевшими уличными фонарями. Единственное, что показалось новым Полу, — это странный сладковатый запах горящей смолы и резины, висевший в воздухе.

Повернувшись, Пол направился к древним ржавым воротам клуба Святого Иуды при Гэльской атлетической ассоциации[87]. Слово «клуб» было довольно громким обозначением того, что по сути являлось лишь полем и тремя вагончиками, служившими раздевалками. У клуба не было настоящего здания, и среди прочих клубов ГАА он отличался тем, что в нем играли только в хёрлинг, не допуская футбола. Высокие неприступные стены были увенчаны сеткой и почти не изрисованы граффити. Сетка стала еще более потрепанной и дырявой с тех пор, как Пол видел ее в последний раз. Теоретически она была нужна для того, чтобы останавливать шлитары[88], покидавшие поле, но на практике мячи наверняка не раз залетали в окна окружавших поле квартир. Впрочем, никто особо не возражал, а если и возражал, то помалкивал. Среди местных жителей существовало понимание: если у кого-то возникнут проблемы с криминалом, то Банни наверняка окажет помощь. Каждое лето он привозил сюда ватагу своих молодых ребят. Они перекрашивали стены и вообще — заботились об окружающих домах больше, чем когда-либо заботилась о них городская Управа. В обмен на эти привилегии влетающий на большой скорости через окно кухни кожаный мяч казался не такой уж великой платой.

Пол остановился перед воротами. Какими же маленькими они теперь стали! В детстве они казались огромными — как портал в иной мир. В каком-то смысле так оно и было. Игра в этой команде стала единственным временем в его жизни, когда он чувствовал, что является частью чего-то большего. На земле возле ворот лежала большая цепь с навесным замком. Пол протиснулся внутрь, Бриджит последовала за ним. Старые ворота взвизгнули, громко возвестив об их прибытии.

Посмотрев налево, Пол понял, откуда исходил непривычный запах. Три вагончика превратились в обгорелые каркасы, из которых до сих пор кое-где неторопливо валил дым. Посреди печального разорения восседал сам Банни Макгэрри — в шезлонге и с полупустой бутылкой виски в руке.

Увидев вошедших, он поднял напиток в знак приветствия.

— А, Поли и сестра Конрой! Добро пожаловать на барбекю.

Пол пошел к сторовшим строениям, озирая их с ужасом.

— Что, черт возьми, стряслось?

— Герри-сука-Фэллон, вот что стряслось. Толстожопый сын костлявой шлюхи...

— Я не понимаю, — сказала Бриджит.

— Мы с ним поболтали о том, что у всех мужчин есть свои слабости. Эта мразь очень быстро вычислила мою.

Банни обильно отпил из бутылки. Пол заметил еще одну пустую, валявшуюся рядом. Шагнув вперед, Пол увидел то, что лежало на земле прямо перед Банни, — остатки большого мешка с полуобгоревшими сине-желтыми футболками. Банни глядел на них с невыразимой печалью.

— Совсем были новые — с последнего сезона. Херову тучу недель убил, чтобы найти на них спонсора.

— У вас была страховка? — спросила Бриджит.

— Ха! Господи, конечно. С тех пор как мы установили эти чертовы светильники.

Пол смотрел сверху вниз на Банни, кое-как втиснувшегося в слишком узкий для него шезлонг. Вездесущая черная дубленка из овчины плотно облегала его тело, прикрывая от непогоды.

— Ты пьян.

— Не настолько, как бы мне хотелось.

— Ты для этого нас позвал, Банни? Чтобы мы полюбовались на твой алкоголизм?

Банни сердито взглянул на Пола. Его губы шевельнулись, словно он перебрал в уме сразу несколько вариантов ответа. Но, ничего не сказав Полу, он повернулся к Бриджит.

— Видела бы ты этого человека прямо здесь в прежние времена. Он был лучшим ударным нападающим, которого когда-либо видело это поле. Он мог бы играть за округ, если бы не бросил.

Пол почувствовал, как в нем зашевелился прежний гнев.

— Ага, так и было. Я бросил. Ну и говнюк же ты, Банни!

— Ты мог винить меня сколько угодно, но зачем ты наказал себя? И всех остальных парней? Мы вышли в финал чемпионата! — в голосе Банни прорезалась мольба, словно эту старую ошибку можно было еще исправить. — Знаешь, сколько раз мы выходили во второй тур за эти семнадцать лет? Один! И то лишь благодаря штрафу соперникам.

— Ну да. А может, мне до смерти надоело играть в твою дурацкую игру?

— Чушь собачья! — выплюнул он слова так, что на его губах осталась слюна.
— Можешь называть меня дерьмом сколько угодно, но не оскорбляй игру. Тебе она охрененно нравилась. Я это помню.

— Мне бы больше нравилось жить в семье! — почти выкрикнул Пол, прежде чем отвернуться.

Он ненавидел себя за это. Он ненавидел Банни, что он по-прежнему способен его задеть; что старые эмоции могут снова вырваться наружу. Он ненавидел свои трясущиеся руки и влажнеющие горючими слезами глаза. А ведь сейчас совсем не до этого...

— Прости.

Слово раздалось так тихо, что Пол не сразу понял, что оно прозвучало не только в его голове.

Он повернулся к Банни.

— Что?

— Прости, — повторил Банни, уставившись в землю. — Прости меня за все.

— Господи, великий Банни Макгэрри извиняется! Должно быть, ты реально нажрался.

Шезлонг Банни скрипнул под его весом, когда он наклонился вперед.

— Ради бога, просто прими извинения и не веди себя как придурок!

— Засунь извинения себе в жопу, жалкий старый ублюдок!

Пол чувствовал, что Бриджит глядит на него, но не хотел встречаться с ней взглядом. Он не хотел, чтобы она попыталась унять его гнев. Он имел на него полное право. В его жизни мало что принадлежало ему, но это чувство у него никому не отнять!

— Я все испоганил, так и есть, — сказал Банни. — Я много чего испортил в своей бесполезной гребаной жизни, но то, что я испортил жизнь тебе, — моя самая большая печаль. Знаешь, много лет мне постоянно напоминают о деле «Мэдиган». О том, как ты с Пэдди Неллисом выставил меня на посмешище. Люди думают, что меня это бесит. А хочешь знать правду? Я не сержусь. Я сам напросился, и ты наказал меня заслуженно. Господи, да я ведь гордился тобой на самом деле!

— Ага, так гордился, что с тех пор постоянно меня преследуешь.

— Преследую тебя? Преследую?! Я же присматривал за тобой... Заботился... Переживал, что в конце концов ты превратишься в очередного мелкого гурьера, бегающего на подхвате у мошенников вроде Неллиса или, что еще хуже, у таких отморозков, как Фэллон. Я не хотел, чтобы твой первый успех в криминальном мире стал началом большой говенной карьеры.

— И что теперь? Ты ждешь, что я все забуду и прощу?

Покачивая головой, Банни грустно усмехнулся.

— Да хуй там... Я не могу простить себя и не могу выдумать ни одной веской причины, чтобы ты простил меня. На самом деле...

Банни стал выбираться из шезлонга. Его правая рука соскользнула с подлокотника, и он опрокинулся на землю — прямо на кучу обгорелых футболок.

— Ну пиздец... — проговорил Пол.

Бриджит взглянула на Пола, но он остался стоять как вкопанный. Тогда она подошла к Банни сама — с намерением помочь ему подняться.

— Все нормально, все нормально, — пробормотал Банни и встал одним рывком.
— На счет «восемь» я в строю!

Он подпрыгнул и слегка покачался для убедительности.

— Я всего лишь хочу... — сказал Банни и вытянул подбородок в сторону Пола, — ...чтобы ты меня ударил.

— Чего?

— Ударь меня. Давай, сразу почувствуешь себя лучше.

— Ну да. Я видел, как ты «честно» дерешься, Банни. Я не настолько туп, чтобы на это повестись.

Банни перекрестился и поднял вверх три пальца.

— Ударь меня — сколько хочешь раз и как можно сильнее. Я это заслужил. Обещаю, я не буду сопротивляться — диб-диб, слово скаута!

Руки Пола сжались в кулаки.

— Не искушай меня.

— Не искушать? Да я, блин, умоляю!

— Как типично! Ты предложил это только тогда, когда мне повредили руку. Да я от боли больше охерею, чем нанесу тебе урон!

Лицо Банни застыло в пьяной сосредоточенности, он задумчиво надул губы. Затем поднял палец и широко улыбнулся.

— Секунду!

Банни наклонился и поднял с земли хёрл, при этом чуть не упав. Взяв клюшку рукоятью от себя, он протянул ее Полу.

— Держи. Так будет идеально. Ты надаешь мне по яйкам, а я снова увижу твой замах. Порадуемся вместе.

Пол сердито выхватил хёрл у него из рук.

— Пол! — выкрикнула Бриджит с негодованием.

— Что? Я просто хочу дать человеку то, что он просит.

— Точно! — ухмыльнулся Банни. — Это естественное правосудие — в лучшем виде.

Пол взял хёрл в правильную хватку и как следует им замахнулся.

— Пол, немедленно брось клюшку!

— Вали обратно в свой Литрим, милая, тебя это не касается.

— Не говори с ней так, — предупредил Пол.

— Ну давай, жалкий ссыкунишка, заткни меня.

Бриджит встала прямо перед Банни.

— Хватит!

— Отойди, Бриджит, ты мне мешаешь.

— Нет, не отойду. Я не собираюсь просто так стоять и смотреть, как вы, два идиота, творите... черт знает что. Я должна напоминать, что это МЫ попали в беду и приехали сюда только потому, что у этого придурка есть нужная для НАС информация?

Взгляды их встретились. Пол долго смотрел на Бриджит — даже слишком долго, как ему показалось, — прежде чем медленно опустить хёрл. После этого Бриджит развернулась и посмотрела на Банни.

— А что касается вас, то вы должны нам помогать. Так помогайте уже, или мы уходим.

— Можешь пиздовать прямо сейчас.

Пол не понял, кого больше удивила пощечина — Банни или саму Бриджит. И вроде она не вкладывала много сил, но пьяного Банни смело на полметра вправо.

— Хватит уже кривляться! — сказала Бриджит. — Или помогайте нам, или валите на фиг, — никто не решился ничего ответить, и Бриджит добавила: — Прошу прощения за пощечину, обычно я не склонна к насилию.

— Не так давно ты в регбистском броске протащила человека сквозь стеклянную дверь.

— Сегодняшний день нельзя назвать обычным.

— А еще ты несколько раз ударила меня.

Бриджит посмотрела на Пола так сердито, что он почувствовал, что самое время умолкнуть.

— Бандон, — произнес Банни, словно выплюнув.

Пол горько усмехнулся.

— Мы уже знаем о Бандоне, — ответила Бриджит. — Как раз собрались ехать на юг.

— Значит, вы ни хера не в курсе, — сказал Банни.

— В смысле?

— На юг? Это не тот Бандон. Есть еще один в Мейо[89] — крохотный городок. Вам нужно туда.

— Откуда вы знаете? — спросила Бриджит.

— Мне сказал об этом старый друг — после того, как упал с балкона.

— Почему вы уверены, что он не лгал?

— Потому что он очень не хотел, чтобы я скинул его снова.

— И что там может быть? — поинтересовался Пол.

— Без понятия. Знаю только, что Герри Фэллон охеренно не хочет, чтобы люди туда заглядывали. Для меня этого уже достаточно.

Пол и Бриджит переглянулись.

— Что ж, — сказала Бриджит. — Крюгер говорил, что, по его мнению, Сару-Джейн держали где-то на западе. Мейо вполне подходит.

Пол повернулся к Банни.

— Что-нибудь еще?

— Ага. Теперь я знаю, кто в Гарди работает на Фэллона.

— И?

— Хуже и не придумаешь. Никому нельзя доверять.

— Расскажи мне что-нибудь такое, о чем я не знаю, — сказал Пол, а затем добавил: — У тебя все?

Банни кивнул.

— Ладно, тогда желаю приятной уборки.

Пол развернулся и пошел обратно к воротам. Через несколько шагов его догнала Бриджит и ухватила за левую руку.

— Подожди секунду.

Остановившись, Пол вопросительно на нее взглянул.

— Я думаю, будет лучше, если мы возьмем его с собой.

— Что? Ни в коем случае!

— Господи, да посмотри же на него!

— Я именно об этом.

— Он будет нам полезен, — сказала Бриджит.

— Ты что, под кайфом?

Бриджит принялась загибать пальцы.

— Во-первых, он полицейский. Было бы неплохо, чтобы хоть один из них оказался на нашей стороне.

— Банни всегда только на стороне Банни.

— Во-вторых, — продолжила Бриджит, — у него, похоже, есть талант добывать информацию.

— Через насилие!

— Ну, судя по тому, как прошли последние два дня, в насилии и так недостатка не будет.

— И?

— И в-третьих: он, кажется, ненавидит Герри Фэллона даже больше, чем мы. Судя по тому, что ты рассказывал, взбешенный Банни Макгэрри может быть лучшим нашим оружием.

Пол несколько раз посмотрел то на Бриджит, то на Банни.

— Черт с тобой. Ладно.

Бриджит похлопала Пола по руке.

— Отличное решение.

Это было мило с ее стороны, но оба сознавали, что принял его не он.

Пол повернулся на месте и повысил голос:

— Но я буду сидеть на переднем сиденье! — Бриджит посмотрела на него, энергично кивнула и улыбнулась. — И... радио тоже выбираю я.

Бриджит кивнула еще раз. Пол заметил, что Банни смотрит на него растерянно. Почувствовав, что щеки его краснеют, Пол повернулся и как можно скорее пошел к машине. Предстояло выяснить, как работает радиоприемник, раз для него это стало вдруг важным.

Глава сорок восьмая

Вздвогнув, Бриджит проснулась и стала озираться. Ее лицо залилось краской от осознания, что она пробудилась невесть где, но только не в собственной постели. Затем она невольно вскрикнула, увидев суровое пухлое лицо женщины лет пятидесяти с прищуренными глазами и неодобрительно поджатыми губами, которое глядело на нее в окно «Бентли». Виновато улыбнувшись, Бриджит опустила стекло. Женщина рефлекторно отстранилась и с отвращением помахала перед лицом рукой, заставив Бриджит смутиться еще больше.

Когда они съехали на обочину, перед ними встал нелегкий выбор: либо оставить окна открытыми и околеть до смерти в холодную ноябрьскую ночь, либо закрыть их, оказавшись в нарушающей права человека западне, имя которой — задница Банни Макгэрри.

Вероятно, им повезло, что Банни отключился почти сразу, как только они тронулись в путь, — правда после короткого, но очень страстного монолога о несправедливости Бриджит, отнявшей у него бутылку виски. Первый пук Банни показался чем-то забавным. В некоторой степени он даже снял напряжение, висевшее между Бриджит и Полом. Однако развлекательная ценность его продержалась вовсе не так долго, как запах. Откровенно говоря, Банни пердел так, словно в его жопе кто-то медленно и мучительно умирал от капусты. За те несколько часов, что они проспали, остановившись на стоянке у паба, Бриджит, вероятно, принялась, поскольку выражение лица стоявшей возле машины женщины недвусмысленно намекало на то, что запах явно не улучшился.

— Мы закрыты, — произнесла женщина с неожиданно аристократическим акцентом.

— Прошу прощения?

Женщина указала на паб.

— Мы будем закрыты еще несколько часов. Это не место для ночевки, а частная автостоянка.

— Да, прошу прощения. Мы просто остановились, чтобы немного отдохнуть.

Женщина посмотрела на двух крепко спящих спутников Бриджит, прежде чем скорчить очередное неодобрительное выражение лица. Ясно же, что тут

происходит нечто предосудительное, чего она вовсе не желает видеть. Пусть стоят где угодно, но только не на ее парковке. И не в воскресное утро.

— Желаю хорошего дня, — сказала женщина.

По тому, как она это произнесла, было понятно, что ей плевать, хорошо или плохо сложится день для Бриджит, главное — чтобы как можно дальше отсюда.

Пол проснулся от шума заведенного двигателя «Бентли» и огляделся.

— Господи, в деревнях реально воняет.

Включив передачу, Бриджит выехала на шоссе № 60.

— Это не из деревни.

Она остановила машину на несколько часов у Каслбара[90], когда поняла, что въезжать в Бандон в четыре утра не имеет смысла. Когда все спят в своих постелях, возможности для расследования слегка ограничены. К тому же если все остальные в машине решили вздремнуть, то какого черта ей одной себя мучить? А еще это хороший способ оттянуть неизбежное, то есть тот момент, когда им придется столкнуться с печальным фактом, что они абсолютно не знают, что именно искать в Бандоне. Может ли быть так, что Фиахра Фэллон и Сара-Джейн Крэнстон все это время жили в маленьком городишке графства Мейо? Как это могло ни разу нигде не всплыть? А если тут что-то другое, то как понять, что именно?

Они достигли Бандона в восемь часов двадцать семь минут утра, и ровно через семь секунд — его противоположной границы. Городишко оказался невеликим даже по провинциальным меркам. Все, что здесь имелось, — только перекресток, паб, церковь и около двадцати домов. А еще начальная школа и пара детских площадок.

— Где, черт возьми, все люди? — изумился Пол.

— Ну, — протянула Бриджит, — здесь наверняка есть какие-то фермы, но в целом да — городок небольшой. Что будем делать?

И вот он — настал тот самый момент.

Бриджит не знала, что делать, и, судя по выражению лица Пола, он понимал не больше, чем она.

— Может, притворимся, будто мы собрались сюда переезжать? — предложил Пол.
— И просто постучимся в разные дома?

— Или можно зайти в паб, — добавила Бриджит, — пообщаться там с местными.

— Херня это все!

Бриджит удивилась. Ей казалось, что Банни еще спит.

— Переезжать сюда? Куда именно? Вы решили, что здесь может продаваться дом, о котором не слышал ни один местный? А паб? Трое незнакомцев вдруг

приперлись в чертовом «Бентли» и принялись задавать вопросы. Вообще ни разу не подозрительно...

— Хорошо. Тогда что нам делать?

— Заверни вон там, а потом поверни еще раз и езжай обратно. Припаркуемся возле школы. Пожалуй, там самое отдаленное место. А затем... — он сделал паузу, чтобы они могли задать нетерпеливый вопрос.

Бриджит взглянула на Пола, но он, очевидно, не собирался этого делать. Тогда Бриджит закатила глаза и спросила сама:

— Что затем?

— Мы пойдем на мессу!

— Это и есть твой великий план? — саркастически спросил Пол. — Воспользоваться силой молитвы?

Театрально вздохнув, Банни выпрямился на сиденье.

— Маленькие города состоят из двух материй: людей и зданий. Чего бы мы ни искали, лучший способ найти — высматривать то, чего здесь быть не может. А лучший способ увидеть большинство людей в одном здании за один раз — это...

— Месса, — закончила Бриджит.

— Месса, — повторил Банни.

— Пожалуй, вы не просто приятный человек, Банни.

Вместо ответа Банни оглушительно пернул.

Припарковав машину, они прошли к церкви пешком, рассчитав время так, чтобы оказаться там за пятнадцать минут до десятичасовой мессы. Они старались не привлекать к себе внимания, хотя это было легче сказать, чем сделать. Пол нес на себе внушительную коллекцию разнообразных травм, а Банни выглядел так, будто проиграл битву мусорному баку. Наверняка и Бриджит производила не особо привлекательное впечатление, но она решила на этом не заикливаться.

Оказавшись внутри, троица заняла скамью в дальнем конце зала и постаралась слиться с обстановкой. К моменту появления священника церковь относительно заполнилась — в нее пришло до сотни прихожан, по подсчетам Бриджит. Не такая уж плохая посещаемость. Правда, для их целей это не очень помогло. Бриджит сравнивала каждого мужчину и каждую женщину, проходивших мимо, с теми мысленными образами, которые хранились в ее воображении. Она пыталась представить, как Фиахра Фэллон и Сара-Джейн Крэнстон могли бы выглядеть сейчас. Даже с учетом трудной жизни или обширной пластической хирургии не нашлось никого, кто хотя бы отдаленно их напомнил. Возможно, на полуденной мессе повезет больше...

Банни стоял справа на коленях, обхватив голову руками. Вероятно, мать всех похмелий наконец дала о себе знать.

— Все в порядке?

— Через три ряда на дальней стороне, коричневая вощеная куртка, — ответил Банни, не поднимая головы.

Бриджит посмотрела в указанную им сторону. Она припомнила, что человек в вощеной куртке вошел один. Ему было лет тридцать пять, не больше. Мужчина носил прическу в виде крысиного хвоста и выглядел очень странно. Но в силу молодости он вряд ли имел отношение к делу «Рапунцель». В то время он разве что газеты разносил.

— Почему он?

— Потому что, — прошептал Банни, — его здесь быть не должно. Как только начнется причастие, ты, — он указал на Бриджит, — немедленно вернешься со мной к машине, а ты, — он указал на Пола, — пойдешь за ним. Узнай марку его автомобиля, модель, номерной знак.

— А когда он успел стать главным? — слишком громко возмутился Пол.

Человек, сидевший перед ними, обернулся. Пол виновато махнул ему рукой. Затем взглянул на Бриджит и увидел, что она внимательно на него смотрит. Пол неохотно кивнул, ничего более не сказав.

Бриджит выскочила вместе с Банни в самом начале причастия, мысленно извинившись перед своей матерью. Она слишком хорошо помнила, как однажды, будучи подростком, тайком удрала с мессы. Узнав об этом, мать поступила хитро: вместо того чтобы наказать дочь, она наказала себя. Две недели она не выходила из дома, сетуя на то, что не сможет показаться людям на глаза, поскольку все теперь узнали, насколько беспутную она вырастила дочь. Это случилось задолго до того, как Бриджит впервые услышала термин «пассивно-агрессивное поведение». Тем не менее выходка матери сработала. С тех пор Бриджит всегда сидела на мессах так долго, что священники регулярно подходили и спрашивали, все ли с ней в порядке.

— Так кто же это был? — спросила Бриджит, пока они возвращались к школе скорым шагом, но так, чтобы не привлекать излишнего внимания.

— Мелкий гнусный говнюк по имени Джонни Кэрролл.

— Вы уверены?

— Я никогда не забываю лица. Особенно тех, кого сажал за решетку двенадцать лет назад.

— Ого, а за что?

— Ну, скажем так: ты совершишь огромную глупость, если наймешь его в няньки.

До маленькой школьной парковки они добрались менее чем за десять минут. Возле «Бентли» околачивались двое мальчишек, побросав на землю свои велокроссовые велосипеды, и смотрели на машину так, будто она прибыла с

другой планеты. Тот, что повыше, взглянул на Бриджит и Банни с нескрываемым разочарованием, после чего ударил своего сопливого земляка по затылку.

— Так и знал, что это не Канье[91], писька лживая!

Пол появился через десять минут — пошатываясь и весь в поту от быстрой ходьбы. Восстанавливая дыхание, он прислонился к машине.

— «Форд-Мондео», красный, ноль четыре джи семнадцать четыреста тридцать пять... номер сто сорок семь тридцать пять.

— Куда он поехал? — спросил Банни.

— Не знаю, — ответил Пол, после чего нервно добавил: — Я не видел, чтобы он садился в машину.

— Что?! Тогда какого хрена ты решил, что она вообще его?

— Ну он... вроде как возле нее стоял. Что машина его, можно было понять по языку тела и... — Пол смутился. — Какой-то старик зачем-то решил со мной поговорить.

— Зачем-то?! — воскликнул Банни. — Ты в сельской местности, городской пижон, здесь люди вежливые! Мама Мария и все святые! Я поручил тебе одно простое дело! Почему я все должен разгребать сам?

— А почему бы и нет? — отгрызнулся Пол.

— Потому что даже Джонни Кэрролл — хоть он и дуб дубом — все же узнает человека, когда-то сажавшего его в тюрьму. Нам еще повезло, что я выбрался из чертовой церкви незамеченным!

— Да пошел ты в свою грязную жопу, Банни!

На парковке воцарилось раздраженное молчание, когда оба мужчины прислонились к машине и уставились в разные стороны. Бриджит тяжело вздохнула: расследование явно будет непростым. Может, стоит вернуться на дорогу? Или еще раз прочесать город до полуденной мессы, или...

Вдруг Бриджит распахнула водительскую дверь и проворно запрыгнула внутрь.

— Если кому-то вдруг интересно, мимо только что проехал красный «Мондео».

Когда они вырулили на дорогу, «Мондео» уже скрылся из виду. Бриджит вдавила педаль газа в пол, чтобы, проехав три тревожных километра, вновь взять «Мондео» на прицел — как раз вовремя, чтобы заметить, что он поворачивает на перекрестке налево.

— Не подъезжай слишком близко.

— Но и не отставай далеко.

— Притормаживай...

— Так, чтобы это не бросилось в глаза.

— Заткнитесь вы оба! — не выдержала Бриджит. — Это не первая погоня в моей жизни!

На самом деле первая. Она имела в виду, что много раз видела погони по телевизору, но постеснялась сказать об этом прямо. Правда, она не помнила, чтобы кто-то успешно справлялся с уникальной проблемой незаметного преследования, когда на дороге нет других машин. К тому же непрерывные советы несколько портили напряженный момент. Джеймс Бонд уж точно не потерпел бы такую фигню.

Бриджит разогнала «Бентли» почти до сотки, когда «Мондео» скрылся за поворотом. Но, свернув за угол, ей пришлось срочно давить на тормоза, чтобы не въехать в него сзади. «Мондео» встал из-за трактора, который неспешно выползал из ворот, не обращая внимания на возможность движения других транспортных средств.

— Господи!

Сердце Бриджит бешено заколотилось, когда «Бентли» занесло на мокрых листьях и дотащило почти до бампера «Мондео». Краем глаза она заметила, что Банни резко улегся на заднем сиденье. Мужчина из церкви, сидевший в «Мондео», развернулся и посмотрел на Бриджит через плечо.

Внезапно между передними сиденьями просунулась рука Банни и ударила в клаксон. Раздался громкий гудок.

— Что за черт? — воскликнула Бриджит.

— Не смотри на меня, — рявкнул Банни. — Скорее покажи ему средние пальцы!

— Что?!

— Делай!

Пол послушно вскинул средние пальцы, получив в ответ энергичный жест, означавший «вот вы дебилы!». Человек на «Мондео» покачал головой и поехал вслед за трактором.

— Езжай, — скомандовал Банни.

— И что это было?

— Ни один баран, пытающийся кого-то преследовать, не станет показывать объекту наблюдения «факи» после того, как чуть не врезался ему в задницу. Теперь он будет считать, что вы парочка тупых идиотов из Дублина, не умеющих водить машину. И не подумает, что вы едете именно за ним. Идеально было бы, если бы вы сейчас еще и поругались.

— Ты водишь ужасно отвратительно, — сказал Пол с несколько большей искренностью, чем необходимо.

— Да как ты смеешь! Я пыталась угнаться за парнем, которого ты чуть не упустил!

— Отлично, — похвалил Банни. — Типа того.

Через восемьсот метров «Мондео» обогнал трактор и ускорился. Бриджит попыталась последовать его примеру, но по закону подлости именно в эту секунду два встречных автомобиля перекрыли им путь, а потом они достигли извилистого участка дороги, где обгон был невозможен.

— Мы его теряем!

В бессильном отчаянии Бриджит нажала на клаксон. Но все, чего добилась, — только непринужденного гудка от тракториста. Когда они оказались наконец на прямой, Бриджит резко бросила «Бентли» в обгон, едва разминувшись с ехавшим по встречке фургоном. Подъехав к перекрестку, они стали вертеть головами по сторонам, но «Мондео» нигде не было видно.

— Блин!

В отсутствие каких-либо ориентиров они проехали на три километра влево, но так и не обнаружили ни малейших следов преследуемой «дичи». Достигнув следующего перекрестка, Бриджит развернулась и помчалась обратно к тому месту, где они утратили «Мондео», а оттуда дальше — в противоположную сторону. Прошло десять минут с тех пор, как они видели его в последний раз. За это время он мог проехать полграфства.

Когда они миновали пару небольших боковых дорог, Пол вдруг треснул кулаком по приборной доске.

— ОСТАНОВИ МАШИНУ!

Бриджит так резко ударила по тормозам, что Банни чуть не перепорхнул на переднее сиденье.

— Едрить твою, женщина!

Пол повернулся в кресле с воодушевленным лицом.

— Там, в больнице, перед тем как Макнейр напал на меня, он бредил о смерти и так далее. Я решил, что это бессмысленная чепуха. В какой-то момент он спросил, верю ли я в рай или вроде того, а потом сказал, что знает, что ему туда не попасть.

— Если она продолжит так же хреново вести, то очень скоро мы к нему присоединимся!

Бриджит агрессивно шикнула на Банни, разглядев в глазах Пола огонь.

— Так вот. Он сказал, что окажется не в раю, а в другом месте — в паре метров под землей. Только он не говорил «под землей», как нормальные люди, он произнес «под скалой».

— И что? — спросила Бриджит.

Вместо ответа Пол показал рукой им за спину. Бриджит и Банни обернулись. У обочины стоял потрепанный и затертый деревянный почтовый ящик. На растрескавшейся выцветшей краске сбоку ящика было выцарапано слово: «Скала».

Глава сорок девятая

«Скала» оказалась довольно заурядным фермерским домом, построенным на вершине широкого скалистого выступа, окруженного со всех сторон полями. Дом, располагавшийся в восьмистах метрах от главной дороги, не соседствовал ни с какими другими зданиями, кроме пары заброшенных сарайчиков, сиротливо торчавших на одном из склонов холма. И если сама «Скала» казалась воплощением захолустья и навевала чувство безысходности и полового бессилия, то припаркованный рядом красный «Мондео» Пола невероятно возбудил. Он все-таки оказался прав!

С вечера прошлого четверга Пол все больше и больше запутывался в сложной паутине, сути которой он не понимал. Как бы то ни было, но единственная возможность получить ответы находилась в этом фермерском доме.

Свернув на боковую дорогу, они довольно быстро сообразили, что она не ведет никуда, кроме «Скалы». Узкий борин[92] был рассчитан только на одну машину, и даже так кусты шиповника цеплялись за бока медленно ехавшего по нему «Бентли». Бриджит остановила автомобиль у начала гравийной придомовой дорожки.

— Лучше убраться, пока он нас не увидел.

— И что будем делать? — спросил Пол.

— Думаю, нужно взять это место под наблюдение и попытаться выяснить, что происходит, — сказала Бриджит.

— Согласен.

— Ага, — подхватил Банни. — Пойду проверю эту гребаную пародию на ранчо, пока вы будете сидеть в полях, таращась в окна.

И прежде чем кто-либо успел ответить, Банни открыл заднюю дверь и вылез наружу.

— Что он делает? — спросила Бриджит. — Почему он открывает багажник? Зачем он вытаскивает хёрл? Куда он идет?

Пол посмотрел на нее.

— Ты спрашиваешь так, будто я что-то понимаю.

Банни прошагал мимо, небрежно покачивая хёрлом, и неторопливо пошел по гравийной дорожке.

— Наверное, это ответ на все твои вопросы.

— Мы должны с ним обсудить!

— Не смотри на меня так. Это ты решила его взять.

Пол вылез из машины и быстро пошел по дорожке, догоняя Банни. Через секунду к ним присоединилась Бриджит.

— Какой у нас план? — задыхаясь, выпалила она.

— План? — переспросил Банни. — Никакого плана нет. Хочу просто поздороваться со старым другом.

— Не нужно прибегать к насилию!

Банни повернулся и с удивлением посмотрел на Бриджит.

— Кому, мне? Ну ты даешь! Я же гребаный Махатма Ганди, только без дурацких пеленок.

— Гнида! — выпалил Пол.

Банни и Бриджит недоуменно обернулись.

— Довольно спорное мнение о Ганди.

— Я не... — смутившись, Пол кивнул в сторону ближайшего поля. На нем с воинственной скукой во взоре стоял осел. — Я их не очень люблю, — пояснил Пол.

Банни уже готов был позвонить в дверь, когда с обратной стороны дома донеслось пение. Гнусавый мужской голос безнадежно портил своим исполнением песню о том, как кто-то боролся с законом. Обойдя дом, троица увидела обладателя коричневой вошеной куртки, развешивавшего белье. Мужчина стоял к ним спиной, дергая головой, судорожно шевеля ногами и напевая песенку, которую слушал через наушники. Затем он сделал резкий разворот на триста шестьдесят градусов — мгновенно сбившись, когда в опасной близости от себя он вдруг обнаружил улыбавшегося Банни Макгэрри.

— Как дела, Джонни?

В спешке превратив вращение в спринт в противоположном направлении, Джонни Кэрролл перелетел через наполовину полную корзину белья и неуклюже уткнулся лицом в землю.

Банни посмотрел на Бриджит.

— Видишь, я его даже пальцем не тронул.

Кэрролл попытался уползти, но Банни спокойно взял его за шиворот и поставил на ноги. Айпод Джонни мягко упал на мокрую траву.

— Господи, Джонни, сколько суеты, чтобы поприветствовать старого друга! Если бы я плохо тебя знал, мне показалось бы, что ты не рад меня видеть.

Пол слышал выражение «глаза как у пойманного зверя», но до сего дня не очень представлял, что это значит на самом деле. Глаза Кэрролла вылезли из орбит и лихорадочно заматались по сторонам. Они разглядывали все, что не являлось Банни, и искали что угодно, что помогло бы от него убежать.

Банни прижал мужчину к задней стене дома.

— Последний раз я слышал о тебе, Джонни, восемь лет назад. Ты был тогда на условно-досрочном, и семья девочки безумно мечтала с тобой познакомиться. Ходили слухи, что им это удалось, поэтому ты и пропал. Как я рад, что ты жив и здоров!

— Я... как же... я не... кто... почему... это не... не надо... где...

— Отличные вопросы, Джонни! Успокойся, а то сам себе навредишь.

— Я думал, ей шестнадцать!

Небрежным жестом Банни поднял свой хёрл и положил мужчине на плечо.

— Ну-ну, Джонни, давай не будем повторять пройденное. Ты же знаешь, как это расстраивает Мэйбл. Ты ее еще помнишь?

Банни развернул бас хёрла, уперев в подбородок Кэрролла, и тот кивнул так живо, как только мог позволить себе в данных обстоятельствах. Банни давал своим клышкам имена. Причем до сих пор. Пол успел подзабыть эту маленькую традицию. Когда он играл в команде Святого Иуды, клышку тренера звали Саманта. Банни всегда предупреждал своих ребят, что любой из них, кого поймут на ограблении, отправится на свидание с очаровательной Самантой. Это шутка была из тех, которые не хотелось проверять на себе.

— Я поразился, когда увидел тебя на мессе, Джонни. Никак ты просил прощения за свои многочисленные грехи?

— Я стараюсь быть хорошим, Банни, честно. Я теперь на стороне добра.

— Ну разве это не чудесно? Ах если бы ты еще проявлял такую же преданность условиям досрочного освобождения!

— Я не виноват! — умоляюще произнес Кэрролл.

— Конечно же нет, — ответил Банни с насмешливым коркским акцентом. — Герри Фэллон сделал предложение, от которого ты не смог отказаться.

Глаза Кэрролла вылезли из орбит так, что Полу показалось, будто они сейчас взорвутся.

— Ты что, знаешь?

Банни спокойно улыбнулся.

— Я стою перед тобой, Джонни. Конечно, я все знаю. А ты решил, что это простой дружеский визит?

— Но Фэллон сказал...

Банни сильнее надавил хёрлом на горло Кэрролла.

— Задай себе вопрос, Джонни: кого ты боишься больше — Герри Фэллона потом или меня прямо здесь и сейчас?

Банни наклонился так, что его лицо оказалось в пяти сантиметрах от лица Кэрролла, заполнив все его поле зрения фирменным взглядом Макгэрри.

— Ну?

— Да-да, Банни, все, что захочешь. Он заставил меня сюда приехать, когда предыдущий умер и... Я здесь такой же пленник, как и все.

— Ну конечно! Уверен, служба надзора за условно освобожденными примет этот факт во внимание.

— Господи, пожалуйста, не надо! Я не могу вернуться. Меня убьют. — Кэрролл нервно облизнул губы, прежде чем продолжить. — Вы... вы хотите его увидеть?

Банни оглянулся на Бриджит и Пола, прежде чем вновь повернуть лицо к Кэрроллу.

— Конечно. Чего ради, по-твоему, мы сюда ехали?

Глава пятидесятая

Кэрролл вел их вниз по грубой лестнице к двум сараям у подножия холма, не переставая по дороге болтать. Банни, казалось, слушал его с огромным интересом, а Пол с Бриджит не хотели вмешиваться. Хорошо это или плохо, но теперь за дело решительно взялся Банни.

Судя по тому, что удалось понять Полу, Кэрролл жил здесь давно — около пяти лет. Ему разрешили покидать дом не дольше, чем на несколько часов. Время от времени его навещал сам Герри Фэллон. Кэрролл упомянул какие-то странные «особые» визиты, смысла которых Пол не уловил. Мужчина утверждал, что Фэллон угрожал что-то сделать с его любимой пожилой мамой и что это единственная причина, по которой он согласился в этом участвовать. В чем именно заключалось «это», Пол до сих пор не понимал, но обратил внимание,

что человеку, который якобы беспокоится о судьбе бедной старой матушки, даже в голову не пришло просить защиты у Банни.

Кэрролл привел их в сарайчик, пристроенный к скале, и включил одинокую голую лампочку, свисавшую с потолка. Пол не знал, чего ожидать, но, когда увидел пыльный завал из сломанной мебели и останков древних сельхозинструментов, испытал большое разочарование.

Голос Банни превратился в низкий предупреждающий рык:

— Надеюсь, мы не зря теряем время, Джонни.

Провожатый испуганно оглянулся.

— Не зря, клянусь. Одну секунду!

Он двинулся по узкому проходу к задней части сарая, где прямо у скалы стоял огромный деревянный шкаф. Затем он широко распахнул его и отдернул висевшую в глубине занавеску, за которой обнаружилась большая и явно толстая металлическая дверь, встроенная в скалу. На стальной раме возле нее располагалась электронная клавиатура, а под маленьким оконцем, больше похожим на иллюминатор, выцветшей желтой краской было написано слово «УБЕЖИЩЕ».

Пол по очереди посмотрел на Бриджит и Банни, увидев два одинаково ошеломленных лица.

— Ни хрена себе! — вырвалось у Бриджит.

Кэрролл нервно переминался с ноги на ногу.

— Ну да. Видимо, старик, которому принадлежал этот участок в шестидесятых, был слегка не в себе. Он верил, что янки и русские собираются взорвать всю планету на фиг, поэтому оборудовал убежище в пещере под семейной фермой. Не знаю, как об этом узнал Фэллон, но он выкупил ферму. — Кэрролл обвел взглядом лица гостей и вдруг встревожился. — Вы ведь знали об этом, да?

— Конечно, знали, — заверил его Банни. — Просто дверь впечатлила.

Кэрролл кивнул.

— Это да. Конечно, — он быстро набрал код на клавиатуре. Раздалось громкое шипение, за которым последовал щелчок. Затем толстая дверь автоматически распахнулась, явив длинную пещеру, спускающуюся вглубь скалы. Теперь, когда дверь оказалась полностью открыта, Пол увидел, что толщиной она была сантиметров пятнадцать. Тот фермер из шестидесятых, возможно, и был с большим «приветом», но на качественное оборудование явно не скупился.

Отступив в сторону, Кэрролл вытянул руку:

— После вас.

Банни указал на туннель клюшкой Мэйбл.

— О нет, любезный, после тебя. И еще, Джонни... — Банни похлопал рукой по хёрлу. — Никаких больше шуток, хорошо?

— Ладно, ладно! — ответил Кэрролл, как капризный подросток, которому велели идти в свою комнату.

Он повернулся к туннелю, нажал какую-то кнопку на стене, и цепочка маленьких галогенных ламп развеяла оранжевым светом тьму, явив покрытые влажной слизью стены пещеры.

Банни быстро наклонился вперед и ухватил Кэрролла за хвост из волос.

— Это еще зачем?! — раздраженно спросил Кэрролл.

— Не хочу тебя вновь потерять, Джонни. После того как с таким трудом обрел.

Кэрролл пробормотал себе что-то под нос и медленно пошел по туннелю, ведя за собой Банни.

Пол посмотрел на Бриджит.

— Надеюсь, там нет льва и колдуньи?

— Даже если есть, я уже ничему не удивлюсь.

Голос Кэрролла эхом прокатился по туннелю.

— Поторопитесь, а то...

С тихим скрипом толстая стальная дверь начала медленно двигаться.

Войдя внутрь, Бриджит и Пол понаблюдали за тем, как дверь за ними замкнулась.

— Она самозакрывающаяся, — пояснил Кэрролл. — Функция безопасности. Ну, знаете — если вдруг нападут зомби или типа того.

Пол кивнул. Звучит вполне логично.

Они стали спускаться в пещеру метров десять длиной, сужавшуюся по мере продвижения. В самом низу пришлось пойти гуськом. Возле ламп свисал зеленый мох, отраженным светом блестели вкрапления кварца. Пещера уходила в скалу под углом примерно в тридцать градусов, и Пол прикинул, что от фермы наверху их отделяет около двадцати метров каменной толщи. Чем ниже они спускались, тем более странные доносились звуки. Они эхом отражались от стен и смешивались с их собственными шагами, так что поначалу было трудно понять, что это вообще такое. А потом, когда они подобрались поближе, Пол решил, что уши, должно быть, играют с ним злую шутку. Этого быть не могло, но звуки очень походили на шум телевизионного футбольного матча. Повернув за угол, они прошли через другую стальную дверь, на этот раз открытую, и оказались в еще одной пещере размером примерно шесть на шесть метров. Единственным источником света в ней служил большой экран

телевизора, прикрепленного к дальней стене. И он действительно показывал яркие футбольные моменты.

Пол не считал себя футбольным фанатом, но насколько мог судить, демонстрировалось классическое манчестерское дерби[93]. Он оглядел пещеру в мерцающем свете телевизора. В углу стояла кровать, а рядом с ней – таз и большое ведро. Вдоль стен тянулись полки с сотнями видеокассет, в просвете между которыми висел потрепанный выцветший плакат. На плакате была изображена блондинка с внушительной грудью, выпяченной на всеобщее обозрение. Пол видел ее в одном из выпусков шоу «Я помню восьмидесятые» и был почти уверен, что ее зовут Саманта Фокс[94]. Перед мисс Фокс и ее привлекательными помощницами стоял тренажер для кросс-тренинга. В дальнем правом углу комнаты Пол разглядел еще одну стальную дверь в скале, только плотно закрытую. Резко пахло освежителем воздуха. Но даже ему не удавалось до конца заглушить запах сырости и совсем неприятное зловоние, которое исходило, как понял Пол, из ведра в углу. В центре комнаты – спинкой к ним и лицом к телевизору – стоял старый вытертый диван. Впрочем, несмотря на непривлекательный вид и лишенную многих удобств обстановку, Полу доводилось видеть квартиры и похуже.

Протянув руку, Кэрролл щелкнул выключателем на стене. Вспыхнула гирлянда галогенных ламп – похожих на те, что освещали входной туннель. Сидевший на диване мужчина с длинными растрепанными каштановыми волосами радостно махнул рукой, даже не оглянувшись.

– Привет-привет, злой страшный Джон!

– Здорово, чувак, – ответил Кэрролл. – У тебя гости.

Мужчина испустил вопль и взвился на месте. Вскочив на диване, он уставился на них с открытым ртом. Если он и выглядел потрясенным, когда увидел их, то это было ничто по сравнению с тем, как ошеломленно глядели на него они. Кем бы ни был этот бедолага, но он мог служить убедительной рекламой важности доступа к солнечному свету и стоматологии. Если мысленно убрать клочковатую длинную бороду и тридцать лет физического износа, то Пол решил бы, что они смотрят на Фиахру Фэллона. Он даже был почти уверен в том, что это он, но тот факт, что мужчина возбужденно подпрыгивал на диване, оставаясь в буквальном смысле голым, несколько мешал сосредоточиться.

– Фиахра! – сказал Кэрролл. – О чем мы договаривались? Надень штаны!

Мужчина подскочил к кровати и стал быстро натягивать штаны от спортивного костюма, время от времени хлопая в ладоши.

– Да, да, конечно, Джонни, Джончик, «Джонни-би-гуд»!

Пол заметил цепочку на запястье мужчины, другой конец которой был прочно прикреплен к стене. Он мог свободно ходить по комнате, но не дальше ее пределов.

Фиахра перестал хлопать в ладоши и взволнованно посмотрел на Кэрролла.

– А они... особые гости?

— Ага, — рассеянно ответил Кэрролл. — Если будешь хорошо себя вести.

Фиакра принялся танцевать по кругу, не обращая внимания на удерживавшую его цепь и производя впечатление счастливейшего человека, которого когда-либо доводилось видеть Полу. Он то и дело поглядывал на гостей, после чего с безумным ликованием хихикал себе под нос и возбужденно хлопал в ладоши.

— Спасибо, Герри, старший брат Герри, лучший друг Герри!! — затем Фиакра остановился, и с лица его впервые исчезла улыбка. — А где Герри?

— Все в порядке, — ответила Бриджит тихим голосом. — Его здесь нет.

Они все отпрянули назад, когда раздался вдруг пронзительный визг — словно мучительный крик раненого животного. Фиакра юркнул в уголок позади тренажера и весь съежился.

— Не... н-н-нет! Нельзя принимать гостей, когда нет Герри. Это очень плохо, очень плохо, очень плохо, плохо, плохо!!

Кэрролл сердито взглянул на потрясенную Бриджит. Затем медленно пошел к Фиакре, разговаривая с ним мягким, успокаивающим голосом:

— Все нормально, Фиакра, он едет. Герри уже в пути. Все в порядке, он не будет на тебя злиться.

— Нет Герри — нет гостей!

— Я знаю, знаю.

Кэрролл придвинулся к нему поближе, не переставая говорить успокаивающим тоном. Бедняга еще крепче прижался к тренажеру.

Банни, Бриджит и Пол по-прежнему топтались у дверей.

— Что это за гребаная, блядь, чертовщина? Зачем Фэллону держать в плену собственного брата?

Они посмотрели друг на друга.

— Понятия не имею, — ответила Бриджит. — Вот бедняга! Он, кажется, совсем сошел с ума.

Пол поймал себя на том, что не может смотреть на Фиакру.

— Может, они поссорились или типа того?

— На тридцать гребаных лет? — спросил Банни. — Господи, Поли, я думал, только ты настолько злопамятен.

— Блин! — воскликнула Бриджит. — Кэрролл!

Пол поднял голову, но заметил лишь захлопнувшуюся стальную дверь в дальнем конце комнаты. Подбежав к ней, Пол подергал за ручку, но дверь оказалась

заперта. Банни отодвинул Пола в сторону и толкнул дверь плечом. Безрезультатно. Тогда он заглянул в круглый иллюминатор.

— Ну-ка, Джонни, кончай валять дурака!

Внутри зажглась лампочка, осветив через иллюминатор лицо Банни.

— Здесь что-то вроде кладовки, — пояснил Банни, а затем вновь повысил голос: — Тебе не выбраться оттуда, Джонни. Не будь идиотом.

Банни стукнул несколько раз кулаком по стали. Но дверь была такой толстой, что не получилось даже нормального звука.

— Немедленно вылезай оттуда или, клянусь Богом, я вырву тебе яйца через твою гребаную глотку!

— Господи, Банни, — сказала Бриджит, — насилие — ваш ответ на все? Да он, наверное, даже не слышит через эту дверь.

— И то верно.

Банни стал переводить сложную серию затейливых угроз на язык пантомимы. Но единственным результатом стало то, что Фиакра вновь завыл.

— Герри разозлится, Герри разозлится, Герри разозлится!!

Пол пошел к нему, вытянув руки в примирительном жесте.

— Все в порядке. Не переживай. Мы просто играем в игру.

— В которой Кэрролл только что выиграл! — выкрикнул Банни. — Бляха-муха!

Пол повернулся к спутникам. Бриджит мрачно указала на иллюминатор двери кладовой.

— Он только что открыл люк и полез вверх по лестнице.

— Блин!

— Блин.

— Двойной блин с сиропом из говна!

Фиакра медленно выполз из-за тренажера. Затем бросился к дивану, схватил пульт от телевизора и отбежал обратно в угол. Пол, Бриджит и Банни проводили его недоуменными взглядами.

Фиакра широко улыбнулся ртом, в котором осталось не больше десятка зубов.

— Чур я выбираю, что будем смотреть!

Глава пятьдесят первая

— Господи, ну здесь и вонь! — проворчал Банни, расхаживавший туда-сюда по пещере со ставшим бесполезным мобильником в руках.

— Это запах иронии!

Банни остановился и бросил сердитый взгляд на Пола, сидевшего вместе с Бриджит на полу у одной из стен. Фиакра уже занял свое место на диване, а его кровать производила не самое гигиеничное впечатление.

— На что ты намекаешь?

— Догадайся сам, Коломбо, и ради Бога, перестань размахивать телефоном. Под такой огромной скалой у тебя нет шансов поймать сигнал.

Бриджит посмотрела на потолок и тяжело вздохнула.

— Может, вы оба утомнитесь? Думаю, нам предстоит сидеть здесь довольно долго.

— Это еще мягко сказано, — ответил Пол. — Он смотрит футбольные матчи тридцатилетней давности.

Бриджит взглянула на Фиакру, который снова радостно тарашился в телевизор, кажется, решив игнорировать их присутствие.

— Тихо, — сказала Бриджит, — а то он снова расстроится.

Она вновь оглядела пещеру, в которой они сидели уже около часа. Им не понадобилось много времени, чтобы убедиться в том, о чем они и так уже догадались: третьего выхода не существовало, а главная дверь и дверь в кладовую оказались надежно заперты. На внутренней стороне основного входа обнаружилась клавиатура, но простой тест, проведенный Бриджит, показал, что она самоотключается после трех неудачных попыток ввести шестизначный код. Бриджит начала прикидывать, за сколько времени люди, работающие посменно, введут все возможные комбинации, но потом подумала, что код могут в любой момент изменить с той стороны.

— Как думаешь, именно здесь они держали Сару-Джейн Крэнстон? — спросила она, понизив голос.

— Наверное, — ответил Пол. — Лучшего укрытия и не придумаешь. Даже если полиция нагрянет в дом, каковы шансы, что они найдут это место? Но я все равно не понимаю, что происходит. А ты?

Бриджит покачала головой.

— Книга Брофи — чушь собачья.

— Ага. А потом выяснится, что и в Оффали живут не очень сексуальные вампиры.

Бриджит слабо улыбнулась. Ни один из них не решался говорить вслух неприятную правду о создавшемся положении. Никто во внешнем мире не знал, где они находятся, а Фиахра был живым доказательством того, что «Скала» — отличное место, чтобы исчезнуть здесь навсегда. Совершенно случайно они угодили в любимую клетку Герри Фэллона.

Бриджит встала и отряхнула руки.

— Ты что задумала?

— Хочу попробовать узнать хоть что-нибудь полезное, — ответила она, кивнув в сторону дивана.

Пол скорчил лицо.

— Желаю удачи.

Бриджит повернулась и медленно пошла к дивану, стараясь не попадаться на глаза Фиахре, чтобы не спугнуть. Наконец он все-таки ее заметил, но, бросив подозрительный взгляд, продолжил смотреть телевизор. Подойдя поближе, она получила возможность разглядеть его получше — учитывая, что теперь он сидел более или менее неподвижно. Кожа Фиахры была болезненно бледной, вокруг глаз темнели круги. Обгрызенные ногти кровили, а руки, лежавшие на коленях, машинально чесали друг друга. Бриджит знала, что сейчас ему, должно быть, пятьдесят четыре или пятьдесят пять лет, но выглядел он так, словно полностью вышел за рамки нормального процесса старения. На его теле не было обычных для такого возраста морщин, правда отдельные участки кожи казались шелушащимися и пятнистыми. В целом он отличался худобой, но не такой худобой, которая возникает от недоедания.

— Привет, Фиахра, — тихо сказала Бриджит.

— Мне нельзя разговаривать с незнакомыми людьми, — ответил он, не отрывая взгляда от экрана.

— Окей. Меня зовут Бриджит Конрой, и я медсестра. Вот — теперь мы познакомились.

— Без Герри не пускают гостей — никогда-никогда!

— Все в порядке. Герри — мой хороший друг.

Фиахра взглянул на нее настороженно, но ничего не сказал.

Бриджит решила сменить тактику.

— Получается, ты большой футбольный фанат?

Фиахра несколько раз кивнул и принялся раскачиваться взад-вперед, указывая на экран телевизора.

— Да, да, да. «Юнайтед» — моя команда. Лучшая команда в мире, — он вдруг запел: — Чемпио-оны! Чемпио-оны! Оле-е! Оле-оле-оле! — и тут же глупо захихикал.

Бриджит придвинулась чуть ближе, положив руку на подлокотник дивана.

— А кто твой любимый игрок?

— Руни, Руни, Руни! Я знаю всю его статистику, спроси о чем угодно!

Лицо Фиахры засветилось от возбуждения.

— Хм... Сколько голов он забил?

— В этом сезоне или вообще?

— Вообще.

— В целом или только в Премьер-лиге, Кубке Англии, Кубке лиги, Лиге чемпионов или на международных турнирах?

— В... Кубке лиги.

— Семь в двадцати двух матчах — пять за «Юнайтед» и два за «Эвертон».

— Ого, ты действительно разбираешься. Не возражаешь, если я присяду?

Фиахра посмотрел на нее, затем на место рядом с собой.

— Это свободная страна, — ответил он, хихикнув.

Бриджит не поняла, шутит он или нет.

Медленно сев, она оглядела комнату.

— Какое у тебя тут милое местечко.

— Ага, здесь все мое, полностью! Но для всех места не хватит. Так что тебе придется спать со мной в одной постели! — Фиахра снова хихикнул.

Бриджит попыталась улыбнуться ему в ответ.

— Ты давно здесь?

— О да, о-о-очень давно, только... я не совсем здесь.

— Не здесь?

— Ага. Я в Америке с Сарой-Джейн Крэнстон, — он произнес это имя нарочито помпезным тоном. — Мы как Ромео с Джульеттой. О нас даже собираются снять фильм! — он заговорщически склонился к ней, заставив ощутить кисломолочный запах своего дыхания. — Говорят, Колин Фаррелл проявил интерес.

Фиахра постучал себя пальцем по носу и вернулся к просмотру телевизора.

— Тебе здесь одиноко?

— Уже нет. С тех пор, как у меня появился «Скай Спортс»[95]. Мне нравится Джонни, он разрешает смотреть спорт. Он был электриком когда-то, и таким же — ха-ха! — и остался.

— Это хорошо.

— Ага. Джонни намного лучше старого злого Боба. Который уже умер.

Фиакра отвернулся и уставился в пол. Бриджит понятия не имела, о чем он думает и думает ли вообще. Возможно, за годы изоляции его мысли запутались так, что превратились в ничто. Вдруг он поднял на нее свои большие проникновенные глаза. И где-то там, в глубине этих глаз, она сумела разглядеть поблекший мерцающий взгляд кинозвезды, похороненный тридцатью годами немыслимо жестокого обращения.

Фиакра заговорил тихим голосом, из которого вдруг исчезли неприятно-визгливые нотки:

— Ты... будешь моим особым гостем?

Бриджит ласково похлопала его по колену:

— Ну конечно.

И тут он на нее набросился.

Звякнула цепь, костлявые руки сомкнулись на горле Бриджит. Длинные тонкие пальцы Фиакры обвились вокруг ее шеи, лицо превратилось в маску безумной ярости. В одно мгновение Бриджит оказалась прижата к дивану, ее руки понапрасну царапали тонкие, но полные крепких мышц предплечья Фиакры. Она ощущала давление на дыхательные пути, зловоние его рта, видела глядевшие на нее безумные глаза, наполненные жадой крови. В поле зрения поплыли маленькие амебы света...

Хёрл с размаху врезался в лицо Фиакры. Он слетел с Бриджит так же быстро, как напал. Она услышала, как он отползает в угол с животным воем. Задышающаяся Бриджит упала на потертый ковер перед телевизором, в ушах гудела кровь.

Пол рухнул на колени рядом с ней и обхватил руками ее лицо.

— Ты не пострадала?

Она качнула головой, растирая руками горло и чувствуя, как сильно дрожат ее пальцы.

— Иди сюда, псина обосранная...

Бриджит обернулась и увидела Банни с Мэйбл в руках, стоявшего над Фиакрой, который опять прятался за тренажером.

— Не надо! — прохрипела она.

Банни взглянул на нее, потом опять на Фиакру, всем своим видом выразив сомнение. Каждая клеточка его существа явно противилась желанию Бриджит.

— Не надо! — повторила она более твердо.

Банни поднял хёрл над головой.

Позади вдруг раздался металлический щелчок.

— Не надо.

Все обернулись и увидели Герри Фэллона, стоявшего в дверях с пистолетом в руке.

— Не надо.

Глава пятьдесят вторая

Второй раз за сутки Пол смотрел в дуло пистолета. Его возросший опыт знакомства с этим ощущением еще не привел к безразличию. Но по-настоящему пугало не оружие. А лицо за ним. Даже глаза. Один взгляд в глаза Герри Фэллона — и все о нем становилось ясно. В этих глазах не было ни страха, ни сомнения, ни беспокойства — одна холодная звериная уверенность. Он сделает все, что сочтет нужным, и даже не станет тратить время на раздумья.

За спиной Фэллона маячило лицо, слишком хорошо знакомое Полу. Вернее, не само лицо, а его выражение. Шакалья ухмылка Джонни Кэрролла была привычна ему с детства. Он видел ее на лицах десятков мелких пронырливых детей, стоявших за спинами всех хулиганов-переростков, с которыми ему когда-либо доводилось сталкиваться на улице. Воспоминание вызвало ощущение вкуса крови во рту. Большинство людей говорят, что терпеть не могут хулиганов. Но в данный момент Пол осознал, что по-настоящему ненавидит ту шпану, которая торчит за спинами плохишей, сияя от радости, что в этот раз докопались не до них.

Тот факт, что Кэрролл тоже держал пистолет, не имел особого значения. Чтобы убить их, вполне хватит одного Фэллона.

Взгляд Герри был прикован к Банни, который все еще держал над головой клюшку, готовый ударить ею Фиакру.

— Брось хёрл.

— Зачем? — спросил Банни.

— Ты разве не заметил пистолет?

— Заметил. Но я должен поверить, что существует вероятность развития событий, которая не предусматривает моего убийства?

Фэллон пожал плечами.

— Нет.

— Тогда, если ты не против, я бы хотел вколотить в эту псину хоть немного хороших манер перед тем, как умру.

Фиакра заскулил, обхватив голову руками.

— Тогда сделаю по-другому, — сказал Фэллон, перенацеливая пистолет на Бриджит. — Только пальцем его тронь, и я выстрелю ей в живот. Сможешь понаблюдать, как она умирает. Медленно.

Банни перевел взгляд с Фэллона на Фиакру, потом на Бриджит и бросил хёрл на пол.

— Ну, если ты хочешь получить от этого максимум удовольствия...

Фэллон указал на дверь кладовой.

— Вы не могли бы встать вон там, пожалуйста?

Пока они, шаркая, вставали на указанное место, Фиакра выскочил из своего укрытия, звякнув цепью, и спрятался за спиной брата. Из его носа — кажется, искривленного после свидания с Мэйбл, — текла кровь. Фиакра попытался вытереть ее предплечьем, но лишь сильнее размазал по бороде. У Пола скрутило живот, когда он это увидел, и закружилась голова. Не смотри, сказал он себе. Сосредоточься на чем-нибудь другом. Оставайся в игре.

Фиакра пригнулся почти к самой земле и затеребил брата за штанину.

— Герри, Герри, я говорил, никаких гостей без Герри. Я говорил, говорил, разве не говорил? Я говорил!

Чтобы не смотреть на Фиакру, Пол сосредоточился на лице Герри Фэллона, поэтому заметил, с какой гримасой отвращения старший брат отодвинул ногу.

— Знаю, Фиакра, знаю.

— Я говорил, говорил.

— Всё в порядке.

— А они... — лицо Фиакры засияло, когда он улыбнулся им через всю комнату, — особые гости, Герри?

Фэллон долго смотрел на брата с непроницаемым выражением лица.

— Конечно.

Фиакра захлопал в ладоши и радостно завопил.

— Тихо! — рявкнул Фэллон.

Фиакра послушно приложил палец к губам и умолк, все еще светясь от детского восторга.

Фэллон повернулся к Кэрроллу.

— Выключи, — сказал он, кивнув в сторону телевизора. — И сходи за его вещами.

Кэрролл кивнул, не мешкая выключил телевизор и пошел по туннелю к выходу. Фэллон вновь посмотрел на брата.

— А ты приведи себя в порядок.

Фиакра подбежал к кровати и вытер лицо полотенцем, валявшимся возле раковины — к огромному облегчению Пола.

— Значит, вы двое и есть Малкроун и Конрой? Много о вас наслышан.

— Ага, — кивнул Пол. — Ящер Макнейр передавал тебе привет.

— Значит, он все-таки говорил?

Пол горько рассмеялся.

— Ты параноидальная сволочь. Он не сказал ни слова, по крайней мере ничего, что имело бы хоть какой-то смысл.

— Тогда как вы здесь оказались?

— По необходимости, — ответил Пол. — Если ты решил убить нас любой ценой, чтобы защитить свой маленький секрет, то единственный выход — узнать его до того, как ты нас найдешь.

— Понятно, — пожал плечами Фэллон. — Но что сделано, то сделано. Слезами горю не поможешь. Я не мог рисковать местонахождением брата.

Пол подпрыгнул от неожиданности, когда Банни вдруг расхохотался. Глаза Фэллона раздраженно сузились.

— Я сказал что-то смешное?

Банни вытер слезы с глаз.

— Ага, это охеренно смешно на самом деле. Я только что догадался. Действительно, волшебная сказка.

— Можешь попробовать нас просветить.

— Голлум действительно никогда не покидал страну, поскольку Сара-Джейн Крэнстон так и не вышла из этой комнаты, — Банни повернулся к Бриджит и Полу. — Читали сказки братьев Гримм? У них не бывает прекрасных принцев. Зато чудовищ хоть отбавляй — на любой вкус.

На секунду в пещере повисла тишина.

Фэллон посмотрел на брата, который спокойно сидел на кровати и таращился на выключенный экран телевизора, словно ничего вокруг не замечая.

— Он не виноват, — сказал Фэллон. — Мы с раннего возраста поняли, кто он такой, — в смысле я и мама. Наше с ним детство нельзя было назвать счастливым, но... Вначале были животные. Он творил с ними разные мерзости. Мама пыталась с ним говорить, я воспитывал силой. Ничего не помогло. Темная сторона оказалась сильнее. Но вы же знаете, какими бывают матери: она никак не могла принять его таким, какой он есть. Мы думали, он перерастет это, особенно когда повзрослеет и на него начнут вешаться женщины. В какой-то степени так и случилось, просто иначе. Произошел один... инцидент, после которого мне пришлось отправить его в Глазго[96]. Я даже позаботился, чтобы ему оказали помощь, но...

— Он все проебал, и твои друзья вернули психбольного обратно, — закончил за него Банни.

— Ага, — кивнул Фэллон. — Восточно-европейская проститутка. К счастью, ее смерть никого особо не взволновала.

— Ага, — согласился Банни с горечью в голосе. — Какое счастье, когда все удачно складывается.

Фэллон продолжил рассказ, совершенно проигнорировав замечание Банни:

— Мы с Ящером занимались подготовкой к передаче выкупа, думая, что Фиахра сам справится с заложницей. К тому времени он пару лет прожил без срывов, ничего не вытворяя, — Фэллон взглянул на брата с отвращением. — Ящер вернулся первым и увидел ее... Вернее, то, что от нее осталось. И тут же подался в бега.

— Сообразительный парень, — сказал Банни. — Ты бы убил его не моргнув, чтобы прикрыть свое маленькое чудовище.

— Ну, ты же знаешь, как говорят, — ответил Фэллон, — «семья есть семья». То, что он связался с нами, ничего не меняло. В детстве были только мы с братом и наша мама. А я пообещал ей, что буду о нем заботиться. Я не мог этого изменить, как ты понимаешь... но он зашел слишком далеко и стал опасен. Ему нельзя было позволить выйти в мир. Он бы обязательно совершил такое еще раз, и тогда бы все выплыло наружу. Я бы утонул вместе с ним, и это убило бы нашу мать.

Господи, подумал Пол, почему все преступные психопаты так любят своих милых старушек-мамочек?

— Значит, — сказал Банни, — ты запер маленького уродца здесь и придумал историю для отвлечения внимания.

— А «Заложница любви», — подхватила Бриджит, — результат наваленной кучи дерьма.

В этот раз рассмеялся Фэллон.

— Ага. Я рассказал Брофи основу, он придумал остальное. Видите ли, он кое-что нарыл самостоятельно, поэтому я выдал ему эксклюзивную историю в обмен на сотрудничество — конечно, нагнав на лошка страху. А ведь наша маленькая сказка действительно понравилась публике, да?

— Говорят, Колин Фаррелл проявил интерес, — вмешался Фиакра, не отрывая взгляда от собственных пальцев.

Взглянув на Бриджит, Пол увидел, что она тоже на него смотрит. Кажется, оба подумали об одном и том же: несчастный старик в горах Уиклоу, ведущий одинокую жизнь в большой доме, так и умрет в неведении.

— А ты молодец, — сказал Банни. — Быстро оправился от первой неудачи и сделал отличную карьеру в области криминального паскудства. В этой стране нет ни одного героинового передоза, к которому ты бы не имел отношения.

— Ох, избавь меня от мелочного морализаторства. Разве не ты вчера скинул собственного начальника с третьего этажа?

Пол посмотрел на Банни.

— Эй, это что, была не шутка? Ты действительно кого-то выбросил из окна?

Банни сердито взглянул на него в ответ.

— Да нет же! Он уже был снаружи, я просто уронил его с балкона.

— А, ну это совсем другое дело!

— Имей в виду, именно эта крыса сливала вон той мрази все, что о вас узнавала полиция. А еще опекала его тридцать лет подряд.

Фэллон ухмыльнулся.

— Ну, скорее двадцать пять. Великий Финтан О'Рурк стал настоящей удачей. Как только мы нашли друг друга, наша маленькая команда стала успешно сотрудничать, к радости всех заинтересованных сторон.

— Ага. А еще он помогал следить, чтобы никто не приблизился к твоему секрету.

— Я сказал ему, что у меня здесь «распределительный центр». У него хватило ума не интересоваться подробностями. Я доверял ему, вернее, знал, как он ценит свою жопу, а он понимал, что у меня хватит сил прибить ее к стене, — Фэллон покачал головой и ухмыльнулся так, словно делился приятными для него воспоминаниями. — Вначале он не особо осторожничал в грязных делах. Никто не ведет себя так тупо, как самоуверенные умники.

— И все это время, — добавил Пол, — ты скрывал под скалой мерзкую семейную тайну. Гадая, когда она тебе вылезет боком.

— Честно говоря, после первых нескольких лет я уже не особо переживал. Единственное, я не ожидал, что у Ящера не хватит ума оставаться мертвым до конца.

— Ну, знаешь, — сказал Банни, — к концу жизни многие становятся сентиментальными.

В дверях появился Кэрролл со спортивной сумкой в одной руке и пистолетом в другой. Увидев его, Фиахра возбужденно заулыбался.

— Сейчас вы как раз в таком положении, — заметил Фэллон.

— Я только что понял еще кое-что, — сказал Банни, глядя на Кэрролла. — Главный секрет легенды о Герри Фэллоне: почему люди, с которыми он не сходилась во взглядах, всегда бесследно исчезали.

Фэллон, казалось, слегка смутился.

— Ну, если я не могу решить маленькую проблему Фиахры, то ее хотя бы можно эффективно использовать. За эти годы у него побывало немало особых гостей для угощения. В этих полях зарыто чертовски много трупов.

Ну вот и все. Нельзя сказать, что это стало сюрпризом. Пол знал, что произойдет, но старался об этом не думать. Они все умрут здесь, и, скорее всего, не быстро. Они станут игрушками в руках чудовища, погребенного под «Скалой». Не самый веселый способ уйти в мир иной.

Пол не знал, действительно ли перед смертью должна пролетать перед глазами вся жизнь, но с огромной долей кристальной ясности такой момент настал.

— Перед тем как произойдет то, что... должно произойти, мы можем с ней перекинуться парой слов наедине? — спросил он, указав на Бриджит.

— У меня тут что-то вроде расписания, — ответил Фэллон. — Что бы ты ни хотел сказать, говори сейчас. Не надо никаких перешептываний.

Пол посмотрел на Бриджит. Она нервно улыбнулась ему в ответ. Ужас, который просыпался в нем, он наблюдал и в ней. А еще он видел, как она борется с этим чувством; как пытается контролировать ситуацию и не позволяет ей контролировать себя.

— Та... — он оглянулся на четырех мужчин, наблюдавших за ними, — та партия в «Риск», которую мы сыграли пару вечеров назад...

Бриджит, кажется, смутилась.

— Та, которую мы так и не закончили...

Она смутилась еще больше, а потом покраснела, когда до нее дошло.

— Я хочу, чтобы ты знала: я действительно хотел доиграть...

— Ничего страшного. Ты просто устал.

— Нет, я не про это... Я испугался, потому что слишком сильно хотел выиграть, ну ты понимаешь...

Бриджит кивнула, и в комнате надолго воцарилась тишина.

— Они что, говорят о сексе? — не выдержал Банни.

Пол покраснел и уставился в пол.

— Господи, Банни!

— Какой мудака называет это «Риском»? — изумился Кэрролл.

— Ну-ка заткнись на хуй! — рыкнул Банни, указав на него пальцем. — С твоими художествами давно понятно, что романтика — это не твое.

Фиакра хихикнул, и Банни тут же указал на него.

— А что касается тебя...

Фиакра отпрянул. Банни стал озирать комнату, не находя слов, пока его взгляд не остановился на плакате с Самантой Фокс.

— Она стала лесбиянкой!

Фиакра в шоке уставился на плакат, его большие глаза вновь наполнились невинностью.

— А значит, ей абсолютно не интересна твоя маленькая маньячная пиписька!

— Вообще-то, — вмешалась Бриджит, — это не входит даже в первую пятерку причин, по которым женщины им бы не заинтересовались.

Банни кивнул.

— Верное замечание.

— Хватит! — твердо сказал Фэллон.

— Ну да, — произнес Пол. — У тебя же расписание. И при этом... ты доехал сюда ужасно быстро, да?

— Заткнись.

Пол продолжил говорить, глядя уже не на Фэллона, а на стоявшего за его спиной Кэрролла:

— Ты запер своего брата на тридцать лет, чтобы защитить себя. Ты убил дочь Макнейра, чтобы защитить себя. Ты пытался убить нас — несколько раз подряд, — чтобы защитить себя. И даже если Джонни позвонил тебе сразу после того, как нас запер, ты, должно быть, уже был на полпути из Дублина.

Фэллон навел пистолет на Пола.

— Вы трое любите сотрясать воздух, как я погляжу. Если вы такие умные, то почему вы тут?

— Потому что, — ответила Бриджит, глядя на Пола, — мы «незакрепленные концы», а ты больше всего на свете их ненавидишь.

— Совершенно верно, — добавил Банни. — Эти двое бегают и болтают без умолку. Теперь и не поймешь, кто что знает. Джинн вырвался из чертовой бутылки.

Пол, Бриджит и Банни теперь втроем смотрели на Кэрролла, чьи крысиные глазки дико бегали, а пистолет нервно дрожал в руке. Пол догадался, что Кэрролл не отличался великим умом, но в этом и не было особой необходимости.

Повернулся к Кэрроллу и Фэллон.

— Не обращай внимания на этих идиотов. Все это полная чушь. Ты получишь деньги и сегодня же вылетишь в Австралию.

Кэрролл нервно кивнул. Фэллон посмотрел на него, затем вздохнул, принимая решение, и дважды выстрелил ему в живот. Фиахра взвыл, когда Кэрролл с потрясенным выражением лица упал в туннель, выронив из безвольной руки пистолет.

Пол и Бриджит испуганно попятились. Банни двинулся вперед, но был тут же остановлен направленным на него пистолетом Фэллона.

— Ну вот, — проворчал Фэллон, — теперь мне придется самому рыть ямы.

Он поднял упавшее оружие Кэрролла, прежде чем взглянуть на своего, по-видимому, уже бывшего подручного. Кэрролл поднял глаза с жалким видом собаки, которую ударили, по ее мнению, незаслуженно. Сквозь прижатые к животу руки сочилась кровь.

Комната вокруг Пола закружилась. Он оперся руками о стену и закрыл глаза.

— Что за херня с ним происходит? — услышал он голос Банни.

— Заткнись! — огрызнулась Бриджит.

Фиахра всхлипнул.

— Джонни, Джонни, Джонни. Мой друг Джонни...

— Тихо! — прикрикнул Фэллон, сунув запасной ствол за ремень брюк. — Сейчас у меня нет времени слушать твой бред.

— Ага, — согласился Пол, глубоко подышав и открыв глаза, — ему нужно закрепить концы. Примерно так, как он закрепил тебя здесь на долгие годы.

— Но, конечно, он ни за что не причинит тебе вреда, Фиакра, — подхватила Бриджит. — Он обещал это вашей маме.

— Которая умерла в прошлом году, — закончил Банни.

Фиакра повернулся и посмотрел на брата. На лице его застыла гротескная маска недоверия.

— Ой, — сказал Пол. — Разве он тебе не говорил?

Фэллон шагнул вперед и нацелил пистолет на голову Банни, оскалив зубы. Банни понизил голос до шепота, эхом разнесшегося по комнате:

— У каждого есть свои слабости.

Фэллон вдруг дернулся назад. Его шею захлестнула цепь, прикрепленная к запястью брата. Левая рука Герри взлетела к горлу в попытке защититься, в то время как правая с пистолетом соткала в воздухе беспорядочный узор.

Бросившийся к ним Банни вскрикнул от боли и упал. Пуля попала в его правую ногу. Затем оба брата повалились на пол и стали по нему кататься. Захлебывающееся хрипение Герри сливалось со злобным рычанием младшего брата. Пол и Бриджит замерли на месте, не зная, что им делать. Фэллон несколько раз ударил рукоятью пистолета по голове брата, вызвав звериный яростный вой, но цепь несколько не ослабла. Фиакра вцепился в Герри изо всех сил, крепко обхватив ногами его талию. Грохнули еще два выстрела с многочисленными рикошетами от металла и камня. Пол пригнулся, когда одна из пуль свистнула возле уха.

Как только дерущиеся откатились в сторону, Бриджит метнулась к распростертому в туннеле Кэрроллу. Пол проследил за ней взглядом, но очень быстро отвел глаза, увидев, что она опустилась возле раненого на колени и положила руки на его окровавленную грудь. Он не мог понять, зачем она помогает врагу в такой момент. В Банни ведь тоже попали, и он был, ну... не таким уж врагом. Пол посмотрел на него. Кровь из раненой ноги безумного старого ублюдка размазывалась по истертому ковру возле дивана, поскольку он упорно полз к упавшему хёрлу.

Пол присел, услышав еще три выстрела, и почувствовал, как что-то укусило его за задницу. Пошатнувшись, он рефлекторно потянулся рукой к источнику боли. Ощувив влагу, Пол отглянулся и на собственной руке увидел кровь. Мир вокруг поплыл. Затем он дернулся назад, когда Герри Фэллон вдруг поднялся перед ним на дыбы с посиневшим, вздувшимся лицом и повисшим за спиной младшим братом. Всеми оставшимися зубами Фиакра впился в ухо Герри. Братья Фэллоны отпрянули назад, сильно ударившись о стену, затем еще раз и еще. И с каждым ударом по комнате разносился тошнотворный хруст. Затем Фиакра тяжело рухнул на пол. По стене к его скрюченному телу поползло длинное пятно темно-красной крови. Голова Фиакры выглядела некрасиво — вернее, то небольшое, что от нее осталось.

Герри сорвал цепочку с шеи и наклонился вперед, хватая ртом воздух.

Пол услышал металлический звон.

Наступило мгновение абсолютной тишины — клочочек совершенного покоя среди ярости и грома.

Ошеломленно посмотрев вниз, Пол увидел пистолет Герри у его левой ноги. Затем он поднял глаза и встретился взглядом с Фэллоном.

Герри Фэллон потянулся к поясу за оружием Кэрролла. Пол осознал, что не успеет, даже если тотчас бросится к пистолету, валявшемуся на полу. Он был слишком развинченным, слишком ошеломленным, слишком чертовски усталым.

— ПОЛИ!

Он повернулся на звук голоса Банни, чтобы увидеть изогнувшуюся дугой Мэйбл, которая летела прямо на него. Повинуясь чистому инстинкту, Пол ухватил за рукоять обеими руками и... махнул клюшкой с разворота.

Это было здорово.

Лучший ударный нападающий, которого когда-либо видело это поле.

Последнее, что он запомнил, — идеальный поцелуй Мэйбл, коснувшийся лица Герри Фэллона и заставивший его пошатнуться.

А потом настала тьма.

Глава пятьдесят третья

Больница Святой Екатерины, четвертый этаж, неонатальное отделение

Детектив-инспектор Джимми Стюарт находился под впечатлением.

— Ага, в какой-то момент стало очень страшно, босс.

— Могу себе представить.

— Но она изначально планировала домашние роды.

Стюарт кивнул. У него сложилось довольно твердое мнение о целесообразности подобных вещей, но на горьком опыте он научился держать свои мысли при себе. Кроме того, он сомневался, что Уилсон заметит его слова, даже если он напишет их четырехметровым фейерверком, поскольку глаза напарника были прикованы к маленькому крепышу по ту сторону стекла.

— В любом случае поздравляю. Ты отлично справился.

— Честно говоря, я поддался ее уговорам. Партнер по родам не брал трубку, и она наотрез отказалась ехать в больницу. В скорой помощи потом сказали, что роды начались раньше из-за стресса.

— Врач говорил, что у обоих все в порядке.

— Ага. Кажется, Нора — в смысле мисс Стокс — только недавно закемарила.

— Ты вытащил ребенка из дамы, Уилсон. После такого, я думаю, тебе уже можно обращаться к ней по имени.

Уилсон тихонечко постучал по стеклу и помахал рукой. Стюарт понимал, что на этом этапе жизни малыш вряд ли что-нибудь увидит, но у него не хватило духу сказать об этом Уилсону.

— Когда я думаю... — проговорил Уилсон, и Стюарт с тревогой заметил, что глаза напарника повлажнели. — Когда я думаю, что чуть не натворил, когда рассказал чертовой Дойл... а потом в офис к Норе пришел головорез, и...

— Ничего не случилось, — прервал его Стюарт. — Ты все исправил и выучил урок.

Уилсон решительно кивнул.

— Слава богу, не произошло ничего ужасного, — продолжил Стюарт. — На самом деле, ты отлично поработал. Ведь именно ты помог этому красавцу появиться на свет, верно?

Улыбаясь до ушей, Уилсон повернулся к Стюарту, но наткнулся на его настороженный взгляд.

— Только не вздумай принять это за повод для обнимашек, Уилсон.

— Да, шеф.

Больница Святой Екатерины, третий этаж, охраняемое отделение

Помощник комиссара Финтан О'Рурк сердито смотрел на изображение Девы Марии, висевшее на стене. Его жена сидела в кресле по другую сторону кровати, но между собой они не разговаривали, потому что она пыталась задавать вопросы, на которые он не хотел отвечать. Для человека с двумя сломанными ногами, раздробленной ключицей, сломанной рукой, тремя переломанными ребрами и пробитым легким ему пришлось уже ответить на слишком много вопросов. И вероятно, их будет еще больше. А теперь, когда жена сидела и читала журнал, купленный в больничном магазинчике, Финтана обожгла печальная мысль: его придурочный сын остался дома один и сейчас наверняка вытворяет бог знает что на его бильярдном столе.

Дверь широко распахнулась, и в палату решительно вошла комиссар Джейн Хоршем в сопровождении личного помощника, всегда следовавшего за ней по пятам. Исполнительного дурака даже не смущала та единственная фотография в газетах, на которой он несет ее сумочку.

Комиссар кивнула жене О'Рурка:

— Клэр.

— О, здравствуй, Дженни, — ответила Клэр, поднявшись так проворно, словно в палату зашла королевская особа.

— Буду краткой: Финтан, вы отстранены от работы на период расследования серьезных должностных преступлений по многочисленным обвинениям.

— С вами свяжется мой адвокат.

— Адвокат? В единственном числе? Господи, даже если половина этого дерьма подтвердится, Финтан, то тебе понадобится гораздо больше, чем один.

Больница Святой Екатерины, второй этаж

— Кажется, он приходит в себя... Да-да, он пытается что-то сказать.

Доктор Синха наклонился поближе, пытаясь разобраться, что говорит Пол. Затем выпрямился и с замешательством посмотрел на Бриджит.

— В чем дело? — спросила она.

— Хм...

— Ну?

— Он сказал: «Я знал, что она меня пристрелит».

— Господи боже мой! — раздраженно всплеснула руками Бриджит. — Я еще и в этом виновата! Да не стреляла я в него, хотя мне очень хотелось, — Бриджит подошла к противоположной стороне кровати. — Открой глаза, стонущий придурок.

— Сестра Конрой, — сказал доктор Синха, нервно переминаясь с ноги на ногу, — это не рекомендуется врачебными правилами.

— Поверьте, в данной ситуации это лучшее средство.

— Следите за ней, доктор, — хриплым голосом проговорил Пол. — У нее богатый опыт насилия.

Когда он открыл глаза, Бриджит изо всех сил старалась притвориться раздраженной, но получалось не очень искренне.

— С возвращением, мистер Малкроун. Вам только что сделали небольшую операцию по удалению пули из вашей...

— Задницы, — подсказала Бриджит.

— Да.

— Ну, — сонно пробормотал Пол. — Как мне уже известно, глутеус максимус — единственная мышца, в которую можно выстрелить без особых последствий.

Он слабо улыбнулся доктору Синхе.

— Кстати, — вспомнил Синха, — мне пришлось обновить швы на вашем плече. Вы что, играли в хёрлинг?

— Можно сказать и так.

— А еще я заново перевязал небольшую рану на голове. И мы сделали рентген вашей челюсти. Просто опухлость, никаких необратимых повреждений.

— Отлично.

— Но вам придется провести довольно много времени, сидя на резиновом кольце, а также может оказаться сложновато принимать ваннные процедуры, ибо...

— Док, — прервал Пол. — Мы можем немного позже поговорить о тех унижениях, которые мне предстоит вытерпеть?

Он многозначительно посмотрел на Бриджит. Доктор Синха покраснел.

— Безусловно. Я позволю... оставляю вас... и потом...

— Чудесно!

— Да.

Доктор Синха вышел, в спешке хлопнув дверью чуть громче, чем следовало.

Бриджит посмотрела на Пола и улыбнулась.

— Тебя привезли сюда на вертолете.

— Знаю. Наверное, было круто, да? Рана от того, что я ничего не увидел, пожалуй, самая болезненная. Как оно в целом?

— Одному богу известно, — ответила Бриджит, нервно поерзав. — По-видимому, полиция начала раскапывать окружающие «Скалу» поля. Кто-то из Гарди сказал, что, по их мнению, это будет самое большое место преступления в истории Ирландии. Бог знает, сколько трупов они там найдут.

— Ну, по крайней мере, в этом есть и наша заслуга.

— Это правда.

Бриджит и Пол пересеклись взглядами и смущенно отвели глаза. Потом снова посмотрели друг на друга.

Первым заговорил Пол:

— Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя неловко из-за...

— Чего?

— Ты знаешь, — сказал Пол.

— Нет, — покачала головой Бриджит. — Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Ну, я о всей этой истории — о том, как я завалил Фэллона и спас твою жизнь. Я не хочу, чтобы это стало долгом, за который ты никогда не рассчитаешься. Не надо становиться моей рабыней до конца моих дней. Это вовсе не обязательно.

— Очень благородно с твоей стороны, — торжественно кивнула Бриджит.

— Все нормально. Не такое уж великое дело. Я просто...

Не выдержав, Бриджит расхохоталась.

— Что за?..

— Какой же ты придурок! Это не ты спас мою жизнь, а я спасла твою.

— Но это же просто глупо!

— Напомни, где мы были.

— Ты знаешь, где мы были.

— Да, но, кажется, ты не очень понимаешь. Мы оказались в ловушке — в запертом бункере, о котором никто ничего не знал. Пока вы занимались избиениями и стрельбой друг в друга, как идиоты, я...

Пол закатил глаза, когда его осенило.

— Вот черт! Ты пошла к Кэрроллу и...

— Узнала код от двери до того, как единственный человек, который мог о нем рассказать, потерял сознание.

— Блин...

Бриджит радостно улыбнулась.

— А значит, я спасла жизни всех. Добро пожаловать в реальность!

Пол вдруг напрягся и попытался сесть.

— Эй-эй, полегче, приятель. Ты никуда не пойдешь.

— А где Банни? Он...

— С ним все было в порядке. Хотя... Одна из медсестер только что о нем говорила. Похоже, они его потеряли.

— ПОТЕРЯЛИ?

Увидев ужас на лице Пола, Бриджит успокаивающе протянула руки.

— Ты не так понял. С ним все нормально. Ну, не считая огнестрельного ранения в ногу. Я хотела сказать, что они не могут его найти.

Паб «Старый треугольник»

Перевернув страницу «Сандэй Ворлд», Эдди Джейкоб оглядел паб. Заведение было мертвее Джимми Сэвила[97] и примерно так же популярно. Впрочем, это был уже не его паб — благодаря неудачной игре в карты и паре скаковых лошадок, оказавшихся самодвижущимися собачьими консервами. В конечном счете Скиннер поступил гуманно: забрал паб, но оставил Эдди все его конечности и даже разрешил работать здесь менеджером. Платили ему не очень много, но, с другой стороны, он имел возможность спиваться бесплатно.

Заведение летело под откос с тех пор, как Скиннер стал использовать его в качестве базы для своих «прочих предприятий». Судя по бухгалтерской отчетности, паб грабили буквально ежедневно. Отмытые деньги текли отсюда рекой. Кроме того, приходилось мириться с сыном Скиннера по имени Джей-Джей, который каждый божий день торчал в угловой полукабинке в ожидании покупателей. Эдди старался не обращать на него внимания, но нужно быть абсолютно слепым, чтобы не видеть, как это накачанное чучело продает в туалетах паба больше таблеток, чем среднего размера аптека.

Внезапно дверь открылась, и в зал вошел хромающий мужчина в больничном халате и тапочках. Время от времени в паб заходили выпивохи из больницы через дорогу, но, как правило, это были или сотрудники, или навещающие, причем второй раз сюда никто не возвращался.

Но чтобы приходили пациенты — такое было впервые.

— А вам сюда можно? — спросил Эдди.

— Разве я не выгляжу достаточно взрослым? — проговорил мужчина с характерным коркским акцентом и прошаркал к табурету у стойки.

— Вы в курсе, что ваша задница выглядывает из-под этой штуки?

— Да ты что! А на улице как раз сильный ветер. Пара старушек, идущих домой с «Бинго»[98], только что узнали, насколько невыразительны их мужья. Пинту лучшего «Артура», пожалуйста, — сказал он, неуклюже взгромоздясь на табурет.

— Я серьезно: мне будут угрожать неприятности, если я вас обслужу?

— Не такие ужасные, как те, что будут, если не обслужишь. Детектив-сержант Банни Макгэрри, к вашим услугам. Мне просто нужен стаканчик пива, чтобы снять напряжение.

Мужчина одарил Эдди победной, как ему казалось, улыбкой. Но поскольку один глаз его сильно косил, улыбка превратилась в плотоядную ухмылку.

— Ты слышал его. Давай, вали отсюда.

Сердце Эдди упало. Он посмотрел в сторону Джей-Джея, решившего вмешаться. Мужчина в больничном халате даже не поднял головы. Меньше всего Эдди хотелось, чтобы Джей-Джей устроил разборку. Это плохо скажется на бизнесе — причем на всех уровнях.

— Твои деньги здесь не нужны, коп, — продолжил Джей-Джей.

— Как удачно. У меня их как раз и нет.

Эдди попытался отмахнуться от Джей-Джея, но качок лишь ухмыльнулся и неторопливо направился к мужчине. Эдди заметил, как увеличились прыщи Джей-Джея, и теперь вверх от шеи и по лицу тянулась сердитая красная полоса. Чертов стероидный идиот! Нет уж, Эдди не возьмет на себя вину. Он не виноват, что этот отморозок вечно ищет повод побузить. Если чокнутый в тапках действительно полицейский — ничего хорошего не жди.

Джей-Джей остановился за спиной мужчины, нависнув над ним во весь рост.

— Ну ни хуя себе! Ты тоже видишь эту морщинистую старую жопу?

— Я тебе вот что скажу, — произнес мужчина, по-прежнему обращаясь только к Эдди, — ощущение воздуха, обдувающего яички, необычайно окрыляет. Теперь я понимаю, почему шотландцам так нравятся килты.

Джей-Джей, недовольный тем, что его игнорируют, издал глухой рык. Затем наклонился к левому уху мужчины:

— Сам уйдешь или придется тебя заставить?

Для убедительности Джей-Джей положил огромную мясистую ладонь на его плечо.

— Да ладно тебе, Джей-Джей... — заговорил Эдди, но тут же осекся, когда Джей-Джей бросил на него злобный взгляд.

— Эй, ты же не станешь бить человека в очках? — вдруг спросил мужчина.

Джей-Джей на мгновение растерялся.

— На тебе нет очков.

Три следующих события случились так быстро, что Эдди пришлось потом их долго вспоминать, чтобы восстановить верную последовательность. Во-первых, локоть мужчины взметнулся вверх, а потом назад и с хрустом соприкоснулся с носом Джей-Джея. Из ноздрей Скиннера-младшего хлынула кровь, и он отшатнулся назад с круглыми от шока глазами. Затем вылетела нога в тапочке и, врезавшись в правую коленную чашечку Джей-Джея, свернула ее в обратном направлении, заставив парня взвыть от боли. Наконец, левая рука мужчины вытянулась, ухватила Джей-Джея за затылок и с силой ударила его головой по стойке, оставив в деревянной обшивке вмятину. Джей-Джей рухнул на пол.

Мужчина, по-прежнему сидевший на табурете, бросил взгляд на Джей-Джея, скрючившегося на полу скулящей кучей.

— Ой, извини. Не заметил тебя там, — затем он с улыбкой повернулся к Эдди.
— Так и что насчет пива?

Эпилог

Ворот не было видно, несмотря на то что о них упоминала Бриджит. Джимми обещал многострадальной миссис Стюарт, что они непременно поедут в отпуск, как только он выйдет на пенсию. Видит бог, какое ангельское терпение она проявила! Она даже согласилась на автомобильный вояж по Ирландии, а это значило, что он мог выполнить целых два обещания зараз.

Он снова посмотрел на машину. Его жена ничего не замечала, поскольку была слишком занята раздраженным размахиванием телефоном. Она пыталась найти через Гугл хорошее место, где можно пообедать, но сигнал в горах Уиклоу поймать не так-то просто.

Джимми Стюарт нажал на кнопку интеркома, и после небольшой паузы ему ответил холодный женский голос без акцента:

— Чем могу помочь?

— Меня зовут, э-э... — на мгновение он осекся. Что ж, рано или поздно придется к этому привыкать, — я бывший детектив-инспектор Джимми Стюарт из Национального бюро уголовных расследований. Бриджит Конрой просила меня заехать поговорить с мистером Крюгером...

Эпилог второй

Тирион 4.12.AX4 — защищенное серверное программное обеспечение.

Инициализация конфиденциального однорангового соединения.

Пожалуйста, подождите...

Соединение установлено.

CerburusAX: Здравствуйте.

RoyTheBoy07: Этот аккаунт закрыт.

CerburusAX: Здравствуйте, мистер Райан, мы ждали вас. Мы думали, вы приедете и привезете немного денег.

RoyTheBoy07: Вы меня с кем-то путаете.

CerburusAX: Майкл Райан, адвокат Герри Фэллона. Вы пользовались каналом связи бывших владельцев этого аккаунта по поручению вашего работодателя.

RoyTheBoy07: Работа недоделана. Контракт расторгнут.

CerburusAX: Вы не поняли, нам больше не нужны деньги. Нам нужна месть. Вы нарушили правила. Вы украли дочь нашего друга.

RoyTheBoy07: Она будет освобождена.

CerburusAX: Уже не требуется. Два часа назад она сидела в самолете на секретном аэродроме. Однако люди, охранявшие ее, теперь мертвы.

RoyTheBoy07: Это невозможно.

CerburusAX: Ха! Можете проверить, только побыстрее. Ваш рейс в Бахрейн вылетает через три часа, верно?

RoyTheBoy07: У меня есть деньги.

CerburusAX: Это хорошо, берегите их. Они вам понадобятся. Нам — нет. Мы даем вам двадцать четыре часа форы.

RoyTheBoy07: Чего вы хотите?

CerburusAX: Вас. Но, прошу вас, бегите. Мы хотим повеселиться. Видите ли, нас всего шестеро. И мы поспорили: кто первый отомстит за наших павших братьев, тот получит в награду голову лося.

RoyTheBoy07: Я не понимаю.

CerburusAX: Это очень хороший лось. Вы теряете время, которого у вас нет.

RoyTheBoy07: Пожалуйста, я очень жалею о случившемся.

SerburusAX: Пока нет, но обязательно пожалеешь. А теперь беги, поросенок, беги.

Эпилог третий

Жаннин посмотрела на неподвижное лицо мужчины, потом на гудящие и свистящие медицинские аппараты.

— Ну разве это не бесполезная трата денег?

Кэрол оторвалась от мытья полов.

— Что?

Жаннин махнула рукой вокруг себя.

— Вот это все. Сколько усилий, чтобы сохранить жизнь бесполезному куску говна!

Кэрол посмотрела на нее с ужасом.

— Жаннин! Я в шоке от того, что слышу. Каждая жизнь священна!

Жаннин выпрямила затекшую спину.

— Блин, я тебя умоляю! Мы часами чистим тут все за минимальную плату, а они тратят целое состояние, чтобы сохранить жизнь какому-то подонку. Ты что, газет не читаешь, Кэрол? Это же чертов Герри Фэллон! Уж смерть для этого наркоторговца была бы лучшим выходом.

Кэрол прислонила швабру к стене.

— То, что он в коме, еще не значит, что он тебя не слышит.

— Вот и хорошо! — Жаннин наклонилась к его лицу. — Торгующий смертью подонок, вот ты кто! Кстати, твой сын сейчас в тюрьме. Говорят, если ты когда-нибудь очнешься, то присоединишься к нему до конца своих паршивых дней.

Кэрол подошла к Жаннин и, положив ей руку на плечо, настойчиво зашептала:

— Жаннин, вспомни, что говорила сестра-хозяйка Бёрк: «Держитесь подальше от пациентов!»

— Не думаю, что она имела в виду его. Бля, да мы все по очереди должны ударить его палкой!

Жаннин повернулась и вышла из палаты, плотно закрыв за собой дверь.

Проследив за ней взглядом, Кэрол шагнула поближе к кровати. Затем склонилась над пациентом, источая запах лечебного шампуня, смешанного с ароматом духов «Майский ландыш» и вонью отбеливателя.

— Мне плевать, что о вас говорят. Я уверена, вы чудесный.

Стянув резиновую перчатку, Кэрол провела мозолистыми пальцами по его волосам. Затем еще раз посмотрела на дверь и запечатлела на губах Фэллона мокрый, пахнувший никотином поцелуй.

— Ой, помада осталась, — хихикнула она и протерла его рот тряпкой для уборки пыли. — Они не понимают, что происходит между нами. Тебе одиноко там, я знаю.

Кэрол достала транзисторный радиоприемник, поставила на прикроватную тумбочку и стала вертеть ручку настройки.

— Небольшая компания, чтобы не скучать. Я вернусь к тебе позже.

Когда она выкатила ведро из палаты и закрыла за собой дверь, звучащая по радио песня закончилась.

— «А я напоминаю, что вы слушаете радио девяносто четыре эфэм, вещающее на всю страну двадцать четыре часа в сутки!..»

Эпилог четвертый

Газета «Айриш таймс», 14 мая:

«...Несмотря на скромные продажи новой автобиографической книги “Заложница страха”, в которой писатель Марк Брофи признаётся в том, что был вынужден описывать вымышленную версию событий, связанных с печально известным делом “Рапунцель”, он утверждает, что уже получил предложение из Голливуда.

По слухам, сам Колин Фаррелл выразил интерес...»

* * *

notes

Примечания

1

Цитата из пьесы Кристофера Марло «Доктор Фаустус» 1604 года, приведенная в переводе Н. Н. Амосовой. Здесь и далее прим. пер.

2

Английская система мер и весов переведена в международную систему единиц.

3

Одно из общепринятых названий полиции Ирландии.

4

В оригинале это слово пишется Gardai.

5

Филсборо — один из городских районов Дублина.

6

В Ирландии левостороннее движение. Прим. ред.

7

Одно из наименований ирландских полицейских.

8

«Правило Миранды» (а не «Законы») — юридическое требование в США, согласно которому задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах прямо во время задержания.

9

Стадион в Дублине для проведения матчей по национальным видам спорта — гэльскому футболу и хёрлингу. Является крупнейшим в Ирландии.

10

Корк — второй по величине город Ирландии, расположенный на юго-западе страны.

11

Хёрлинг — командный вид спорта кельтского происхождения, относящийся к гэльским играм, в который играют деревянными клюшками и мячом (не путать с кёрлингом!).

12

Северный пригород Дублина.

13

Хёрл (или хёрли) — клюшка для игры в хёрлинг.

14

Имеется в виду Джеймс Мэйтленд Стюарт, известный под именем Джимми Стюарт (1908–1997) — американский киноактер, лауреат премии «Оскар» (1941) за лучшую мужскую роль в картине «Филадельфийская история».

15

Финглас — один из городских районов Дублина.

16

Тринити-колледж (или Колледж Святой Троицы) — название ряда учебных заведений в Великобритании и других англоязычных странах.

17

«Щит» (The Shield) — американский детективный сериал (2002–2008), повествующий о буднях ужасно коррумпированного полицейского отряда.

18

Джон Джозеф Лайдон, также известный как Джонни Гнилой (р. 1956), — британский рок-музыкант, фронтмен и основной автор песен панк-группы Sex Pistols.

19

Мистер Ти (имя при рождении Лоренс Тьюро, р. 1952) — американский актер и бывший рестлер. Благодаря ирокезу на голове и любви к золотым цепям стал одним из самых узнаваемых в мире чернокожих американцев.

20

Пол Дэвид Хьюсон (р. 1960), известный под псевдонимом Боно, — ирландский автор-исполнитель, музыкант и филантроп. Лид-вокалист рок-группы U2.

21

Роберт Фредерик Зион Гелдоф (р. 1951) — ирландский музыкант, актер и общественный деятель. Известен в качестве лидера ирландской панк-рок-группы The Boomtown Rats (распалась в 1986 году), а также как исполнитель главной роли в фильме «Стена» группы Pink Floyd.

22

Речь идет о так называемом «Ирландском феномене движущихся статуй», когда в 1985 году страну захлестнули многочисленные сообщения свидетелей, якобы

лично наблюдавших движения статуй и другие таинственные явления, связанные с Девой Марией и Иисусом Христом.

23

ИРА (Ирландская республиканская армия) — военизированная группировка, целью которой является полное отделение Северной Ирландии от Соединенного Королевства.

24

Джон Герберт Диллинджер (1903–1934) — американский преступник первой половины 1930-х годов, грабитель банков, враг народа номер 1 по классификации ФБР.

25

Хулиган, безобразник (ирл.).

26

Прогрессивный рок (прог-рок) — стиль рок-музыки, характеризующийся усложнением музыкальных форм и творческим обогащением рока академической музыкой, джазом, народной музыкой и авангардом. Зародился в конце 1960-х в Англии, достиг пика популярности в начале 1970-х, но в 1980-х пережил глубокий кризис идей и популярности.

27

Синти-поп (также известный как техно-поп) — популярный в 1980-х жанр электронной музыки, в котором доминирующим инструментом является синтезатор.

28

«Шин фейн» (ирл. букв. «Мы сами») — политическая организация, созданная в 1905 году для борьбы за освобождение Ирландии от колониального господства Великобритании; в настоящий момент является политическим крылом ИРА.

29

Крис де Бург, он же Кристофер Джон Дэвисон (р. 1948), — ирландский рок-музыкант и композитор, автор знаменитой песни The Lady in Red.

30

Эндрю Ллойд Уэббер (р. 1948) — британский композитор, автор множества популярных мюзиклов.

31

Керри — графство на юго-западе Ирландии.

32

Пилер — историческое прозвище ирландского полицейского.

33

Закон о минимальных ценах на алкоголь принят в Ирландии в 2018 году — через два года после первого издания романа.

34

Клондолкин — пригород Дублина, расположенный в 10 км западнее городского центра.

35

Уотерфорд — город на юге Ирландии.

36

«Гарда Шихана» (ирл. An Garda Síochána na hÉireann — «Стража мира Ирландии») — официальное название ирландской полиции.

37

Талла — пригород в Ирландии, административный центр графства Южный Дублин.

38

Лимерик — город-графство в Ирландии, крупный торговый и административный центр.

39

Голуэй — город и порт на западе Ирландии.

40

Элиот Несс (1903–1957) — специальный агент министерства финансов, которому удалось посадить в тюрьму Аль Капоне. Стал национальным героем Америки как принципиальный борец за справедливость.

41

Битва на Сомме (Британская империя и Французская Республика против Германской империи) — одна из крупнейших битв Первой мировой войны, в которой было убито и ранено более миллиона человек. Происходила с 1 июля по 18 ноября 1916 года по обоим берегам реки Соммы.

42

Bewley's — ирландская компания по производству горячих напитков, основанная в 1840 году в Дублине. Основная деятельность — производство чая, кофе и работа кафе.

43

Графтон-стрит — улица в центре Дублина, являющаяся одной из двух главных торговых улиц столицы Ирландии наряду с Генри-стрит.

44

Феникс-парк в Дублине — один из крупнейших в мире городских общедоступных парков. Помимо прочего, там располагаются резиденция президента Ирландии, особняк посла США, а также штаб-квартира национальной полиции.

45

О'Коннелл-стрит, или улица О'Коннелла, — важнейшая транспортная артерия Дублина, названная в честь Дэниэла О'Коннелла, национального лидера Ирландии первой половины XIX века. Вдоль улицы располагается большое число торговых центров и исторических зданий.

46

Запрещенная в России террористическая организация.

47

Raidio Teilifis Eireann (ирл. «Радио и телевидение Ирландии») — общественная телерадиокомпания Республики Ирландия.

48

99 Flake — очень популярный в Великобритании и Ирландии сорт мороженого. Представляет собой вафельный рожок с ванильным мороженым и утопленным в него шоколадным батончиком Cadbury Flake.

49

«Соседи» — австралийская мыльная опера, пользовавшаяся огромной популярностью в Великобритании в 1980–1990-х годах.

50

Сордс — самый большой по численности населенный пункт в пригороде Дублина.

51

Престон — город в Англии, административный центр графства Ланкашир.

52

PG Tips — популярная марка чая в Великобритании, производится компанией Unilever UK.

53

Хитрый койот (англ. Wile E. Coyote) — персонаж серии короткометражных мультфильмов Looney Tunes и Merrie Melodies — «Хитрый койот и Дорожный бегун».

54

Monster Munch — кукурузные снеки в форме веселых привидений, производимые компанией Walkers. Популярны среди детей в Великобритании и Ирландии.

55

Фил Спенсер и Кирсти Аллсопп — ведущие популярного телешоу о продаже недвижимости.

56

«Гранд Нэшенел» (англ. Grand National) — всемирно известные скачки с препятствиями, которые ежегодно проводятся в Англии на ипподроме в Эйнтри.

57

Владзю Валентино Либераче (1919–1987) — американский пианист, певец и шоумен. В 1950–1970-х годах — самый высокооплачиваемый артист в мире. Однажды выиграл судебное дело против таблоида The Daily Mirror,

заподозрившего музыканта в гомосексуализме. Позже выяснилось, что в то же самое время Либераче поддерживал отношения с мужчиной.

58

«Мир глазами Гарпа» (англ. The World According to Garp) – произведение американского писателя Джона Ирвинга, опубликованное в 1978 году. Роман стал бестселлером, удостоился престижной Национальной книжной премии (1980) и был экранизирован в 1982 году.

59

Патч Адамс (англ. Patch Adams), он же Целитель Адамс, – американский врач, общественный деятель и писатель. Более всего известен своей работой в качестве больничного клоуна и считается одним из создателей этого вида деятельности. Жизнь Адамса стала основой для биографического фильма «Целитель Адамс» (1998), в котором главную роль исполнил Робин Уильямс.

60

«Риск» – пошаговая стратегическая настольная игра (изобретенная в 1957 году), в которой участвует от двух до шести игроков. Стандартная версия играется на доске со стилизованной политической картой Земли наполеоновских времен, разделенной на 42 территории, которые сгруппированы в шесть континентов.

61

«Джин Рамми», или просто «джин», — карточная игра для двух игроков, придуманная в 1909 году. Играется стандартной колодой из 52 карт.

62

«Клудо» — настольная игра для трех — шести человек, изобретенная в 1944 году, в ходе которой имитируется расследование убийства.

63

«Джемми Доджерс» — британское песочное печенье с начинкой из джема.

64

Яффские пирожные — маленькие бисквиты, как правило с апельсиновым мармеладом, облитые сверху шоколадной глазурью.

65

«Знаменитая пятерка» — серия детских приключенческих романов, написанная английским автором Энид Блайтон в 1942–1963 годах. Романы повествуют о приключениях группы детей — Джулиана, Дика, Энн, Джорджины (Джордж) и их собаки Тимми.

66

В названии поп-рок-квартета обыгрывается слово monkeys, то есть «обезьяны».

67

«Лето любви» (англ. The Summer of Love) — лето 1967 года, когда в квартале Сан-Франциско под названием Хейт-Эшбери собралось около ста тысяч хиппи, создав тем самым уникальный феномен культурного, социального и политического бунта.

68

«Билборд» (англ. Billboard) — еженедельный американский журнал, посвященный музыкальной индустрии.

69

Simply Red (англ. «Просто Рыжий») — британская поп- и соул-группа, образованная в 1985 году. Название, вероятно, получила из-за цвета волос ее лидера Мика Хакнелла.

70

Речь идет о художественном фильме The Color Purple (1985), известном в России как «Цветы лиловые полей». Фильм снят по одноименному роману, который в русском переводе получил название «Цвет пурпурный».

71

Фервей — участок с травой средней длины, занимающий большую часть поля для гольфа.

72

Баллимун — экономически депрессивный спальный район Дублина.

73

Форбол (англ. Four-ball) — игра в гольф в формате 2 на 2, в которой, в отличие от форсома (англ. Foursome), каждый спортсмен играет своим мячом, а не одним общим на команду.

74

Брайан Джеральд О'Дрисколл (р. 1979) — ирландский профессиональный регбист, выступавший за ирландский клуб «Ленстер» и за сборную Ирландии, капитаном которой являлся в 2003–2012 годах. Считается одним из самых выдающихся регбистов в истории этого вида спорта.

75

Рафы (англ. Rough) — участки с высокой травой, расположенные справа и слева от фервеев. Мяч, попавший в раф, выбить гораздо сложнее.

76

«Бойзон» (англ. Boyzone) — ирландская мальчиковая поп-группа, которая за время своего существования (с 1993 по 2019 год) продала около 20 млн записей и шесть раз возглавляла национальный хит-парад Великобритании.

77

Грин (англ. Green) — участок с низкой травой, на котором расположена лунка.

78

Том Конти (р. 1941) — шотландский актер, театральный режиссер и писатель.

79

Нэнси Дрю — девушка-детектив, литературный и кинематографический персонаж, известный во многих странах мира. Впервые появилась в книге «Нэнси Дрю и тайна старых часов», опубликованной в 1930 году.

80

Горы Уиклоу — горный хребет на юго-востоке Ирландии, имеющий статус национального парка.

81

«Олл Блэкс» (англ. All Blacks — «полностью черные») — официальное прозвище сборной Новой Зеландии по регби.

82

Флипбук — маленькая книжечка с картинками, которая при перелистывании страниц создает видимость движения.

83

Пасхальное восстание — вооруженное антибританское восстание, организованное в Ирландии во время пасхальной недели в 1916 году.

84

«Где Уолли?» — серия детских книг, созданная британским художником Мартином Хендфордом. В них нужно найти определенного человека по имени Уолли на картинке, где изображено много других людей.

85

Город в Англии, в котором расположен престижный Даремский университет.

86

«Кельтский тигр» — экономический термин, используемый для обозначения резкого экономического роста Ирландии в период с 1996 по 2008 год (по аналогии с «азиатскими тиграми»).

87

Гэльская атлетическая ассоциация, или ГАА, — ирландская международная общественная организация, занимающаяся развитием и продвижением гэльских игр: хёрлинга, камоги, гэльского футбола, гэльского гандбола и раундерса (английской лапты), а также ирландской культуры в целом.

88

Шлитар — мяч для игры в хёрлинг.

89

Мейо — графство на западе Ирландии.

90

Каслбар — город в Ирландии, административный центр графства Мейо.

91

Канье Омари Уэст — американский рэпер, музыкальный продюсер, композитор и дизайнер. После свадьбы с Ким Кардашьян в 2014 году медовый месяц проводил в Ирландии, вызвав тем самым волну энтузиазма среди своих ирландских фанатов.

Борин (или бохерин) — узкая, часто немощеная сельская дорога в Ирландии.

«Манчестерское дерби», также известное как «манкунианское дерби», — название серии футбольных матчей между английскими клубами «Манчестер Сити» и «Манчестер Юнайтед».

Саманта Карен Фокс (р. 1966) — бывшая британская модель и певица жанра данс-поп.

Sky Sports — самый популярный платный спортивный телеканал в Великобритании и Ирландии.

Глазго — крупнейший город Шотландии.

97

Сэр Джеймс Уилсон Винсент «Джимми» Сэвил (1926–2011) — британский диджей, телеведущий и благотворитель. Был известен как ведущий детской программы Jim'll Fix It на Би-би-си и музыкального чарта Top of the Pops. После смерти Сэвила разразился скандал, связанный с открывшимися множественными случаями сексуального насилия и домогательств с его стороны, в том числе в отношении несовершеннолетних.

98

Американская разновидность лото, популярная в англоязычных странах. Считается игрой пожилых людей, в основном женщин.